ДРЕВНОСТИ СЕВЕРНОГО ПРИЧЕРНОМОРЬЯ, КАВКАЗА И СРЕДНЕЙ АЗИИ:

от открытий Н. И. Веселовского к современной науке

1

1848–1918

RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
INSTITUTE FOR THE HISTORY OF MATERIAL CULTURE
THE STATE HERMITAGE MUSEUM
SAINT PETERSBURG STATE UNIVERSITY

ANTIQUITIES OF THE NORTHERN BLACK SEA REGION, THE CAUCASUS AND CENTRAL ASIA: from Nikolay I. Veselovsky's discoveries to current studies

Proceedings of the International conference dedicated
to the 175th anniversary of Nikolay Ivanovich Veselovsky (1848–1918)

St. Petersburg
2024

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ЭРМИТАЖ

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

ДРЕВНОСТИ СЕВЕРНОГО ПРИЧЕРНОМОРЬЯ, КАВКАЗА И СРЕДНЕЙ АЗИИ:

от открытий Н. И. Веселовского к современной науке

Материалы международной научной конференции,
посвященной 175-летию Николая Ивановича Веселовского (1848–1918)

Санкт-Петербург
2024

УДК 902/904
ББК 63.4

Утверждено к печати Ученым советом ИИМК РАН
Approved for print by the Academic Council of the Institute for the History of Material Culture of the RAS

Переводы Е. О. Стоянов
Translations Evgeniy O. Stoyanov

Рецензенты:
д-р ист. наук Ю. А. Виноградов (ИИМК РАН)
канд. ист. наук В. А. Алёкшин (ИИМК РАН)
Reviewers:
Yuriy A. Vinogradov, Dr. of Hist. Sci. (Institute for the History of Material Culture of the RAS)
Vadim A. Alekshin, Cand. of Hist. Sci. (Institute for the History of Material Culture of the RAS)

Древности Северного Причерноморья, Кавказа и Средней Азии: от открытий Н. И. Веселовского к современной науке: Материалы международной научной конференции, посвященной 175-летию Николая Ивановича Веселовского (1848–1918) / Отв. ред.: М. Т. Кашуба, М. В. Медведева, Е. О. Стоянов. — Санкт-Петербург: ИИМК РАН, 2024. — 216 с.: ил.

Antiquities of the Northern Black Sea region, the Caucasus and Central Asia: from Nikolay I. Veselovsky's discoveries to current studies: Proceedings of the International conference dedicated to the 175th anniversary of Nikolay I. Veselovsky (1848–1918) / Ed. by Maya T. Kashuba, Maria V. Medvedeva, Evgeniy O. Stoyanov. — St. Petersburg: Institute for the History of Material Culture of the RAS, 2024. — 216 p.: ill.

ISBN 978-5-6050962-0-7

Сборник материалов Международной научной конференции, посвященной 175-летию Н. И. Веселовского (1848–1918), крупнейшего российского археолога и востоковеда (26–28 февраля 2024 года, Санкт-Петербург, Россия), включает публикации, тематика которых в полной мере отражает широкий спектр научных интересов и достижений ученого. Выход сборника также приурочен к 300-летию Российской академии наук, членом-корреспондентом которой являлся Веселовский. Среди затрагиваемых авторами проблем — научное наследие Н. И. Веселовского; история и современное развитие археологической науки; археологические памятники и культуры Северного Причерноморья, Кавказа и Средней Азии от эпохи бронзы до средневековья; предметы древней материальной культуры в музейных собраниях; межкультурные взаимодействия и формирование культурного пространства древних обществ.

Сборник предназначен для археологов, этнографов, искусствоведов, историков, студентов и всех интересующихся археологией, древней и средневековой историей Восточной Европы, Кавказа и Центральной Азии.

The collection of papers of the International conference dedicated to the 175th anniversary of Nikolay I. Veselovsky (1848–1918), a prominent Russian archaeologist and orientalist (February 26–28, 2024, St. Petersburg, Russia), contains articles, the themes of which completely reflect the wide range of research interests and achievements of the scholar. The publication is also timed to coincide with the 300th anniversary of the Russian Academy of Sciences, of which Veselovsky was a corresponding member. Among the problems touched upon by the authors are the academic heritage of Veselovsky; the history and current state of archaeology; archaeological sites and cultures of the Northern Black Sea region, the Caucasus and Central Asia from the Bronze Age to the Middle Ages; ancient artifacts in museum collections; intercultural interactions and the shaping of cultural space of ancient societies.

The collection is addressed to archaeologists, ethnographers, historians, students as well as to everyone interested in archaeology, ancient and medieval history of Eastern Europe, the Caucasus and Central Asia.

Подготовка и издание сборника выполнены при финансовой поддержке РНФ (проект № 22-18-00187, https://rscf.ru/project/22-18-00187/ «Неопубликованная "Карта по археологии Причерноморья" И. В. Фабрициус (архивные документы, междисциплинарные исследования, современные интерпретации)» в ИИМК РАН.

В оформлении обложки использована фотография детали украшения из комплекса разрушенного кургана в ст. Крымская (покупка Н. И. Веселовского в 1895 г.; реставрация выполнена С. Г. Буршневой, Государственный Эрмитаж). Фотография В. С. Теребенина, 2023

The cover design features a photograph of a jewellery fragment from the complex of the destroyed burial mound in stanitsa Krymskaya (purchased by Nikolay I. Veselovsky in 1895; restored by Svetlana G. Burshneva, The State Hermitage Museum). Photo by Vladimir S. Terebenin, 2023

ISBN 978-5-6050962-0-7
DOI: 10.31600/978-5-6050962-0-7

Содержание

Скифский мир и античное Причерноморье

Центральная Азия в древности

Причерноморье, Кавказ и Центральная Азия: от средневековья к Новому времени

Contents

The Scythian world and the ancient Northern Black Sea Region

Central Asia in Antiquity

The Black Sea Region, the Caucasus and Central Asia: from the Middle Ages to the Early Modern Times

Предисловие ответственных редакторов

24 (12 — по старому стилю) ноября 2023 г. исполнилось 175 лет со дня рождения выдающегося русского археолога и востоковеда, исследователя древностей Средней Азии, Крыма, Кавказа и Приднепровья — Николая Ивановича Веселовского (1848–1918).

Выпускник и затем многолетний преподаватель Восточного факультета Петербургского университета, ученик выдающегося ориенталиста В. В. Григорьева и его преемник на кафедре истории Востока, Веселовский был ярким представителем «героического» периода российского востоковедения, когда один ученый охватывал своими трудами самые различные дисциплины и направления, многие из них создавая с нуля.

Вступление Веселовского в науку совпало с завершением присоединения Средней Азии Российской империей, что во многом предопределило направление его научных изысканий. Выпускное студенческое сочинение о податях и повинностях в Монгольской империи (1873) и магистерская диссертация «Очерк историко-географических сведений о Хивинском ханстве от древнейших времен до настоящего» (1877) положили начало его исследованиям по истории народов Центральной Азии и Поволжья (включая кочевников евразийских степей), а также их связей с Российским государством.

Сохраняя верность этому направлению до конца дней, Веселовский — и это одна из главных его черт — постоянно расширял сферу своих научных интересов. Поворотным пунктом здесь стала его годичная командировка в Туркестан (1884–1885) от Императорской археологической комиссии (ИАК), ознаменовавшая превращение Веселовского из «чистого» историка-востоковеда в одного из крупнейших археологов своего времени. За короткий срок им были исследованы здесь как памятники древности (именно Веселовский начал раскопки знаменитого городища Афрасиаб), так и шедевры средневекового зодчества. В результате, по справедливому замечанию В. В. Бартольда, «археологическое изучение Туркестана впервые было поставлено на правильную почву».

С 1889 г., вновь по поручению ИАК, Веселовский начал археологические работы в Таврической губернии, а с 1894 г. — на Кубани, где за 24 полевых сезона им было раскопано около 500 курганов. Именно эти работы принесли Веселовскому всемирную славу: с его именем связано исследование таких выдающихся причерноморских древностей, как Майкопский курган, Келермесские курганы, курганы Солоха и Огуз, курганы у ст. Елизаветинская и многие другие.

Помимо широты и разнообразия научных интересов, Веселовского отличали исключительная работоспособность и трудолюбие: по подсчетам Б. В. Фармаковского, он провел 29 полевых сезонов — факт почти беспримерный и свидетельствующий о необыкновенной настойчивости и энергии ученого. При этом Веселовский до конца дней совмещал полевую работу с преподавательской и административной деятельностью. С 1878 г. он преподавал на Восточном факультете (в 1884 г. Веселовский стал профессором, в 1903 г. — заслуженным профессором Петербургского университета). С 1892 г. он также преподавал в Археологическом институте, который возглавил в 1917 г. В 1881 г. Веселовский стал членом-сотрудником, в 1892 г. — действительным членом Русского археологического общества, а с 1908 г. — управляющим его Восточным отделением. Помимо этого, Веселовский — сверхштатный (1892) и старший (1895) член ИАК, председатель разряда военной археологии и археографии Императорского Русского военно-исторического общества (с 1909 г.), помощник председательствующего в отделении этнографии Русского географического общества (1887–1910). Наконец, в 1914 г. он был избран членом-корреспондентом Императорской академии наук. На всех этих должностях Веселовский трудился с полной самоотдачей: «Редкой и ценной <…> чертой была его исключительная преданность долгу. Николай Иванович не допускал для себя никакой синекуры <…>

Для него не существовало права, хотя бы почетного, без обязанностей», — подчеркивал В. В. Бартольд.

Уже современники, даже отмечая изъяны и слабые стороны работ Веселовского (недостаточное знание восточных языков, уязвимость для критики его методов раскопок), признавали его колоссальный вклад в развитие востоковедения, археологической науки и музейного дела. Столетие, прошедшее после смерти ученого, не поколебало этой высокой оценки. Тем удивительнее тот факт, что до сих пор не было проведено ни одного научного мероприятия, посвященного памяти Веселовского и осмыслению его наследия.

Международная конференция «Древности Северного Причерноморья, Кавказа и Средней Азии: от открытий Н. И. Веселовского к современной науке», проводимая Институтом истории материальной культуры РАН совместно с Государственным Эрмитажем и Санкт-Петербургским государственным университетом 26–28 февраля 2024 г., призвана заполнить эту лакуну и — в знаменательный год 300-летия Российской академии наук — отдать долг памяти одному из выдающихся ученых, составивших своими трудами ее славу.

Сборник материалов конференции, который вы держите в руках, дает наглядное представление о проблематике форума, отражающей весь спектр научных интересов его эпонима. Открывает сборник традиционный в таких случаях раздел, посвященный обзору научной деятельности Веселовского и его вкладу в различные области археологии и востоковедения, а также публикации не изданных ранее фрагментов его научного и эпистолярного наследия. Хочется верить, что этот внушительный по объему архивный материал (только в Научном архиве ИИМК РАН фонд Н. И. Веселовского содержит 521 дело) будет в ближайшем будущем введен в научный оборот и позволит в полной мере оценить значение деятельности Веселовского для отечественной и мировой науки.

В следующих разделах сборника представлены публикации, отражающие новейшие достижения и разработки российских и зарубежных археологов по тем направлениям, которые неразрывно связаны с именем Веселовского (а в ряде случаев — созданы его трудами): это эпоха раннего металла Восточной Европы и Кавказа, скифский мир и античное Причерноморье, древности Центральной Азии, а также проблемы археологии Причерноморья, Кавказа и Центральной Азии средневековья и Нового времени. И завершает сборник чрезвычайно разнообразный по содержанию блок, посвященный музейным коллекциям, истории их формирования и новым интерпретациям артефактов.

Несомненно, представленные здесь материалы далеко не исчерпывают заявленной проблематики. У нас есть все основания надеяться, что эта конференция станет первой в ряду регулярных научных форумов в честь Н. И. Веселовского, которые должны объединить в плодотворном диалоге специалистов самых разных отраслей археологии, востоковедения, музееведения и других научных дисциплин, неразрывно связанных с именем выдающегося ученого.

М. Т. Кашуба, М. В. Медведева, Е. О. Стоянов

НАУЧНОЕ И ДОКУМЕНТАЛЬНОЕ НАСЛЕДИЕ Н. И. ВЕСЕЛОВСКОГО

От Афрасиаба к скифскому золоту (о методологии и полевой методике Н. И. Веселовского)[1]

И. Л. Тихонов[2]

Аннотация. *Путь Н. И. Веселовского в археологии, которую он считал отдельной от истории дисциплиной, начался с изучения древностей Средней Азии, что было напрямую связано с его основными научными интересами, но отсутствие ярких и эффектных находок побудило его переключиться на исследование курганов Северного Причерноморья и Кубани. Раскопки нередко велись двумя бригадами рабочих одновременно в разных местах в отсутствие самого Веселовского. Это приводило к снижению уровня полевых исследований и фиксации находок, но устраивало руководство Археологической комиссии, так как позволяло спасти для науки памятники, которым грозило разрушение грабителями.*

Ключевые слова: *Н. И. Веселовский, археология, курганы, методы раскопок, Императорская археологическая комиссия*

https://doi.org/10.31600/978-5-6050962-0-7.13-17

Став в ноябре 1881 г. членом-сотрудником РАО, Н. И. Веселовский 20 апреля 1882 г. на заседании Отделения этнографии внес предложение о сборе сведений о древних городах Туркестанского края и представил проект программы для местных собирателей (Журнал…, 1882. С. 79). Поэтому неудивительно, что, когда в Императорской археологической комиссии (далее — ИАК) встал вопрос о командировке специалиста-ориенталиста в Среднюю Азию, выбор пал на него.

Непосредственно с полевой археологией Н. И. Веселовский столкнулся только в конце 1884 г., когда отправился по заданию ИАК в Туркестан. Судя по всему, никакого опыта археологических исследований до этого времени у него не было. Привлечь его к деятельности комиссии, скорее всего, мог ее старший член В. Г. Тизенгаузен. Поездка оказалась очень удачной: в Ферганской долине у кишлака Ашт Веселовский впервые исследовал курумы — погребальные курганы с каменной насыпью; севернее, в бассейне Сырдарьи осмотрел серию городищ, на которых провел небольшие раскопки (*Икромов*, 2012; *Кожа, Байсариева*, 2016). В апреле 1885 г. он приступил к раскопкам на Афрасиабе, которые проводились до сентября.

Археологию профессор Н. И. Веселовский трактовал как особую дисциплину, хотя и связанную с историей, но отличную от нее: «Обыкновенно думают, что археология служит помощницей (как бы служанкой) других наук, преимущественно истории <…>, что совершенно несправедливо и для дела, безусловно, вредно». Археология для Николая Ивановича сводилась исключительно к изучению предметов древности «со стороны их формы (сюда входит и содержание), стиля и техники» (НА ИИМК РАН. РО. Ф. 18. Оп. 1. Д. 17. Л. 1). Подобными взглядами объясняется столь странный

1 Работа выполнена при поддержке гранта РНФ+СПбНФ № 23-28-10296 «Санкт-Петербургский университет — центр подготовки элиты российского общества (1819–1917)».

2 Игорь Львович Тихонов — Санкт-Петербургский государственный университет, Менделеевская линия, д. 5, Санкт-Петербург, 199034, Российская Федерация; e-mail: I.Tikhonov@spbu.ru;
ORCID: 0000-0001-8489-7772.

факт, что, являясь одним из наиболее заметных исследователей скифских курганов, он в своих лекциях об истории кочевников на факультете восточных языков Санкт-Петербургского университета вообще не упоминал об археологических памятниках, ограничиваясь разбором письменных источников (*Тихонов*, 2003. С. 91). Более того, В. В. Бартольд, ссылаясь на собственный опыт, указывал, что Веселовский даже предостерегал оставленных при кафедре истории Востока от увлечения археологией, чтобы археологические разыскания не помешали их научным трудам в области ориенталистики (*Бартольд*, 1977б. С. 663). Подводя итог деятельности своего предшественника, Василий Владимирович писал: «Движение русской науки во многих отношениях пойдет иными путями, чем пути, которыми шел Николай Иванович. Успехи науки неразрывно связаны со специализацией и с переходом от экстенсивной работы к интенсивной; представление об археологии как самостоятельной науке все более уступает место представлению об археологии как неразрывной части общей исторической науки» (*Бартольд*, 1977а. С. 647).

Начав путь в археологии с исследования древностей Туркестана, Веселовский, казалось, мог бы совместить страсть к раскопкам со своими основными научными интересами — историей Средней Азии. Уместным здесь будет сравнение с В. Г. Тизенгаузеном, также начинавшим с раскопок золотоордынских памятников, но, поскольку они не приносили ярких и эффектных находок, переключившимся на раскопки курганов Северного Причерноморья (*Тихонов*, 2007. С. 240). В 1886 г. Веселовский был избран членом-корреспондентом ИАК. На следующий год комиссия поручила ему обследование двух городищ на Дону вблизи станицы Цимлянской и раскопки курганов в Бердянском уезде. Одно из этих городищ (Левобережное) было хазарской крепостью Саркел, хорошо известной по письменным источникам. Проведя здесь разведку в течение трех дней, Веселовский обнаружил только остатки кирпичной стены, бусы, медный крестик, две византийские монеты и пришел к выводу о бесперспективности дальнейших раскопок. Курганы сулили более богатые находки, и он полностью переключается на них.

В 1889–1893 гг. работы велись в Таврической губернии, а с 1894 по 1917 г. — и на территории Кубанской области, где было раскопано более 500 курганов. Ежегодно ИАК выделяла Н. И. Веселовскому от 3 до 4 тысяч рублей. Столь значительных сумм от ИАК не получал регулярно в течение длительного времени ни один исследователь. Для сравнения можно указать, что подобная же сумма тратилась на раскопки в Керчи и Ольвии, а большая (6 тысяч рублей) — только на Херсонес. Веселовский пользовался полным доверием председателя комиссии графа А. А. Бобринского, который после отставки не сработавшихся с новым руководителем Н. П. Кондакова и И. И. Толстого был заинтересован в привлечении к работе комиссии авторитетного ученого-ориенталиста, профессора столичного университета. В 1892 г. Веселовский был назначен сверхштатным членом комиссии, а в 1895 г. — старшим членом.

Основным приемом, который применял Веселовский при раскопках больших курганов, была «глухая траншея», идущая от полы к центру насыпи **(рис. 1)**. Главной задачей при этом оставался поиск гробницы в кургане. Впрочем, в то время таков был общепринятый метод раскопок больших курганных насыпей. Но даже при его использовании, например, И. Е. Забелин снимал последовательно пласты земли в траншее, наблюдая за конструкцией насыпи, тогда как Веселовский предпочитал обрушивать глыбы земли, ускоряя продвижение к центру кургана (см.: *Полин*, 2011. С. 208). В первую очередь его привлекали курганы скифской и последующих эпох, поскольку, в отличие от более ранних «погребений с окрашенными костяками», именно они сулили богатую добычу.

Уровень и качество полевых исследований Веселовского вызывали сомнение уже у современников: так, М. И. Ростовцев настоятельно советовал графу А. А. Бобринскому потребовать проводить раскопки кургана Солоха на снос всей насыпи. А. П. Манцевич, специально изучавшая комплекс Солохи, неоднократно указывала, что описания, чертежи и рисунки графа Бобринского, бывшего на раскопках всего два дня, во многом дополняют отчеты автора раскопок — Веселовского, исследовавшего это курган в течение трех полевых сезонов (см.: *Манцевич*, 1987. С. 15, 18, 20–25).

Большинство современных исследователей отмечает невысокое качество полевой документации и отчетов Веселовского. Л. К. Галанина в своей работе о Келермесских курганах, указывая на отсутствие разрезов насыпи, профилей могильных ям, слишком суммарные описания, отмечала, «что Н. И. Веселовский, опытный полевой исследователь, небрежно относился к такой важной стороне археологической практики, как документальная фиксация картины раскопок» (*Галанина*, 2006. С. 30). Авторы главы об исследованиях памятников на Кавказе и Предавказье в юбилейном издании по истории ИАК, отдавая

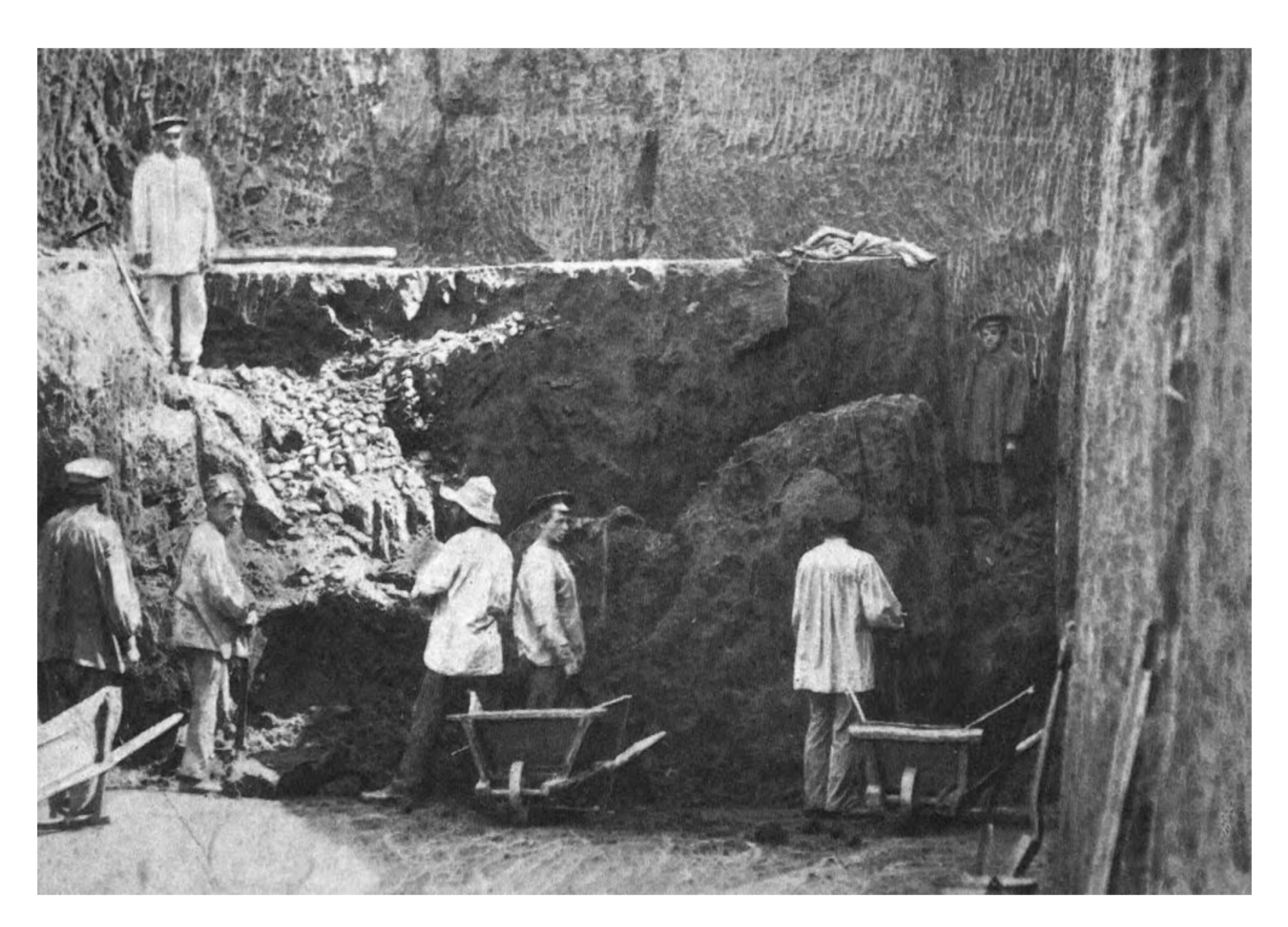

Рис. 1. Раскопки Н. И. Веселовского в Таврической губ. 1899 г.
Fig. 1. Nikolay I. Veselovsky's excavations in the Taurida governarate. 1899

должное Веселовскому как первооткрывателю уникальных археологических комплексов, приходят к выводу, что его открытия «во многом оказались обесценены низким уровнем полевой фиксации и небрежным отношением к артефактам бытового уровня» (см.: *Рысин, Стеганцева*, 2019. С. 1024).

При этом Веселовский отлично знал основные принципы научных раскопок и учил им своих слушателей в Археологическом институте: «Всякая раскопка погребальных сооружений есть в то же время разрушение их без возможности восстановления разрушенного. Отсюда понятно, что нужно дать самое точное описание произведенных работ и сделанных находок, чтобы по данному писанию всякий мог в своем воображении восстановить картину, виденную археологом. Отсюда необходимо приложить к описанию чертежи, рисунки, фотографии. Без описания получится сумбур, сбор вещей, в которых разобраться очень трудно. Для описания работ надо вести дневники или журнал, куда можно заносить все что угодно, свои вопросы, представления, сомнения, пожалуй, впечатления, но надо помнить, что это только черновик, из которого надо составить стройный отчет <…>. Лучше вносить в дневник больше подробностей, хотя бы мелочи, например, в каком положении лежал гвоздь, чем делать упущения. Из лишнего можно извлечь нужное, а из умолчания ничего не вернешь. И так, если работа не описана, она обращается в простую добычу вещей, в кладоискательство — занятие вредное во всех отношениях» (НА ИИМК РАН. РО. Ф. 18. Оп. 1. Д. 15. Л. 7–7об.).

В первые годы раскопок в Северном Причерноморье Веселовский более тщательно фиксировал и описывал «бедные» погребения бронзового века, однако в дальнейшем в его отчетах начинают встречаться фразы типа «стали попадаться черепки сосудов медного века и костяки с темнобурой охрой без вещей, т. е. обнаружились признаки предыдущего кургана, поэтому раскопки были прекращены» (Там же. Ф. 1. Оп. 1. 1911. Д. 75. Л. 21).

Можно предполагать, что основной причиной такого снижения научного уровня раскопок Веселовского являлось отсутствие его самого при проведении всех этапов полевых работ на одном па-

мятнике. Начиная с 1894 г. он получал открытые листы на работы в пределах Таврической губернии и Кубанской области. Так, например, в 1895 г. в Мелитопольском уезде раскопки велись с 18 июня по 19 июля, а сам Веселовский большую часть этого времени был в Крыму (*Тихонов*, 2009. С. 364). Из финансового отчета за 1911 г. видно, что в Таврической губернии с мая по конец августа работала бригада Ивана Свидина, а в Кубанской области в то же время — бригада Дмитрия Ефимова (НА ИИМК РАН. РО. Ф. 1. Оп. 1. 1911. Д. 75. Л. 31–34). Даже когда раскопки велись только на территории Кубанской области, продолжали одновременно работать эти же две бригады в разных местах. Сам же Веселовский был вынужден периодически перемещаться между разными раскапываемыми объектами.

Об этом же писал и делопроизводитель ИАК И. А. Суслов, вышедший в отставку в конце 1902 г., в том числе и из-за конфликта с Веселовским. Начиная с 1899 г., как он утверждал, в комиссию стала поступать информация, что Веселовский не присутствует на раскопках, а оставленный им в качестве руководителя керченский надсмотрщик Иван Маленко торгует находками и ведет разгульный образ жизни (ОПИ ГИМ. Ф. 163. Д. 8. Л. 21–21об.). По запросу ИАК, утверждал Суслов, околоточный надзиратель Майкопа Федриков также сообщал о кутежах и распутстве Маленко, который «уже несколько лет по поручению профессора Веселовского самостоятельно производил раскопки курганов, а профессор приезжал только для того, чтобы забрать то, что найдет Маленко» (Там же. Д. 9. Л. 7–10). Далее, по утверждению Суслова, директору Керченского музея К. Е. Думбергу было поручено провести расследование инцидента, в результате чего все факты подтвердились, а дополнительно выяснилось, что сам Н. И. Веселовский в это время находился на даче в Анапе (Там же. Д. 8. Л. 137–140).

Между тем разработанные еще в 1852 г. под руководством министра внутренних дел Л. А. Перовского правила для «археологических разрытий» требовали неукоснительного присутствия на раскопках чиновников, «занимающихся собственно археологической частью». Правила также предписывали доводить раскопки до конца, даже если они не сулили значительных находок; делать рисунки на месте; описывать отношение предметов друг к другу (НА ИИМК РАН. РО. Ф. 6. Оп. 1. Д. 179. Л. 16–19).

Сам Н. И. Веселовский оправдывал свою поспешность в раскопках необходимостью спасения для науки памятников, которые в условиях отсутствия надлежащего законодательства могли быть разграблены кладоискателями. Вероятно, такой же точки зрения придерживался и председатель ИАК, выдавая открытые листы на одновременные раскопки в разных местах — хотя полевые исследования самого графа Бобринского были несколько качественнее. О спасении громадного количества памятников Веселовским писал и Б. В. Фармаковский, отмечая в то же время излишнюю лаконичность отчетов Николая Ивановича и утверждая, что «отныне археологи будут применять, конечно, более совершенные методы исследования курганов» (*Фармаковский*, 1921. С. 384).

НА ИИМК РАН. РО. Ф. 1. Оп. 1. 1911. Д. 75: О раскопках проф. Н. И. Веселовского в Кубанской обл., Ставропольской и Таврической губ.

НА ИИМК РАН. РО. Ф. 6. Оп. 1. Д. 179: По всеподданнейшему докладу о дополнительных правилах для археологических разысканий около г. Керчи и о прибавке на сей предмет 1500 руб. серебром.

НА ИИМК РАН. РО. Ф. 18. Оп. 1. Д. 15: О правилах и технике ведения раскопок (наброски).

НА ИИМК РАН. РО. Ф. 18. Оп. 1. Д. 17: О значении археологии и о месте ее среди других наук (рукопись).

ОПИ ГИМ. Ф. 163. Д. 8: Письма к И. А. Суслову о деятельности Московского археологического общества.

ОПИ ГИМ. Ф. 163. Д. 9: Материалы по деятельности Московского археологического общества.

Бартольд, 1977а — *Бартольд В. В.* Николай Иванович Веселовский. Некролог // Сочинения. Т. IX: Работы по истории востоковедения. М.: Наука, 1977. С. 642–647.

Бартольд, 1977б — *Бартольд В. В.* Н. И. Веселовский как исследователь Востока и историк русской науки // Там же. С. 648–664.

Галанина, 2006 — *Галанина Л. К.* Скифские древности Северного Кавказа в собрании Эрмитажа. Келермесские курганы. СПб.: Изд-во ГЭ, 2006. 80 с. (Коллекции Эрмитажа).

Икромов, 2012 — *Икромов Н.* Исследования Н. И. Веселовского в Аште // УЗ Худжандского гос. ун-та им. академика Б. Гафурова. Гуманитарные науки. 2012. № 5 (33). С. 121–128.

Журнал…, 1882 — Журнал заседания Отделения этнографии 20 апреля 1882 г. // Изв. ИРГО. 1882. Т. XVIII. Отд. I. С. 79–80.

Кожа, Байсариева, 2016 — *Кожа М. Б., Байсариева Г. О.* Академик Н. И. Веселовский о древностях Южного Казахстана // Вестник КазахНПУ. Серия «Исторические и социально-политические науки». 2016. № 3 (50). С. 181–184.

Манцевич, 1987 — *Манцевич А. П.* Курган Солоха. Публикация одной коллекции. Л.: Искусство, 1987. 141 с.

Полин, 2011 — *Полин С. В.* К истории развития методики раскопок больших скифских курганов // Греческие и варварские памятники Северного Причерноморья. Опыт методики полевых археологических исследований / Отв. ред.: Н. А. Гаврилюк, А. А. Масленников, А. А. Завойкин. М.: ИА РАН, 2011. С. 206–222.

Рысин, Стеганцева, 2019 — *Рысин М. Б., Стеганцева В. Я.* Глава IX. Императорская археологическая комиссия и исследование памятников Кавказа и Предкавказья // Императорская археологическая комиссия (1859–1917): история первого государственного учреждения российской археологии от основания до реформы. Т. 2 / Науч. ред.-сост.: А. Е. Мусин, М. В. Медведева; 2-е изд., перераб. и доп. СПб.: ИИМК РАН, 2019. С. 921–1055.

Тихонов, 2003 — *Тихонов И. Л.* Археология в Санкт-Петербургском университете. Историографические очерки. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2003. 332 с.

Тихонов, 2007 — *Тихонов И. Л.* Русский востоковед, нумизмат, археолог В.Г.Тизенгаузен // ΕΥΧΑΡΙΣΤΗΡΙΟΝ: Антиковедческо-историографический сборник памяти Ярослава Витальевича Доманского (1928–2004) / Отв. ред. И. В. Тункина. СПб.: Нестор-История, 2007. С. 220–244.

Тихонов, 2009 — *Тихонов И. Л.* Археологические исследования Н. И. Веселовского на Кубани // Пятая Кубанская археологическая конференция: Материалы конф. / Отв. ред. И. И. Марченко. Краснодар: Кубанский ГУ, 2009. С. 362–365.

Фармаковский, 1921 — *Фармаковский Б. В.* Н. И. Веселовский — археолог // ЗВОРАО. 1921. Т. XXV. С. 359–386.

From Afrasiab to the Scythian gold (on the methodology and excavation methods of Nikolay I. Veselovsky)

Igor L. Tikhonov[3]

Nikolay I. Veselovsky considered archaeology as a discipline distinct from history. His archaeological career began according to his academic interests with the study of the antiquities of Central Asia, but since there were no eye-catching finds, Veselovsky switched to the excavation of the burial mounds of the Northern Black Sea region and the Kuban valley. Often, two teams of diggers worked at the same time in two different places in his absence. It decreased the level of field research, but it suited the administration of the Archaeological Commission, as it allowed to save the sites threatened to be destructed by robbers.

Keywords: *Nikolay I. Veselovsky, archaeology, burial mounds, excavation methods, Imperial Archaeological Commission*

3 Igor L. Tikhonov — St. Petersburg State University, 5 Mendeleev Line, St. Petersburg, 199034, Russian Federation; e-mail: I.Tikhonov@spbu.ru; ORCID: 0000-0001-8489-7772.

Н. И. Веселовский и программа исследования русских древностей

В. Ю. Соболев[1]

Аннотация. *В 1898 г. Н. И. Веселовский и А. А. Спицын предложили Совету ИРАО программу изучения «собственно русских» древностей, целью которой было определение набора вещей, характерных именно для русских погребальных памятников. В реализации программы приняли участие Н. К. Рерих, В. Н. Глазов, Н. И. Репников. За 5 лет были исследованы погребальные памятники в различных районах Псковской, Новгородской, Тверской губерний, давшие интересные результаты.*

Ключевые слова: *русские древности, история исследований, Новгородская земля, древнерусские погребальные памятники*

https://doi.org/10.31600/978-5-6050962-0-7.18-20

Основными объектами отечественной археологии на раннем этапе ее существования стали курганы степных культур и античные памятники, интерес же к собственно древнерусским древностям проявился в России намного позднее. По всей вероятности, это было связано с «привычностью» русских памятников и при их исследованиях малочисленностью находок золотых и диковинных вещей.

Начало планомерных работ по изучению русских (древнерусских) археологических памятников Санкт-Петербургской губернии было положено в начале 1870-х гг. Граф Алексей Уваров предложил провести раскопки по берегам озера Ильмень, где, как он полагал, можно встретить черепа чисто славянского типа. Идею поддержал профессор Медико-Хирургической Академии Ф. П. Ландцерт, предложивший для ее реализации кандидатуру своего ученика Льва Ивановского (НА ИИМК РАН. РО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 47). В 1872–1891 гг. по программе Императорского Русского археологического общества (далее — ИРАО) он раскопал более 5877 погребений преимущественно в юго-западных уездах Санкт-Петербургской губернии.

В 1898 г. А. А. Спицын и Н. И. Веселовский обратились в Совет ИРАО с «Запиской об исследовании собственно русских курганных древностей», где предлагалось «приложить старания к определению типа древностей племен, у которых он еще не определен (новгородских славян, бужан, угличей[2], тиверцев)» (НА ИИМК РАН. РО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 230. Л. 2). Предполагалось проведение работ «в местностях искони населенных славянским племенем». Особое внимание авторы записки обращали на необходимость системной и планомерной многолетней работы, так как «раскопки бессистемные, случайные утомительны, скучны и бесплодны. Какой смысл копать, когда не знаешь, что ищешь, а накопав вещей, не знаешь, что с ними делать?» (Там же. Л. 1об.).

В приложение к своей программе Н. И. Веселовский и А. А. Спицын разработали достаточно детальные планы раскопок на два ближайших года. В «Записке о производстве раскопок в 1899 г. » (Там же. Л. 3) определен основной район работ — междуречье нижних течений Шелони и Ловати как местность, которая находится в центре новгородской земли и представляет «собой особый уголок, так как почти со всех сторон она окружена водою или болотами; курганов на ней известно уже значительное количество» (Там же). Требовалось «определить погребальные обряды и типы вещей у новгородских славян между временем сопок и жальников (IX–XIII вв.)» (НА ИИМК РАН. РО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 410. Л. 11). «Ввиду дешевизны раскопок собственно-русских курганных насыпей» часть ассигнованной суммы предлагалось направить на «изыскания в другой местности новгородской земли, именно в окрестности г. Пскова, где раскопки прошлого года, произведенные Археологическим институтом, дали весьма любопытные факты» (Там же. Д. 230. Л. 4).

На работы из кассы ИРАО было отпущено 200 руб., из которых 150 выдали Н. К. Рериху на работы в Старорусском и Боровичском уездах, а 50 — В. Н. Глазову (*Медведева, Соболев*, 2014) на раскопки в Псковском уезде (НА ИИМК РАН. РО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 402. Л. 22–22об.; Д. 410. Л. 5).

Скромные итоги раскопок Н. К. Рериха в Старорусском, Порховском и Валдайском уездах не

1 Владислав Юрьевич Соболев – Санкт-Петербургский государственный университет, Университетская наб., д. 7/9, Санкт-Петербург, 199034, Российская Федерация; e-mail: vlad.sobolev@gmail.com; ORCID: 0000-0002-9682-9256.

2 В рукописи А. А. Спицына в слово «уличей» над строкой вписана буква «г».

отвечали масштабу заявленной программы (НА ИИМК РАН. РО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 410. Л. 11–12об.). Работы В. Н. Глазова, продолжившего свои исследования 1898 г., принесли намного более серьезные и интересные научные результаты.

В «Записке о производстве раскопок в 1900 г. » (НА ИИМК РАН. РО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 230. Л. 21; Д. 410. Л. 14–15) предлагалось провести археологические изыскания мест «средней части Псковской области, до сих пор совершенно еще не тронутых» (НА ИИМК РАН. РО. Ф. 3. Д. 230. Л. 21). Начать работы планировалось в окрестностях Опочки, продолжить на берегах оз. Каменного, а далее перенести «вглубь Новоржевского у[езда], где курганов не отмечено, но в действительности они должны быть» (Там же). Логичным представлялось авторам записки завершение раскопок исследованиями на правом берегу р. Великой (Там же. Л. 21об.).

В том же заседании Отделения русской и славянской археологии была прочитана записка Н. К. Рериха, предлагавшего сосредоточить усилия либо в южной части Порховского уезда, а также в смежных частях Холмского и Новоржевского уездов, либо продолжить исследования в северо-восточной части Валдайского и Боровичском уездах (Там же. Д. 410. Л. 15–15об.). «Собрание остановилось на предложении Н. И. Веселовского и А. А. Спицына» (Там же. Л. 15об.).

На раскопки в Опочецком и Новоржевском уездах была выделена сумма в 200 руб., полностью предоставленная в распоряжение В. Н. Глазова (Там же. Д. 230. Л. 25). Осенью 1900 г. он вернул неистраченные 80 руб. в кассу Общества (Там же. Л. 27–27об., 28). Раскопки принесли совершенно не тот материал, на который рассчитывали авторы идеи: почти все исследованные курганы заключали остатки трупосожжений, «находки — ничтожны и относятся приблизительно к X в. В весьма небольшом количестве найдены курганы XI в., заключавшие погребения несожженных трупов, положенных на поверхности горизонта или в грунтовых ямах. Ранних жальников не было найдено. Вскрытые жальничные погребения могут быть отнесены приблизительно к XIII в.» (Там же. Д. 410. Л. 31). Несмотря на это, подводя итоги работ по программе за два года, Н. И. Веселовский и А. А. Спицын высоко оценили результаты, отметив, что «одну из перечисленных задач наше Общество почти уже выполнило… петербургские курганы… должны быть зачтены в число русских… Характер новгородских курганных древностей можно считать определенным» (Там же. Д. 411. Л. 32–33).

В 1901 г. Общество запланировало расширение исследований (в том числе за счет средств, оставшихся от работ 1900 г.) — в среднее течение Ловати предполагалось командировать В. Н. Глазова, а в Бежецкий Верх — И. А. Тихомирова (Там же. Д. 410. Л. 31об.).

В 1902 г. раскопки «предложено было согласовать с интересами Тверского съезда, которому Отделение выразило свое полное сочувствие и готовность содействовать» (Там же. Д. 411. Л. 22–22об.). Основным «исполнителем работ» вновь стал В. Н. Глазов.

В заседании 11 марта 1903 г. Н. И. Веселовский и А. А. Спицын предложили исследования поздних курганных насыпей Демянского и Крестецкого уездов, а также проведение раскопок в окрестностях Старой Ладоги. Отпущенные средства (вновь 200 руб.) были разделены между В. Н. Глазовым (150 руб.) и Н. И. Репниковым (50 руб.) (Там же. Л. 32–32об.).

На лето 1904 г. целью раскопок был намечен сбор материала для характеристики позднейших курганов кривичей и вятичей (Там же. Д. 412. Л. 3–3об.) в западной части Волоколамского уезда, по течению р. Гжати, в окрестностях г. Кашира и Венева (Там же. Л. 4–4об.).

Стоит сказать, что кроме работ, финансировавшихся ИРАО, изучение русских курганных древностей на рубеже XIX–XX вв. велось Петербургским Археологическим институтом (далее — ПАИ), где Н. И. Веселовский преподавал с 1891 г. и во главе которого стоял в последние годы своей жизни.

Весной 1899 г. студенты ПАИ под руководством Н. И. Веселовского и Н. К. Рериха исследовали 17 курганов в трех группах близ ст. Вруда Балтийской железной дороги. В том же году студенты ПАИ Л. Н. Целепи и Н. Ф. Арепьев осуществили самостоятельные раскопки в верхнем течении Луги и в южной части Лужского уезда соответственно; в следующем году они продолжили свои работы[3]. В 1903 г. Л. Н. Целепи совместно с Н. К. Рерихом провели «экскурсию» (учебные раскопки) студентов ПАИ к юго-западу от Гатчины (Войсковицы) (Там же. Ф. 1. Оп. 1. 1903. Д. 43), а в 1905 г. экскурсией в дер. Ерышево (Лужский уезд) руководил сам Н. И. Веселовский, возложивший организацию полевой работы на Л. Н. Целепи (Там же. Ф. 1. Оп. 1. 1905. Д. 51).

Подводя итоги, надо отметить, что поставленные авторами программы цели отражали определенный этап развития отечественной науки в области изучения древнерусской археологии. Н. И. Ве-

3 На работы Л. Н. Целепи ссылаются Н. И. Веселовский и А. А. Спицын в «Записке об исследовании собственно-русских курганных древностей» (НА ИИМК РАН. РО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 410. Л. 32–34об.).

селовский и А. А. Спицын по результатам пяти лет полевых работ сочли поставленные задачи выполненными, коллеги подержали их выводы. В настоящее время материалы, полученные во время реализации данной программы, хранятся в Научном архиве ИИМК РАН и продуктивно используются современными исследователями археологических памятников Новгородской земли.

НА ИИМК РАН. РО. Ф. 1. Оп. 1. 1903. Д. 43: О раскопках Санкт-Петербургского Археологического института в Петергофском уезде. 8 л.

НА ИИМК РАН. РО. Ф. 1. Оп. 1. 1905. Д. 51: О раскопках Санкт-Петербургского Археологического института в Лужском и Новгородском уездах. 7 л.

НА ИИМК РАН. РО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 47: Дело по Императорскому Русскому Археологическому обществу о командировании лекаря Ивановского в Новгородскую губернию для произведения раскопок жальников на берегах озера Ильменя. 105 л.

НА ИИМК РАН. РО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 230: О производстве гг. Рерихом и Глазовым раскопом в Старорусском уезде Новгородской и в Псковском уезде. 37 л.

НА ИИМК РАН. РО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 410: Протоколы отделения Русской и Славянской археологии за 1899–1900 гг. 37 л.

НА ИИМК РАН. РО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 411: Протоколы заседания Отделения Русской и Славянской археологии за 1901–1903 гг. 48 л.

НА ИИМК РАН. РО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 412: Протоколы Заседаний Отделения Археологии Русской и Славянской Императорского Русского Археологического общества за 1904 г. 12 л.

Медведева, Соболев, 2014 — *Медведева М. В., Соболев В. Ю.* Археолог Владимир Нилович Глазов // АВ. 2014. Вып. 20. С. 395–426.

Nikolay I. Veselovsky and the program of the investigation of Russian antiquities

Vladislav Yu. Sobolev[4]

Nikolay I. Veselovsky and Alexander A. Spitsyn in 1898 proposed to the Council of the Emperor's Russian Archaeological Society their program of the Russian antiquities' investigation. This project aimed to detect a material complex which was specific namely for Old Russian funeral sies. The program was fulfilled with the help of Nikolay K. Roerich, Vladimir N. Glazov, Nikolay I. Repnikov. The funeral sites in various districts of Pskov, Novgorod and Tver provinces were studied during five years having demonstrated interesting consequent.

Keywords: *Russian antiquities, history of studies, Novgorod Land, Old Russian funeral sites*

4 Vladislav Yu. Sobolev — St. Petersburg State University, 7–9 Universitetskaya Emb., St. Petersburg, 199034, Russian Federation; e-mail: vlad.sobolev@gmail.com; ORCID: 0000-0002-9682-9256.

Материалы об исследованиях кургана Огуз в Научном архиве ИИМК РАН[1]

М. В. Медведева[2], М. Ю. Вахтина[3]

Аннотация. *Скифский курган Огуз, относящийся к грандиозным «царским» гробницам, в дореволюционную эпоху исследовался дважды. Его первые раскопки провел Н. И. Веселовский в 1891–1894 гг., а в 1902 г. курган доследовал В. Н. Рот. В Научном архиве ИИМК РАН хранятся отчеты о раскопках, чертежи и фотографии процесса работ и находок. Эти материалы, позволяющие получить представление об особенностях начального периода раскопок Огуза, несомненно, важны для понимания конструкции, обряда погребения и вещевых комплексов гробниц кургана.*

Ключевые слова: *курган Огуз, раскопки, Н. И. Веселовский, В. Н. Рот, Научный архив ИИМК РАН, Императорская археологическая комиссия, архивные документы, история археологии*

https://doi.org/10.31600/978-5-6050962-0-7.21-24

В Научном архиве ИИМК РАН хранятся интереснейшие и до сих пор не изданные целиком материалы, связанные с раскопками скифских курганов Приднепровья. Введение в научный оборот документов, которые относятся к наиболее значимым гробницам, важно для дальнейшего их изучения. К числу таких памятников принадлежит курган Огуз, расположенный в 4–5 км к востоку от с. Нижние Серогозы (бывш. Мелитопольский уезд Таврической губ.). Огуз, высота насыпи которого превышала 20 м, относится к грандиозным «царским» курганам степной Скифии второй половины IV в. до н. э. и по своим размерам сопоставим с такими курганами, как Александрополь и Чертомлык (*Болтрик, Фиалко*, 1994. С. 48; *Boltrik, Fialko*, 2007; *Болтрик,* 2017. С. 69).

Впервые курган изучался Н. И. Веселовским в 1891–1894 гг. по заданию Императорской археологической комиссии (далее — ИАК) (см.: *Веселовский*, 1896; НА ИИМК РАН. РО. Ф. 1. Оп. 1. 1891. Д. 22; 1892. Д. 13; 1893. Д. 70; 1894. Д. 65). Из архивных материалов следует, что в 1890 г. ученый произвел предварительный осмотр памятника и был сильно впечатлен внушительными размерами и «стройностью» кургана. В надежде на сенсационные находки он составил перспективный «План разрытия кургана в Больших Серогозах» (НА ИИМК РАН. РО. Ф. 1. Оп. 1. 1890. Д. 48. Л. 53–55), где сразу указал, что исследовать такое громадное сооружение придется не один год.

В 1891 г. Н. И Веселовский приступил к раскопкам большого Серогозского кургана «Огуз» (НА ИИМК РАН. РО. Ф. 1. Оп. 1. 1891. Д. 22), но дойти до центрального погребения удалось только через три сезона. В 1894 г. он завершил работы, однако ожидания найти богатые комплексы не оправдались. Курган оказался ограбленным еще в древности, и результаты не соответствовали «приложенной энергии» и огромным финансовым затратам (ОИАК, 1896. С. 9–10; *Веселовский*, 1896; НА ИИМК РАН. РО. Ф. 1. Оп. 1. 1894. Д. 65).

В опубликованных отчетах ИАК имеются лишь краткие упоминания и небольшой финальный отчет об этих работах. В рукописных делах из архива Комиссии, напротив, сохранились документы переписки по организации и финансированию раскопок кургана Огуз за каждый год, копии Открытых листов, более развернутые отчетные данные, зарисовки, схематичные планы, опись находок и фотографии. Кроме того, в разряде крупноформатных иллюстраций хранятся чертежи к отчету Н. И. Веселовского: план центральной гробницы кургана и разрез ее уступчатого склепа (НА ИИМК РАН. РО. Р-I. Оп. 1. Д. 219). В фотоотделе Научного архива ИИМК РАН в личном фотособрании археолога А. А. Спицына находится альбом с несколькими снимками процесса раскопок кургана Огуз в 1893–1894 гг. (НА ИИМК РАН. ФО. Отп. Q 404/20–27) — они дают представление о конструктивных особенностях насыпи и склепа, а также о методике раско-

1 Исследование выполнено при финансовой поддержке РНФ (проект № 22-18-00187, https://rscf.ru/project/22-18-00187/ «Неопубликованная "Карта по археологии Причерноморья" И. В. Фабрициус (архивные документы, междисциплинарные исследования, современные интерпретации)» в ИИМК РАН.

2 Мария Владимировна Медведева — Институт истории материальной культуры РАН, Дворцовая наб., д. 18А, Санкт-Петербург, 191186, Российская Федерация; e-mail: marriyam@mail.ru; ORCID: 0000-0003-4852-7146.

3 Марина Юрьевна Вахтина — Институт истории материальной культуры РАН, Дворцовая наб., д. 18А, Санкт-Петербург, 191186, Российская Федерация; e-mail: marina-vakhtina@mail.ru; ORCID: 0000-0002-7245-2642.

пок погребального сооружения траншеями **(рис. 1)**. К сожалению, вряд ли можно рассчитывать, что со временем удастся выявить дополнительные фотографии этих масштабных раскопок, так как в одном из писем барону В. Г. Тизенгаузену руководитель работ сетовал на отсутствие фотографического аппарата и на невозможность заниматься фотофиксацией.

В начале XX в. в ИАК стали поступать многочисленные сведения о незаконных раскопках крестьян села Нижние Серогозы и ближайшей округи. Особенно их привлекала огромная недокопанная насыпь Огуза. Грабительские раскопки велись с размахом, в промысле и торговле древностями участвовали специально организованные для этого артели. Все эти обстоятельства и тревожные донесения вызвали острую необходимость докопать насыпь большого Серогозского кургана, что и было сделано на средства и по поручению ИАК. В архиве Комиссии сформировалось весьма объемное дело «О хищнических раскопках крестьянами с Нижн. Серогоз, Мелитопольского у., Таврической губ.» (НА ИИМК РАН. РО. Ф. 1. Оп. 1. 1902. Д. 26), где содержатся документы о самовольных раскопках, а также об официальном доследовании Огуза в 1902 г. В материалах отражена активная деятельность ИАК и губернских чиновников, старавшихся сохранить для науки вещи, полученные в результате грабительских раскопок. Так, например, в деле имеются «Опись древностей, отобранных от кладоискателей крестьян Нижних Серогоз, добытых ими из могилы "Огюз" близ того же села в январе 1902 г.», включающая 20 предметов (Там же. Л. 10–10об.), и «Список вещам, найденным в Кургане "Огюз" и отосланным в Археологическую Комиссию в Петербург 17 января 1902 года», состоящий из 30 наименований (Там же. Л. 11–11об.). Древности из кургана, проданные коллекционерам, также покупались Комиссией (см.: *Кашуба и др.*, 2021. С. 394–398. Рис. 6; 7а), многие из них были сфотографированы фотографом ИАК.

16 марта 1902 г. Археологическая комиссия выделила значительную сумму на раскопки (НА ИИМК РАН. РО. Ф. 1. Оп. 1. 1902. Д. 26. Л. 24) и поручила доследование кургана В. Н. Роту (*Рот*, 1904. С. 63–65). О процессе работ можно судить по

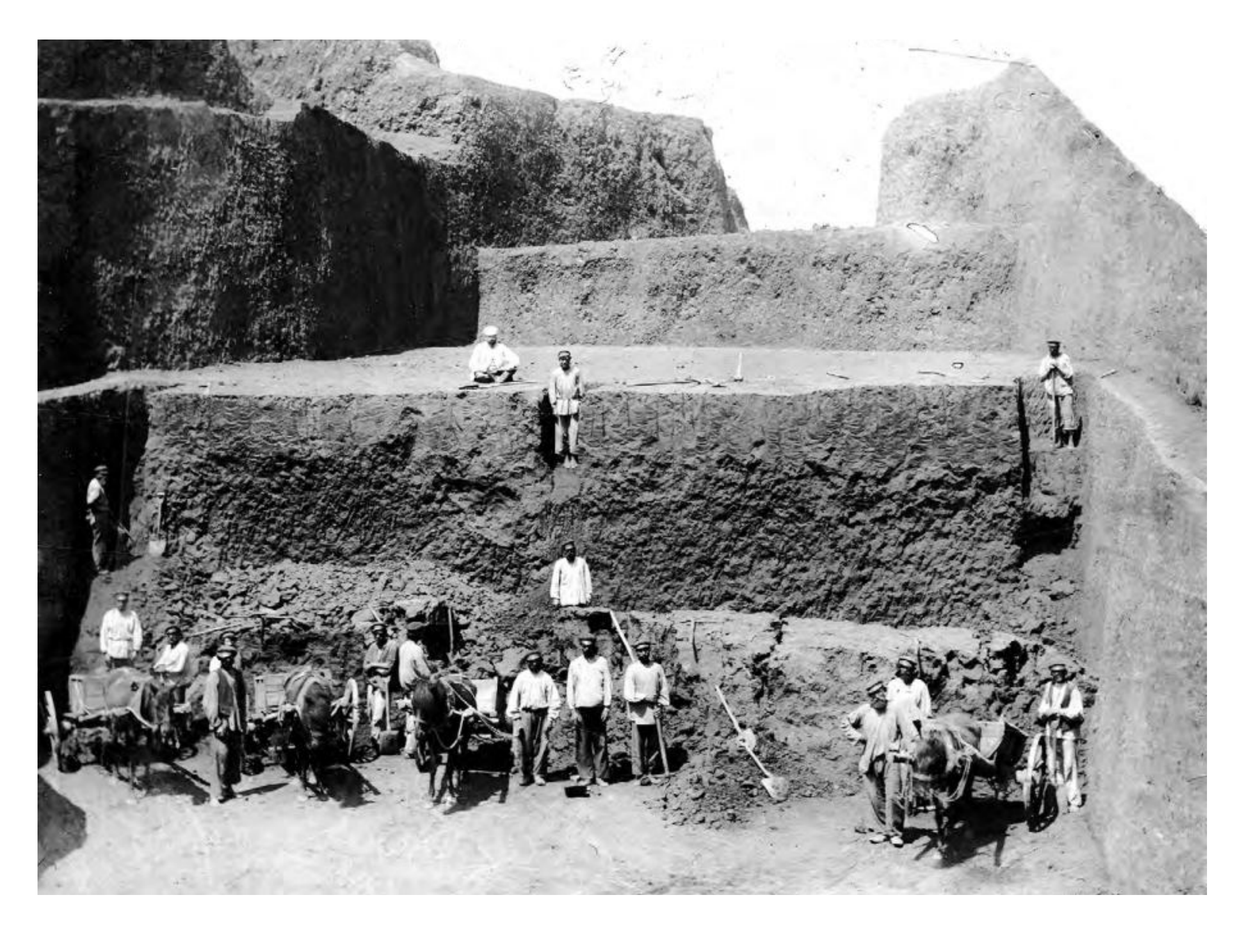

Рис. 1. Курган Огуз во время раскопок Н. И. Веселовским. Южный раскоп, июль 1893 г. (НА ИИМК РАН. ФО. Отп. Q 404/20)

Fig. 1. Oguz mound during the excavations by Nikolay I. Veselovsky. South excavation area. July, 1893 (НА ИИМК РАН. ФО. Отп. Q 404/20)

имеющимся в деле письмам В. Н. Рота председателю ИАК А. А. Бобринскому, содержащим своего рода краткие отчеты (Там же. Л. 45–46, 72–73об.). В деле также присутствует и детальный итоговый машинописный «Отчет о раскопках кургана Огуз, произведенных по поручению Императорской археологической Комиссии поручиком Севастопольского батальона В. Н. Ротом в 1902 г. от марта до июля месяцев близ села Нижние Серогозы Мелитопольского уезда Таврической губернии» (Там же. Л. 265–258). Работы 1902 г. сводились, в основном, к расчистке сделанных ранее «ходов» и уточнению конструкции и планировки кургана. Во время раскопок были обнаружены золотые бляшки, предметы конской упряжи, обломки греческих амфор и другие ценные вещи.

В архивном деле хранятся фотографии кургана Огуз, сделанные во время работ 1902 г., а также фотографии, прекрасного качества чертежи и описания находок. Следует отметить, что часть фотоотпечатков раскрашена для воспроизведения более точного облика древностей. Кроме того, имеются описи вещей, как найденных, так и приобретенных у крестьян с указанием места и обстоятельств их находки.

За время своей командировки В. Н. Рот также произвел осмотр курганов и курганных групп у Нижних Серогоз, изложив результаты в «Отчете об осмотре курганов, разрытых крестьянами в Мелитопольском уезде», составленном 27 апреля 1902 г. (Там же. Л. 57–68). Всего он побывал на пяти курганных группах, располагавшихся близ сел Верхние Серогозы, Нижние Серогозы и Ново-Александровка. Отчет сопровождается небольшими чертежами насыпей курганов и их описаниями, а также картой-схемой (Там же. Л. 70) с обозначением всех обследованных объектов.

Перечисленные архивные документы, безусловно, обладают огромным источниковедческим потенциалом и содержат ценнейшие сведения об уже не существующих археологических объектах. Систематизация и полноценное введение в научный оборот материалов Научного архива ИИМК РАН об исследовании кургана Огуз в XIX — начале XX в., несомненно, станут важным шагом в реконструкции облика этого неординарного памятника и погребального обряда скифской элиты.

Материалы о раскопках кургана Огуз в Научном архиве ИИМК РАН

НА ИИМК РАН. РО. Ф. 1. Оп. 1. 1890. Д. 48: Дело ИАК о раскопках проф. Н. И. Веселовского в Таврической губ. 74 л.

НА ИИМК РАН. РО. Ф. 1. Оп. 1. 1891. Д. 22: Дело ИАК о розысканиях проф. Н. И. Веселовского в Таврической губернии. 71 л.

НА ИИМК РАН. РО. Ф. 1. Оп. 1. 1892. Д. 13: Дело ИАК о самовольных раскопках крестьянами кургана близ дер. Бол. Токмак Бердянского уезда Таврической губ. Раскопки Н. И. Веселовского в Серогозах кургана Огуз и в Крыму. 71 л.

НА ИИМК РАН. РО. Ф. 1. Оп. 1. 1893. Д. 70: Дело ИАК о раскопках кургана Огуз у села Нижних Серогоз Мелитопольского уезда Таврической губернии. 22 л.

НА ИИМК РАН. РО. Ф. 1. Оп. 1. 1894. Д. 65: Дело ИАК о раскопках проф. Н. И. Веселовского в Таврической губ. и Кубанской области. 75 л.

НА ИИМК РАН. РО. Ф. 1. Оп. 1. 1902. Д. 26: Дело ИАК о хищнических раскопках крестьянами с Нижн. Серогоз, Мелитопольского у., Таврической губ. 283 л.

НА ИИМК РАН. РО. Р-I. Оп. 1. Д. 219: Раскопки кургана Серогоз (Огуз) в 1894 г. Реконструкция и план склепа. 2 л.

НА ИИМК РАН. ФО. Отп. Q 404/20-27. Процесс раскопок на кургане Огуз в 1893–1894 гг. под руководством Н. И. Веселовского.

НА ИИМК РАН. ФО. Нег. III 7967–7979, 9842. Находки из хищнических раскопок в кургане Огуз близ с. Нижние Серогозы, доставленные В. Н. Ротом в ИАК в 1902 г. Фото И. Ф. Чистякова, 1902 г., 1906 г.

НА ИИМК РАН. ФО. Нег. III 7988, II 25974. Находки из хищнических раскопок в кургане Огуз близ с. Нижние Серогозы в 1897 г. и гипсовые слепки с них. Фото И. Ф. Чистякова, 1898 г., 1902 г.

НА ИИМК РАН. ФО. Нег. II 27903. Серебряное украшение из кургана Огуз, приобретенное в 1902 г. для Эрмитажа. Фото И. Ф. Чистякова, 1906 г.

НА ИИМК РАН. ФО. Нег. II 27551. Золотые украшения, случайно найденные в кургане Огуз близ с. Нижние Серогозы в 1905 г. Фото И. Ф. Чистякова, 1905 г.

НА ИИМК РАН. ФО. Нег. III 9827. Древности из кургана Огуз, приобретенные из частного собрания Маврокордато для Эрмитажа в 1903 г. Фото И. Ф. Чистякова, 1906 г.

НА ИИМК РАН. ФО. Отп. Q 667/6. Древности, приобретенные в 1897 г. у собирателей Гохманов, в том числе предметы из кургана Огуз. Фото И. Ф. Чистякова, 1898 г.

Болтрик, 1983 — *Болтрик Ю. В.* Исследование кургана Огуз // АО 1981 года / Отв. ред. Б. А. Рыбаков. М.: ИА АН СССР, 1983. С. 245.

Болтрик, 2017 — *Болтрик Ю. В.* Огуз — курган на ключовому роздоріжжі Скіфії (пошук Херсонесь-

кого сліду) // Археологія і давня історія України. Київ, 2017. Вип. 2 (23). С. 66–77.

Болтрик, Фиалко, 1994 — *Болтрик Ю. В., Фиалко Е. Е.* Курганы царей Скифии второй половины IV в. до н.э. Поиск исторических реалий // Элитные курганы степей Евразии в скифо-сарматскую эпоху / Отв. ред. В. М. Массон. СПб.: Фонд фундаментальных исследований РАН, ИИМК РАН, ГЭ, 1994. С. 49–52 (АИ. Вып. 18).

Веселовский, 1896 — *Веселовский Н. И.* Отчет о раскопках, произведенных в 1894 г. старшим членом Императорской археологической комиссии Н. И. Веселовским. Село Нижние Серогозы Мелитопольского у., курган Огуз // ОИАК за 1894 г. СПб.: тип. Гл. упр. уделов, 1896. С. 77–87.

Кашуба и др., 2021 — *Кашуба М. Т., Сапожников И. В., Медведева М. В.* О собраниях древностей Северного Причерноморья, приобретенных Императорской Археологической Комиссией у П. А. Маврогордато в 1903 г. // Tyragetia, n. s. 2021. Vol. XV (XXX). Nr. 1. С. 387–407.

ОИАК, 1896 — Отчет ИАК за 1894 г. СПб.: тип. Гл. упр. уделов, 1896. 171 с.

Рот, 1906 — *Рот В. Н.* Раскопки у с. Нижние Серогозы // ОИАК за 1904 г. СПб.: тип. Гл. упр. уделов, 1906. С. 65–67.

Boltrik, Fialko, 2007 — *Boltrik J. V., Fialko E. E.* Der Fürstenkurgan von Oguz // Im Zeichen des Goldenen Greifen. Königsgräber der Skythen / Hrsg. H. Parzinger. München, Berlin, London, New York: Prestel, 2007. S. 268–275.

Materials on the research of the Oguz burial mound in the Scientific Archive of IHMC of the RAS

Maria V. Medvedeva[4], Marina Yu. Vakhtina[5]

In the pre-revolutionary time the Scythian mound Oguz, belonged to the great “Royal” tombs, has been investigated twice. The first excavations were carried out by Nikolay I. Veselovsky in 1891–1894; and in 1902 Vadim N. Rot submitted the mound to supplementary examination. In the Scientific Archive of IHMC RAS the reports on the excavations, as well as drawings, plans and photos of objects remain deposited. These materials which allow to get an expression of the peculiarities of the initial period of the excavations, with no doubt are important for the reconstruction of a structural design, burial ritual and complexes of funeral equipment of the mound.

Keywords: *Oguz burial mound, excavations, Nikolay I. Veselovsky, Vadim N. Rot, Scientific Archive of IHMC RAS, Imperial Archaeological Commission, archival documents, history of archaeology*

4 Maria V. Medvedeva — Institute for the History of Material Culture of the RAS, 18A Dvortsovaya Emb., St. Petersburg, 191186, Russian Federation; e-mail: marriyam@mail.ru; ORCID: 0000-0003-4852-7146.

5 Marina Yu. Vakhtina — Institute for the History of Material Culture of the RAS, 18A Dvortsovaya Emb., St. Petersburg, 191186, Russian Federation; e-mail: marina-vakhtina@mail.ru; ORCID: 0000-0002-7245-2642.

Вопросы археологии и охраны архитектурных памятников Туркестанского края в научном наследии Н. И. Веселовского

Ф. Ш. Шамукарамова[1]

Аннотация. *Автор рассматривает научные командировки Н. И. Веселовского в Туркестан (1884–1885, 1895). На основе существующей научной литературы, периодической печати, а также архивных материалов представлены его археологические изыскания и работы по спасению и сохранению архитектурных памятников времени Тимура и Тимуридов.*

Ключевые слова: *Н. И. Веселовский, Туркестанский край, Зеравшанская долина, Самарканд, Афрасиаб, Гур-Эмир*

https://doi.org/10.31600/978-5-6050962-0-7.25-28

После завоевания Российской Империей Туркестанского края во второй половине XIX в. закономерно активизировался исследовательский интерес метрополии к историческому прошлому народов региона. При этом изучение археологических памятников прошлого несколько выбивалось из общей динамики сбора знаний о завоеванном регионе: оно изначально не имело четкой стратегии и задач, равно как и компетентных специалистов, способных организовывать квалифицированные и системные археологические изыскания. Однако результаты уже первых фрагментарных раскопок показали перспективность организации системных и целенаправленных археологических исследований. Также царская администрация усилиями научной общественности вынуждена была обратить внимание на сохранение архитектурных памятников средневековья, находившихся на тот момент в плачевном состоянии.

Определенный вклад в изучение исторического прошлого Туркестана внес известный востоковед, член Императорского археологического общества, профессор Санкт-Петербургского университета Николай Иванович Веселовский. Его работы в регионе уже частично освещены в имеющейся историографии — как в фактологическом (ТВ, 1885; Археологические…, 1907; ОИАК, 1891; *Лыкошин*, 1909. С. 32–33; *Лазаревская*, 2002), так и в оценочном плане (*Бартольд*, 1977а; 1977б; *Якубовский*, 1940; *Шишкин*, 1969; *Лунин*, 1958. С. 29–31; *Смирнов*, 2012).

В 1884 г. ИАК по просьбе Туркестанского генерал-губернатора командировала профессора Н. И. Веселовского на год (с 15 ноября 1884 г. по 15 ноября 1885 г.) в Туркестан для археологических исследований (ТВ, 1885; ОИАК, 1891. С. LX–LXXXI). Следует учесть, что опыта проведения раскопок он к тому времени еще не имел, да и достаточного времени для подготовки к такой работе у него, вероятно, не было. Тем не менее, в его задачу входило: провести ревизию всех работ на городище Афрасиаб и начать раскопки до материкового слоя, а также снять подробный план городища с нанесением на него предыдущих работ; осуществить археологическую разведку археологических памятников в Ферганской и Зеравшанской долинах; описать предметы древности, найденные в Бухаре; ознакомиться с кладами, найденными в Туркестане; произвести археологические раскопки некоторых курганов, интересных в историческом и археологическом отношении; собрать коллекции древних монет для минц-кабинета Императорского Эрмитажа; сделать опись археологическому отделу Ташкентского музея (Археологические…, 1907). В целом, инструкция ставила задачу исследования Туркестанского края в археологическом, этнографическом и культурном отношениях.

За время своей первой командировки Н. И. Веселовский производил кратковременные раскопки в Той-Тюбе, Намданаке (Ташкентская область), Ашту, Чусте, Ахси, Касане, Узгене (Ферганская долина) и других регионах. Видимо, эти работы носили разведочный и поверхностный характер: как отмечалось в отчете, ничего «существенного в научном отношении» они не дали (ОИАК, 1891).

Первым в этом ряду было городище Той-Тюбе в 32 верстах от Ташкента по дороге в Фергану, состоящее из цитадели четырехугольной формы со стенами в 17 саженей высоты и рабада. На городище уже изрядно поработали кладоискатели, а жженый кирпич местное население долгое время таскало для своих построек, но Веселовскому удалось

1 Феруза Шакировна Шамукарамова — Институт истории АН Республики Узбекистан, ул. Шахрисабз, д. 5, Ташкент, 100060, Республика Узбекистан;
e-mail: shferuza@yandex.ru; ORCID: 0009-0006-4667-3077.

найти глиняную и стеклянную посуду, глиняные светильники, несколько медных монет периода Хорезмшахов и другие предметы (Там же).

После этого Веселовский отправился в Ферганскую долину, где, наряду с другими объектами, произвел первые разведочные археологические раскопки на городище Ахсикент (Эски Ахси), существовавшего с III–II вв. до н. э. до начала XIII в. Городище расположено на правом берегу Сырдарьи, в 25 км от Намангана. В результате раскопок были найдены остатки различных предметов: стеклянные черепки, глинные светильники, бусы, водопроводные трубы различных величин (от 1½ до 6 вершков в диаметре), куски железа, цилиндрической формы колодцы, медные кольцо и монеты, сосуды различных форм и др. Исследование остатков сооружений показало, что стены цитадели были сложены из жженого и сырцового кирпича, пол — из жженого кирпича и выкрашен красной краской (Там же. С. LXX–LXXII).

В Ферганской долине Веселовский провел разведывательные раскопки в таких средневековых городах, как Касан, Узген и Ош. Вблизи Оша он осмотрел археологический объект под названием Сулейман-гора (Тахти-Сулейман), где нашел арабскую надпись, «на которой совершенно ясно сохранился дважды 329-й год хиджры (941 г. Р.Х.) и имя саманидского эмира Насра, сына Ахмедова. К сожалению, начало надписи закрыто стеною здесь же построенной мечети Сулеймана» (Там же. С. LXXIII; ИАК, 2009. С. 791).

В марте 1885 г. Веселовский приступил к раскопкам на городище Афрасиаб, которые продолжались четыре месяца. Наряду с другими исследовательскими работами, по его инициативе сотрудниками военно-топографического отдела Туркестанского военного округа был составлен топографический план всего городища. Веселовский пришел к следующим выводам: Мараканда времен Александра Македонского должна была находиться на этом месте; городище Афрасиаб представляет несколько наслоений различных культур; город неоднократно разрушался и возрождался; окончательно он был оставлен примерно 650 годами ранее (ОИАК, 1891. С. LXXV). Многочисленные находки саманидских медных монет, глиняной посуды с куфическими надписями позволили заключить, что в XII–XIII вв. «город еще существовал. Чингиз-хан, взяв Самарканд в 1220 г., разрушил город <…> После такого погрома <…> город возник <…> не на развалинах древнего, а подался немного на юг, где и существует теперь» (Там же).

Именно с раскопок Н. И. Веселовского, как отмечал позднее А. Ю. Якубовский, сдвинулось с мертвой точки археологическое изучение древнего Самарканда (*Якубовский*, 1940. С. 292).

Из Самарканда Веселовский направился в Заравшанскую долину для осмотра курганов и крепостей региона. Возвратившись уже осенью в Ташкент, он посетил северные части его окрестностей.

Таким образом, годичная командировка Н. И. Веселовского способствовала определению дальнейших перспектив археологических исследований Туркестанского края. Были проведены первые в регионе полноценные раскопки, собраны и зафиксированы артефакты с их датировкой и описанием.

Н. И. Веселовский внес вклад и в дело сохранения исторических памятников Самарканда времен Тимура и Тимуридов. Эти монументальные сооружения к концу XIX в. оказались в плачевном состоянии, а их поддержание и ремонт зависели от отношения к этому делу военных губернаторов Самарканда и в целом Туркестанского генерал-губернаторства — первоначально весьма равнодушного. Переломную роль здесь сыграли обращения европейской научной общественности. Так, шведский ученый Ф. Р. Мартин в своем письме министру финансов Российской империи С. Ю. Витте писал: «…Я только что вернулся из путешествия для исследования русских среднеазиатских владений. Что я там видел интересного — не поддается описанию. Туркестан — не только самая богатая, но и самая интересная и самая важная в научном отношении часть империи. Там уже с древнейших времен существует богатая культура <…> Какие великолепные постройки соорудил [Тамерлан] в любимом своем городе Самарканде, это не поддается никакому описанию. Некоторые из прекраснейших памятников всего мира превращаются там в развалины, и никто не интересуется ими и не думает о них. Об этих чудных сооружениях мало кто знает. От землетрясений ежегодно отпадают от них те или другие части, и через 20 лет, а может быть и ранее, от этих великолепных и весьма важных для науки построек ничего не останется, кроме груды камней. Фаянсовые изразцы, которыми они обложены, представляют собой громадную материальную ценность.

Еще время не ушло. Еще можно небольшими денежными средствами спасти и предохранить от дальнейшего разрушения. По крайней мере, можно со всего сделать съемки, снять фотографии и составить научное описание. Теперь об этом не думают, но скоро будет слишком поздно <…> я прошу Ваше Превосходительство именем науки, сделайте все, что можете, чтобы спасти эти великолепные вещи для потомства… С глубоким почтением

Ф. Р. Мартин — служащий Королевского музея археологии и истории Стокгольма» (*Смирнов*, 2012).

Это письмо получило отклик: в 1895–1896 гг. Императорская археологическая комиссия совместно с Академией наук командировали Н. И. Веселовского в историко-архитектурную экспедицию в Самарканд. Ее целью было полное и детальное описание архитектурных памятников города. Экспедиция благодаря содействию С. Ю. Витте имела специальное финансирование сверх сметы ИАК: в 1896 году — 4000 руб., в 1897–1899 гг. — по 3000 руб. ежегодно (РГИА. Ф. 1293. Оп. 95. Д. 163; ИАК, 2009. С. 793).

Многие архитектурные памятники средневековья уже представляли собой развалины, поэтому план работы, разработанный Н. И. Веселовским, включал в себя обмеры, составление чертежей, рисунков, изготовление эстампажей и фотографий. В состав экспедиции входили: архитектор П. П. Покрышкин, художник С. М. Дудин, фотограф И. Ф. Чистяков, а также Н. И. Щербина-Крамаренко, А. В. Щусев и другие. В первый год экспедиции работы, в основном, велись в комплексе Гур-Эмир и Биби-ханум (ИАК, 2009. С. 793), и были продолжены в 1897–1898 гг. С этой экспедиции началось систематическое изучение архитектурных памятников Самарканда времени Тимура и Тимуридов по всему Туркестанскому краю.

Результатом осуществленных в течение ряда лет исследований было издание альбома «Мечети Самарканда» (Гур-Эмир, 1905), посвященного мавзолею-комплексу Гур-Эмир: были представлены история его строительства, технические параметры, чертежи, фрагменты изразцов с орнаментами. «Мировую славу Самарканда составляют его величественные мечети, построенные знаменитым Тимуром <…> и его ближайшими преемниками <…> Едва ли какое другое царствование на мусульманском Востоке может сравниться с царствованием Тимура в деле сооружения подобных памятников» (Там же. С. V). Сам Веселовский комментировал опубликованный альбом следующим образом: «Вышедший ныне первый выпуск альбома Самаркандских мечетей представляет, как с внешней, так и с внутренней стороны, явление у нас новое <…> Подобные предприятия доступны только правительству, ни одно ученое общество не в состоянии взять на себя подобную задачу, а рассчитывать на меценатов в таких случаях у нас трудно» (*Веселовский*, 1907). Здесь он имел в виду и трудности работы экспедиции, и большой формат книги, позволивший показать планы и детали здания в соответствующем масштабе, и качество бумаги, специально привезенной из Страсбурга.

Первоначально предполагалось, что «Мечети Самарканда» будут серийным изданием, включающим описание таких архитектурных памятников, как мечеть Биби-Ханым, медресе Мирзо Улугбека, Ак-Сарай в Шахрисябзе, мазар Рухабад и др. Но, к сожалению, последующие выпуски так и не увидели свет. Результаты проделанной работы хранятся ныне в РГИА, а фотографии были частично опубликованы в монографии, посвященной 150-летию Императорской археологической комиссии (ИАК, 2009. С. 794–795, 800, 802–805).

По результатам своих экспедиций Н. И. Веселовский опубликовал несколько статей в ЗВОРАО, имевших большое значение для того времени и посвященных найденным артефактам (*Веселовский*, 1888а; 1888б; 1889; 1894; и др.) и изученным архитектурным памятникам (*Веселовский*, 1907). В своих выступлениях на заседаниях Археологического общества он уже в 1886 г. попытался привлечь внимание научной общественности к необходимости изучения и сохранения архитектурных памятников Туркестанского края.

Таким образом, Н. И. Веселовский внес свою лепту в изучение исторического прошлого Туркестанского края — при всех недостатках его работ, по большей части объективно обусловленных. Это убедительно демонстрирует необходимость издания неопубликованных материалов исследователя, в частности собранных в регионе во время его историко-архитектурной экспедиции.

РГИА. Ф. 1293. Оп. 95. Д. 163: О поддержании от разрушения древних Самаркандских мечетей, построенных Тамерланом в г. Самарканд.

Археологические…, 1907 — Археологические раскопки в Туркестанском крае // ТС. 1907. Т. 433. С. 76–77.

Бартольд, 1977а — *Бартольд В. В.* Николай Иванович Веселовский. Некролог // Бартольд В. В. Сочинения. Т. IX. Работы по истории востоковедения / Отв. ред. А. Н. Кононов. М.: Наука ГРВЛ, 1977. С. 642–647.

Бартольд, 1977б — *Бартольд В. В.* Н. И. Веселовский как исследователь Востока и историк русской науки // Бартольд В. В. Сочинения. Т. IX. Работы по истории востоковедения / Отв. ред. А. Н. Кононов. М.: Наука ГРВЛ, 1977. С. 648–664.

Веселовский, 1888а — *Веселовский Н. И.* Поездка в местность Сусингян: В октябре 1885 года // ЗВОРАО. 1888. Т. II (1887). С. 25–33.

Веселовский, 1888б — *Веселовский Н. И.* Заметка о курганах Туркестанского края // ЗВОРАО. 1888. Т. II (1887). С. 221–226.

Веселовский, 1889 — *Веселовский Н. И.* Дагбид // ЗВОРАО. 1889. Т. III (1888). С. 85–95.

Веселовский, 1894 — *Веселовский Н. И.* Заметки о стеклянном производстве в Средней Азии // ЗВОРАО. 1894. Т. VIII (1893–1894). С. 137–138.

Веселовский, 1907 — *Веселовский Н. И.* Самаркандские мечети // ЗВОРАО. 1907. Т. XVII. С. 0181–0184.

Гур-Эмир, 1905 — Мечети Самарканда. Les mosquées de Samarcande. Вып. 1. Гур-Эмир. СПб.: Экспедиция заготовления государственных бумаг, 1905. IX с., табл.

ИАК, 2009 — Императорская Археологическая комиссия (1859–1917): К 150-летию со дня основания. У истоков отечественной археологии и охраны культурного наследия / Науч. ред.-сост. А. Е. Мусин; под общ. ред. Е. Н. Носова. СПб.: Дмитрий Буланин, 2009. 1186 с.

Лазаревская, 2002 — *Лазаревская Н. А.* Исследователь Средней Азии Николай Иванович Веселовский (по материалам фотоархива ИИМК РАН) // ЗВОРАО. Новая серия. 2002. Т. I (XXVI). С. 494–497.

Лунин, 1958 — *Лунин В. Б.* Из истории русского востоковедения и археологии в Туркестане. Туркестанский Кружок любителей археологии (1895–1917 гг.). Ташкент: Изд-во АН УзССР, 1958. 320 с.

Лыкошин, 1909 — *Лыкошин Н. С.* Очерк археологических изысканий в Туркестанском крае до учреждения Туркестанского Кружка любителей археологии // ТС. 1896. Т. 522. С. 1–33.

ОИАК, 1891 — Отчет ИАК за 1882–1888 гг. СПб.: тип. Императорской АН, 1891. CCCXXXIV, 132 с.

Смирнов, 2012 — *Смирнов А. С.* Ф. Р. Мартин и организация Самаркандской экспедиции Н. И. Веселовского в 1895 г. // РАЕ. 2012. № 2. С. 703–712.

ТВ, 1885 — [Заметка об окончании работ Н. И. Веселовского в Самарканде] // ТВ. 1885. № 43. 29 октября. С. 172.

Шишкин, 1969 — *Шишкин В. А.* К истории археологического изучения Самарканда и его окрестностей // Афрасиаб. Афрасиабская комплексная археологическая экспедиция: Сборник статей / Отв. ред. Я. Г. Гулямов. Вып. 1. Ташкент: Фан, 1969. С. 3–121.

Якубовский, 1940 — *Якубовский А. Ю.* Из истории археологического изучения Самарканда // ТОВГЭ. 1940. Т. II. С. 285–337.

The issues of archaeology and protection of the architectural monuments of the Turkestan region in the academic heritage of Nikolay I. Veselovsky

Feruza Sh. Shamukaramova[2]

The author considers the scientific trips (1884–1885, 1895) of the famous orientalist Nikolay I. Veselovsky to the Turkestan region. Basing on existing literature, periodicals, as well as archival materials the author presents Veselovsky's archaeological researches and works that had been carried out to rescue and preserve architectural monuments of the time of Timur and the Timurids.

Keywords: *Nikolay I. Veselovsky, Turkestan region, Zarafshan Valley, Samarkand, Afrasiab, Gur-e-Amir*

2 Feruza Sh. Shamukaramova — Institute of History of the Academy of Sciences of the Republic of Uzbekistan, 5 Shahrisabz St., Tashkent, 100060, Republic of Uzbekistan; e-mail: shferuza@yandex.ru; ORCID: 0009-0006-4667-3077.

Памятники искусства Центральной Азии в трудах Н. И. Веселовского

М. С. Назарова[1]

Аннотация. *Автор анализирует интерпретации художественного наследия Центральной Азии в трудах Н. И. Веселовского. Рассмотрен исторический контекст возникновения этих исследований, а также их рецепция и критика последующей наукой.*

Ключевые слова: *археология Центральной Азии, искусство Центральной Азии, Н. И. Веселовский, Самарканд, Афрасиаб, Иран*

https://doi.org/10.31600/978-5-6050962-0-7.29-32

В последней четверти XIX в., после присоединения Западного Туркестана к Российской империи, было положено начало систематическому всестороннему изучению культурного наследия этих земель. Главным инициатором научного осмысления местных археологических комплексов, а также памятников архитектуры и искусства была Императорская археологическая комиссия (*Длужневская, Кирчо*, 2019. С. 783). По ее заданию за десять месяцев 1885 г. Н. И. Веселовский провел археологическую и этнографическую разведку в Ферганской, Сыр-Дарьинской и Зеравшанской долинах. Также он ознакомился с местными частными коллекциями, содержавшими драгоценные и высокохудожественные находки из Туркестанского края, осмотрел памятники бухарской архитектуры и составил их описание для введения в научный оборот (*Лунин*, 1979. С. 41). В докладе, опубликованном в материалах Императорской археологической комиссии в 1886 г., Н. И. Веселовский отмечал, что количество поставленных задач было изрядным для одного лица. Однако ему удалось их исполнить «насколько это было возможно» (*Веселовский*, 1886. С. CXIII). Главной целью этой поездки являлось исследование городища Афрасиаб близ Самарканда, и изложение результатов археологических работ на Афрасиабе составило основное содержание доклада Н. И. Веселовского. Данное сообщение важно для истории научного изучения искусства и археологии Средней Азии тем, что впервые была предпринята попытка научно проанализировать и охарактеризовать археологический комплекс городища Афрасиаб, а также были описаны и продемонстрированы находки, представлявшие интерес не только для археологии, но также для истории архитектуры и изобразительного искусства.

Описание фрагментов крепостных стен и башен, предполагаемых мест расположения ворот, водоразборов, частных домов, а также материалов этих сооружений важны для создания архитектурной реконструкции города. Были обозначены приблизительные размеры городища: «пространство верст в 5–6» (*Веселовский*, 1886. С. XCIV). Конечно, сведений, озвученных на заседании Императорской комиссии в 1886 г., недостаточно для полноценного научного воссоздания облика древнего Афрасиаба, к тому же сам исследователь отмечал, что назначение некоторых помещений ему не ясно. Но все же важно отметить, что Н. И. Веселовский встал у истоков регулярных научных исследований памятника (*Двуреченская*, 2016. С. 13), в том числе изучения архитектуры, изобразительного и декоративно-прикладного искусства, создававшегося в Афрасиабе и попадавшего туда из других регионов. Однако уже в 1920-х гг. отечественные востоковеды отмечали, что, к сожалению, исследования афрасиабского городища, открытые там произведения искусства и материальной культуры не были Н. И. Веселовским систематизированы и проанализированы в цельной итоговой работе (*Бартольд*, 1921. С. 349).

Н. И. Веселовский обращал внимание, что подобные археологические находки попадаются в виде сильно поврежденных фрагментов (керамика, стекло), на основании чего выдвигалось предположение, что город был разграблен завоевателями, унесшими все ценное и примечательное. По другой версии Н. И. Веселовского, уцелевшие жители пострадавшего города сами забрали все значимое, покидая руины и переселяясь на новое место. Проанализировав осколки стеклянных сосудов и открытые им отходы стекольного производства, Н. И. Веселовский высказал предположение о наличии развитого стекольного дела в древнем Самарканде.

1 Мария Сергеевна Назарова — Санкт-Петербургский государственный университет технологии и дизайна, Большая Морская ул., д. 18, Санкт-Петербург, 191186, Российская Федерация; e-mail: maria.nz@mail.ru; ORCID: 0000-0001-6547-5988.

В ходе раскопок был выделен комплекс фрагментов расписной керамики с куфическими надписями. По словам Н. И. Веселовского, эти изделия и их декор отличало изящество исполнения, а искусные местные мастера ввели моду на каллиграфический декор. Эти находки позволили говорить о существовании в прошлом локальной школы, которая не имела аналогов в Средней Азии, но к XIX в. уже давно прекратила свое существование (*Веселовский*, 1886. С. С).

Также Н. И. Веселовский отмечал, что найденные местными жителями драгоценные произведения, древние украшения или монеты, сразу обрастают мифическими подробностями, а их количество множится до невероятных пределов с каждым новым пересказом истории (Там же. С. XCIV). Среди нумизматических материалов, не только археологически значимых, но и представлявших художественный интерес, упомянуты греко-бактрийские, сасанидские и древнекитайские монеты.

Об открытых на Афрасиабе фрагментах украшений Н. И. Веселовский сообщал, что многие из них тождественны убранству в прическах современных ему жительниц Средней Азии. Подчеркивалось сходство этой группы предметов с находками, сделанными на городище еще в 1870-х гг. В докладе Н. И. Веселовского перечислены бусы разной формы из цветных камней и стекла, жемчуг, подвесы для кос. Также упоминались в этом контексте бронзовые идолы, печати из камня и металла с восточной вязью, фигурками птиц и зверей.

Особой гордостью исследователя стали продемонстрированные во время доклада Императорской археологической комиссии терракотовые головки и фрагменты «глиняных гробов», впервые представленные научному сообществу. Н. И. Веселовский подробно описывал их декор, касаясь вопросов возможной интерпретации налепов: головок людей, животных и «медуз». Он описывал вариативность причесок и головных уборов, разнообразие этнических черт этих персонажей на декоративных элементах. Н. И. Веселовский указывал на близость одних произведений к греческой художественной манере исполнения, других — к персидской. Также докладчик обращал внимание на различия в качестве техники и технологии исполнения терракотовых голов, принадлежавших (по его предположению) культовым изображениям (Там же. С. CIII). Кроме этих памятников, требовавших, по мнению исследователя, дальнейшего изучения, к художественному наследию доисламского периода городища Афрасиаб Н. И. Веселовский отнес собранную им коллекцию буддистской малой пластики (Там же. С. CIV).

В 1895 г. Императорская археологическая комиссия начала масштабный проект по составлению научных описаний, фиксации и комплексному исследованию архитектурного наследия Самарканда. В качестве автора текстов для многотомного издания «Мечети Самарканда», которое воплотило бы в жизнь эту инициативу, был привлечен Н. И. Веселовский (*Лазаревская*, 2002. С. 495). Перед поездкой в Среднюю Азию он поручил фотографу И. Ф. Чистякову выполнить копии изображений «Туркестанского альбома», связанных с памятниками самаркандского зодчества. Исторические постройки и их декор фотографировались на месте в Самарканде (см.: *Назарова*, 2022. С. 204). В 1905 г. вышел в свет первый и единственный том серии «Мечети Самарканда», посвященный мавзолею Гур-Эмир (Гур-Эмир, 1905). Издание включало подробные чертежи и обмеры здания, зарисовки разнообразных элементов убранства на отдельных листах **(рис. 1)**.

В заключение отметим, что немалую важность для оценки вклада Н. И. Веселовского в изучение художественного ремесла Центральной Азии (Ирана и среднеазиатских государств) представляют также его работы о «восточных» дипломатических подарках в допетровской России: «Прием в России и отпуск среднеазиатских послов в XVII и XVIII столетиях» (*Веселовский*, 1884), «Памятники дипломатических сношений Московской Руси с Персией» (*Веселовский*, 1890), «Иван Данилович Хохлов, русский посланник в Персию и в Бухару в XVII веке» (*Веселовский*, 1891).

Бартольд, 1921 — *Бартольд В. В.* Н. И. Веселовский как исследователь Востока и историк русской науки // ЗВОРАО. 1921. Т. 25 (1917–1920). С. 337–355.

Веселовский, 1884 — *Веселовский Н. И.* Прием в России и отпуск среднеазиатских послов в XVII и XVIII столетиях // ЖМНП. 1884. Ч. CCXXXIV. № 7. С. 68–105.

Веселовский, 1886 — *Веселовский Н. И.* Сообщения о раскопках на городище Афрасиаб близ Самарканда в 1885 г. // ЗИРАО. 1886. Т. II. Вып. II. С. XCII–CIV.

Веселовский, 1890 — Памятники дипломатических и торговых сношений Московской Руси с Персией / Под ред. Н. И. Веселовского. Т. 1. Царствование Федора Иоанновича. СПб.: Товарищество Паровой Скоропечатни Яблонский и Перотт, 1890. [6], 455 с. (Отт. из Трудов ВОРАО. Т. 20–22).

Веселовский, 1891 — *Веселовский Н. И.* Иван Данилович Хохлов, русский посланник в Персию и в Бухару в XVII веке // ЖМНП. 1891. Ч. CCLXXIII. № 1. С. 48–72.

Рис. 1. Северная внутренняя ниша мечети Гур-Эмир. Рис. П. П. Покрышкина (по: Гур-Эмир, 1905. Табл. IX)
Fig. 1. The northern internal niche of the mosque Gur-e-Amir. Drawing by Petr P. Pokryshkin (after Гур-Эмир, 1905. Табл. IX)

Гур-Эмир, 1905 — Мечети Самарканда. Les mosquées de Samarcande. Вып. 1. Гур-Эмир. СПб.: Экспедиция заготовления государственных бумаг, 1905. IX с., табл.

Двуреченская, 2016 — *Двуреченская Н. Д.* Терракотовая пластика древнейших государств Средней Азии. IV в. до н. э. — IV в. н. э. Археологический аспект. СПб.: Нестор-История, 2016. 610 с.

Длужневская, Кирчо, 2019 — *Длужневская Г. В., Кирчо Л. Б.* Императорская археологическая комиссия и изучение древностей Средней Азии // Императорская археологическая комиссия (1859–1917): история первого государственного учреждения российской археологии от основания до реформы: коллективная монография: в 2 т. Т. 1 / Науч. ред.-сост.: А. Е. Мусин, М. В. Медведева. 2-е изд., перераб. и доп. СПб.: ИИМК РАН, 2019. С. 783–812.

Лазаревская, 2002 — *Лазаревская Н. А.* Исследователь Средней Азии Николай Иванович Веселовский (по материалам фотоархива ИИМК РАН) // ЗВОРАО. Новая серия. 2002. Т. I (XXVI). С. 494–497.

Лунин, 1979 — *Лунин Б. В.* Средняя Азия в научном наследии отечественного востоковедения. Историографический очерк. Ташкент: Фан, 1979. 182 с.

Назарова, 2022 — *Назарова М. С.* Визуализация культуры и искусства Средней Азии в России конца XIX — начала XX вв. от «Туркестанского альбома» к коллекции С. М. Прокудина-Горского // Рождение Российской империи: взгляд сквозь столетия: Материалы Всероссийской научной конференции (21–22 октября 2021 г.) / Под ред. С. Н. Рудника, Е. А. Самыловской. СПб.: Культурно-просветительское товарищество, 2022. С. 199–207.

The art heritage of Central Asia in the works by Nikolay I. Veselovsky

Maria S. Nazarova[2]

The author tries to analyze the interpretations of the material culture and art heritage of Central Asia in the works by Nikolay I. Veselovsky. The historical context of the emergence of these studies is considered, as well as their reception and criticism by subsequent scholars.

Keywords: *archaeology of Central Asia, Central Asian art, Nikolay I. Veselovsky, Samarkand, Afrasiyab, Iran*

2 Maria S. Nazarova — Saint Petersburg State University of Industrial Technologies and Design, 18 Bolschaya Morskaya St., St. Petersburg, 191186, Russian Federation; e-mail: maria.nz@mail.ru; ORCID 0000-0001-6547-5988.

История Самарканда в исследованиях Н. И. Веселовского (на основе материалов российских архивов и экспозиций Эрмитажа)

Д. Н. Раджабова[1]

Аннотация. *Автор, опираясь на материалы российских архивов и экспозиций Эрмитажа, вводит в оборот ряд важных фактов из жизни и научной деятельности Н. И. Веселовского, ученого-востоковеда, археолога, внесшего неоценимый вклад в дело изучения Туркестана и, в частности, Самарканда.*

Ключевые слова: *Самарканд, Афрасиаб, археологические памятники, мечеть, медресе, архив, Эрмитаж*

https://doi.org/10.31600/978-5-6050962-0-7.33-36

Среди востоковедов прошлого, внесших неоспоримый вклад в изучение истории Туркестанского края, одной из наиболее значительных фигур является Н. И. Веселовский[2], основоположник исследования историко-археологического наследия Самарканда.

Николай Иванович Веселовский начал свою научно-исследовательскую деятельность, еще будучи слушателем факультета восточных языков Петербургского университета. Именно там у него проявился интерес к изучению исторического прошлого Средней Азии.

В личном деле Веселовского имеется прошение факультета восточных языков о предоставлении Николаю Ивановичу возможности ознакомиться с документами Московского архива Министерства иностранных дел по поводу сношения с государствами Средней Азии и предоставления ему командировки на три месяца (с 20 апреля 1881 г.) с выделением 300 рублей (ЦГИА. Ф. 14. Оп. 1. Д. 7827. Л. 24). В конце 1884 г. Веселовский отправляется в Туркестан, а в марте 1885 г. он уже копал Афрасиаб (т. е. был в Самарканде) (см.: *Длужневская*, 2008. С. 157 сл.).

В письме барона В. Р. Розена в Совет Императорского Санкт-Петербургского университета о командировании Веселовского в Туркестанский край сроком на 1 год «для систематического исследования Афрасиабова городища близ Самарканда» отмечено, «что подобная командировка в виду богатых научных результатов, представляется весьма желательной. Для подобного дела нельзя было отыскать более подготовленного и более подходящего, чем г. Веселовский, ибо помимо прямой научной добычи это научное путешествие благотворно отзовется и на преподавательской деятельности г. Веселовского, добавив ему совершенно новые — неизведанные ученому миру материалы» (ЦГИА. Ф. 14. Оп. 1. Д. 7827. Л. 36). По итогам этой командировки Н. И. Веселовский на общем собрании Русского археологического общества 11 февраля 1886 г. выступил с докладом «О раскопках в городище Афрасиаб близ Самарканда». Кроме того, с трибун археологических съездов Николай Иванович пытался привлечь внимание ученых и общественности к историческому прошлому Самарканда и к судьбе его исторических памятников (*Веселовский*, 1887; 1902; Гур-Эмир, 1905; ЦГИА. Ф. 14. Оп. 1. Д. 7827. Л. 68, 89 и др.). В частности, вопросы исследования мавзолея Гур-Эмир, Шахи-Зинда, соборной мечети Биби-Ханым, мавзолея Ахмада Ясави и др. фигурируют в его рапорте ректору Императорского Санкт-Петербургского университета, в котором ученый изъявляет желание «изучить Самаркандские памятники и снять копии с надписей» (ЦГИА. Ф. 14. Оп. 1. Д. 7827. Л. 103, 108).

Веселовским опубликованы отчеты и отдельные соображения по поводу изученных памятников Самарканда. Ученый не раз выступал с сообщениями на эти темы на различных заседаниях Русского географического общества, Русского комитета для изучения Средней и Восточной Азии, Отделения русской и славянской археологии Русского археологического общества. В РГИА имеется ряд материалов, детально раскрывающих деятельность Н. И. Веселовского и Императорской археологической комиссии: «Об ассигновании средств на расходы по снаряжению экспедиции для собирания материала по описанию самаркандских древностей»

1 Дилора Назаровна Раджабова — Самаркандский государственный университет, Университетский бульвар, д. 15, Самарканд, 140104, Республика Узбекистан; e-mail: dilora0403@mail.ru.

2 Впервые частично опубликовано см.: *Раджабова*, 2018. — *Примеч. отв. ред.*

(РГИА. Ф. 468. Оп. 13. Д. 1272), «Об отпуске средств на работы, связанные с описанием самаркандских древностей» (Там же. Д. 1804, 2154), «Об отпуске сумм на изготовление чертежей и рисунков самаркандских мечетей» (Там же. Д. 2509), «О передаче в ведение Археологической комиссии памятников древнего мусульманского зодчества в Туркестане эпохи Тамерлана» (Там же. Ф. 565. Оп. 1. Д. 3573), «О приобретении от капитана Литвинова рисунков Туркестанских мечетей» (Там же. Ф. 789. Оп. 12. Д. «3»-26. Ч. V. Л. 18) и др.

В фондах Эрмитажа хранятся 1202 предмета, приобретенных Императорской археологической комиссией, в работах которой принимал участие Н. И. Веселовский. Сюда можно отнести фрагмент оссуария с изображением фасада здания, крышку оссуария, увенчанную мужской головой (оба — Афрасиаб, VII в.), геммы с изображением женской фигуры с шарфом и др. Это далеко не полный перечень приобретений, сделанных Н. И. Веселовским за время его исследовательской работы в Самарканде.

Архивные материалы содержат опись предметов древности, доставленных Н. И. Веселовским из Той-Тюбе, Чорлоктепе, Ферганской области (Аштау, Чодак, Чует, Ахсы, Касан, Узген), из раскопок Афрасиаба (с 8 апреля по 14 августа), купленных в Бухаре, Фергане и Сыр-Дарьинской области, в Самарканде, Аксы (Там же. Ф. 1. Оп. 1. Д. 20. Л. 90–164). Опись включает также коллекции древних вещей, купленных в Самарканде: а) коллекция Юнусова, б) коллекция Хаджи-Заргера, в) коллекция Мирзы Бухарина, г) «покупки у Хафиза» и «покупки у бедняков (байкушей) из Афрасиаба и окрестных местностей», а также «подарки», полученные Н. И. Веселовским во время его пребывания в Туркестане. В этой описи фигурируют следующие приобретения, «паспортизированные» по месту находки или покупки: 4 медные монеты и обломки от них из Ахсы; серебряная монета бухархудатов из Афрасиаба; 16 серебряных монет из Бухары; монеты из Кермине; 25 серебряных тимуридских монет, купленных в Самарканде; 37 серебряных джагатайских монет, купленных в Самарканде; 40 серебряных редких монет, купленных в Самарканде; 2 серебряные монеты илеков, купленные в Самарканде; 12 серебряных джагатайских мелких монет и 1 газневидская, купленные в Самарканде; 3 золотые монеты, купленные в Самарканде; 6 серебряных монет, купленных в Самарканде; 5 медных монет, купленных в Самарканде; 20 серебряных монет, купленных в Каттакургане; 9 серебряных монет, купленных в Ахсы; 1 илекская и 24 саманидские монеты, купленные в Ташкенте; 18 серебряных шейбанидских монет, купленных в Ташкенте; клад мелких монет из Ташкента; 31 серебряная шейбанидская монета, купленная в Ташкенте; 12 медных монет илек-ханов, купленных в Намангане; 23 шейбанидские монеты, купленные в Ташкенте; 1 золотая византийская монета из Ахсы.

В РГИА содержатся фотоснимки и зарисовки предметов древности (бронза, терракота и др.) из коллекции Литинского к труду Н. И. Веселовского об Афрасиабе (*Лунин*, 1979. С. 172–173).

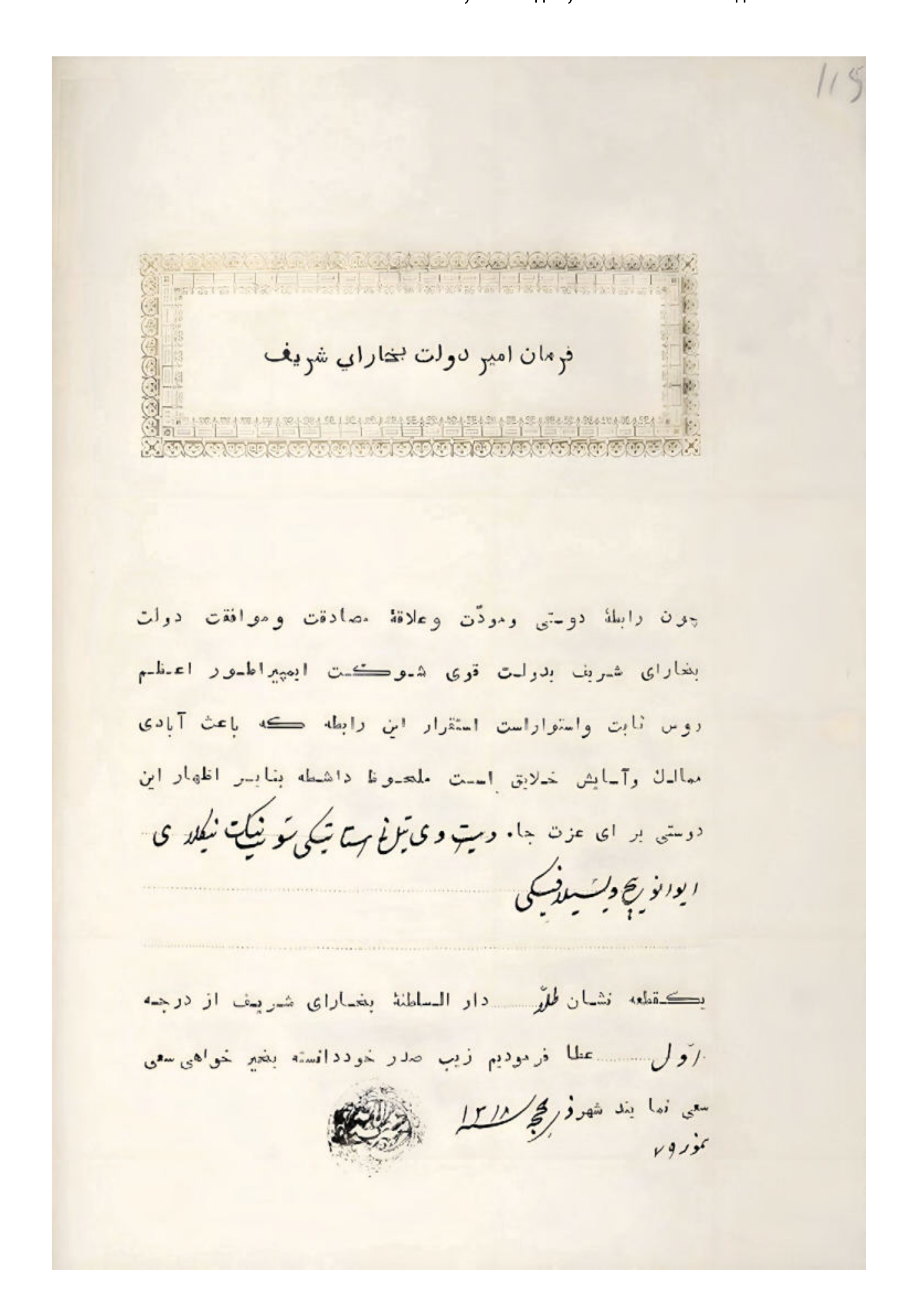
В личном деле Николая Ивановича также отражена его педагогическая деятельность: имеется записка руководителю Археологического института И. Е. Андреевскому с выражением благодарности за избрание его почетным членом института (ЦГИА. Ф. 119. Оп. 1. Д. 482. Л. 7), прошение министру народного просвещения о разрешении читать лекции в Археологическом институте (Там же. Л. 8), разрешение читать лекции по предмету первобытных древностей Европы и Азии (Там же. Л. 9).

Выдающиеся заслуги ученого были оценены по достоинству. В личном деле Веселовского имеется указ императора Николая II о его награждении орденом Святого Станислава первой степени. Указом бухарского эмира ему была присуждена Золотая Бухарская Звезда **(рис. 1)** (Там же. Л. 115). Также ему было выдано свидетельство о предоставлении «права ношения на груди Высочайше утвержденной, в память 300-летия царствования Дома Романовых, светло-бронзовой медали» (Там же. Л. 155).

В лице Н. И. Веселовского востоковедение имело ученого, всегда и во всем исходившего из твердого убеждения, что «Россия неразрывно связана с Востоком» и в соответствии с этим убеждением уделявшего историческим судьбам последнего первостепенное внимание. С его именем связан начальный этап научного изучения многочисленных памятников, находящихся на территории Центральной Азии. Хотелось бы пожелать, чтобы заинтересованные исследователи уделили в ближайшее время самое пристальное внимание изучению архивов не только Н. И. Веселовского, но и А. Л. Куна, П. И. Лерха, В. В. Григорьева и других видных ученых-туркестановедов.

РГИА. Ф. 468. Оп. 13. Д. 1272: Об ассигновании средств на расходы по снаряжению экспедиции для собирания материала по описанию самаркандских древностей.

РГИА. Ф. 468. Оп. 13. Д. 1804: Об отпуске средств на работы, связанные с описанием самаркандских древностей.

115

فرمان امیر دولت بخارای شریف

چون رابطهٔ دوستی ومودّت وعلاقهٔ مصادقت وموافقت دولت
بخارای شریف بدولت قوی شوکت ایمپیراطور اعظم
روس ثابت واستواراست استقرار این رابطه که باعث آبادی
ممالك وآسایش خلایق است ملحوظ داشته بنابر اظهار این
دوستی بر ای عزت جاه دیست وی تیل نی ستاتیکی سوونیک نیکلای
ایوانویچ ویسیلافسکی

یکقطعه نشان طلا .... دار السلطنهٔ بخارای شریف از درجه
اوّل .... عطا فرمودیم زیب صدر خوددانسته بخیر خواهی سعی
سعی نما یند شهر ذیحجه سنه ۱۳۱۸
محرر ۷

Рис. 1. Указ бухарского эмира о присуждении Н. И. Веселовскому Золотой Бухарской Звезды (ЦГИА. Ф. 119. Оп. 1. Д. 482. Л. 115)

Fig. 1. The decree by the Amir of Bukhara on awarding Nikolay I. Veselovsky the order of the Golden Star of Bukhara (ЦГИА. Ф. 119. Оп. 1. Д. 482. Л. 115)

РГИА. Ф. 468. Оп. 13. Д. 2154: Об отпуске средств на работы, связанные с описанием самаркандских древностей.

РГИА. Ф. 468. Оп. 13. Д. 2509: Об отпуске сумм на изготовление чертежей и рисунков самаркандских мечетей.

РГИА. Ф. 565. Оп. 1. Д. 3573: О передаче в ведение Археологического Комитета памятников древнего мусульманского зодчества в Туркестане эпохи Тамерлана.

РГИА. Ф. 789. Оп. 12. Д. «3» 26: О приобретении от капитана Литвинова рисунков Туркестанских мечетей.

ЦГИА. Ф. 14. Оп. 1. Д. 7827: Об избрании магистра Веселовского в штатные доценты по истории Востока.

ЦГИА. Ф. 119. Оп. 1. Д. 482: Веселовский Н. И. Личное дело.

Веселовский, 1887 — Реферат доклада Н. И. Веселовского «О надгробном памятнике Тимура (Тамерлана) в г. Самарканде» // Известия о занятиях VII археологического съезда в Ярославле 6–20 августа 1887 года. Ярославль: Б/и, 1887. С. 5–6.

Веселовский, 1902 — *Веселовский Н. И.* О последнем разорении города Самарканда // Труды одиннадцатого археологического съезда в Киеве 1899 / Под ред. графини Уваровой и С. С. Слуцкого. Т. II. М.: Печатня А. И. Снегиревой, 1902. С. 110.

Гур-Эмир, 1905 — Мечети Самарканда. Les mosquées de Samarcande. Вып. 1. Гур-Эмир. СПб.: Экспедиция заготовления государственных бумаг, 1905. IX с., табл.

Длужневская, 2008 — *Длужневская Г. В.* Изучение памятников Средней Азии в период деятельности императорской археологической комиссии (1859–1917 гг.): фотоматериалы научного архива Института истории материальной культуры РАН // РА. 2008. № 3. С. 157–164.

Лунин, 1979 — *Лунин Б. В.* Средняя Азия в научном наследии отечественного востоковедения. Историографический очерк. Ташкент: Фан, 1979. 182 с.

Раджабова, 2018 — *Раджабова Д.* Роль Н. И. Веселовского в изучении памятников Средней Азии // XIX–XX аср бошларида Марказий Осиёда интеллектуал мерос: анъаналар ва инновациялар илмий тўплами. Тошкент, 2018. С. 284–289.

The history of Samarkand in the studies of Nikolay I. Veselovsky (based on materials of the Russian archives and the State Hermitage Museum expositions)

Dilora N. Radjabova[2]

The author, basing on materials from Russian archives and the State Hermitage Museum, introduces several important facts on the life and research activity of Nikolay I. Veselovsky, the archaeologist and orientalist who made an invaluable contribution to the study of Turkestan and, in particular, Samarkand.

Keywords: *Samarkand, Afrasiab, archaeological sites, mosque, madrasa, archive, the State Hermitage Museum*

3 Dilora N. Radjabova — Samarkand State University, 15 University Blvd., Samarkand, 140104, Republic of Uzbekistan; e-mail: dilora0403@mail.ru.

Коллекция документов Н. И. Веселовского и Русского археологического общества по истории Русской духовной миссии в Пекине и Монголии в собрании Научного архива ИИМК РАН

М. В. Мандрик[1]

Аннотация. *В фондах №18 археолога и ориенталиста Н. И. Веселовского и №3 РАО в собрании Научного архива ИИМК РАН сохранились документы о путешествиях приставов Русской духовной миссии в Пекин полковника М. В. Ладыженского (1830–1831) и будущего сенатора Н. И. Любимова (1840–1841). Документы практически не введены в научный оборот. Они освещают тонкости взаимоотношений членов российской миссии с китайскими и монгольскими чиновниками и военными, затрагивают особенности быта Китая и Монголии, содержат полный список предметов, привезенных М. В. Ладыженским из Китая, описание имущества миссии в Пекине и многое другое. Коллекция документов представляет большой научный интерес.*

Ключевые слова: *собрание документов Н. И. Веселовского, Русское археологическое общество, Научный архив ИИМК РАН, приставы Русской духовной миссии в Пекине полковник М. В. Ладыженский и Н. И. Любимов*

https://doi.org/10.31600/978-5-6050962-0-7.37-39

В Рукописном отделе Научного архива ИИМК РАН в фондах известного археолога, ориенталиста Н. И. Веселовского и Русского археологического общества (далее — РАО) хранятся документы по истории Русской духовной миссии в Пекине (далее — РДМ). Имеющиеся документы можно считать единым комплексом, так как Н. И. Веселовский, как член РАО, по заданию Общества занимался изданием документов по истории миссии, о чем и сохранилась переписка в делах РАО. При обработке документы были разделены архивистами по формальному признаку: одни документы остались в фонде археолога, а другие — отложились в делопроизводстве РАО. О принадлежности части документов из фонда Н. И. Веселовского к РАО свидетельствует тот факт, что еще в 1857 г. ярославский архиепископ Нил подарил обществу рукописный сборник с различными статьями о Китае, куда вошли и сочинения Софрония Грибовского, и отдельные листы (или их копии), оказавшиеся у археолога.

Основу документов составляют копии, подлинники которых хранятся в Российском государственном историческом архиве (г. Санкт-Петербург) и в Архиве внешней политики Российской империи, фонд Главного архива (г. Москва). Однако некоторые документы могут являться подлинниками — черновиками, которые попали к Н. И. Веселовскому от Марии Богдановны Аничковой, вдовы дипломата, тайного советника Николая Адриановича Аничкова (1809–1892).

Особую ценность по истории РДМ составляет дело № 234 «Материалы о Российских духовных миссиях в Пекин за 1830–1840 гг. (копии: донесений, путевые журналы, описания, статистические записки, сведения о штате, выписки из отчетов и др.)» (НА ИИМК. РО. Ф. 18. Оп. 1). Оно составляет 268 листов (немногим более 500 страниц), исписанных мелким, убористым почерком переписчика. Дело содержит различные донесения в Азиатский департамент и генерал-губернатору Восточной Сибири А. С. Лавинскому, значительная часть из них принадлежит перу пристава РДМ полковника М. В. Ладыженского, на некоторых документах имеются приписки Н. И. Веселовского. Донесения весьма подробные и представляют большой научный интерес для востоковедов. В деле также имеются: список обер-офицеров, старшин и казаков пограничного войска (НА ИИМК. РО. Ф. 18. Оп. 1. Д. 234. Л. 11–16), сопровождавших 11-ю РДМ в 1830–1831 гг.; «Опись вещам, вывезенным из Китая полковником Генерального штаба М. Ладыженским»[2] (Там же. Л. 19–38об.); «Описание земель, лавок и домов в Пекине при Грекороссийских церквях

1 Мария Вячеславовна Мандрик — Институт истории материальной культуры РАН, Дворцовая наб., д. 18А, Санкт-Петербург, 191186, Российская Федерация; e-mail: mmandrik@mail.ru; ORCID: 0000-0001-5166-1851.

2 Насчитывает 364 предмета, разделена на 23 раздела, например: образцы костюмов, монеты, обыкновенные и общие знаки чинов, вооружение, игрушки, фарфор, лаковые, каменные и другие вещи, разные предметы для игр.

состоящих, составленное в 1831 г.» (Там же. Л. 39–44об.); «Общий взгляд на здания, принадлежащие Российской казне в Пекине» (1832) (Там же. Л. 67–68); документы 12-й РДМ: «Путевой журнал члена Пекинской миссии Васильева (Журнал пути от Кяхты к Пекину). 1849 г.» (Там же. Л. 220–240об.) и «Ведомость о издержках нужных на отправление в 1840 г. Духовной Миссии в Пекин» (Там же. Л. 244–244об.), и многое другое.

Документы о 12-й РДМ имеется и в деле № 64 «О Китае и Российско-Пекинской миссии (не полная рукопись и выписки)» (Там же. Ф. 18. Оп. 1). Первые 4 листа являются черновым вариантом рукописи предисловия Н. И. Веселовского к изданию труда Софрония Грибовского «Уведомление о начале бытия россиян в Педзине и о существовании в оном Греко-российской веры», опубликованного в «Материалах для истории Российской Духовной Миссии в Пекине» (Материалы… 1905). Далее помещены выписки из донесений пристава Н. И. Любимова и записка графа К. В. Нессельроде «О назначении надворного советника Любимова приставом пекинской миссии, и инструкции и предписания ему» от 9 декабря 1839 г. Судя по данным из другого дела, где хранится опись документов, полученных от М. Б. Аничковой, эта записка проходила в описи под № 19, что объясняет ее появление у Н. И. Веселовского (Там же. Ф. 3. Оп. 1. Д. 293. Л. 13об.). К. В. Нессельроде в частности писал, что его выбор пал на Н. И. Любимова, как уже несколько лет заведующего «отделением при департаменте, в которое входят и дела по сношению с Китаем, ему в подробности известно все, что касается до видов и отношений наших к сему государству и потому оных наблюдений и сведений, какие он соберет на самых местах, можно ожидать сугубой пользы» (Там же. Ф. 18. Оп. 1. Д. 64. Л. 8об.).

Дело № 293 из фонда РАО «Об издании рукописи Софрония Грибовского о Пекинских духовных миссия» (НА ИИМК. РО. Ф. 3. Оп. 1) имеет неточное название, которое охватывает лишь часть хранящейся информации. В действительности, в деле отложилась деловая переписка, связанная с публикацией РАО материалов по истории РДМ и его попытках получить другие рукописи по теме. В связи с изданием материалов Софрония Грибовского РАО пыталось найти похожий труд архимандрита Даниила «Описание пекинского Сретинского монастыря» и обращалось с просьбами к архиепископу Иркутскому и Верхоленскому Тихону и епископу Забайкальскому. Рукопись не была тогда найдена, но в деле сохранились пять писем по этому вопросу. Из Казанской духовной академии оповещали о присылке рукописей «Записка о Китае Н. И. Вознесенского, 1799» и «Путевой журнал о следовании духовной свиты и учеников Дай-Цинского государства в гор. Пекин 1794 г.».

Второй блок переписки состоит из писем РАО и Н. И. Веселовского к вдове дипломата М. Б. Аничковой, у которой хранился архив сенатора Н. И. Любимова. Именно Н. И. Веселовский сообщил РАО, что у вдовы хранятся отчеты и записки сенатора о двукратной поездке его в Китай: в Пекин в 1840 г. в качестве пристава миссии, а также в Кульджу и Чугучак — под видом торговца Хорошева. РАО просило временно выдать документы для подготовки их к публикации. Вдова обещала выслать их уже в июне, опись на полученные документы РАО прислало ей только 28 октября (Там же. Ф. 3. Оп. 1. Д. 293. Л. 12). Среди присланных документов значилась, к примеру, тетрадь «со сведениями по предметам торговли» с Китаем, путевой журнал миссии с 22 июля по 1 августа 1840 г., черновики ревизии по расходам РДМ, записки об английских делах в Пекине, «О внешних препятствиях к развитию Кяхтинской торговли», «О границах наших с Китаем и пограничной страже», «О Пекинской духовной миссии и сношениях наших с Китаем» и др. (Там же. Л. 13–13об.). В деле хранятся также письма РАО в Архив министерства иностранных дел с просьбой допустить Н. И. Веселовского к работе с документами Н. И. Любимова.

Хотя коллекция документов о деятельности РДМ в Научном архиве ИИМК РАН имеет копийный характер, она представляет большой научный интерес как комплекс различных документов по одной теме, собранных вместе для последующего издания.

НА ИИМК. РО. Ф. 18. Оп. 1. Д. 64: О Китае и Российско-Пекинской миссии (не полная рукопись и выписки). Б/д. 13 л.

НА ИИМК. РО. Ф. 18. Оп. 1. Д. 234: Материалы о Российских духовных миссиях в Пекин за 1830–1840 гг. (копии: донесений, путевые журналы, описания, статистические записки, сведения о штате, выписки из отчетов и др.). Б/д. 268 л.

НА ИИМК. РО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 293: Об издании рукописи архимандрита Софрония Грибовского о Пекинских духовных миссиях. 21 дек. 1904 — 17 дек. 1907 гг. 26 л.

Материалы…, 1905 — Материалы для истории Российской духовной миссии в Пекине / Под ред. [и с предисл.] Н. И. Веселовского. СПб.: тип. Гл. упр. Уделов, 1905. Вып. 1. 72 с.

The Nikolay I. Veselovsky and the Russian Archaeological Society collection on the history of the Russian Orthodox Mission in Beijing and Mongolia at the Manuscript Department of Scientific Archive of IHMC of the RAS

Maria V. Mandrik[3]

In the private collection of the archaeologist and orientalist Nikolay I. Veselovsky (Coll. No. 18, the Manuscript Department of Scientific Archive of IHMC RAS) and in Coll. No. 3 of the Russian Archaeological Society, there are documents on the trips of the bailiffs of the Russian Orthodox Mission to Beijing, Colonel M. V. Ladyzhensky (1830–1831) and the future senator N I. Lyubimov (1840–1841). The documents have practically not been introduced into academic circulation. Those documents cover the intricacies of the relationship between the members of the Russian mission with the Chinese and Mongolian officials and the military, they touch upon the peculiarities of life in China and Mongolia, they give a complete list of items brought by M. V. Ladyzhensky from China, a description of the existing property of the mission in Beijing, and many others etc. The collection of documents has a significant scientific interest.

Keywords: *collection of documents by Nikolay I. Veselovsky, the Russian Archaeological Society, the Manuscript Department of Scientific Archive of IHMC RAS, bailiffs of the Russian Orthodox Mission to Beijing, colonel M. V. Ladyzhensky, N. I. Lyubimov*

3 Maria V. Mandrik — Institute for the History of Material Culture of the RAS, 18A Dvortsovaya Emb., St. Petersburg, 191186, Russian Federation; e-mail: mmandrik@mail.ru; ORCID: 0000-0001-5166-1851.

Письма А. С. Попова к Н. И. Веселовскому: о роли одного любителя в истории археологии[1]

П. С. Дрёмова[2]

Аннотация. *Статья посвящена обзору трех находок, случайно сделанных на Кавказе в начале XX в. и поступивших в Императорскую археологическую комиссию, а затем в Императорский Эрмитаж при посредничестве А. С. Попова — чиновника Министерства финансов. Его письма, отложившиеся в личном фонде Н. И. Веселовского, раскрывают подробности обнаружения древностей и историю их попадания в Императорскую археологическую комиссию.*

Ключевые слова: *Н. И. Веселовский, А. С. Попов, случайные находки, Кавказский регион, Императорская археологическая комиссия, архивные документы, Научный архив ИИМК РАН*

https://doi.org/10.31600/978-5-6050962-0-7.40-43

Предметы музейного хранения имеют свою уникальную историю обретения, которая зачастую не находит отражения в сопроводительных документах и поэтому часто не попадает в фокус внимания исследователей. Пролить свет на обстоятельства, связанные с обнаружением случайных находок и их приобретением, помогает тщательное изучение архивных материалов: информацию можно почерпнуть не только из канцелярских бумаг учреждений, но и из эпистолярных текстов. Подтверждением этому служит серия писем, адресованных Н. И. Веселовскому его приятелем А. С. Поповым[3].

Александр Сергеевич Попов (1865 — после 1916 г.) был потомственным дворянином, получил высшее образование на юридическом факультете Санкт-Петербургского Императорского университета, служил в Министерстве финансов, где сделал карьеру. В 1902–1906 гг. А. С. Попов служил податным инспектором Бакинского уезда, затем — начальником второго отделения Бакинской казенной палаты[4] (РГИА. Ф. 560. Оп. 20. Д. 630. Л. 89об. № 94об.). Местом встречи этих разных по роду занятий людей, по-видимому, стала Анапа, в окрестностях которой Н. И. Веселовский регулярно вел археологические работы и где у семьи Поповых был «каменный дом» (Там же. Л. 89об.). Дружеские взаимоотношения переросли в довольно регулярную переписку, о которой свидетельствуют 13 писем, датированных 1902–1913 гг. Хотя большая часть эпистолярия носит личный характер: автор писем повествует о перипетиях своей службы, домашних делах, новостях и личных впечатлениях,— отдельные письма имеют прямое отношение к археологическим сюжетам (НА ИИМК РАН. РО. Ф. 18. Оп. 1. Д. 379).

В 1900-е гг. ИАК при посредничестве А. С. Попова трижды приобретает ценные археологические предметы, случайно обнаруженные в Кавказском регионе[5]. В 1902 г. ИАК выкупила у жителя Дагестанской области Имам Мамед-оглы серебряные сасанидские сосуды. Организатором сделки между владельцем вещей и государственным археологическим органом выступил А. С. Попов. В личном письме от 26 сентября 1902 г. он сообщал Н. И. Веселовскому о двух серебряных сосудах — «вазочке»[6] и «чашке», — найденных в Ставропольской губер-

1 Исследование выполнено при финансовой поддержке РНФ (проект № 22-18-00187, https://rscf.ru/project/22-18-00187/ «Неопубликованная "Карта по археологии Причерноморья" И. В. Фабрициус (архивные документы, междисциплинарные исследования, современные интерпретации)» в ИИМК РАН.

2 Полина Сергеевна Дрёмова — Институт истории материальной культуры РАН, Дворцовая наб., д. 18А, Санкт-Петербург, 191186, Российская Федерация; e-mail: pdremova8@gmail.com; ORCID: 0000-0001-9774-8995.

3 В личном фонде Н. И. Веселовского отложился комплекс писем, связанный с семьей Поповых (НА ИИМК РАН. РО. Ф. 18. Оп. 1. Д. 375—379): имеются письма от А. С. Попова, его жены Елизаветы Афанасьевны и их дочерей Зои и Марины.

4 По данным на 1916 г. имел чин статского советника и служил ревизором управления государственными сберегательными кассами по Ташкентскому району (Список личного состава…, 1916. С. 122).

5 История поступления находок отражена в трех делах ИАК: НА ИИМК РАН. РО. Ф. 1. Оп. 1. 1902. Д. 255; 1904. Д. 85; 1906. Д. 20.

6 Сосуд, датированный VI–VII вв. (инв. № S-70), был опубликован под названием «бутыль серебряная — птицы и Сенмурв в ромбах» (см.: *Тревер, Луконин*, 1987. С. 116, 127. Ил. 92–95).

нии, попавших затем в Дагестанскую область, а после в Баку. Для большей убедительности к письму были приложены две фотографии в масштабе 1:2[7]. Предполагая затруднения, которые могут возникнуть с приобретением находок[8], А. С. Попов выразил готовность помочь: «напишите мне, напишите и цену, может, и уломаю этого дурака — хотя трудно» (НА ИИМК РАН. РО. Ф. 18. Оп. 1. Д. 379. Л. 1–2).

История с серебряными сосудами нашла продолжение в делах ИАК. А. С. Попову действительно удалось договориться с владельцем о снижении цены: телеграммой 9 октября 1902 г. он сообщал Н. И. Веселовскому о конечной сумме в 450 рублей (НА ИИМК РАН. РО. Ф. 1. Оп. 1. 1902. Д. 255. Л. 1). Через два дня денежный пакет[9] был выслан на имя А. С. Попова в Баку, а 20 октября владелец вещей дал расписку о получении денег в обмен на «две старинные серебряные вещи (блюдечко и вазочку)» (Там же. Л. 7). Где-то месяц спустя вещи были доставлены в ИАК[10], а затем поступили на хранение в Императорский Эрмитаж (Там же. Л. 8–9). Информация была помещена в разделе случайных находок отчета ИАК (ОИАК, 1904. С. 138. Рис. 245), а также оба сосуда были опубликованы в атласе Я. И. Смирнова (Восточное серебро, 1909. Табл. CX, CXV).

В 1904 г. при посредничестве А. С. Попова ИАК приобрела от анапского мещанина Леонтьева золотые вещи (кольцо, розетки, листки от венка и пр.), найденные при земляных работах в ограбленном в древности каменном саркофаге (ОИАК, 1907. С. 126–127). Об обнаружении элементов погребального костюма Н. И. Веселовскому стало известно из письма, отправленного его приятелем «на позднем отлете из Анапы» (НА ИИМК РАН. РО. Ф. 18. Оп. 1. Д. 379. Л. 4–5об.). Среди находок А. С. Попов выделял золотое ажурное кольцо[11], сделанное из массивной проволоки, «из которой выползает змея, тоже золотая, с хорошим <…> альмандином на спине <…> и пустым под ним квадратиком, который был, по словам Фотия [Вонифатия. — *П. Д.*], заполнен зеленой эмалью, разложившейся от времени» (Там же. Л. 4об.)[12].

Предполагая «большую ценность и интерес этой находки», А. С. Попов советовал владельцу отправить золотые украшения[13] в ИАК на имя Н. И. Веселовского, что тот и сделал в надежде на приличное вознаграждение[14]. Вся находка была оценена Комиссией в 100 рублей, что немало разочаровало В. И. Леонтьева. Он писал: «если Ваша Комиссия не может мне дать за мои вещи хотя [бы] сто двадцати руб [лей] и сейчас выслать деньги, то будьте добры, Ваше Превосходительство, не откажите моей просьбе, вышлете мне обратно мои вещи» (НА ИИМК РАН. РО. Ф. 1. Оп. 1. 1904. Д. 85. Л. 19об.). Испытывая денежные затруднения, ИАК обратилась в Императорский Эрмитаж с просьбой перечислить в ее кредит деньги на приобретение «древних украшений». Когда все формальности были соблюдены, вещи поступили в Эрмитаж, а их бывший владелец получил обещанное вознаграждение (Там же. Л. 21, 23).

Полтора года спустя в 1906 г. при содействии А. С. Попова ИАК приобрела вещи древнегреческой работы: «золотое (поломанное) ожерелье, зол[отой] перстень с резным камнем» и золотую привеску (ОИАК, 1909. С. 127). О древностях, найденных близ Керчи, Н. И. Веселовский был извещен телеграммой из Баку 27 января 1906 г. (НА ИИМК РАН. РО. Ф. 1. Оп. 1. 1906. Д. 20. Л. 1). Владелец золотых украшений просил за них 300 рублей, причем, судя по тексту телеграммы, сделку нужно было заключить как можно скорее. В итоге, через несколько дней на деньги, занятые «у полузнакомого», А. С. Попов выкупил древние вещи[15] и отправил их в ИАК

7 Обе фотографии имеются в деле (НА ИИМК РАН. РО. Ф. 1. Оп. 1. 1902. Д. 255. Л. 2, 10).

8 «…теперь их хозяин лезгин-серебряк и ломит за них несообразную сумму тысячу рублей» (Там же).

9 Согласно ходатайству, поданному ИАК в кассу Министерства Императорского двора, деньги на приобретение сосудов выделил из личных средств граф А. А. Бобринской, собственноручная расписка которого также находится в деле (НА ИИМК РАН. РО. Ф. 1. Оп. 1. 1902. Д. 255. Л. 5–6).

10 В «Книге для внесения кладов…» два серебряных сасанидских сосуда, доставленные в ИАК 23 ноября 1902 г., значатся под № 1796 (НА ИИМК РАН. РО. Ф. 1. Оп. 1. 1895. Д. 293. Л. 304 об.–305).

11 Кольцо, или ажурный перстень, хранится в Эрмитаже под инв. № ГР-19171 (Д. 1211). Подробнее см.: *Арсентьева, Горская*, 2019. Кат. № 65.

12 На одном из листов письма имеется крока описанного кольца (Там же).

13 «Древние золотые украшения», поступившие в ИАК 15 декабря 1904 г., записаны под № 2287 (НА ИИМК РАН. РО. Ф. 1. Оп. 1. 1895. Д. 293. Л. 382 об.–383).

14 В письме, приложенном к посылке, В. И. Леонтьев сообщал об «археологическом контексте»: «костей никаких не было, кроме несколько перержавленных медных пряжек» (НА ИИМК РАН. РО. Ф. 1. Оп. 1. 1904. Д. 85. Л. 87–88).

15 В книге поступлений записаны под № 2431 (НА ИИМК РАН. РО. Ф. 1. Оп. 1. 1895. Д. 293. Л. 405об.–406). Интересно, что «браслет» при внимательном рассмотрении его Комиссией «превратился» в поломанное ожерелье.

(Там же. Л. 3). «Золотые предметы древнегреческой работы» в том же году поступили в эрмитажную коллекцию[16] (Там же. Л. 8–9).

Благодаря оперативным сообщениям со стороны А. С. Попова Н. И. Веселовский трижды узнавал о случайно обнаруженных в Кавказском регионе древностях. Скорее всего, по его просьбе А. С. Попов вступал в переговоры с владельцами, добивался снижения первоначальной цены и организовывал сделку, в результате которой вещи поступали в ИАК и в эрмитажное собрание. Предметы, на которые обращал внимание А. С. Попов, отличаются высокой художественной ценностью, а их научный потенциал не утерян до сих пор[17]. Таким образом, приобретение трех групп артефактов, значимых для археологии, оказалось связано с фигурой А. С. Попова — чиновника, ценителя древностей и хорошего знакомого Н. И. Веселовского. Эта история демонстрирует неоспоримую ценность эпистолярных источников для изучения случайных находок, обнаруженных во второй половине XIX — начале XX в. Вкупе с документами учреждений (ИАК, Императорского Эрмитажа) материалы личной переписки дают возможность наиболее полно реконструировать историю поступления древностей в археологические коллекции.

НА ИИМК РАН. РО. Ф. 1. Оп. 1. 1895. Д. 293: Книга для внесения кладов и коллекций древностей, поступающих в Археологическую Комиссию с 1895 г.

НА ИИМК РАН. РО. Ф. 1. Оп. 1. 1902. Д. 255: Дело ИАК о приобретении двух серебряных сассанидских сосудов от жителя Дагестанской обл. Имам Мамед-оглы.

НА ИИМК РАН. РО. Ф. 1. Оп. 1. 1904. Д. 85: Дело ИАК о раскопках профессора Н. И. Веселовского в Кубанской области.

НА ИИМК РАН. РО. Ф. 1. Оп. 1. 1906. Д. 20: Дело ИАК по предложению г. Попова приобрести древние золотые украшения.

НА ИИМК РАН. РО. Ф. 18. Оп. 1. Д. 375: Александр Сергеевич Попов.

НА ИИМК РАН. РО. Ф. 18. Оп. 1. Д. 376: Письма Е. Поповой к Н. И. Веселовскому.

НА ИИМК РАН. РО. Ф. 18. Оп. 1. Д. 377: Письма З. Поповой к Н. И. Веселовскому.

НА ИИМК РАН. РО. Ф. 18. Оп. 1. Д. 378: Письма М. Поповой к Н. И. Веселовскому.

НА ИИМК РАН. РО. Ф. 18. Оп. 1. Д. 379: Письма А. Попова к Н. И. Веселовскому.

РГИА. Ф. 560. Оп. 20. Д. 630: Дело Общей канцелярии Министерства финансов о назначении прибавочного жалования служащим учреждений Министерства финансов.

Арсентьева, Горская, 2019 — *Арсентьева Е. И., Горская О. В.* Античные ювелирные изделия из частных собраний. Кольца и перстни: каталог коллекции. СПб.: Изд-во ГЭ, 2019. 196 с.

Восточное серебро, 1909 — Восточное серебро. Атлас древней серебряной и золотой посуды восточного происхождения, найденной преимущественно в пределах Российской империи. Издание Императорской Археологической Комиссии ко дню пятидесятилетия ее деятельности /[Сост. Я. И. Смирнов]. СПб.: тип. В. Киршбаума, 1909. 148 с.

ОИАК, 1904 — Отчет ИАК за 1902 г. СПб.: тип. Имп. Академии наук, 1904. 199 с.

ОИАК, 1907 — Отчет ИАК за 1904 г. СПб.: тип. Имп. Академии наук, 1907. 185 с.

ОИАК, 1909 — Отчет ИАК за 1906 г. СПб.: тип. Имп. Академии наук, 1909. 166 с.

Список личного состава…, 1916 — Список личного состава Управления государственными сберегательными кассами, столичных и преобразованных, с 1 янв. 1916 г., по образцу столичных, государственных сберегательных касс и состава Совета по делам страхования доходов и капиталов и Комитета государственных сберегательных касс на 1 мая 1916 года : [дополнен и изменен по 1 июля 1916 г.]. [Пг., 1916]. 348 с.

Тревер, Луконин, 1987 — *Тревер К. В., Луконин В. Г.* Сасанидское серебро: Художественная культура Ирана III–VIII вв.: Собрание Государственного Эрмитажа. М.: Искусство, 1987. 205 с.

16 Золотой перстень («перстень с инталией: Артемида»), датированный специалистами концом III — началом II в. до н. э., имеет инв. № ГР-14400 (Ж. 371) (*Арсентьева, Горская*, 2019. Кат. № 28).

17 Например, «перстень с инталией: Артемида» введен в научный оборот в 2019 г. (*Арсентьева, Горская*, 2019. С. 58–59).

Alexandr S. Popov's letters to Nikolay I. Veselovsky: on the role of a connoisseur in the history of archaeology

Polina S. Dremova[18]

The article is devoted to the review of three finds that were accidentally made in the Caucasus at the beginning of the 20th century. These items were received by the Imperial Archaeological Commission, and then by the Imperial Hermitage through the mediation of an official of the Ministry of Finance Alexandr S. Popov. His letters, which are in the personal archival collection of Nikolay I. Veselovsky, reveal the details of the discovery of antiquities and the history of their entry into the Scientific Archive of IHMC of the RAS.

Keywords: *Nikolay I. Veselovsky, Alexandr S. Popov, accidental findings, the Caucasus region, Imperial Archaeological Commission, archive documents, Scientific Archive of IHMC of the RAS*

18 Polina S. Dremova — Institute for the History of Material Culture of the RAS, 18A Dvortsovaya Emb., St. Petersburg, 191186, Russian Federation; e-mail: pdremova8@gmail.com; ORCID: 0000-0001-9774-8995.

«Примите уверения в моем уважении и преданности...»: из переписки Н. И. Веселовского с заведующим Кубанским войсковым музеем И. Е. Гладким

А. Н. Ткачев[1]

Аннотация. *В работе публикуются фрагменты переписки Н. И. Веселовского с заведующим Кубанским войсковым этнографическим и естественно-историческим музеем И. Е. Гладким. Освещается их совместная деятельность по исследованию археологических памятников в 1911–1918 гг., в том числе на основе их эпистолярного наследия.*

Ключевые слова: *Н. И. Веселовский, И. Е. Гладкий, Кубанский войсковой музей, переписка, раскопки*

https://doi.org/10.31600/978-5-6050962-0-7.44-46

Среди ученых, исследовавших памятники Северного Кавказа, Н. И. Веселовский занимает особое место: член Императорской археологической комиссии, профессор факультета восточных языков Петербургского университета, он с середины 1890-х гг. почти четверть века проводил раскопки в Кубанской области. С 1894 по 1917 г. им было исследовано более 480 курганов, а также более 50 грунтовых погребений (ИАК, 2019. С. 1014). Начало раскопок Веселовского на Кубани и в предгорьях Северного Кавказа во многом было вызвано широко распространившимися в 1880-е гг. грабительскими раскопками (*Тихонов*, 2009. С. 363).

Несмотря на обширную библиографию, посвященную археологическим исследованиям Веселовского на Кубани, его сотрудничество с местными учеными остается малоизученным. Так, на протяжении долгих лет его связывала тесная дружба с заведующим Кубанским войсковым этнографическим и естественно-историческим музеем в Екатеринодаре Иваном Ефимовичем Гладким (1862–1930) — археологом и краеведом, патриотом своего края, оставившим заметный след в изучении и сохранении памятников прошлого Кубани.

Войсковой старшина И. Е. Гладкий, уроженец станицы Новощербиновская, окончил в 1893 г. Ставропольское юнкерское училище. Он служил в штабе Кубанского казачьего войска, а в 1910 г. возглавил Кубанский войсковой музей, которым заведовал до 1921 г. (*Ткачев*, 2016. С. 74). На посту заведующего музеем Гладкому удалось активизировать краеведческую деятельность в Кубанской области, установить контроль за собиранием памятников древности и сведений о них, наладить плодотворные связи с научными обществами и организациями России. При музее работал большой коллектив внештатных сотрудников-любителей, состоящий из учителей, чиновников, казаков. И. Е. Гладкий вел активную переписку с учеными, художниками, общественными деятелями, любителями истории — среди них Н. И. Веселовский, Б. В. Фармаковский, В. В. Шкорпил, Г. Н. Прозрителев, В. В. Соколов (*Есипенко*, 1998. С. 33).

Приезжая на Кубань, Веселовский непременно посещал музей. Сохранилась часть их многолетней переписки с Иваном Ефимовичем. Одно из первых писем Гладкого — сообщение Н. И. Веселовскому от 16 августа 1911 г. об обнаружении сотрудником-любителем Кубанского музея статским советником Никитиным в Махошевской лесной даче Майкопского отдела разграбленного кладоискателями могильника и предметов из него (РГАЛИ. Ф. 118. Оп. 1. Ед. хр. 771. Л. 1).

И. Е. Гладкий неоднократно участвовал в раскопках, проводимых профессором Веселовским на Кубани. Первое его знакомство с археологическими работами Н. И. Веселовского состоялось в 1912 г., когда в юрте станицы Тульская Майкопского отдела кладоискателями были разрыты и разграблены курганы на горе Шахан. И. Е. Гладкий выехал в Тульскую «для задержания кладоискателей, отобрания для Кубанского музея всего похищенного и для изучения ведения дела археологических раскопок под непосредственным руководством профессора Веселовского». Подробное описание доследования грабительских ям приведено Гладким в отчете «На археологических раскопках» (КГИАМЗ. Годовой отчет музея за 1911–1912 гг. КМ 10244/1. Л. 59–74). Поиск некоторых предметов из разграбленных курганов у ст. Тульской нашел отражение в письмах, хранящихся в фондах КГИАМЗ. Веселовский просит Гладкого разыскать фигурку скифского всадника и помещает в письме ее рисунок, сделанный им по памяти (*Золотарева*, 2014).

1 Алексей Николаевич Ткачев — Кубанский государственный университет, Ставропольская ул., д. 149, Краснодар, 350040, Российская Федерация;
e-mail: alexey_tk@mail.ru; ORCID: 0009-0009-0564-5581.

Иван Ефимович добился, чтобы вопрос сохранения исторических памятников в крае был поставлен на высоком государственном уровне. Начальником Кубанской области и наказным атаманом Кубанского казачьего войска М. П. Бабычем были подписаны циркулярные распоряжения и приказы, предусматривающие наказание за самовольные раскопки, кладоискательство и торговлю старинными предметами. Наибольшее количество приказов касалось сохранения памятников в Таманском и Майкопском отделах, где в эти годы постоянно велись хищнические раскопки. И. Е. Гладкий издавал специальные брошюры о необходимости сохранения памятников старины (*Гладкий*, 1916).

И. Е. Гладкий также оказывал содействие в организации раскопок в станице Елизаветинская, Армавире (РГАЛИ. Ф. 118. Оп. 1. Ед. хр. 771. Л. 3–5), сообщал об интересных находках и их перевозке в Петербург, консультировался у Веселовского по научным вопросам.

На многих письмах и конвертах стоит адрес Н. И. Веселовского: г. Анапа, Пушкинская ул., д. 13. Николай Иванович участвовал в общественной жизни города, был избран в Анапскую городскую думу. У Веселовского в Анапе имелись дача и большой садовый участок, и Гладкий, в числе прочего, помогал профессору решать бытовые вопросы — поиск квартиры, заготовка дров (РГАЛИ. Ф. 118. Оп. 1. Ед. хр. 25). Нередкими были сообщения об археологических находках в Анапе.

Глубокоуважаемый Николай Иванович!

Шлю Вам сердечный привет. От всей души желаю отдохнуть. Поздравляю Вас с новым успехом. От себя Вам тоже имею доложить, что и чертеж и место положения искомого кургана в лесу добыл, так что к Вашим услугам. Пишите куда выслать необходимые сведения и чертеж. Полковник Корсун проездом из Одессы через Анапу сообщил, что видел в Анапе (Воскресенская ул., дом Губанова № 30) мраморную колонну, на той же улице, дом Голубенко № 32 — барельеф на мраморной плите. Не известны ли Вам они и какого заслуживают внимания к себе? Рекомендуемую Вами с греческой надписью плиту уже купил для музея.

Ваш покорнейший слуга [Подпись] И. Гладкий[2]

(Письмо от 25 июля 1913 г.; РГАЛИ. Ф. 118. Оп. 1. Ед. хр. 771. Л. 2).

Последнее письмо Веселовского Гладкому из Анапы датировано 28 августа 1917 г. В нем Николай Иванович сообщает о намерении уехать в столицу: «7 сентября выезжаю в Петроград, где придется испытать форменный голод» (*Золотарева*, 2014). Тем не менее, сохранились несколько писем, датированных началом 1918 г.

Глубокоуважаемый Николай Иванович!

При письме от 4 июля прошлого года за № 182, в отдельной посылке Вам были посланы для оценки и определения: кувшин, четыре медных и одна серебряная монеты и один маленький камешек.

В августе месяце того же прошлого года, возвращая музею упоминаемый сосуд, Вы сообщили, что точное определение монет будет выслано Вами из Петрограда. Не получая означенных монет и камешка до настоящего времени, и так как владелец их настоятельно требует о возвращении их ему, покорнейше прошу не отказать возвратить упоминаемые 4 медных и 1 сер. монеты и один маленький с украшением камешек для вручения по принадлежности.

Войсковой старшина [Подпись] Гладкий 17 января 1918 г.

(КГИАМЗ. КМ 9889/9. Л. 1).

Ответ на бланке Археологической комиссии последовал через месяц:

Многоуважаемый Иван Ефимович.

Мне приходится просить извинения за несвоевременное возвращение монет и камня. Хотя все эти монеты ничего не стоят, я не хотел ими рисковать. Надеюсь, Вам не безызвестно, что у нас в Петрограде неоднократно поступали запрещения по почте не принимать никаких посылок на юг. Я полагал, что монеты принадлежат Музею, и не спешил отправкою. Извиняюсь еще раз и прошу принять уверение в моей преданности.

[Подпись] Н. Веселовский 26/13 февр. 1918 г.

(КГИАМЗ. КМ 9889/9. Л. 2).

Вероятно, это последнее письмо, написанное Веселовским Гладкому. Вскоре из Археологической комиссии в музей поступило сообщение:

Г-ну И. Е. Гладкому

Канцелярия Археологической комиссии, по поручению старшего члена Комиссии профессора Н. И. Веселовского, уведомляет Вас, Милостивый государь, что монеты, о которых писал Вам г. Веселовский, не могут быть в настоящее время возвращены, за отказом Петроградского Почтамта

2 Здесь и далее тексты писем приводятся в современной орфографии с сохранением авторской пунктуации и стилистики.

в приеме посылок и что таковые будут Вам пересланы при первой же возможности.

26/13 марта 1918 г.

(КГИАМЗ. КМ 9889/9. Л. 3).

Через месяц, 12 апреля 1918 г., Веселовского не стало. В 1924 г. был репрессирован И. Е. Гладкий. О совместной археологической работе двух единомышленников сегодня напоминают сохранившиеся письма, которые поражают удивительной доброжелательностью, желанием поделиться с адресатом знаниями, научной информацией. Каждое письмо завершалось фразой: «Примите уверения в моем уважении и преданности» — и это было не только общепринятой эпистолярной формулой.

КГИАМЗ. КМ 10244/1: И. Е. Гладкий. Годовой отчет музея за 1911–1912 гг. Л. 59–76. «На археологических раскопках. Из заметок заведующего Кубанским войсковым музеем».

КГИАМЗ. КМ 9889/9: Переписка с любителями. 1917–1918 гг.

РГАЛИ. Ф. 118. Оп. 1. Ед. хр. 25: Договор о принятии Веселовским Н. И. в свое владение 4-х садовых участков Куприянова А. П. в гор. Анапе (1917).

РГАЛИ. Ф. 118. Оп. 1. Ед. хр. 771: Письма Заведующего Кубанским этнографическим и естественно-историческим музеем (Гладкого И.) Веселовскому Н. И. о раскопках курганов и редкостях в них (1911–1915).

Гладкий, 1916 — *Гладкий И. Е.* Хищнические раскопки близ станицы Таманской Кубанской Области в 1916 г. и открытие саркофага в кургане Лысой горы. Екатеринодар: Типография Кубанского Областного Правления, 1916. 23 с.

Есипенко, 1998 — *Есипенко Л. М.* Иван Ефимович Гладкий — заведующий Кубанским Войсковым музеем // Древности Кубани. 1998. Вып. 11. С. 31–34.

Золотарева, 2014 — *Золотарева Н. А.* Письма Н. И. Веселовского в коллекции КГИАМЗ [Электронный ресурс]. URL: https://felicina.ru/nauka/pisma-n-i-veselovskogo-v-kollekcii-kgiamz (дата обращения: 27.12.2023).

ИАК, 2019 — Императорская археологическая комиссия (1859–1917): история первого государственного учреждения российской археологии от основания до реформы: Коллективная монография: в 2 т. Т. 2 / Науч. ред.-сост.: А. Е. Мусин, М. В. Медведева. 2-е изд., перераб. и доп. СПб.: ИИМК РАН, 2019. 728 с.

Тихонов, 2009 — *Тихонов И. Л.* Археологические исследования Н. И. Веселовского на Кубани // Пятая Кубанская археологическая конференция: Материалы конф. / Отв. ред. И. И. Марченко. Краснодар: [Кубанский ГУ], 2009. С. 362–365.

Ткачев, 2016 — *Ткачев А. Н.* Археологи Кубани и Северо-Западного Кавказа (1917–1991 гг.): Биобиблиографический словарь-справочник. Краснодар: ООО «Тираж», 2016. 346 с.

“Accept the assurances of my respect and devotion…”: from the correspondence of Nikolay I. Veselovsky and the head of the Kuban Military Museum Ivan E. Gladky

Alexey N. Tkachev[3]

This paper publishes fragments of correspondence between Nikolay I. Veselovsky and the head of the Kuban Military Ethnographic and Natural History Museum Ivan E. Gladky. Their joint research activity in 1911–1918 is highlighted, including through the epistolary heritage of the both scholars.

Keywords: *Nikolay I. Veselovsky, Ivan E. Gladky, Kuban Military Museum, correspondence, excavations*

3 Alexey N. Tkachev — Kuban State University, 149 Stavropolskaya St., Krasnodar, 350040, Russian Federation; e-mail: alexey_tk@mail.ru; ORCID: 0009-0009-0564-5581.

ОТКРЫТИЯ Н. И. ВЕСЕЛОВСКОГО И СОВРЕМЕННЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Энеолит и эпоха бронзы Восточной Европы и Кавказа

Непортативные объекты как стратиграфические маркеры (по материалам навеса Мешоко)

Е. А. Черленок[1], С. М. Осташинский[2]

Аннотация. *Данные стратиграфии навеса Мешоко показывают, что для разных этапов его функционирования характерен свой набор строительных традиций. По нашему мнению, это связано как со сменой культур, так и изменением стратегий освоения пещерного пространства. В целом можно выделить три базовых модели, которые отражают степень оседлости древнего населения этого памятника.*

Ключевые слова: *стратиграфия, непортативный объект, навес Мешоко, Северо-Западный Кавказ, мешоковская культура, майкопская культура*

https://doi.org/10.31600/978-5-6050962-0-7.47-49

Навес Мешоко расположен вблизи поселка Каменномостский Майкопского района Республики Адыгея. Впервые он был изучен в 1963–1964 гг. экспедицией под руководством А. Д. Столяра (*Столяр, Формозов*, 2009. С. 107–108). Начиная с 2011 г. в навесе работает Закубанская археологическая экспедиция Государственного Эрмитажа (при участии СПбГУ). За более чем десятилетний период исследований здесь наряду с большим количеством предметов обнаружены многочисленные и разнообразные непортативные объекты. Задача данной работы — проанализировать этот материал с привязкой к стратиграфической колонке памятника.

Непортативные объекты навеса Мешоко

Все непортативные объекты предварительно можно разделить на три обширные группы. Первая представляет собой пятна — ограниченные горизонтальные участки отложений без очевидных признаков строительной деятельности. Чаще всего такие пятна состоят из продуктов горения (золы и угля) в различных сочетаниях. Вторая группа — простые конструкции. К ним мы относим искусственные сооружения, которые имеют отчетливо выраженные замкнутые границы (например, ямы и глиняные площадки). Третья группа — сложные конструкции. Они состоят из нескольких непортативных объектов, взаимное расположение которых позволяет интерпретировать их как части единого архитектурного целого (в нашем случае жилища).

Наличие ярко выраженной стратиграфии является особенностью памятника. Важно отметить, что выделенные группы в целом маркируют различные слои. Специально следует остановиться на конструкциях наиболее многочисленной второй группы. Они различаются не только по форме, но и строительным приемам. Так, стенки ям могут оформляться красной охрой или глиной. При этом использование тех или иных материалов также тяготеет к конкретным слоям стратиграфической

1 Евгений Александрович Черленок — Санкт-Петербургский государственный университет, Университетская наб., д. 7–9, Санкт-Петербург, 199034, Российская Федерация; e-mail: e.cherlenok@spbu.ru;
ORCID: 0000-0003-4605-6299.

2 Сергей Матвеевич Осташинский — Государственный Эрмитаж, Дворцовая набережная, д. 34, Санкт-Петербург, 190000, Российская Федерация; e-mail: osm@mail.ru; ORCID: 0000-0003-4627-0885.

колонки. Иными словами, стратиграфия навеса теоретически позволяет проследить смену строительных приемов и даже моделей освоения пещерного пространства на протяжении длительного периода времени.

Отложения навеса Мешоко имеют небольшую толщину (в среднем около 1 м) и подразделяются на шесть базовых слоев (счет сверху вниз). Слои 1, 2 и 4 из-за своего характера или сохранности не подходят для настоящего исследования и далее рассматриваться не будут. Остальные слои могут быть разделены на более мелкие фракции, однако для данной работы принципиально лишь разделение самого нижнего слоя 6 на две части — слои 6а и 6б. Таким образом, далее мы рассмотрим четыре культурных комплекса, начиная с самого раннего.

Слой 6б. Здесь встречаются углисто-золистые пятна и фактически отсутствуют признаки вертикальных нарушений нижележащих отложений (ям). Для материала характерна микролитическая индустрия с очевидным преобладанием сегментов. Зафиксировано небольшое количество фрагментов керамических сосудов, возможно, попавших сюда из вышележащих уровней. К сожалению, радиоуглеродное датирование этого слоя дало противоречивые результаты (конец V–VII тыс. до н. э.). Характер материала и непортативных объектов, а также присутствие среди экофактов раковин виноградной улитки позволяет предположить летнее, относительно кратковременное и, вероятно, многократное заселение памятника.

Слой 6а. Имеет в целом похожую на слой 6б микролитическую индустрию, важный признак — безусловное появление керамики. Среди непортативных объектов встречаются углистые и золистые пятна, однако важнейшей особенностью этого слоя, резко отличающей его от нижележащих отложений, является появление большого количества ям. Среди последних выделяются по размерам два очень крупных объекта (фактически «выдолблены» в плотной материковой щебенке на глубину около 0,5 м), а по конструкции — несколько десятков ям, стенки которых промазаны красной охрой. Отсутствие очевидных признаков жилища позволяет, как и в случае с нижележащим слоем, предполагать сезонный характер поселения. Однако затраты большого количества труда для создания разнообразных ям свидетельствуют о смене стратегии освоения жилого пространства.

Слой 5 (энеолит, мешоковская культура, 3800–3600 гг. до н. э.). Это слой, наиболее насыщенный различными объектами, которые в основном концентрируются в нижней части отложений. Кроме ям и пятен здесь зафиксированы свидетельства долговременного жилища. В архитектурном отношении наиболее выразительной характеристикой слоя является использование необожженной и обожженной глины, с помощью которой оформлялись своеобразные площадки, некоторые ямы и очаги (*Черленок, Осташинский*, 2023). Все эти особенности позволяют предполагать, что, по крайней мере, на раннем этапе отложения слоя 5 навес Мешоко был заселен постоянно.

Слой 3 (ранний бронзовый век, майкопская культура, 3600–3000 гг. до н. э.). Непортативные объекты представлены золистыми пятнами, ямами и очагом. При этом как очаг, так и некоторые ямы имеют характерные только для этого слоя особенности, связанные с использованием крупного обломочника. Очаг представляет собой углубление, обложенное камнями и заполненное золой. Здесь обломочник является несомненной частью конструкции. Сложнее с ямами, поскольку они были заполнены плитами. Однако устойчивая связь между ямами и каменным заполнением позволяет предположить, что крупный обломочник все-таки мог быть частью конструкции, например служить в качестве завала несохранившегося деревянного перекрытия. В этой связи интересно, что на майкопском поселении Чекон крупные камни часто фиксировались в верхней части заполнения ям, как бы «запечатывая» их устья (*Кореневский, Юдин*, 2023. С. 19, 22). Признаков жилища не обнаружено, что наряду с наличием среди палеоботанических остатков плодов груши дички свидетельствует о сезонном использовании навеса в теплое время года.

Выводы

1. Базовые слои навеса Мешоко отличаются друг от друга не только по комплексу вещей, но и по типу и конструкции непортативных объектов. По сути, они демонстрируют смену различных строительных традиций: от отсутствия специально оформленных конструкций в слое 6б к активному использованию охры для оформления ям в слое 6а, затем к использованию глины в мешоковской культуре и, позднее, применению камня для оформления ям и очагов в рамках майкопской традиции. С одной стороны, это позволяет более уверенно атрибутировать спорные ситуации в ходе полевых исследований, с другой — более полно представить особенности каждого культурного комплекса.

2. На наш взгляд, совокупность различных объектов в каждом из слоев может быть интерпретирована в рамках трех моделей, которые отража-

ют степень оседлости жителей навеса. Наиболее простая модель представлена отложениями слоя 6б — отсутствие следов конструкций, вероятно, связано с кратковременным пребыванием здесь населения. Наиболее сложная модель — отложения энеолитического времени, когда здесь фиксируются разнообразные непортативные объекты, в том числе долговременное жилище. На общем фоне это явление представляет собой уникальный эпизод постоянного освоения пещерного пространства для жилья, что находит параллели на других памятниках микрорегиона (см.: *Формозов*, 1965. С. 103–104) и до сих пор еще не получило должного объяснения. Сложной для интерпретации представляется и третья модель: освоение пространства пещеры с помощью различных простых конструкций (слой 6б и отложения майкопской культуры), что может быть связано с функционированием навеса в качестве базового лагеря в теплое время года.

Кореневский, Юдин, 2023 — *Кореневский С. Н., Юдин А. И.* Чекон — поселение раннего бронзового века Западного Предкавказья (по раскопкам 2018 г.). М.; Саратов: ИА РАН, 2023. 222 с.

Столяр, Формозов, 2009 — *Столяр А. Д., Формозов А. А.* Отчеты Северокавказской археологической экспедиции 1958–1965 гг. // Мешоко — древнейшая крепость Предкавказья. Отчеты Северокавказской экспедиции Государственного Эрмитажа. 1958–1965 гг. / Ред. Ю. Ю. Пиотровский. СПб.: Изд-во ГЭ, 2009. С. 12–194.

Формозов, 1965 — *Формозов А. А.* Каменный век и энеолит Прикубанья. М.: Наука, 1965. 160 с.

Черленок, Осташинский, 2023 — *Черленок Е. А., Осташинский С. М.* Горизонт постоянного обитания энеолитического слоя навеса Мешоко // АВ. 2023. Вып. 38. С. 101–106.

Non-portable remains like markers of stratigraphy (based on data of the Meshoko rock shelter)

Evgenii A. Cherlenok[3], Sergey M. Ostashinskii[4]

The stratigraphic of the Meshoko rock shelter show that different stages of its functioning are characterized by different architectural traditions. In our opinion, this is due to both the change of cultures and the change in strategies for the life style in caves. In general, there are three basic models. They mark the degree of mobile of populations that lived on this site in antiquity.

Keywords: *stratigraphy, non-portable remains, Meshoko rock shelter, the Northwestern Caucasus, the Meshoko culture, the Maykop culture*

3 Evgenii A. Cherlenok — St. Petersburg State University, 7–9 Universitetskaya Emb., St. Petersburg, 199034, Russian Federation; e-mail: e.cherlenok@spbu.ru; ORCID: 0000-0003-4605-6299.

4 Sergey M. Ostashinskii — The State Hermitage Museum, 34 Dvortsovaya Emb., St. Petersburg, 190000, Russian Federation; e-mail: osm@mail.ru; ORCID: 0000-0003-4627-0885.

Золотые, серебряные и медные сосуды из Майкопского кургана

Р. С. Минасян[1]

Аннотация. *В статье рассмотрена техника изготовления ранних металлических сосудов на примере золотых, серебряных и медных экземпляров из Майкопского кургана (вторая половина IV тыс. до н. э.). Согласно сохранившимся особенностям изделий, ранние высокие металлические сосуды были сделаны из полых литых заготовок двумя способами, включая выколотку, растяжение и гибку металла.*

Ключевые слова: *ранние металлические сосуды, Майкопский курган, способ изготовления, выколотка*

https://doi.org/10.31600/978-5-6050962-0-7.50-54

При изучении археологических предметов труднее всего определить способ изготовления тонкостенных металлических полых изделий и метод нанесения на них рисунчатых и рельефных изображений. Такие вещи появились уже в середине V тыс. до н. э. Исследования, охватывавшего многообразие приемов, применяемых при изготовлении этой категории вещей, нет, а способов было много. Некоторые из них практиковались длительное время, некоторыми пользовались недолго. Вещи хранятся во всевозможных собраниях разных стран, и отсутствие должной информации пока не позволяет ответить на вопрос, каким образом: литьем или механическими способами, — стали делать первые металлические сосуды и вещи того или иного назначения.

Металлические сосуды Майкопского кургана

В раскопанном Н. И. Веселовским Майкопском кургане (вторая половина IV тыс. до н. э.) найдены золотые, серебряные и медные сосуды. Судя по величине, устойчивым морфологическим и техническим признакам, можно утверждать, что они представляют уже не первый опыт изготовления подобных изделий. Среди майкопских сосудов наибольший интерес у исследователей вызвали два серебряных кубка с изображениями. О технике их изготовления высказывались редкие и скупые замечания. Каждый из этих кубков якобы был выкован из одного куска, а изображения на них нанесены гравировкой или чеканкой (см.: *Фармаковский*, 1914. С. 59, 69; *Пиотровский*, 1994). Есть мнение, что их выковали (выколотили) из листа, а изображения нанесли чеканкой (см.: *Иессен*, 1935. С. 90; *Пиотровский*, 2013. Кат. 20.1; *Рындина*, 2017). Поскольку медные крупные котлы этого времени, найденные на Северном Кавказе, имеют толщину стенок до 1 мм, это дало основание полагать, что их делали из литых заготовок (см.: *Кореневский*, 2005. С. 88; 2011. С. 91; *Рындина*, 2017. С. 104).

Здесь следует обратить внимание на один существенный признак. Все сосуды, о которых идет речь, имеют несколько ассиметричную форму и круглое дно. Стенки у них толщиной до 1 мм, а у некоторых сосудов на тулове и донышке толщина достигает предела, грозящего разрывом металла при изготовлении или от незначительных повреждений при использовании **(рис. 1, *1а*)**. Это технические признаки.

В процессе изготовления сосудов происходит неоднократное изменение формы и структуры металла, поэтому информация, относящаяся к начальному этапу работы, не сохраняется. Если выколачивать высокие кувшины или медные котлы, подобные майкопским, из слитка, то это займет много времени. Венчик у таких сосудов будет очень толстым. Выколотить сосуды из листа (*Рындина*, 2017. Рис. 5) нельзя по технической причине.

При ковке-выколотке происходит растяжение площади листа и уменьшение толщины. Если изготавливать высокий сосуд из листа, не хватит металла для формообразования изделия. Если не растягивать, а изгибать лист по кругу вверх или вниз, на стенках изделия обязательно появятся глубокие неисправимые складки. Глубокую вытяжку и горячую штамповку, какими способами теперь делают из листа многие виды емкостей, в древности не применяли. Единственная возможность сделать высокие и узкогорлые сосуды, подобные майкопским, — это выколотить их из полых литых заготовок, проколачивая их ударами

1 Рафаэль Сергеевич Минасян — Государственный Эрмитаж, Дворцовая наб., д. 34, Санкт-Петербург, 190000, Российская Федерация; e-mail: minasyan1940@yandex.ru; ORCID: 0000-0003-2487-4223.

Рис. 1. Полые тонкостенные изделия, сделанные растяжением (выколоткой) и гибкой металла. *1, 1a, 2, 4–8* — Майкопский курган, вторая половина IV тыс. до н. э. (*1, 1a, 2* — золотой и серебряный кувшины (ГЭ, инв. № 34/89, 97), *4–6* — золотые наконечник и бусы (ГЭ, инв. № 34/81, 42, 58), *7, 7a* — серебряный кубок, декорированный чеканкой и металлопластикой (ГЭ, инв. № 34/95), *8* — серебряный сосуд с шаровидным туловом и отогнутым наружу венчиком (ГЭ, инв. № 34/98)); *3* — золотая буса с деревянной матрицей внутри и трещинами вокруг отверстия. Станица Новосвободная, конец IV — начало III тыс. до н. э. (ГЭ, инв. № 2785/54); *9, 10* — золотые фляга и кубок. Троя, клад А, начало XXIII в. до н. э. (ГМИИ, инв. № Аар 3,6)

Fig. 1. The hollow thin-walled artifacts made by stretching (gouging) and bending of metal. *1, 1a, 2, 4–8* — the Maykop burial mound, the 2nd half of the 4th mill. BC (*1, 1a, 2* — gold and silver jars (The State Hermitage Museum, Inv. No. 34/89, 97), *4–6* — gold ferrule and beads (The State Hermitage Museum, Inv. No. 34/81, 42, 58), *7, 7a* — silver cup decorated by toreutics and repoussage (The State Hermitage Museum, Inv. No. 34/95), *8* — silver vessel with spheroid body and outward deflected rim (The State Hermitage Museum, Inv. No. 34/98)); *3* — gold bead with the wooden mould inside and fractures around the hole, stanitsa Novosvobodnaya, the end of the 4th — the beginning of the 3rd mill. BC (The State Hermitage Museum, Inv. No. 2785/54); *9, 10* — gold flask and cup, Troy, Hoard A, the beginning of the 23th cent. BC (The State Pushkin Museum of Arts, Inv. No. Aap 3,6)

сверху и изнутри о стойку так, как это изображено на фреске в гробнице египетского вельможи Рехмира (*Минасян*, 2014. Ил. 94).

Предшественниками тонкостенных полых предметов являются золотые трубки-обкладки деревянных жезлов из Варненского некрополя (Болгария), датируемого IV тыс. до н. э. (Там же. С. 357). Варненские золотые вещи так же, как майкопско-новосвободненские, сделаны без пайки. На внутренней стороне обкладок жезлов из Варненского некрополя остались следы выколотки. Без пайки нельзя сделать длинную трубку, тем более с глухим концом без помощи полой литой заготовки.

Майкопские золотой и серебряный кувшины **(рис. 1, *1, 2*)**, по существу, представляют собой глухие фигурные трубки. У них конусовидное утолщенное горло переходит в округлое тулово с очень тонкими стенками и дном. На внутренней стороне тулова прослеживаются следы выколотки. Выколотить такие предметы из слитка или сделать их гибкими из листа нельзя. В данном случае из полых литых заготовок с глухим дном выколотили другие заготовки с цилиндрическим или конически туловом. Нижнюю часть заготовок снова выколачивали, сделав стенки и дно настолько тонкими, чтобы непреднамеренно не прорвать металл. Такой дефект есть под туловом золотого майкопского кувшина **(рис. 1, *1а*)**. Выколачивая полое изделие на наковальне-стойке, нельзя сформировать плоское дно с резким углом перехода в тулово. Поэтому у сосудов майкопско-новосвободненской культуры дно всегда округлое. Сосуды с четко очерченным плоским дном появились позже, когда их конфигурацию стали корректировать токарным способом.

Обычно ковку выделяют в качестве основного, часто единственного метода, применявшегося в древности при изготовлении полых металлических вещей (см.: *Eluère*, 1989. P. 91, 110, 150; *Armbruster*, 2000. S. 24; *Трейстер*, 1996. С. 30, 31, 106). В перечне изделий, изготовленных ковкой, фигурируют и самые ранние золотые бусы из Варненского некрополя (*Трейстер*, 2013. С. 211).

Однако помимо выколотки изменение профиля полого изделия в верхней или нижней части делалось гибкой заготовки с лицевой стороны. Чтобы изменить профиль цилиндрической заготовки, не смяв ее давлением, в нее вставляли деревянную матрицу или матрицу с пластичным покрытием либо забивали полость пластичным материалом. После изготовления изделия заполнение удаляли, поэтому трудно точно определить, какого вида была опора в каждом случае.

Изделия энеолита и раннего бронзового века имеют прямые свидетельства применения матриц. Деревянные жезлы из Варненского некрополя, украшенные золотыми обкладками, представляли собой матрицы. В кургане у ст. Новосвободная (конец IV — начало III тыс. до н. э.) обнаружены круглые золотые бусы. В одной из них внутри сохранилась деревянная матрица **(рис. 1, *3*)**. А на цилиндрическом наконечнике из Майкопского кургана вокруг узкого отверстия на донышке видны складки, которые образовались в результате сужения трубки на матрице **(рис. 1, *4*)**. Полые бусы, сделанные без пайки, формировались путем сужения трубчатых заготовок на фигурных матрицах и разрезались поштучно. Золотая гофрированная трубочка из Варненского некрополя (*Минасян*, 2014. Ил. 148) могла быть использована для изготовления полых бус. Чтобы украсить бусы рельефными узорами, подобно найденным в Майкопском кургане **(рис. 1, *5, 6*)**, нужно было деревянную матрицу покрыть пластичной прослойкой, позволяющей декорировать изделия, не разрушая их форму.

Два серебряных кубка из Майкопского кургана украшены рисунками животных, выдавленных стилом и прочеканенных кружочками и точками. На дне одного кубка стилом выдавлена розетка (*Фармаковский*, 1914. Табл. XXV, XXIX; *Пиотровский*, 1998. Кат. 279, 280). На увеличенном снимке фрагмента одного из изображений животного видно, как мастер, сильно напрягая кисть руки при продавливании металла стилом, иногда не мог вовремя остановить скольжение, и бороздки прочерчивались длиннее, нежели требовалось **(рис. 1, *7, 7а*)**. Эти кубки сделаны и декорированы так же, как бусы. Если вставить деревянную матрицу в золотой наконечник из Майкопского кургана **(рис. 1, *4*)**, проигнорировав наличие отверстия в донышке, и пережать его посередине, получится сосудик, подобный майкопским кубкам и сосудам с шаровидным туловом **(рис. 1, *8*)**.

Пример, позволяющий понять, как формировались тонкостенные изделия с узким горлом, представляет золотая фляга в кладе А из Трои **(рис. 1, *9, 10*)**. Сосудик высотой 13,75 см имеет шаровидное тулово и короткую узкую горловину. Верхний край венчика отогнут вниз и завальцован. Есть подробное описание этого сосуда, но там не говорится о том, как маленький предмет столь необычной формы был сделан и какие признаки деформации, сохраняющиеся на золоте, позволяют определить способ его изготовления (*Трейстер*, 1996. С. 32, кат. 4). А эта фляга должна подтвердить, какими приемами делали узкогорлые предметы с шаровидным туловом. В данном случае несложно было бы идентифицировать техническую информацию по

следам на золоте. Она важнее подробного описания морфологических признаков, и так хорошо прослеживаемых на фотографиях.

Эту флягу могли сделать ее из выколоченной цилиндрической заготовки с округлым дном, которую заполнили пластичным материалом, или вставили в нее деревянный шарик-матрицу, как в бусину из ст. Новосвободная, заузили горловину, отрезали лишний металл и загнули верхний край. Следы таких действий должны сохраниться на внутренней и наружной поверхности фляги. Золотой сосудик в виде рюмки из Трои (Там же) тоже выколотили из литой заготовки, но здесь заузили нижнюю часть и сформировали ножку **(рис. 1, *9, 10*)**. В отличие от майкопских предметов, изделия из троянских кладов представляют более совершенный уровень металлообработки с применением пайки и других технических новшеств.

Заключение

Ранние высокие металлические сосуды делали выколоткой из полых литых заготовок. На внутренней поверхности выколоченной заготовки остаются следы ударов о наковальню-стойку. Изготовление сосудов и других полых предметов производилось двумя способами: **1.** Заготовки повторно выколачивали на локальном отдельном участке с целью увеличения объема полости за счет растяжения металла. **2.** Металл изгибали пережатием заготовки в любом месте *ниже* края горловины. Гибка осуществлялась обязательно на внутреннюю опору, помещенную в полость заготовки. Определяя способ изготовления полого предмета, нужно по следам на металле выяснить, каким образом трансформировали заготовку в готовое изделие: путем вторичной выколотки или гибкой. При деформировании металла *растяжением и гибкой* на поверхности изделий остаются производственные следы, характеризующие способ изготовления.

Иессен, 1935 — *Иессен А. А.* К вопросу о древнейшей металлургии меди на Кавказе // Иессен А. А., Деген-Ковалевский Б. Е. Из истории древней металлургии Кавказа. М.; Л.: Соцэкгиз, 1935. С. 7–237 (Известия ГАИМК. Вып. 120).

Кореневский, 2005 — *Кореневский С. Н.* Металлическая посуда майкопско-новосвободненовской общности // Древности Евразии: от ранней бронзы до раннего средневековья. Памяти В. С. Ольховского / Гл. ред. В. И. Гуляев. М.: ИА РАН, 2005. С. 82–92.

Кореневский, 2011 — *Кореневский С. Н.* Древнейший металл Предкавказья. Типология. Историко-культурный аспект. М.: Таус, 2011. 335 с.

Минасян, 2014 — *Минасян Р. С.* Металлообработка в древности и Средневековье. СПб.: Изд-во ГЭ, 2014. 472 с.

Пиотровский, 1994 — *Пиотровский Ю. Ю.* Заметки о сосудах с изображениями из Майкопского кургана (Ошад) // Памятники древнего и средневекового искусства. Сборник статей в память профессора В. И. Равдоникаса / Под ред. А. Д. Столяра. СПб.: СПбГУ, 1994. С. 85–92 (Проблемы археологии. Вып. 3).

Пиотровский, 1998 — *Пиотровский Ю. Ю.* Периодизация ювелирных изделий в Циркумпонтийской провинции (энеолит — ранняя бронза) // Шлиман. Петербург. Троя [каталог выставки в Государственном Эрмитаже, Санкт-Петербург, 19 июня — 18 октября 1998 года]. СПб.: Славия, 1998. С. 82–92.

Пиотровский, 2013 — *Пиотровский Ю. Ю.* Майкоп, Кубанская обл. (ныне Республика Адыгея), Россия. Майкопский курган (Ошлад) // Бронзовый век. Европа без границ. Четвертое — первое тысячелетия до н. э. Каталог выставки / Под ред. Ю. Ю. Пиотровского. СПб.: Чистый лист, 2013. С. 308–318.

Рындина, 2017 — *Рындина Н. В.* О технологии производства металлических сосудов майкопской культуры Северного Кавказа // Stratum plus. 2017. № 2: Они сошлись — металл и камень… С. 101–118.

Трейстер, 1996 — *Трейстер М. Ю.* Троянские клады: (атрибуция, хронология, исторический контекст) // Сокровища Трои из раскопок Генриха Шлимана. Каталог выставки / Науч. ред. М. Ю. Трейстер. М.: ГМИИ, Леонардо Арте, 1996. С. 197–240.

Трейстер, 2013 — *Трейстер М. Ю.* Троянские клады // Бронзовый век. Европа без границ. Четвертое — первое тысячелетия до н. э. Каталог выставки / Под ред. Ю. Ю. Пиотровского. СПб.: Чистый лист, 2013. С. 140–155.

Фармаковский, 1914 — *Фармаковский Б. В.* Архаический период в России. Памятники греческого архаического и древнего восточного искусства, найденные в греческих колониях по северному берегу Черного моря, в курганах Скифии и на Кавказе // Доклады, читанные на Лондонском международном конгрессе историков в марте 1913 г. графом А. А. Бобринским, Е. М. Придиком, М. И. Ростовцевым, Б. В. Фармаковским и Э. Р. фон-Штерном. Пг.: тип. Гл. упр. Уделов, 1914. С. 15–78 (Материалы по археологии России. № 34).

Armbruster, 2000 — *Armbruster B. R.* Goldschmiedekunst und Bronzetechnik. Studien zum Atlantischen Bronzezeit auf der Iberischen Halbinsel. Montagnac:

M. Mergoil, 2000. 232, 117 p. (Monographies Instruzmentum. Vol. 15).

Eluère, 1989 — *Eluère Ch.* Secrets of ancient gold. Düdingen, Switzeland: Trio, 1989. 239 p.

Gold, silver and copper vessels from the Maykop burial mound

Rafael S. Minasyan[2]

The author considers the technique of making early metal vessels on the example of gold, silver and copper specimens from the Maykop burial mound (the 2nd half of the 4th millennium BC). According to the preserved features of the items, the early tall metal vessels were made of hollow moulded blanks by two methods, including gouging, stretching and bending of metal.

Keywords: *early metal vessels, the Maykop burial mound, manufacturing technique, beat out metal*

2 Rafael S. Minasyan — The State Hermitage Museum, 34 Dvortsovaya Emb., St. Petersburg, 191181, Russian Federation; e-mail: minasyan1940@yandex.ru; ORCID: 0000-0003-2487-4223.

Майкопский курган, 1897 г.: реконструкция формы погребальной ямы и позы погребенных[1]

В. А. Трифонов[2], А. В. Яваров[3]

Аннотация. *Результаты компьютерного моделирования процесса деформации могильной ямы основного погребения в Майкопском кургане и анализа контекста полевых отчетов Н. И. Веселовского позволяют реконструировать ее первоначальную форму и позы погребенных.*
Ключевые слова: *Майкопский курган, ранний бронзовый век, погребальный обряд*

https://doi.org/10.31600/978-5-6050962-0-7.55-58

Введение. Основное погребение в Майкопском кургане до сих пор не только остается непревзойденным по богатству и разнообразию инвентаря среди погребений майкопской культуры, но и выделяется уникальными признаками конструкции могильного сооружения и обряда. Однако не все отмеченные Н. И. Веселовским признаки экстраординарного погребения (ОИАК, 1900) относятся к этой категории. Из списка уникальных признаков, вероятно, следует исключить форму ямы и позы погребенных.

Форма могильной ямы. В публикации отчета могила описана Н. И. Веселовским как четырехугольная яма глубиной 1,42 м с «…с закругленными углами и вогнутыми стенками, длиною, в углах, 5,33 м, шириною в 3,73 м. Стенки могилы были обложены деревом, совершенно сгнившим, а дно ее выложено речным булыжником, кладка которого, однако, не доходила до стенок. По углам стояли деревянные столбы, имевшие в диаметре до 0,26 м; хотя они не глубоко (до 0,22 м) были врыты в дно могилы, тем не менее, ямы от них сохранились отчетливо, но дерево сгнило» (ОИАК, 1900. С. 3).

В рукописном варианте отчета есть дополнение, не вошедшее в публикацию: «углубления для столба оканчивались желобом длиной 8–10 вершков, быть может тут лежала стойка столба». На рисунке, сопровождающем отчет, этот желоб, а точнее два желоба, нарисованы Н. И. Веселовским отходящими от ямы одного из столбов вдоль длинной и короткой стен могилы (НА ИИМК РАН. РО. Ф. 1. Оп. 1. 1896. Д. 204. Л. 50об.). Небрежность рисунка и описания не дают ясного представления об этих элементах конструкции, но позволяют предположить, что «желоба» — это отпечатки бревен, уложенных вдоль стен по периметру дна ямы. Существование такой деревянной рамы, с одной стороны, объясняет отмеченное Н. И. Веселовским свободное пространство между стенами ямы и булыжной вымосткой дна, с другой, указывает на прямоугольный план могильной ямы на уровне ее дна. Более того, учитывая, что стены ямы были «обложены деревом» (в рукописи: «...деревянными досками или укреплены деревянным срубом»), можно сделать вывод об их первоначально прямом и вертикальном положении, а вогнутыми и, вероятно, наклонными они стали в результате естественной деформации под воздействием совокупной нагрузки материкового грунта и насыпи.

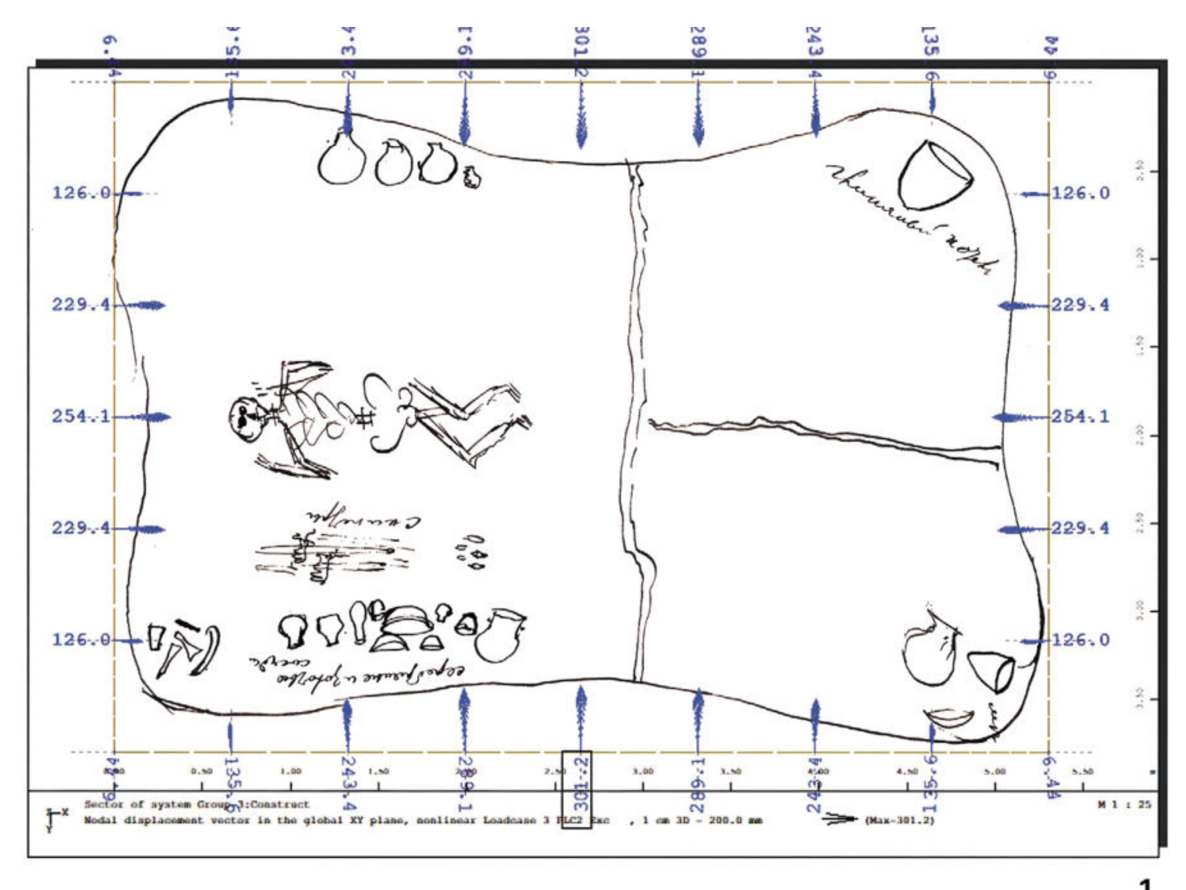
С целью проверки этой гипотезы было выполнено математическое моделирование (ПК SOFiSTiK) деформации стен прямоугольной земляной выемки, аналогичной по размеру и конструкции погребению в Майкопском кургане. Расчеты выполнены с использованием метода конечных элементов (см.: *Фадеев*, 1987; *Benz*, 2007). Результаты моделирования показали, что в грунте ненарушенной структуры, с механическими свойствами, характерными для района Майкопа, максимальное горизонтальное перемещение внутрь укрепленных деревом длинных стен выемки до их обрушения может составлять около 30 см, а коротких — около 27 см (**рис 1,** ***1***). В целом, такой изгиб стен в конечноэлементной модели земляной выемки приближается к кривизне вогнутых стен могильной ямы в Майкопском кургане, как это было изображено Н. И. Веселовским.

Таким образом, яма майкопского погребения первоначально, вероятнее всего, была прямоуголь-

1 Исследование проведено в рамках выполнения программы ФНИ ГАН «Степные скотоводческие культуры, оседлые земледельцы и городские цивилизации Северной Евразии в энеолите — позднем железном веке (источники, взаимодействия, хронология)» (FMZF-2022-0014).

2 Виктор Анатольевич Трифонов — Институт истории материальной культуры РАН, Дворцовая наб., д. 18А, Санкт-Петербург, 191186, Российская Федерация; e-mail: viktor_trifonov@mail.ru; ORCID: 0000-0002-3188-9311.

3 Александр Валерьевич Яваров — Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого, Политехническая ул., д. 29, Санкт-Петербург, 195251, Российская Федерация; e-mail: yavarov_av@spbstu.ru; ORCID: 0000-0002-8944-1544.

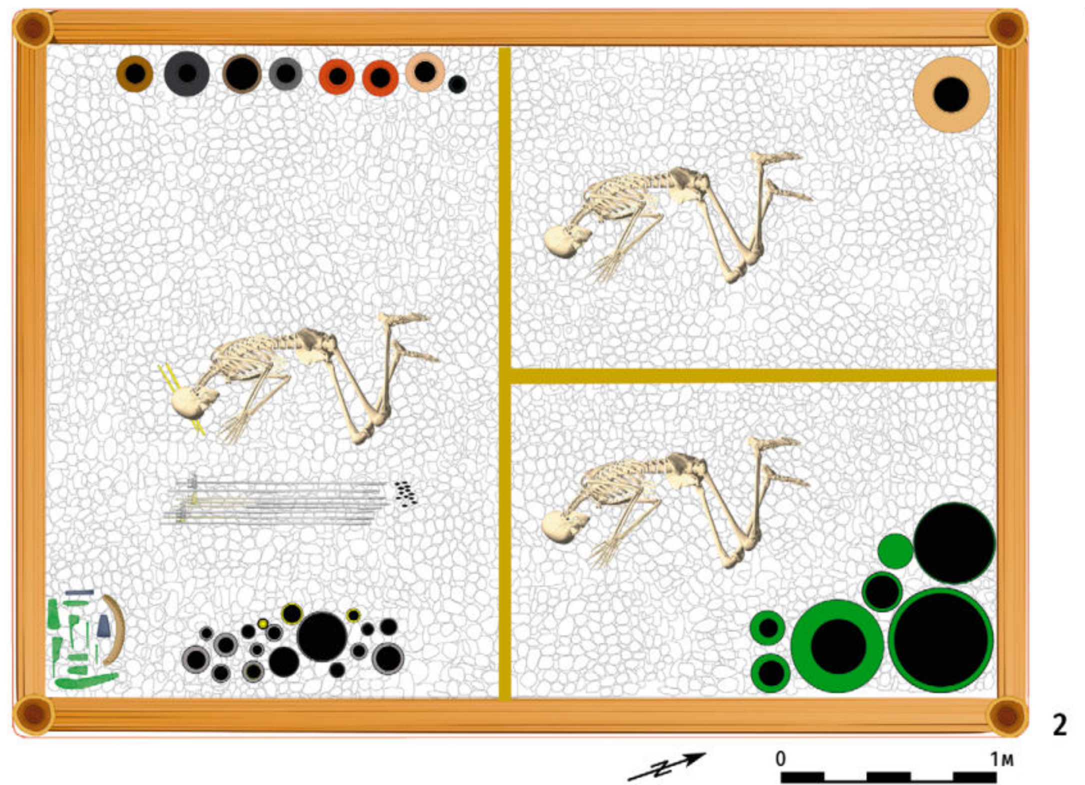

Рис. 1. Майкопский курган, 1897 г., основное погребение: *1* — сравнение суммарного вектора перемещений в горизонтальной плоскости стен цифровой модели ямы с контуром основного погребения, изображенным Н. И. Веселовским; *2* — реконструкция первоначальной формы погребальной ямы и позы погребенных

Fig. 1. Maikop kurgan, 1897, the primary burial: *1* — the comparison of the total vector of the grave walls displacements in the horizontal plane (computer simulation) with the outline of the primary burial depicted by Nikolay I. Veselovsky; *2* — the reconstruction of the original form of the grave pit and position of the skeletons

ной формы с вертикальными стенами, обшитыми досками или укрепленными срубом. Деформация могильных ям — это естественный процесс, которому в разной степени подвержены все без исключения земляные выемки, но ее степень зависит от ряда факторов, главными из которых являются форма и размеры ям, механические свойства грунта и время, в течение которого они оставались не заполненными землей. Для четырехугольных ям характерными признаками естественной деформации являются прогиб и наклон стен внутрь. Это обстоятельство всегда следует иметь в виду при интерпретации формы «фигурных» ям.

Поза погребенных. В описаниях позы скелетов погребенных, приведенных Н. И. Веселовским в рукописной и опубликованной версиях отчета, расхождения скорее дополняют, чем противоречат друг другу. В рукописи отмечено, что скелет «первенствующего лица» «…лежал в согнутом положении <…> а кисти рук находились у головы» (НА ИИМК РАН. РО. Ф. 1. Оп. 1. 1896. Д. 204. Л. 52). В публикации Н. И. Веселовский выразился яснее: «Южная часть могилы была занята одним покойником, лежавшим <…> в утробном положении, с согнутыми ногами и поднятыми к голове руками». Позы двух других скелетов в рукописи и публикации описаны одинаково — «в согнутом положении» (ОИАК, 1900. С. 3, 10). Сравнение позы погребенного с утробным, под которым обычно подразумевают согнутые и подтянутые к туловищу конечности, в археологии, как правило, ассоциируется с положением скорченно на боку. Именно так, не встретив возражений Н. И. Веселовского, А. А. Спицын интерпретировал его описание и рисунок поз скелетов «…в скорченном положении, на правом боку» (*Спицын*, 1899. С. 55).

Б. А. Латынин предположил, что в отчетах Н. И. Веселовского характеристики «скорченный» и «согнутый» относятся соответственно к положению скелетов на боку и на спине (*Латынин*, 1967. С. 55, 168). Однако анализ контекста и частоты употребления Н. И. Веселовским этих характеристик в период между 1895 и 1912 г. эту точку зрения не подтверждает. Как правило, Н. И. Веселовский использовал обе характеристики положения скелетов как синонимы, подразумевая положение на боку, в отличие от скелетов «на спине в прямом положении».

Положение скелетов скорченно на спине Н. И. Веселовский отметил, как минимум, дважды (Келермесская 1904, курган 7 и Петропавловская 1907, курган 11), оговаривая это специально. В первом случае он отмечает, что «…костяк лежал на спине, головой на В.; ноги в коленях были подогнуты и обращены на Ю» (ОИАК, 1907. С. 96); во втором — «Костяк лежал головой на Ю, в согнутом виде <…> Колени покойника были подняты вверх, и ступни ног упирались в дно могилы» (ОИАК, 1910. С. 89). Относительно позы скелетов в Майкопском кургане таких дополнений нет, и, соответственно, нет оснований для интерпретации «утробного положения» как скорченного на спине.

Полагаться на неуклюжие рисунки Н. И. Веселовского рискованно по нескольким причинам. Во-первых, изображенная на них поза погребенных анатомически неправдоподобна — лежа на спине, кисти сильно согнутых в локтях рук не могут оказаться у головы, а Н. И. Веселовский хотел подчеркнуть именно эту особенность их расположения. Во-вторых, среди более 200 известных погребений майкопской культуры до сих пор нет достоверных примеров положения погребенных в позе, аналогичной нарисованной Н. И. Веселовским. Редкая, но похожая поза у скелета из грунтового погребения родственной майкопской лейлатепинской культуры (Пойлу II, погребение 1) по всем антропологическим признакам является результатом постпогребального разворота на спину уложенного скорченно на правом боку погребенного (*Museibli*, 2014. P. 151. Fig. 29, *1*). В-третьих, в заблуждение может вводить принятый Н. И. Веселовским стиль изображения скорченности на боку, как в случае, вероятно, с майкопским погребением в кургане у Воздвиженской. Судя по тексту отчета, трое погребенных лежали на галечной площадке «…в согнутом положении», а четвертый «…согнут был сильнее прочих». Учитывая, что у погребенных на спине степень скорченности почти не варьирует, остается допустить, что Н. И. Веселовским описаны скорченные скелеты на боку. Однако такой вывод нельзя было бы сделать, если о положении скелетов судить исключительно по приложенному к отчету рисунку, на котором скелеты нарисованы лежащими на спине с подогнутыми ногами коленями вправо (ОИАК, 1902. С. 47. Табл. 2).

Заключение. Исходя из результатов компьютерного моделирования процесса деформации могильной ямы основного погребения в Майкопском кургане и анализа контекста полевых отчетов Н. И. Веселовского, форма ямы при ее сооружении реконструируется как прямоугольная, с прямыми вертикальными стенами, укрепленными деревянной конструкцией. В этом случае отпадает необходимость подвергать сомнению достоверность сообщения Н. И. Веселовского об «обкладке» стен деревом (см.: *Пиотровский*, 2020. С. 132). Абсолютно достоверно установить позу скелетов нельзя, но, вероятнее всего, они лежали скорченно на правом

боку, руки согнуты, кисти рук — перед лицом **(рис. 1, 2)**. Эти характеристики погребального сооружения и позы погребенных в целом соответствуют стандартам погребального обряда майкопской культуры.

НА ИИМК РАН. РО. Ф. 1. Оп. 1. 1896. Д. 204: О расследовании кургана в г. Майкопе, Кубанская обл. 153 л.

ОИАК, 1900 — Отчет ИАК за 1897 г. СПб.: тип. Гл. упр. уделов, 1900. 191 с.

ОИАК, 1902 — Отчет ИАК за 1899 г. СПб.: тип. Гл. упр. уделов, 1902. 184 с.

ОИАК, 1907 — Отчет ИАК за 1904 г. СПб.: тип. Гл. упр. уделов, 1907. 185 с.

ОИАК, 1910 — Отчет ИАК за 1907 г. СПб.: тип. Гл. упр. уделов, 1910. 158 с.

Латынин, 1967 — *Латынин Б. А.* Молоточковидные булавки, их культурная атрибуция и датировка // АСГЭ. 1967. Вып. 9. С. 5–95.

Пиотровский, 2020 — *Пиотровский Ю. Ю.* Майкопский курган (Ошад): от археологического памятника к археологическому источнику // Кавказ между Восточной Европой и Передним Востоком в бронзовом и железном веке: диалог культур, культура диалога: Междунар. науч. конф. по археологии Кавказа и Гумбольдт-лекторий (5–8 октября 2015 года, Санкт-Петербург) / Отв. ред.: М. Т. Кашуба и др. Berlin: Dietrich Reimer Verlag, 2020. С. 105–172 (Archäologie in Iran und Turan. Bd. 19).

Спицын, 1899 — *Спицын А. А.* Курганы с окрашенными костяками // Записки РАО. 1899. Новая серия XI, 1–2. С. 53–133.

Фадеев, 1987 — *Фадеев А. Б.* Метод конечных элементов в геомеханике. М.: Недра, 1987. 221 с.

Benz, 2007 — *Benz T.* Small-Strain Stiffness of Soil and its Numerical Consequences. Stuttgart: University Stuttgart, 2007. 193 p. (Mitteilung des Instituts für Geotechnik. Nr. 55).

Museibli, 2014 — *Museibli N.* The grave monuments and burial customs of the Leilatepe culture. Baku: Nafta-Press, 2014. 156 p.

The Maykop kurgan, 1897: reconstruction of the original shape of the burial pit and the posture of bodies of the dead

Viktor A. Trifonov[4], Alexander V. Yavarov[5]

Based on computer simulation results of the grave pit deformationof in the Maykop kurgan 1897 (Early Bronze Age, Caucasus), and context analysis of Nikolay I. Veselovsky’s field reports, it can be reconstructed original shape of the pit and the position of the buried.

Keywords: *the Maykop kurgan, the Early Bronze Age, funeral custom*

4 Viktor A. Trifonov — Institute for the History of Material Culture of the RAS, 18A Dvortsovaya Emb., St. Petersburg, 191186, Russian Federation; e-mail: viktor_trifonov@mail.ru; ORCID: 0000-0002-3188-9311.

5 Alexander V. Yavarov — Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University, 29 Politekhnicheskaya St., St. Petersburg, 195251, Russian Federation; e-mail: yavarov_av@spbstu.ru; ORCID: 0000-0002-8944-1544.

Льняной текстиль майкопской культуры[1]

Н. И. Шишлина[2], В. А. Трифонов[3], О. В. Орфинская[4], А. А. Мамонова[5], Е. Н. Черных[6]

Аннотация. *Авторы представили новые результаты изучения фрагментов льняного текстиля из погребений майкопской культуры, включая известные дольмены у ст. Царская, раскопанные в 1898 г. Н. И. Веселовским. Полученные данные свидетельствуют, что это образцы текстильного производства очень высокого уровня. Они характеризуются отлично приготовленным сырьем, тонко спряденными нитями, несколькими типами переплетения, использованием разных текстильных приспособлений.*

Ключевые слова: *майкопская культура, Северный Кавказ, лен, текстиль*

https://doi.org/10.31600/978-5-6050962-0-7.59-61

Введение. Н. И. Веселовский в 1898 г. раскопал две гробницы у ст. Царская (ОИАК, 1898. С. 29–39; *Попова*, 1963) в Краснодарском крае. В 80-е гг. XX в. этот же памятник, но уже под другим названием — могильник Клады — продолжил исследовать А. Д. Резепкин (2012). Среди уникальных находок из этих гробниц особое место занимают фрагменты текстиля, впервые описанные Н. И. Веселовским (ОИАК, 1898. С. 29–39).

Последующее комплексное изучение текстильного производства майкопской культуры Северного Кавказа (*Shishlina et al*., 2003; *Trifonov et al*., 2019) выявило, что сырьем для изделий служили растительные и шерстяные волокна, а также мех.

В данном исследовании анализируются текстильные изделия из льна, происходящие из гробниц майкопской культуры у ст. Царская/Клады, майкопских погребений у хут. Веселый в Краснодарском крае (раскопки А. А. Нехаева) и Вертолетное Поле на Нижнем Дону (раскопки В. Г. Житникова).

Образцы и методы исследования. Фрагменты текстиля сохранились благодаря окислам бронзовых предметов, на которых они находились: это крюк (Царская/Клады, курган 2), наружная поверхность дна котла (Клады, курган 31, погребение 5); тесло (Вертолетное Поле, курган 1, погребение 7) и зеркало (Веселый, курган 3, погребение 1). Для исследования была проведена макрофиксация фрагментов, определен тип и технологические характеристики волокна, нитей и ткани. Природа волокна определялась по морфологическим признакам с привлечением коллекции эталонных текстильных волокон. В ходе исследования применялись методы микроскопии в отраженном неполяризованном свете с использованием: лупы Flash Magnifier с увеличением до 10×; стереомикроскопов МБС-10 с увеличением до 40× и Stemi 2000-CS с увеличением до 100×; поляризационного микроскопа ПОЛАМ Р-211 при увеличении 400×. Также были проведены тестовые исследования вариаций изотопного состава стронция в образце текстиля из Вертолетного Поля.

Результаты анализа. Все проанализированные фрагменты текстиля изготовлены из льна. Для шнура толщиной около 1,0 мм из дольмена у ст. Царская, курган 2 использовали льняные нити со слабой Z-круткой толщиной 0,8–0,15 мм. Порядок нитей в образце: 12 нитей соединены в четыре (по три в каждой) в S-направлении; четыре нити свиты в две в Z-направлении; две нити соединены в одну с общей круткой в S-направлении **(рис. 1)**.

1 Исследование проведено при поддержке гранта РНФ № 21-18-00026. Приносим благодарность авторам раскопок А. Д. Резепкину, В. Г. Житникову, А. А. Нехаеву.

2 Наталья Ивановна Шишлина — Государственный исторический музей, Красная пл., д. 1, Москва, 109012, Российская Федерация; e-mail: nshishlina@mail.ru; ORCID: 0000-0001-9638-0156.

3 Виктор Анатольевич Трифонов — Институт истории материальной культуры РАН, Дворцовая наб, д. 18А, Санкт-Петербург, 191186, Российская Федерация; e-mail: viktor_trifonov@mail.ru; ORCID: 0000-0002-3188-9311.

4 Ольга Вячеславовна Орфинская — Центр египтологических исследований РАН, Ленинский пр., д. 29/8, Москва, 119071, Российская Федерация; e-mail: orfio@yandex.ru; ORCID: 0000-0001-5473-805X.

5 Анна Андреевна Мамонова — Государственный исторический музей, Красная пл., д. 1, Москва, 109012, Российская Федерация; e-mail: mcmice@yandex.ru.

6 Елена Николаевна Черных — Национальный музей Республики Адыгея, Советская ул., д. 229, Майкоп, 385000, Российская Федерация; e-mail: hcher@rambler.ru.

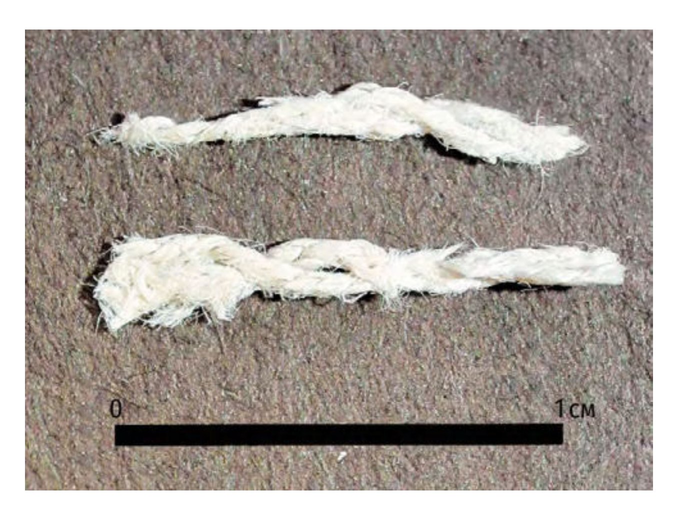

Рис. 1. Царская/Клады, курган 2. Фрагмент льняного шнура. Раскопки Н. И. Веселовского, 1898 г.

Fig. 1. Tsarskaya/Klady, kurgan 2. Fragment of the linen cord. Excavated by Nikolay I. Veselovsky, 1898

Анализ текстиля, сохранившегося на наружной поверхности дна бронзового котла из погребения 5 кургана 31 могильника Клады, показал, что ткань сделана из тонких однородных нитей льна толщиной 11–13 мкм. Нити основы и утка II порядка толщиной 0,17–0,32 мм спрядены в правостороннем направлении с шагом 0,4–0,65 мм из двух нитей I порядка с неравномерной толщиной 0,09–0,69 мм, слабой левосторонней крутки. Эта ткань отличается от фрагментов льняной ткани полотняного переплетения со дна другого бронзового сосуда из того же погребения, для которой характерно авторское крашение танинами. Ткань была полосатой (*Shishlina et al.*, 2003).

Ткань полотняного переплетения с зеркала из погребения 1 кургана 3 у хут. Веселый оказалась также льняной: нити второго порядка со слабой S,2z-круткой, толщиной 0,5–0,8 мм, отдельные нити до 1,2 мм; плотность ткани составляла 14/14 нитей/см.

Для изготовления текстиля из погребения могильника Вертолетное Поле использованы индивидуальные, хорошо отбеленные лубяные волокна льна. Тип переплетения нитей основы и утка — полотняное. Нити основы и утка имеют второй порядок крутки, шаг крутки — 1,3 мм. Толщина нитей утка и основы — 0,4–0,5 мм, расстояния между нитями утка — 0,6–0,8 мм, между нитями основы — 0,4–0,5 мм. Плотность ткани по основе — 12 нитей/см, по утку — 10 нитей/см. В этом образце текстиля были определены вариации отношений изотопов стронция $^{87}Sr/^{86}Sr$: 0,70897.

Обсуждение и заключение. Полученные результаты свидетельствуют, что все исследованные ткани являются образцами очень высокого уровня текстильного производства. Они характеризуются отлично приготовленным сырьем, тонко спряденными нитями, несколькими типами переплетения, использованием разных текстильных приспособлений (табличек, ткацкого станка). Однако отметим, что по технологическим характеристикам (использование однородного типа волокна, толщина нитей основы и утка, плотность ткани) такой текстиль значительно уступает импортной одежде из дольмена 2, на изготовление которой пошли смешанные хлопково-шерстяные ткани и мех местного суслика. Кроме этого, ткань была окрашена танинами (*Shishlina et al.*, 2003; *Trifonov et al.*, 2019).

Находки обугленных семян льна (*Linum ustatissimum L.*) в памятниках Южного и Северного Кавказа (навес Мешоко, Камиль-тепе, Ментеш-тепе, Арухло) показывают, что кавказские земледельцы культивировали лен в V–IV тыс. до н. э. (*Осташинский и др.*, 2016; *Lyonnet et al.*, 2012), т. е. еще до появления майкопской культуры на Северном Кавказе. Сопоставительный анализ с вариациями отношений изотопов стронция в элементах экосистемы Нижнего Подонья и фрагменте льняной ткани из Вертолетного Поля показывает, что ткань, скорее всего, была изготовлена из местного сырья.

Вероятно, во второй половине IV тыс. до н. э. в ареале майкопской культуры был распространен как местный, так и импортный льняной текстиль.

Льняное ткачество III тыс. до н. э. на Северном Кавказе пока не засвидетельствовано, хотя ткани из льна традиционны для беденской культуры Южного Кавказа середины — второй половины III тыс. до н. э. (*Kalandadze, Sakhvadze*, 2016). Смена экономических и ресурсных стратегий привела к преобладанию в степной зоне в это время волокон из диких лубяных растений и постепенному появлению шерстяного волокна, распространение которого связано уже с иным культурным контекстом.

ОИАК, 1901 — Отчет Императорской Археологической комиссии за 1898 год. СПб.: тип. Гл. упр. уделов, 1901. 191 с.

Осташинский и др., 2016 — *Осташинский С. М., Черленок Е. А., Лоскутов И. Г.* О древнем земледелии Северо-Западного Кавказа // АВ. 2016. Вып. 22. С. 35–40.

Попова, 1963 — *Попова Т. Б.* Дольмены станицы Новосвободной. М.: Советская Россия, 1963. 48 с. (Тр. ГИМ. Памятники культуры. Вып. XXXIV).

Резепкин, 2012 — *Резепкин А. Д.* Новосвободненская культура (на основе материалов могильника «Клады»). СПб.: Нестор-История, 2012. 342 с. (Тр. ИИМК РАН. Т. XXXVII).

Kalandadze, Sakhvadze, 2016 — *Kalandadze N., Sakhvadze E*. Textiles discovered in Ananauri kurgan No. 3 // Makharadze Z., Kalandadze N., Murvanidze B. Ananauri big kurgan. Tbilisi: Georgian National Museum, 2016. P. 127–135.

Lyonnet et al., 2012 — *Lyonnet B., Guliyev F., Helwing B. et al.* Ancient Kura 2010–2011: the first two seasons of joint field work in the southern Caucasus // AMIT. 2012. Bd. 44. P. 1–190.

Shishlina et al., 2003 — *Shishlina N., Orfinskaya O., Golikov V.* Bronze Age Textiles from the North Caucasus: New Evidence of Fourth Millennium BC Fibers and Fabrics // Oxford Journal of Archaeology. 2003. Vol. 22 (4). P. 331–344.

Trifonov et al., 2019 — *Trifonov V., Shishlina N., Chernova O. et al.* A 5000-year old souslik fur garment from an elite megalithic tomb in the North Caucasus, Maykop culture // Paleorient. 2019. Vol. 45. P. 69–80.

Linen textile of the Maykop culture

Natalia I. Shishlina[7], Victor A. Trifonov[8], Olga V. Orfinskaya[9], Anna A. Mamonova[10], Elena N. Chernykh[11]

The paper presents new results of the study of the linen textiles' fragments from the burials of the Maykop culture, including the famous dolmens from Tsarskaya, excavated in 1898 by Nikolay I. Veselovsky. The obtained results indicate that all these fragments belong to samples of textile production of a very high level. They are characterized by perfectly prepared raw materials, finely spun threads, several types of weaving, and the use of various textile devices.

Keywords: *the Maykop culture, the North Caucasus, linen, textile*

7 Natalia N. Shishlina — The State Historical Museum, 1 Red Sq., Moscow, 109012, Russian Federation; e-mail: nshishlina@mail.ru; ORCID: 0000-0001-9638-0156.

8 Viktor A. Trifonov — Institute for the History of Material Culture of the RAS, 18A Dvortsovaya Emb., St. Petersburg, 191186, Russian Federation; e-mail: viktor_trifonov@mail.ru; ORCID: 0000-0002-3188-9311.

9 Olga V. Orfinskaya — Centre for Egyptological Studies of the RAS, 29/8 Leninsky Ave., Moscow, 119071, Russian Federation; e-mail: orfio@yandex.ru; ORCID: 0000-0001-5473-805X.

10 Anna A. Mamonova — The State Historical Museum, 1 Red Sq., Moscow, 109012, Russian Federation; e-mail: mcmice@yandex.ru.

11 Elena N. Chernykh — The National Museum of Republic of Adygea, 229 Sovetskaya St., Maykop, 385000, Russian Federation; e-mail: hcher@rambler.ru.

«Курган Генкеля» как пример первых исследований курганных древностей Крыма[1]

В. А. Тихомиров[2]

Аннотация. *В статье рассмотрены процесс работ и находки, обнаруженные при раскопках «кургана Генкеля», расположенного к северу от г. Симферополь. Курган был исследован Н. И. Веселовским в 1890–1891 гг. при участии членов Таврической ученой архивной комиссии, однако работы по изучению курганной насыпи остались незавершенными. Спустя много лет отдельные материалы и находки из этих раскопок были введены в научный оборот.*

Ключевые слова: *Н. И. Веселовский, курганы, погребения, эпоха бронзы, ямная культура, Крым*

https://doi.org/10.31600/978-5-6050962-0-7.62-66

Отдельным и ярким периодом в деятельности Н. И. Веселовского стали археологические раскопки в Таврической губернии. Результаты этих работ освещались в периодической печати тех лет. Хотя это были далеко не первые исследования курганных древностей на территории Крыма, которые были начаты еще в последней четверти XIX в., в дальнейшем столь масштабные археологические исследования на полуострове возобновились только в начале 1960-х гг.

В 1890 г. Н. И. Веселовский предпринял раскопки большого кургана в окрестностях г. Симферополь. Владельцем участка, на котором располагался курган, являлся С. И. Генкель, по имени которого данный памятник и вошел в научную литературу. Однако сведения о нем, его исследовании и обнаруженных находках оказались рассеяны в различных изданиях и публикациях. Следует отметить весьма внушительную величину этого кургана, которая описывается как «громадная»: она составляла 5 саженей, или более 10 м[3] (ОИАК, 1893а. С. 10). Такая высота не характерна для курганов эпохи бронзы, расположенных в крымских предгорьях, высота которых колеблется в пределах от 0,5 до 6 м (*Тощев*, 2007. С. 25).

С. Г. Колтуховым и Т. Н. Смекаловой была выполнена локализация курганов, раскопанных Н. И. Веселовским под Симферополем (*Смекалова*, 2009; *Колтухов*, 1999; 2008). В соответствии с ней «курган Генкеля» располагался на правом берегу р. Салгир, на возвышенности, занимаемой сейчас промышленной зоной в районе Монтажной ул. пгт Комсомольское Симферопольского района **(рис. 1, *1*)**.

Не всегда Н. И. Веселовский присутствовал лично при работах, вполне доверяя компетентности своих помощников. В частности, работы под Симферополем происходили под надзором членов ТУАК А. Х. Стевена, А. О. Кашпара, а также А. И. Маркевича (*Стевен*, 1891. С. 147).

Методика работ Н. И. Веселовского была весьма типичной для раскопок крупных курганных насыпей на юге России в конце XIX в. Относительно небольшие, высотой до 2 м, курганы исследовались вертикальным «колодцем», который закладывался в центральной части насыпи. При необходимости «колодец» углублялся путем создания дополнительных «уступов», придававших ему ступенчатую форму (*Самоквасов*, 1897. С. 48–49; *Городцов*, 1914. С. 17, 51–53; *Тощев*, 2007. С. 10). Высокие курганы, более 2 м высоты, как правило раскапывались траншеей от полы кургана к центру насыпи. Дополнительные траншеи, подбои и «мины»-подкопы пробивались перпендикулярно либо параллельно к первой (*Самоквасов*, 1897. С. 48–49; *Городцов*, 1914. С. 53–54, 57–60). При этом основная часть курганной насыпи, не охваченная траншеей и «минами», оставалась неисследованной, но следы именно таких траншей, заложенные как правило с южной полы кургана, до сих пор заметны на всех курганах в окрестностях Симферополя, исследованных Н. И. Веселовским.

1 Исследование выполнено при финансовой поддержке РНФ (проект № 22-18-00065, https://rscf.ru/project/22-18-00065/ «Культурно-исторические процессы и палеосреда в позднем бронзовом — раннем железном веке Северо-Западного Причерноморья: междисциплинарный подход») в РГПУ им. А. И. Герцена.

2 Виталий Александрович Тихомиров — Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена; наб. р. Мойки, д. 48/12, Санкт-Петербург, 191186, Российская Федерация; Институт археологии Крыма РАН, пр-т Академика Вернадского, д. 2, Симферополь, 295007, Республика Крым, Российская Федерация; e-mail: tihomirov.va1985@gmail.com; ORCID: 0009-0008-9290-1020.

3 В тексте ОИАК за 1891 г. высота кургана указана 4 сажени, то есть 8,5 м (ОИАК, 1893б. С. 75).

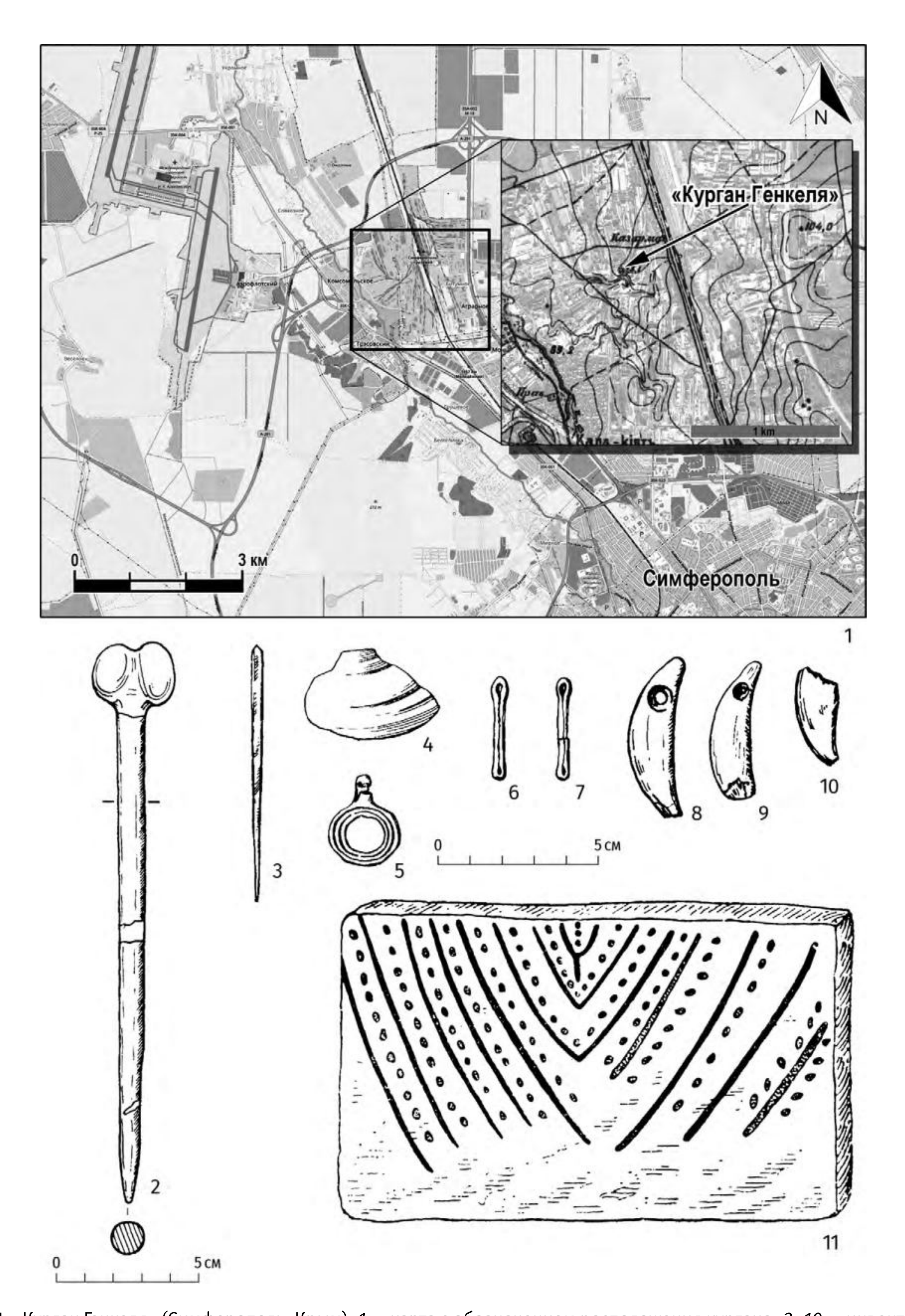

Рис. 1. «Курган Генкеля» (Симферополь, Крым): *1* — карта с обозначением расположения кургана; *2–10* — инвентарь погребения № 2, раскопки 1890 г. (*2* — молоточковидная булавка; *3* — шило; *4* — кремневый «скребок»; *5, 6* — стержневидные подвески; *7* — кольцевидная подвеска с ушком; *8–10* — клыки собаки (по: *Латынин*, 1967. Рис. 15)); *11* — плита с росписью из каменного ящика, раскопки 1891 г. (по: *Häusler*, 1964)

Fig. 1. "Henckel's Mound" (Simferopol, Crimea): *1* — a map showing the location of the mound; *2–10* — inventory of burial No. 2, excavations in 1890 (*2* — hammer-shaped pin; *3* — awl; *4* — flint "scraper"; *5, 6* — rod-shaped pendants; *7* — ring-shaped pendant with an ear; *8–10* — dog fangs (after *Латынин*, 1967. Рис. 15)); *11* — plate with a painting from a stone box, excavations in 1891 (after *Häusler*, 1964)

Работы были начаты в 1890 г. согласно вышеописанной методике, с южной полы, траншеей шириной в 3 сажени (6,4 м). В соответствии с текстом, опубликованным в ИТУАК, — на расстоянии 6 саженей (12,8 м)[4] от начала траншеи, на уровне материка, в центре траншеи найдена первая могила. На расстоянии 2 саженей (4,27 м) к востоку от первой обнаружена вторая.

Могила № 1 имела деревянное перекрытие. Размер могилы — около 1,5 × 0,75 м, глубина — 0,7 м. Скелет лежал на левом боку, с подогнутыми в коленях ногами, окрашен охрой. Кости левой руки вытянуты к колену, кости правой, видимо, вытянуты вдоль туловища[5]. Ориентация относительно сторон света не указана. У черепа погребенного найдены: комок ярко-красной охры; «кусочки белой краски» и четырехгранное шило длиной 8 см **(рис. 1, *3*)**. В области тазовых костей находились: молоточковидная булавка длиной 17,5 см **(рис. 1, *2*)**; «бронзовая пряжка» (кольцевидная подвеска-медальон с петлей) **(рис. 1, *5*)**; две стержневидные подвески **(рис. 1, *6, 7*)**; три зуба (клыка) животных с отверстиями **(рис. 1, *8–10*)**. В заполнении могилы также обнаружен кремневый скребок **(рис. 1, *4*)**.

Наиболее детально комплекс этого погребения был рассмотрен Б. А. Латыниным[6]. Молоточковидная булавка со слабопрофилированными «кулачковыми» выступами на головке, гладким стержнем без орнамента не сохранилась, но воспроизведена по зарисовке, сделанной П. Н. Шульцем в 1959 г., и по фотографии из фототеки ГИМ. Согласно типологии, разработанной Б. А. Латыниным, булавка была отнесена к I типу (*Латынин*, 1967. С. 34). Отверстие в головке булавки отсутствует, что отличает ее от большей части аналогичных изделий. Очень похожая булавка найдена в ямном впускном погребении 16, кургана № 1 у с. Мартыновка (*Щепинский, Черепанова*, 1969. С. 246. Рис. 95, *11*).

Само погребение из «кургана Генкеля» Б. А. Латынин считал типично древнеямным, с «медными» предметами, имеющими аналогии в Предкавказье, в комплексах, связанных с «бронзовыми» молоточковидными булавками и керамикой майкопского типа (*Латынин*, 1967. С. 22, 24, 38, 89. Рис. 15).

Находки кольцевидных блях-подвесок известны и на территории Крыма: одна — случайная находка из окрестностей Симферополя, другая из катакомбного погребения в кургане № 2 у с. Колоски Сакского района. Первая из них практически идентична найденной в «кургане Генкеля», а вторая имеет весьма оригинальную форму (*Нечитайло*, 1991. С. 85. Рис. 35, *4, 5*; *Тощев*, 2007. С. 298. Рис. 70, *6*). Круглая бронзовая подвеска-медальон с петелькой, аналогичная найденной в «кургане Генкеля», обнаружена в катакомбном погребении кургана вблизи поселка Голубовский Луганской области (*Братченко*, 2001. С. 11. Рис. 57, *8*). Кольцевые медальоны характерны для погребений раннекатакомбного времени (Там же. С. 26, 27, 187).

Судя по тому, что погребальная конструкция имела деревянное перекрытие, могила № 2 представляла собой не катакомбу, а яму, типичную для ямной культуры. Характеристики погребального инвентаря, скорее всего, позволяют отнести комплекс к позднеямной культуре.

Могила № 2 безынвентарная, детская. Из опубликованного в ОИАК текста следует, что могила имела двухчастную форму: верхняя яма имела овальную в плане форму (размерами 2,0 × 1,8 м и глубиной 0,2 м), нижняя яма была прямоугольной в плане формы, «продолговатым ящиком», размерами 1,3 × 0,8 м и глубиной 0,7 м. Скелет был окрашен охрой, ориентирован черепом на восток, кости ног подогнуты в коленях (ОИАК, 1893а. С. 11).

Судя по описанию конструкции погребального сооружения, а также по схематичному рисунку из отчета, могила № 2 представляла собой известные «ямы с уступом», которые, по мнению Г. Н. Тощева, характерны для впускных захоронений ямной культуры (*Тощев*, 2007. С. 30).

15 августа 1890 г. все работы на кургане были прекращены (*Стевен*, 1891. С. 147).

В 1891 г. раскопки продолжились. В тексте ОИАК имеются сведения о двух исследованных могилах, а в тексте А. О. Кашпара говорится о шести могилах (ОИАК, 1893б. С. 75–76, *Кашпар*, 1891. С. 95–96). В 5 саженях от начала раскопа 1890 г. были сделаны две почти параллельные мины-подкопы к центру кургана. Однако из-за начавшихся обвалов земли и угрозы жизни землекопов методику решили изменить и стали прокапывать землю сверху. Далее были открыты первые две могилы

4 В ОИАК указано другое расстояние — 3 сажени, то есть 6,4 м (ОИАК, 1893а. С. 10).

5 Б. А. Латынин предположил на основании положения рук, что более вероятная поза погребенного — «на спине, с ногами, согнутыми в поднятых коленях, упавших влево», что представляется более вероятным для погребений ямной культуры (*Латынин*, 1967. С. 89). В работе же Г. Н. Тощева это погребение отнесено к 4-му варианту III обрядовой группы ямной культуры — в положении скорченно на левом боку (*Тощев*, 2007. С. 37, 49). Однако в подрисуночных подписях с инвентарем из данного погребения в двух случаях оно было отнесено к 5-му варианту III обрядовой группы, т. е. скорченно на левом боку (Там же. Рис. 17, *14*; 19, *31*).

6 Именовавшим эту могилу «погребение 2».

со скелетами, лежащими в скорченном положении, без инвентаря. В 40 шагах от края кургана обнаружена «каменная гробница».

Каменный ящик, прямоугольной в плане формы, состоял из четырех плит песчаника, расписанных черной и красной красками, и перекрытых пятой, покровной плитой без росписи. Длинной осью ящик ориентирован в направлении север–юг. Размеры ящика — 1,5 × 0,9 м, глубина — 0,75 м, ширина плит — 1,2 м, толщина около 17 см. Рисунок, идентичный на всех четырех плитах, представлял собой две группы черных и красных линий с красными точками между ними, сходящихся под острым углом (*Кашпар*, 1891. С. 95–96, *Формозов*, 1969. С. 163. Рис. 58, *2*; *Смекалова*, 2009. С. 107. Рис. 36). Сохранилась зарисовка одной из этих плит с росписью **(рис. 1, *11*)**. Поза погребенного указана как «сидячая» либо скорченная. Череп найден у северной стенки ящика. Погребальный инвентарь не обнаружен.

Описанное захоронение можно отнести к ряду типичных «ящичных» или «кеми-обинских» погребений раннего бронзового века. Одной из характерных особенностей таких могил является украшение стен каменных ящиков рисунком линейно-геометрического характера. Это погребение вошло в свод памятников кеми-обинской культуры А. А. Щепинского (*Щепинский*, 2002. С. 98). И хотя реальность существования самой культуры среди специалистов до сих пор остается дискуссионной, не вызывает сомнений специфика и само наличие такого рода ярких памятников на территории Крымского полуострова в эпоху бронзы (см.: *Тощев, Кашуба*, 2017).

К полученным в 1890–1891 гг. материалам из раскопок «кургана Генкеля» специалисты обратились спустя полвека: их рассматривали в своих работах А. А. Щепинский (1963. С. 40; 2002. С. 98), А. Хойслер (*Häusler*, 1964. S. 59–67; 1976, S. 53, 145. Taf. 43, *12*; 1985. Abb. 10), А. А. Формозов (1969. С. 161, 163), Г. Н. Тощев (2007. С. 37, 49),

Рассмотренный сюжет показывает, что, видимо, Н. И. Веселовский довольно быстро терял интерес к курганам, когда в них были обнаружены окрашенные охрой скелеты. Исследователь уже знал, что данные погребения относятся к более ранней, чем скифская, эпохе, а главное, что они не сопровождаются выдающимся в художественном и материальном смысле инвентарем. Они явно «проигрывали» на фоне ярких погребений с материалами скифской культуры. Именно так и произошло с «курганом Генкеля», в насыпи которого собственно скифских погребений не оказалось, что послужило причиной прекращения работ. За два сезона раскопок было исследовано как минимум два, видимо, позднеямных впускных погребения, но работы были прекращены, когда до центра кургана оставалось 2 сажени (4,27 м), и основное погребение осталось неисследованным (ОИАК, 1893б. С. 76). Спустя годы полученные немногочисленные материалы были введены в научный оборот новыми поколениями исследователей.

Городцов, 1914 — *Городцов В. А.* Руководство для археологических раскопок. М.: Изд. ИМАИ, 1914. 63 с.

Кашпар, 1891 — *Кашпар А. О.* Раскопки курганов в окрестностях Симферополя, произведенные профессором Н. И. Веселовским в июле и августе 1891 года // ИТУАК. 1891. № 14. С. 95–97.

Латынин, 1967 — *Латынин Б. А.* Молоточковидные булавки, их культурная атрибуция и датировка // АСГЭ. 1967. Вып. 9. С. 5–95.

Нечитайло, 1991 — *Нечитайло А. Л.* Связи населения степной Украины и Северного Кавказа в эпоху бронзы. Киев: Наукова думка, 1991. 116 с.

ОИАК, 1893а — Отчет ИАК за 1890 г. СПб.: тип. Императорской АН, 1893. 151 с.

ОИАК, 1893б — Отчет ИАК за 1891 год. СПб.: тип. Гл. упр. уделов, 1893. 187 с.

Самоквасов, 1897 — *Самоквасов Д. Я.* Инструкция для научного исследования курганов // ИТУАК. 1897. № 4. С. 46–52.

Смекалова, 2009 — *Смекалова Т. Н.* Курганы в ландшафте Северного Причерноморья. I. Предгорный Крым // БИ. 2009. Вып. XXI. С. 42–119.

Стевен, 1891 — *Стевен А.* Раскопка курганов близ Симферополя летом 1890 г. // ИТУАК. 1891. № 11. С. 147–153.

Тощев, 2007 — *Тощев Г. Н.* Крым в эпоху бронзы. Запорожье: Запорожский ГУ, 2007. 304 с.

Тощев, Кашуба, 2017 — *Тощев Г. Н., Кашуба М. Т.* Кеми-Оба. К 60-летию открытия кургана и культуры раннего бронзового века // АВ. 2017. Вып. 23. С. 336–344.

Формозов, 1969 — *Формозов А. А.* Очерки по первобытному искусству. Наскальные изображения и каменные изваяния эпохи камня и бронзы на территории СССР. М.: Наука, 1969. 254 с.

Щепинский, 1963 — *Щепинский А. А.* Памятники искусства эпохи раннего металла в Крыму // СА. 1963. № 3. С. 38–47.

Щепинский, Черепанова, 1969 — *Щепинский А. А., Черепанова Е. Н.* Северное Присивашье в V–I тысячелетиях до н. э. Симферополь: Крым, 1969. 328 с.

Щепинский, 2002 — *Щепинский А. А.* Памятники Кеми-Обинской культуры (Свод археологических источников) 1983. Запорожье: Запорожский национальный ун-т, 2002. 340 с.

Häusler, 1964 — *Häusler A.* Innenverzierte Steinkammergräber der Krim // Jahresschrift für mitteldeutsche Vorgeschichte. 1964. Bd. 48. S. 59–82.

Häusler, 1976 — *Häusler A.* Die Gräber der älteren Ochergrabkultur zwischen Dnepr und Karpaten. Berlin: Akademie-Verlag. 222 S. (Wissenschaftliche Beiträge der Martin-Luther-Universität Halle-Wittenberg. Bd. 1).

Häusler, 1985 — *Häusler A.* Kulturbeziehungen zwischen Ost- und Mitteleuropa im Neolithikum? // Jahresschrift für Mitteldeutsche Vorgeschichte. 1985. Bd. 68. S. 21–74.

The "Henckel's Mound" as an example of the first studies of the kurgan antiquities of the Crimea

Vitaly A. Tikhomirov[7]

The author considers the process of excavation of the "Henckel's Mound" to the north of Simferopol and the findings discovered in it. This burial mound was investigated by Nikolay I. Veselovsky in 1890–1891 with the participation of members of the Taurida Academic Archival Commission, but the research of the mound remained unfinished. Many years later, some materials and findings from these excavations became accessible to the scholars.

Keywords: *Nikolay I. Veselovsky, burial mounds, Bronze Age, the Pit-grave (Yamnaya) culture, Crimea*

7 Vitaly A. Tikhomirov — Herzen State Pedagogical University, 48/12 Moyka Emb., St. Petersburg, 191186, Russian Federation; Institute of Archaeology of Crimea of the RAS, 2 Academician Vernadsky Ave., Simferopol, 295007, Republic of Crimea, Russian Federation; e-mail: tihomirov.va1985@gmail.com;
ORCID: 0009-0008-9290-1020.

Поселения Северо-Западного Крыма в региональной историографии эпохи бронзы (исследования в XX веке)[1]

Ю. В. Кожуховская[2], М. Т. Кашуба[3]

Аннотация. *Работа посвящена изучению преисторических поселений в Северном, Западном и Северо-Западном Крыму в XX в. Разведки и работы на преисторических поселениях Крыма начаты с середины 1920-х гг. в его западной части (Новофёдоровка). Начиная с 1930-х гг. открытие целой серии стоянок, как и масштабные исследования на северо-западе в 1990-х гг. двух поселений широкими площадями, отличает рассматриваемую территорию в региональной историографии бронзового века Крыма. Выделяется три этапа: первые стационарные археологические работы (середина 1920-х гг.), связанные с работами С. И. Забнина на многослойном поселении Новофёдоровка; второй этап характеризуется эпизодическим характером работ, проводимых с 1930-х по 1980-е гг.; на третьем этапе (конец 1980-х — 1990-е гг.) на двух из выявленных ранее поселений проведены многолетние работы. На основании ранее неизвестных сведений можно переосмыслить вклад и значение работ предшествующих поколений археологов в изучение преистории Крыма, а полноценное введение в научный оборот материалов старых раскопок весомо дополнит региональную историографию эпохи бронзы.*

Ключевые слова: *Крым, эпоха бронзы, поселение, история исследований*

https://doi.org/10.31600/978-5-6050962-0-7.67-70

Первые находки в Крыму, которые исследователи начали относить к бронзовому веку, были выявлены при раскопках курганов: «гробницы», каменные ящики и склепы, в которых находились скелеты в скорченном положении, сосуды и пр. предметы, особенно — курганы «с окрашенными костяками». Эта последняя характеристика, явно отсылающая к древности и преистории, стала основанием для выделения I периода в историографии бронзового века полуострова, который пришелся на последнюю треть XIX в. (см.: *Тощев, Кашуба*, 2017. С. 41–43). «Могилы с окрашенными костяками» были обнаружены и в рассматриваемой части полуострова при работах Н. П. Кондакова в 1877 г. и Н. И. Веселовского в 1890–1895 гг. (Там же). Открытие и начало изучения преисторических стоянок (по принятой среди специалистов терминологии того времени) и поселений произошло лишь несколько десятилетий спустя, когда в западной части полуострова было открыто многослойное поселение Новофёдоровка (см. ниже). Разведки и работы на преисторических поселениях Крыма, начатые с середины 1920-х гг. в его западной части (Новофёдоровка), а позднее состоявшиеся на юго-западе и юго-востоке, и наполнили основное содержание II периода в изучении эпохи бронзы полуострова (Там же. С. 43–44). Начиная с 1930-х гг. открытие целой серии стоянок, как и масштабные исследования на северо-западе в 1990-х гг. двух поселений широкими площадями, отличает рассматриваемую территорию в региональной историографии бронзового века Крыма: в III и IV периодах можно выделить три этапа.

1. Первые стационарные археологические работы (середина 1920-х гг.; II период в изучении бронзового века полуострова).

Начало исследования поселенческих памятников эпохи бронзы Крыма связано с именем крымского археолога и краеведа С. И. Забнина, который в середине 1920-х гг. обследовал местность, расположенную между озерами Сакским и Кизил-Яр на западе полуострова. В результате на берегу Сухого озера было открыто многослойное поселение среднего — позднего периодов бронзового века Новофёдоровка (*Махнєва*, 1996), на котором в 1926–1928 гг. после закладки пробных ям исследователем были проведены раскопки. Однако материалы не

1 Исследование выполнено при финансовой поддержке РНФ (проект № 22-18-00065, https://rscf.ru/project/22-18-00065/ «Культурно-исторические процессы и палеосреда в позднем бронзовом — раннем железном веке Северо-Западного Причерноморья: междисциплинарный подход») в РГПУ им. А. И. Герцена.

2 Юлия Витальевна Кожуховская — Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена, наб. р. Мойки, д. 48/12, Санкт-Петербург, 191186, Российская Федерация; Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского, пр. Академика Вернадского, д. 4, Симферополь, 295007, Республика Крым, Российская Федерация; e-mail: jv-k@mail.ru; ORCID: 0000-0002-6057-5821.

3 Майя Тарасовна Кашуба — Институт истории материальной культуры РАН, Дворцовая наб., д. 18А, Санкт-Петербург, 191186, Российская Федерация; e-mail: mirra-k@yandex.ru; ORCID: 0000-0001-8901-8116.

были введены в научный оборот, отчет не сохранился, тем не менее коллекция находок дошла до наших дней и хранится в Центральном музее Тавриды[4] (*Кожуховская и др.*, 2023).

2. Эпизодические разведки и шурфовки (1930–1980-е гг.; III и частично IV период в изучении бронзового века полуострова).

1930-е гг. Дальнейшее изучение бытовых памятников связано с именем П. Н. Шульца, который в 1933–1934 гг. возглавлял Евпаторийскую экспедицию ГАИМК. Из поселений эпохи бронзы в северо-западном Крыму была обнаружена стоянка у с. Ойрат на Тарханкутском полуострове, атрибутируемая археологом поздним бронзовым веком; упоминаются и разведки местности, где ранее (по данным П. Н. Шульца в 1929 г.) исследовалась С. И. Забниным стоянка у Сухого озера (*Шульц*, 1941).

1940-е — 1950-е гг. В конце 1940-х гг. территория археологического обследования расширяется дальше на север от западного побережья Крыма. В 1949 г. впервые исследуется Раздольненский район: в ходе паспортизации памятников выявлено вдоль побережья Каркинитского залива три стоянки эпохи бронзы, а в 1952 г. обнаружена «наиболее насыщенная материалом стоянка» около с. Волочаевка, помимо ранее открытых поселений у сел Котовка (Котовское) и Огни (*Зиновьев*, 1957). В этот период начала работу Северо-Крымская историко-археологическая экспедиция (далее — СКЭ), и под руководством П. Н. Шульца в 1951 г. была открыта небольшая многослойная стоянка в районе с. Кумовка (Кумово) Раздольненского района (Там же. С. 325).

1960-е гг. Начало систематических археологических работ СКЭ. В 1962 г. под руководством Е. В. Веймарна СКЭ продвигается от перешейка по северному Крыму, исследуя погребальные памятники. Параллельно с изучением курганов в 1966 г. уже под руководством А. А. Щепинского производится шурфовка семи стоянок у села Сары-Булат в Раздольненском районе. За год до этого А. А. Щепинский закладывает разведочные шурфы на двух стоянках в районе р. Чатырлык в северном Крыму, одну из которых датирует неолитом — энеолитом.

1970-е гг. В 1970 г. СКЭ под руководством А. А. Щепинского начинает работу в Западном Крыму с исследования курганов в районе с. Водопойное и Межводное. Уже в 1972 г. А. А. Щепинским было обнаружено поселение Пионерское недалеко от села Владимировка Черноморского района (в дальнейшем «Бай-Кият I»), где в 1973 г. заложено два контрольных раскопа, а в 1974–1975 гг. работы на поселении продолжаются под руководством В. А. Колотухина. Одновременно (в 1974–1975 гг.) происходит поиск и изучение поселений А. А. Щепинским, А. Е. Кислым и С. Г. Колтуховым на Тарханкутском полуострове, в том числе в районе мыса Большой и Малый Атлеш; производятся раскопки поселения эпохи бронзы Скалистое и энеолитической стоянки Чунду-Кулак на мысе Тарханкут. Кроме того, в 1975 г. Тарханкутской археологической экспедицией ИА АН СССР открыто и исследовано Ярылгачское многослойное поселение, наиболее ранний слой которого отнесен к среднему бронзовому веку (*Щеглов и др.*, 1976; *Кашуба, Вахтина*, 2022). Тогда же (1976 г.) Степным отрядом Крымской археологической экспедицией МГУ им. М. В. Ломоносова обнаружено поселение возле с. Колоски Сакского района, восточнее трассы Евпатория — Черноморское.

С другой стороны, происходит обращение к «старым» материалам. Разведочным отрядом Крымской комплексной экспедиции ИА АН УССР под руководством О. А. Махнёвой и с участием С. Г. Колтухова в 1977 г. проводились разведки южнее Сакского озера с целью установления места раскопок С. И. Забнина (*Махнєва*, 1996). В результате в районе с. Михайловка, Новофёдоровка и Ивановка обнаружены поселения, три из которых датированы среднем периодом и три — поздним периодом бронзового века (позднесабатиновским — раннебелозерским временем) (*Махнева, Колтухов*, 1978).

1980-е гг. С 1981 г. сотрудники СКЭ под руководством В. А. Колотухина продолжают фиксировать новые поселения параллельно с основными работами на курганных памятниках. В 1981 г. в северном Крыму у перешейка выявлено два поселения позднего бронзового века: Карлеутское 1 и Карлеутское 2 на берегу одноименного озера. В 1982–1983 гг. поисковые работы ведутся в верховьях озера Донузлав, где обнаружено поселение позднего бронзового века Белоглинка. В 1983 г. Крымской археологической экспедицией МГУ им. М. В. Ломоносова было исследовано поселение эпохи бронзы Маяк-3 у пос. Заозерное к юго-западу от Евпатории. В 1985 г. СКЭ в районе озера Сасык-Сиваш исследуется поселение среднего и позднего бронзового века Суворово. В 1986 г. руководителем отряда С. Г. Колтуховым выявлено пять поселений в окрестностях с. Рунное Сакского района, датированных на основе подъемного материала средним периодом бронзового века, из которых шурфовалось двухслойное поселение Рунное 1; в том же году

4 В настоящее время ведется обработка коллекции и подготовка ее к публикации.

в Черноморском районе был заложен шурф на поселении эпохи бронзы Скалистое 2. В 1987 г. поисковые работы были продолжены, в результате было выявлено еще три поселения — Скалистое 4, Скалистое 5 и Скалистое 6. Выше по побережью сотрудники СКЭ обнаруживают поселения сабатиновской культуры Северное 1 в Черноморском и Котовское 1 в Раздольненском районе. В этом же году силами СКЭ обследованы окрестности озера Ярылгач, где зафиксированы пять поселений среднего и позднего бронзового века Водопойное 1, Водопойное 2, Водопойное 3, Водопойное 4 и Водопойное 5, на трех из них проведены шурфовки[5].

3. Стационарные многолетние раскопки поселений эпохи бронзы (конец 1980-х — 1990-е гг.; частично IV период в изучении бронзового века полуострова).

В конце XX в. разведочный характер работ в северо-западном Крыму сменяется многолетним исследованием поселений эпохи бронзы, открытых в 1970-е гг. В 1987–1990 гг. под руководством В. А. Колотухина в Черноморском районе проведены раскопки поселения Бурун-Эли 1, материалы которого отнесены к сабатиновской культуре. В течение семи полевых сезонов (1991–1995, 1997, 1998 гг.) раскапывалось близлежащее поселение Бай-Кият I белозерской культуры (*Колотухин*, 2003). С учетом трех лет исследований в предшествующий период, когда на памятнике работали сотрудники СКЭ, Бай-Кият I остается наиболее изученным поселением эпохи бронзы в Северо-Западном Крыму в XX в.[6]

***

Представленные в работе ранее неизвестные сведения по изучению в XX в. преисторических поселений в Северном, Западном и Северо-Западном Крыму имеют ценность по многим параметрам. На их основании можно: переосмыслить вклад и значение работ предшествующих поколений археологов в изучение эпохи бронзы Крыма; избежать так называемого повторного открытия поселений; уточнить местонахождение, культурную принадлежность и датировку памятников. Введение в научный оборот ранее неизвестных данных весомо дополнит региональную историографию бронзового века Крыма.

---

5 Так называемое повторное открытие поселений Водопойное 3 и Водопойное 6 — см.: *Смекалова, Борисов*, 2022.

6 Данные верны для XX в. В 2021–2022 гг. на поселении Багай 1 проведены масштабные раскопки, площадь которых составила около 1,38 га (*Горошников, Горошникова*, 2022).

Горошников, Горошникова, 2022 — *Горошников А. А., Горошникова З. В.* Предварительные результаты исследования поселения «Багай 1» в Северо-Западном Крыму в 2021 и 2022 гг. // Западная Таврида в истории и культуре древнего и средневекового Средиземноморья: Материалы IV Междунар. науч. конф., п. Черноморское, 9–11 сентября 2022 года / Отв. ред.: С. Б. Ланцов, Н. В. Куклева. Симферополь: Ариал, 2022. С. 202–218.

Зиновьев, 1957 — *Зиновьев М. К.* Археологические памятники Раздольненского района, Крымской области // История и археология древнего Крыма / Под ред. П. Н. Шульца. Киев: Изд-во АН УССР, 1957. Вып. 1. С. 323–326.

Кашуба, Вахтина, 2022 — *Кашуба М. Т., Вахтина М. Ю.* Поселение бронзового века Ярылгачское Восточное (Тарханкут) по данным 1975 г. // АВ. 2022. Вып. 35. С. 272–279.

Кожуховская и др., 2023 — *Кожуховская Ю. В., Ланцов С. Б., Кашуба М. Т.* Изучение древних поселений возле Новофёдоровки в Западном Крыму (известные и «забытые» материалы) // АВ. 2023. Вып. 41. С. 373–379.

Колотухин, 2003 — *Колотухин В. А.* Поздний бронзовый век Крыма. Киев: Стилос, 2003. 139 с.

Махнєва, 1996 — *Махнєва О. О.* Поселення епохи пізньої бронзи в Сакському районі Криму // Археологія. 1996. № 1. С. 84–91.

Махнева, Колтухов, 1978 — *Махнева О. А., Колтухов С. Г.* Работы у с. Михайловка в Крыму // АО 1977 года. М.: Наука, 1978. С. 355.

Смекалова, Борисов, 2022 — *Смекалова Т. Н., Борисов А. В.* Два новых поселения позднего бронзового века в Кирлеутской балочной системе на полуострове Тарханкут // Западная Таврида в истории и культуре древнего и средневекового Средиземноморья. Материалы IV Международной научной конференции, п. Черноморское, 9–11 сентября 2022 года / Отв. ред.: С. Б. Ланцов, Н. В. Куклева. Симферополь: Ариал, 2022. С. 219–224.

Тощев, Кашуба, 2017 — *Тощев Г. Н., Кашуба М. Т.* Полтора века изучения бронзового века Крыма: ответы и вопросы // Неизвестные страницы археологии Крыма: от неандертальцев до генуэзцев. Коллективная монография / Отв. ред. Л. Б. Вишняцкий. СПб.: Нестор-История, 2017. С. 40–66.

Шульц, 1941 — *Шульц П. Н.* Евпаторийский район, 1933–1934 гг. // Археологические исследования в РСФСР: 1934–1936 гг. Краткие отчеты и сведения / Под ред. М. И. Артамонова, В. В. Гольмстен. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1941. С. 265–277.

Щеглов и др., 1976 — *Щеглов А. Н., Балт Т. В., Вахтина М. Ю., Внучков Г. В., Кац В. И., Рогов Е. Я.* Работы на Тарханкутском полуострове // АО 1975 года. М.: Наука, 1976. С. 409–410.

Settlements of the North-Western Crimea in the regional historiography of the Bronze Age (the 20th century investigations)

Yuliya V. Kozhukhovskaya[7], Maya T. Kashuba[8]

The paper focuses on the study of prehistoric settlements in the Northern, Western and Northwestern Crimea in the 20th century. Exploratory survey of the prehistoric settlements of the Crimea and excavations took place since the mid-1920s in its western part (Novofedorovka). The discovery of series of sites since 1930s, as well as large-scale excavations of two settlements in the northwest in the 1990s, highlights the territory under consideration in the regional historiography of the Bronze Age of Crimea. The research sets three stages: the first stationary archaeological work (mid-1920s) by S. I. Zabnin at the multi-layered settlement Novofedorovka; the second stage is characterized by the episodic character of work carried out from the 1930s to the 1980s; at the third stage, long-term fieldwork took place at two of the previously identified settlements from the late 1980s to the 1990s. On the basis of previously unknown data, it is possible to reconsider the contribution and significance of the work of previous generations of archaeologists of the 20th century in the study of the Bronze Age of Crimea. Their full-scale introduction into scientific circulation will make it possible to bring up to date the regional historiography of the Bronze Age of the peninsula.

Keywords: *Crimea, Bronze Age, settlement, history of research*

7 Yuliya V. Kozhukhovskaya — Herzen State Pedagogical University, 48/12 Moyka Emb., St. Petersburg, 191186, Russian Federation; V. I. Vernadsky Crimean Federal University, 4 Academician Vernadsky Ave., Simferopol, 295007, Republic of Crimea, Russian Federation; e-mail: jv-k@mail.ru; ORCID: 0000-0002-6057-5821.

8 Maya T. Kashuba — Institute for the History of Material Culture of the RAS, 18A Dvortsovaya Emb., St. Petersburg, 191186, Russian Federation; e-mail: mirra-k@yandex.ru; ORCID: 0000-0001-8901-8116.

К вопросу о существовании клепсидр эпохи бронзы в Северном Причерноморье

Л. Н. Водолажская[1]

Аннотация. *В работе поднимается вопрос о существовании в Северном Причерноморье в эпоху бронзы водяных часов. Рассматриваются серебряные сосуды с изображением животных из раскопок Н. И. Веселовского. В докладе приводятся результаты расчета объема этих сосудов, кратко анализируются особенности изображений на них, размеры и форма. Сделан вывод, что технология измерения времени с помощью водяных часов была привнесена в Северное Причерноморье из Месопотамии представителями майкопской культуры и просуществовала в виде устойчивой традиции в этом регионе вплоть до позднего бронзового века.*

Ключевые слова: *Майкопский курган, серебряные сосуды, объем, эталон, мерный, клепсидра*

https://doi.org/10.31600/978-5-6050962-0-7.71-73

Наиболее известным типом древних мерных сосудов с вертикально расположенными метками являются водяные часы — клепсидры. Самое древнее упоминание о них было обнаружено в текстах клинописных табличек коллекций Энума-Ану-Энлиль (XVII–XII вв. до н. э.) и MUL.APIN (VII в. до н. э.). Древние водяные часы найдены на территории Египта в Карнаке (XIV в. до н. э.). Описание водяных часов обнаружено в Египте — в гробнице Аменемхета (XVI в. до н. э.), как и фрагменты клепсидр эллинистического и римского периодов. Самым ранним свидетельством существования водяных часов на территории Европы является упоминание клепсидры Эмпедоклом в Древней Греции в V в. до н. э.

Находки такого рода сосудов предположительно имеются и в Северном Причерноморье.

В 1985 г. у поселка Старопетровское в окрестности г. Енакиево обнаружен уникальный срубный сосуд с метками в виде ряда ногтевых вдавлений на внутренней поверхности (*Клименко и др.*, 1994. С. 102–108). В процессе исследования сосуда выяснилось, что он имеет объем между крайними метками ≈1098,4 см^3, а объем слоев между соседними метками $V_{сл}$=136,2±21,7 см^3 (*Водолажская и др.*, 2018). Предположив, что сосуд являлся водяными часами накопительного типа, каждому слою в соответствие был поставлен один час длительностью 60 минут. В этом случае промежутку времени, равному одной секунде, будет соответствовать объем воды $V_{1сек} \approx V_{сл\ ср}/3600 = 0{,}04$ см^3, что соответствует объему водной капли. То есть старопетровский сосуд мог измерять время при скорости поступления в него воды 1 капля в секунду. Контролировать такую скорость можно было, наблюдая за пульсом взрослого человека в спокойном состоянии.

В древнем Вавилоне масса воды в водяных часах измерялась в минах. Длительность суток измерялась 6 мин. Масса одной мины варьирует в диапазоне от 460 до 540 г. Следовательно, масса воды для измерения одного часа находилась в диапазоне от 115 до 135 г, а одной секунде также соответствовала масса в диапазоне 0,03÷0,04 г, т. е. масса одной капли.

С учетом, что средняя плотность пресной воды ≈1 г/см^3, объем пресной воды, соответствующий одной мине, находится в диапазоне от 460 до 540 см^3, объем воды, необходимый для измерения 1 часа, — в диапазоне от 115 до 135 см^3, а для измерения одной секунды — 0,03÷0,04 см^3. Объем воды для измерения одного часа с помощью старопетровского сосуда практически совпадает с верхней границей объема для одного часа в рамках традиционной мины.

Таким образом, старопетровский сосуд имеет объем между крайними метками около 2 мин, и с его помощью можно было измерить восемь часов, аналогично вавилонским водяным часам.

В Древнем Египте существовала единица объема *hinu*, или *hin* (банка), равная 480 см^3. Масса пресной воды такого объема равна массе одной месопотамской мины. Возможно, *hinu* использовалась в водяных часах аналогично мине, но в более простых вариантах водяных часов, чем карнакская клепсидра. Так, в написании египетского названия *hinu* и часа присутствует иероглиф, интерпретируемый, как сосуд (банка, горшок) Ноу («un pot»; «jar»).

1 Лариса Николаевна Водолажская — Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского, пр. Академика Вернадского, д. 4, Симферополь, 295007, Республика Крым, Российская Федерация; e-mail: larvodol@gmail.com; ORCID: 0000-0002-2588-7002.

Считается, что именно сосуды Ноу часто изображены на фресках или скульптурах фараонов, приносящих в них жертвенные дары, предположительно вино или благовонные масла. Размеры шаровидной части сосуда на всех изображениях примерно одинаковы и сравнимы с ладонью руки человека, поэтому знание объема даже одного сосуда могло бы позволить оценить стандартный объем таких сосудов. Сосуд Ноу из египетского алебастра, принадлежавший фараону Унису, хранится в Лувре. Опубликованные точные размеры этого сосуда позволили вычислить внутренний объем шаровидной части сосуда. Он оказался равен ≈1047 см^3. Этот объем примерно эквивалентен 2 *hinu*.

Объем старопетровского сосуда между крайними метками лишь на 5 % превышает объем шаровидной части сосуда Ноу из Лувра. Таким образом, объем шаровидной части сосуда Ноу соответствует объему воды, необходимой для измерения восьми часов времени в месопотамской традиции аналогично старопетровскому сосуду. Основная идея всей совокупности изображений на поверхности сосуда Ноу из Лувра трактуется, как «вечное обновление жизни».

«Вечное обновление жизни» напоминает хорошо известный античный фразеологизм: «πάντα ῥεῖ καὶ οὐδὲν μένει» — «Все течет, все меняется» (дословно: «…и ничего не остается»). Считается, что его первоисточником послужили слова древнегреческого философа Гераклита из Эфеса. Возможно, что эта фраза является отголоском древнеегипетского «вечного обновления жизни», связанного с водяными часами и измерением времени.

Осенью 1982 г. близ поселка Пятихатки Анапского района обнаружена плита с выбитыми лунками и желобками (*Новичихин*, 1995). Она была извлечена из сильно распаханного кургана и сдана в Анапский археологический музей, где теперь и экспонируется. На одной из плоских сторон плиты выбиты круглые лунки диаметром от 2,5 до 11,5 см и глубиной от 1,0 до 4,6 см, многие из которых соединены друг с другом неглубокими желобками глубиной от 1 до 3 см. Плита была отнесена к дольменной археологической культуре и датирована в диапазоне от 2500 до 1500 г. до н. э.

Главной особенностью плиты являются лунки, расположенные полукругом. В процессе исследования выяснилось, что большинство лунок на плите связаны с разметкой аналемматических солнечных часов (*Новичихин и др.*, 2022). Расчеты объемов пяти больших лунок L11 ÷ L15, располагающихся полукругом между часовыми метками 10 и 15 часов аналемматических солнечных часов, показали, что средний объем каждой такой лунки равен V_{cp}=162,7 см^3 и близок к объему воды для измерения одного часа с помощью старопетровского сосуда. То есть большие лунки L11 ÷ L15 могли служить водяными часами и использоваться для последовательного измерения времени от 11 до 15 часов. Скорее всего, в эти лунки ставили металлический сосуд(ы) в виде полусферической чаши, близкий по форме и размерам к лункам, использовавшийся как водяные часы для измерения одного — текущего — часа.

Летом 1897 г. на восточной окраине города Майкопа Николай Иванович Веселовский раскопал курган Ошад (Майкопский курган). В погребении этого кургана обнаружены два уникальных серебряных сосуда с изображениями животных. Серебряный сосуд «с пейзажем» имеет шарообразное тулово с округлым дном и невысоким, слегка расширяющимся горлом. Изображения заполняют всю поверхность тулова, дна и горла сосуда, образуя сложную композицию. Второй серебряный сосуд «с розеткой» имеет близкую, но не идентичную форму. Изображения животных занимают только часть тулова, а в основании горла и на дне сосуда — «орнаментальные» композиции.

Два уникальных серебряных сосуда — сосуд «с пейзажем» и «сосуд с розеткой» — имеют высоту 9,6 см и 9,2 см соответственно. Расчеты объема тулова сосуда «с розеткой» показали, что он равен ≈164 см^3. Объем сосуда «с пейзажем» вычислить сложнее, так как сосуд поврежден. Однако, учитывая, что его форма и высота близки форме и высоте сосуда «с розеткой», можно полагать, что объем его тулова также будет близок по величине к объему тулова сосуда «с розеткой». Вычисленная величина объема тулова сосуда «с розеткой» ≈164 см^3 близка к средней величине объема больших лунок на плите из Пятихаток 162,7 см^3, соответствующих 11÷15 часам разметки солнечных часов. Отличие в объемах составляет менее одного процента.

Таким образом, можно сделать вывод, что серебряные сосуды «с пейзажем» и «с розеткой» из раскопок Н. И. Веселовского Майкопского кургана являлись водяными часами накопительного типа, объем которых соответствовал объему воды для измерения одного часа в соответствии с месопотамской традицией. Фактически эти сосуды являлись мерными эталонами единицы объема для водяных часов. Изображение водоема на днище сосуда «с пейзажем» и стекающих в него рек, а также изображение розетки, напоминающей стилизованный водоем на днище сосуда «с розеткой», также можно рассматривать как косвенное свидетельство в пользу версии о водяных часах.

Форма серебряных сосудов близка к форме египетских сосудов Ноу, по всей видимости, представляющих собой эталон объема водяных часов для измерения восьми часов. На египетских фресках и скульптурах III–II тыс. до н. э. фараоны изображаются именно с двумя сосудами Ноу в руках, а в погребении Майкопского кургана серебряные сосуды с изображениями, также являющиеся эталонами объема, хотя и для измерения одного часа, также можно рассматривать как парные.

Таким образом, обнаружение описанных выше водяных часов позволяет признать факт существования клепсидр в Северном Причерноморье в эпоху бронзы. Все обнаруженные водяные часы основаны на месопотамской метрической традиции, а самые древние из известных экземпляров относятся к майкопской культуре. Вероятно, технология измерения времени с помощью водяных часов первоначально была привнесена в Северное Причерноморье из Месопотамии в раннем бронзовом веке представителями майкопской культуры. Эта технология закрепилась как традиция и продолжила свое существование в Северном Причерноморье вплоть до позднего бронзового века.

Клименко и др., 1994 — *Клименко В. Ф., Усачук А. Н., Цымбал В. И.* Курганные древности Центрального Донбасса. Донецк: РИП «Лебедь», 1994. 128 с.

Водолажская и др., 2018 — *Водолажская Л. Н, Усачук А. Н., Невский М. Ю.* Водяные часы эпохи бронзы: уникальный сосуд срубной культуры из Центрального Донбасса // ИАА. 2018. Вып. 14. С. 24–48.

Новичихин, 1995 — *Новичихин А. М.* Плиты с чашевидными углублениями из района Анапы // ИАА. 1995. Вып. 1. С. 25–27.

Новичихин и др., 2022 — *Новичихин А. М., Водолажская Л. Н., Невский М. Ю.* К интерпретации композиции из лунок и желобков на каменной плите из Пятихаток // ИАА. 2022. Вып. 16. С. 4–20.

On the question of the existence of *clepsydra* of the Northern Black Sea region Bronze Age

Larisa N. Vodolazhskaya[2]

The article discusses the existence of a water clock in the Northern Black Sea region in the Bronze Age. The report deals with silver vessels depicting animals from the excavations of Nikolay I. Veselovsky. The report presents the results of calculating the volume of these vessels, briefly analyzes the features of the images on them, their size and shape. As a result, it is concluded that the technology of measuring time using a water clock was brought to the Northern Black Sea region from Mesopotamia by representatives of the Maykop culture and existed as a stable tradition in this region until the Late Bronze Age.

Keywords: *the Maykop mound, silver vessels, volume, standard, measure, clepsydra*

2 Larisa N. Vodolazhskaya — V. I. Vernadsky Crimean Federal University, 4 Academician Vernadsky Ave., Simferopol, 295007, Republic of Crimea, Russian Federation; e-mail: larvodol@gmail.com; ORCID: 0000-0002-2588-7002.

Сравнительная характеристика функционального состава кладов металлических изделий эпохи бронзы Северо-Западного Кавказа и Западного Закавказья[1]

А. И. Климушина[2]

Аннотация. *Статья посвящена сравнительному анализу функционального состава кладов металлических изделий эпохи бронзы Северо-Западного Кавказа и Западного Закавказья. В совокупности эти памятники датируются III–II тыс. до н. э. Несмотря на отличающийся состав набора изделий в кладах, было установлено, что комплексы из этих двух регионов состоят в основном из хозяйственных орудий. На Северо-Западном Кавказе в кладах преобладают проушные топоры, серпы, тесла и долота, тогда как в Западном Закавказье — проушные топоры, мотыги и сегментовидные орудия (сечки). Частая встречаемость в рассматриваемых кладах этих категории изделий, по мнению автора, отражает схожую структуру в производстве и потреблении металлического инвентаря на Северо-Западном Кавказе и в Западном Закавказье в III–II тыс. до н. э.*

Ключевые слова: *функциональный состав кладов металлических изделий, эпоха бронзы, Северо-Западный Кавказ, Западное Закавказье*

https://doi.org/10.31600/978-5-6050962-0-7.74-76

В эпоху бронзы Кавказ был одним из крупнейших горно-металлургических районов Северной Евразии. Одним из основных источников знаний о кавказском металлопроизводстве эпохи бронзы являются клады металлических изделий. В настоящее время их известно около 250. Обращает на себя внимание локализация этих памятников. Подавляющая часть кладов происходит с территории Западного Кавказа. Особенно выделяется в этом отношении Западное Закавказье (Абхазия, Колхида, Аджария). По данным О. Лордкипанидзе, отсюда происходит около полутора сотен кладов (*Lordkipanidze*, 2001). Между тем на всей остальной территории Южного Кавказа клады встречаются достаточно редко. Подобная картина в локализации кладов наблюдается и на Северном Кавказе. Из 34 кладов, зафиксированных на указанной территории (включая комплексы с Таманского полуострова, а также клады за пределами указанного региона с изделиями кавказского происхождения), более 2/3 происходит с его западной части (*Бочкарев, Климушина*, 2023. Рис. 1). Иными словами, находки кладов на территории Центрального и особенно Восточного Кавказа практически отсутствуют.

Исходя из данных картографирования, клады Северо-Западного и Западного Кавказа образуют единую кладовую провинцию, подобную тем, которые выделяются в Европе (*Бочкарев, Климушина*, 2023. Рис. 1). Она существовала на протяжении всего III и II тыс. до н. э. Ее расцвет приходится на вторую половину II тыс. до н. э. или, по общей периодизации, на поздний бронзовый век. Этим временем датируется огромное большинство кладов, как Северного, так и Южного Кавказа.

Согласно современным данным, первые клады на Кавказе появляются еще в раннем бронзовом веке (Приереванский клад и др.). Однако устойчивая традиция депонирования кладов складывается в среднем и особенно в позднем бронзовом веке.

В настоящее время существует несколько хронологических схем для определения возраста кладов. В Западном Закавказье широко используется схема, предложенная Д. Л. Коридзе, позднее уточненная А. Т. Рамишвили и другими авторами (*Коридзе*, 1965; *Рамишвили*, 1974). Согласно Д. Л. Коридзе, самые ранние клады Колхиды датируются XVIII–XVI вв. до н. э. (клад Уреки и др.). В следующем периоде (XVI–XIV вв. до н. э.) заметно возрастает количество кладов. Среди них особенно следует выделить Лыхнинский и Пицундский клады (*Коридзе*, 1965. С. 154). В XIII–XII вв. до н. э. количество кладов сокращается, но резко возрастает в последующие периоды. Заметно меньше кладов становится только в VIII–VII вв. до н. э., когда собственно и заканчивается период депонирования

1 Работа выполнена в рамках государственного задания FMZF-2022-0014 «Степные скотоводческие культуры, оседлые земледельцы и городские цивилизации Северной Евразии в энеолите — позднем железном веке (источники, взаимодействия, хронология)».

2 Александра Игоревна Климушина — Институт истории материальной культуры РАН, Дворцовая наб., д. 18А, Санкт-Петербург, 191186, Российская Федерация; e-mail: elizavetaklim21@mail.ru; ORCID: 0000-0002-4185-7874.

кладов в Западном Закавказье. Новые находки позволили удревнить начало депонирования кладов в Западном Закавказье до начала III тыс. до н. э. (*Apakidze, Hansen*, 2020. P. 39–44). В данный момент нам известно всего два таких комплекса (клады Сакасрия и Зеда Илеми), но, возможно, их было найдено больше.

Для хронологии кладов Северо-Западного Кавказа используется схема, разработанная А. А. Иессеном и В. С. Бочкаревым (*Иессен*, 1950; *Бочкарев*, 1996). Согласно ей, были выделены четыре этапа: привольненский, костромской, ахметовский и бекешевский. В целом они охватывают III и все II тыс. до н. э. Большая часть кладов приходится на ахметовский и бекешевский периоды — в основном на поздний бронзовый век. Таким образом, можно констатировать, что устойчивая традиция депонирования кладов как на Западном, так и на Северо-Западном Кавказе складывается примерно в одно и то же время — во второй половине II тыс. до н. э.

Хотя клады Северо-Западного и Западного Кавказа принадлежат к одной провинции, они заметно отличаются в типологическом отношении и по набору категорий изделий. Поэтому их достаточно трудно синхронизировать. Тем не менее, мы можем отнести к одному и тому же времени клады ахметовской группы Северо-Западного Кавказа и урекской — Западного Закавказья. Также большинство кладов бекешевской группы, вероятно, были депонированы в то же время, что и основная масса колхидских кладов. Эти выводы опираются на совместные находки топоров (урекский тип), серпов (позднекубанские типы) и других видов изделий в тех и других группах (*Бочкарев, Пелих*, 2022. С. 106–110).

Анализ состава кладов Северо-Западного Кавказа показал, что они состоят из следующих категорий изделий: топоры, серпы, тесла, долота, ножи, шилья, острия, кельты, оружие, украшения, слитки, и некоторых других категорий изделий (*Бочкарев, Климушина*, 2023. Табл. 2, 4). В количественном отношении резко преобладают серпы. Как видно из таблицы 1, из 34 комплексов они встречены в 24 общей численностью около 300 экземпляров **(табл. 1)**. Столь же часто встречаются топоры, но их количество в 3,5 раза меньше, чем серпов (84 экз.). На третьем месте стоят тесла и долота (49 экз. в 14 комплексах). Все остальные категории представлены в минимальных количествах. Таким образом, ядро кладов Северо-Западного Кавказа составляет триада: топоры + серпы + тесла, долота.

Другой состав категорий изделий представлен в кладах Западного Закавказья. В качестве эталона взяты клады Аджарии, учтенные по данным А. Т. Рамишвили, а также дополненные некоторыми новыми находками (*Рамишвили*, 1974. Табл. без №, вкладка; *Кахидзе*, 2013. С. 163–166). Всего было учтено 38 комплексов. В них встречены следующие категории изделий: топоры, сегментовидные орудия (сечки), мотыги, цалди, тесла, оружие, кельтообразные изделия, серпы, украшения, слитки и др. категории. Анализ кладовых комплексов показал, что чаще всего встречаются топоры (в 29 кладах из 38), далее — мотыги (в 19 комплексах из 38), затем — сегментовидные орудия (12 комплексов) **(табл. 2)**. В количественном отношении преобладают топоры (156 экз.), сечки (155 экз.) и мотыги (101 экз.). Все остальные категории изделий представлены в небольшом количестве (11 цалди, 6 серпов, 5 тесел и т. д.).

В итоге, можно заключить, что основу аджарских кладов составляют три категории изделий: топоры + мотыги + сегментовидные орудия. Все остальные предметы представлены, как правило, единичными экземплярами. Особенно интересно практически

Таблица 1. *Количество металлических изделий и частота встречаемости разных функциональных категорий в кладах среднего и позднего бронзового века Северо-Западного Кавказа*

	Ножи	Шилья	Острия	Тесла, долота	Топоры	Серпы	Кельты	Оружие	Слитки	Другие изделия
Количество	11	2	3	49	84	300	10	12	–	9
Частота встречаемости	6	2	2	14	24	6	5	6	7	5

Таблица 2. *Количество металлических изделий и частота встречаемости разных функциональных категорий в кладах среднего и позднего бронзового века Аджарии*

	Украшения	Серпы	Тесла, долота	Цалди	Топоры	Сечки	Мотыги	Кельтообразные изделия	Оружие	Слитки	Другие изделия
Количество	30	6	5	11	156	155	101	3	9	–	7
Частота встречаемости	4	2	5	8	29	12	19	3	7	8	5

полное отсутствие металлических серпов — основной категории в кладах Северо-Западного Кавказа. И, напротив, в Западном Закавказье в изобилии представлены мотыги, сечки и цалди, которые полностью отсутствуют в материалах Северо-Западного Кавказа. По мнению грузинских авторов, указанные изделия использовались в древности в качестве земледельческих орудий. Если это определение верно, то в данном случае можно констатировать, что клады Аджарии, так же как и клады Северо-Западного Кавказа, состоят в основном из сельскохозяйственных орудий и топоров.

Клады других регионов Западного Закавказья (Абхазия, Колхида, Рача-Лечхуми) демонстрируют аналогичный аджарским памятникам функциональный состав. Надо полагать, что они отражают сходную структуру металлопроизводства и его организацию (производство металлических изделий, их распределение и потребление). Что касается причин депонирования кладов, то они могут определяться разными факторами как сакрального, так и профанного характера.

Бочкарев, 1996 — *Бочкарев В. С.* Новые данные о прикубанском очаге металлообработки эпохи бронзы // Между Азией и Европой. Кавказ в IV–I тыс. до н. э.: Материалы конф., посвящ. 100-летию со дня рожд. А. А. Иессена / Науч. ред. Ю. Ю. Пиотровский. СПб.: Изд-во ГЭ, 1996. С. 96–97.

Бочкарев, Климушина — *Бочкарев В. С., Климушина А. И.* К вопросу о классификации и культурно-исторической интерпретации кладов металлически кладов металлических изделий эпохи бронзы Северо-Западного Кавказа // АВ. 2023. Вып. 38. С. 107–125.

Бочкарев, Пелих — *Бочкарев В. С., Пелих А. Л.* Связи прикубанского очага металлопроизводства периода поздней бронзы с Центральным и Западным Закавказьем // Записки ИИМК РАН. 2022. Вып. 27. С. 105–116.

Иессен, 1950 — *Иессен А. А.* К хронологии «больших кубанских курганов» // СА. 1950. № 1. С. 39–53.

Кахидзе, 2013 — *Кахидзе Э.* Архаичные бронзовые топоры Колхиды // Шестая международная кубанская археологическая конференция: Материалы конф. / Отв. ред. И. И. Марченко. Краснодар: Экоинвест, 2013. С. 163–166.

Коридзе, 1965 — *Коридзе Д. Л.* К истории колхской культуры. Тбилиси: Мецниереба, 1965 (на груз. яз.).

Рамишвили, 1974 — *Рамишвили А. Т.* Из истории материальной культуры Колхиды. Батуми: Сабчтоа Аджара, 1974 (на груз. яз.).

Apakidze, Hansen, 2020 — *Apakidze J., Hansen S.* Two Bronze Age hoards with shaft-hole axes from West Georgia. Materials for Communication between Central and Eastern Europe // Slovenská Archeológia. 2020. Supl. 1. P. 39–52.

Lordkipanidze, 2001 — *Lordkipanidze Ot*. “Gandzebi” kolxuri brinjaos kulturashi (funqciis, definiciisa da kulturul-s ociologiuri interpreteciiscda) [“Hoards” in Colchian Bronze Culture (An attempt at functional definition and sociological and ethnocultural interpretation)] // Caucasus essays on the archaeology of the Neolithic-Bronze Age. Dedicated to the 80th birthday of Prof. Otar Japaridze. Tbilisi, 2001. P. 178–194 (Dziebani: Center for Archaeological Studies of the Georgian Academy of Sciences. Suppl. VI) (на груз. яз.).

Comparative analysis of the functional composition of the Bronze Age metal objects hoards from the North-Western Caucasus and Western Transcaucasia

Aleksandra I. Klimushina[3]

This paper is devoted to a comparative analysis of the functional composition of hoards of metal objects from the Bronze Age in the North-Western Caucasus and Western Transcaucasia. These hoards date back to the 3rd– 2nd millennium BC. Although the composition of the set of metal objects in the hoards of these two regions differs, it was found that both complexes mainly consist of household tools. In the North-Western Caucasus, hoards are dominated by shaft-hole axes, sickles, adzes and chisels. In Western Transcaucasia — shaft-hole axes, hoes and segment-shaped tools (cuts). The fact that these categories of metal artefacts are most often found in the hoards under consideration reflects a similar structure in the production and consumption of metal implements in the Northwestern and Western Caucasus in the 3rd–2nd millennium BC.

Keywords: *functional composition of hoards of metal objects, Bronze Age, the North-West Caucasus, the Western Transcaucasia*

3 Aleksandra I. Klimushina — Institute for the History of Material Culture of the RAS, 18A Dvortsovaya Emb., St. Petersburg, 191186, Russian Federation; e-mail: elizavetaklim21@mail.ru; ORCID: 0000-0002-4185-7874.

Котел и котельный крюк в погребальном обряде бронзового века Армянского нагорья и степей Северной Евразии

Б. В. Варданян[1], И. А. Семьян[2]

Аннотация. *В конце III — II тыс. до н. э. в элитных погребальных памятниках бронзового века Армянского нагорья встречаются металлические котлы (или их глиняные имитации) и котельные крюки. В статье обсуждается статусный характер этих находок, приводятся ближайшие аналогии, а также реконструируются ритуальные обряды с их использованием на основе письменных источников.*

Ключевые слова: *эпоха бронзы, погребальный обряд, индоевропейский мир, бронзовый котел, котельный крюк*

https://doi.org/10.31600/978-5-6050962-0-7.77-79

В конце III — II тыс. до н. э. культуры бронзового века Армянского нагорья являлись полупериферией мир-системы, испытывавшей культурное и технологическое влияние Передней Азии (*Аветисян*, 2014. С. 76–80). В это же время скотоводческие культуры степей Северной Евразии представляли собой ее северную периферию. Несмотря на колоссальные различия в географии и культурном окружении, эти два удаленных друг от друг ареала индоевропейского мира обнаруживают любопытные параллели в погребальном обряде, особенно элитном. Общие архетипы ярко проявляются в погребениях в виде колесного транспорта (в Армении — четырехколесных, двухколесных повозок и колесниц; на Южном Урале и в Казахстане — колесниц), захоронениях на правом или левом боку, сопроводительном погребальном инвентаре, обрядах и ритуалах. Особенный интерес вызывают использование в погребальном ритуале металлических котлов (или их глиняных имитаций), жертвоприношения КРС и котельные крюки для изъятия жертвенного мяса.

Первые металлические котлы встречаются в Армении в погребениях среднего бронзового века. Крюки находят вместе со статусными предметами, свидетельствующими о формировании власти, престижа, статуса и т. д. Например, серебряный кубок или металлический котел из погребения 750 из Карашамба, а также первые деревянные повозки в больших курганах среднего бронзового века (*Куфтин*, 1941) и т. д. Триалети-Ванадзорская культура среднего бронзового века ассоциируется уже с носителями индоевропейского языка. В общем контексте элитных погребений сообществ, контролировавших торговые ресурсы в Куро-Араксском междуречье, можно проследить сходство с ритуалами и мировоззренческими представлениями племен, населявших центр мир-системы бронзового века — Передней Азии. Металлические импортные вещи демонстрируют близость элиты местных обществ к стилю культур Передней Азии (*Devedjyan*, 2022). В Лчашене, Ширакаване и ряде других могильников Армении металлические котлы находят в погребениях привилегированных мужчин и женщин. Интересно, что в ряде погребений имеются глиняные имитации металлических котлов (*Badalyan, Smith*, 2017. Fig. 4, 17 etc.).

Большой интерес для сопоставительного анализа представляет находка единственного на данный момент синташтинского бронзового котла в могильнике Каратомар (Костанайская область, Северный Казахстан). Котел повторяет по форме синташтинские керамические сосуды, но имеет приклепанные ручки (*Логвин, Шевнина*, 2018. С. 125). В Центральном Казахстане были обнаружены погребальные комплексы с бронзовыми котлами, которые были отнесены исследователями к рубежу III–II тыс. до н. э. или началу II тыс. до н. э. Котел из могильника Ащису был соотнесен с петровской культурой, а котел из могильника Нуратaлды 1 — с раннеалакульским этапом, первая четверть II тыс. до н. э. (*Кукушкин*, 2011. С. 107–109; *Кукушкин и др.*, 2016. С. 85). Оба сосуда копируют керамические формы. Данные естественно-научного анализа указывают

1 Беник Вардан Варданян — Институт археологии и этнографии НАН РА, ул. Чаренца, д. 15, Ереван, 0025, Республика Армения; Ширакский центр арменоведческих исследований, ул. Вазгена Саргсяна, д. 5, Гюмри, 3101, Республика Армения, e-mail: vbenik@yahoo.com; ORCID: 0000-0003-2623-6575.

2 Иван Андреевич Семьян — Институт Кавказа, ул. Чаренца, д. 31/4, Ереван, 0025, Республика Армения; e-mail: i.a.semyan@gmail.com; ORCID: 0000-0003-3623-9710.

на их местное происхождение (*Дегтярева и др.*, 2020. С. 103).

Самые ранние образцы котельных крюков в Армении известны на памятниках среднего бронзового века (XXI–XIX вв. до н. э.), а самые поздние относятся к железному веку (VIII–VII вв. до н. э.). Крюки находят всегда вместе с котлами. Среди них имеются как экземпляры с кованым черешком, так и с кованой втулкой. Всего в среднем и позднем бронзовом веке выделяется четыре типа и несколько подтипов артефактов (*Devedjyan*, 2006, 2022; *Melikyan,* 2015; *Хачатрян*, 1975. С. 219). В синташтинско-петровско-алакульских древностях также представлены образцы крюков с кованой разомкнутой втулкой (*Логвин, Шевнина,* 2011) и кованым ушком (*Логвин, Шевнина*, 2008. С. 94). Чаще всего крюки встречаются в погребениях, в которых имеются и крупные глиняные сосуды.

Обнаруженные в погребальном контексте котлы упоминаются в некоторых письменных источниках, где говорится, что крюки использовались для извлечения жертвенного мяса из котла во время погребального обряда. В «Илиаде» описывается погребальный обряд Патрокла (Hom. Il. XXIII. 4 ff.). Другое свидетельство — нартский эпос (*Ильюков*, 1979. С. 42). Котел использовался как в быту, так и в качестве сосуда для ритуальных церемоний.

Большинство исследователей рассматривают металлические сосуды и их глиняные имитации как емкости для приготовления мяса, о чем свидетельствуют найденные в них кости различных животных (Лчашен № 1, 2, 3, 8, 10, 11; Лори Берд № 6, 79; Ширакаван № 48; и др.). Процесс варки мяса главного жертвенного животного, описанный в 1 Царств 2: 13–14, является ритуалом, объединяющем людей, что символизирует верность умершему лидеру (см.: *Демиденко,* 2008. С. 53–58). Согласно Л. С. Илюкову, одинарные крюки являются результатом внутреннего развития и упрощения двупалых крюков, что было обусловлено идеей «букрании» (*греч.* Βουκράνιον — «бычья голова») (см.: *Ильюков*, 1979. С. 143, 145). Вынос священной пищи из котлов должен был происходить с помощью специальных предметов, которые символизировали бы самого быка. На похоронах привилегированного лица процессы приготовления поминальной пищи и извлечения священного мяса из котла крюком, двузубцем, трезубцем или черпаком были обязательной частью погребального ритуала.

Котел и крюк, представленные в погребальном обряде индоевропейского мира евразийских степей, очевидно, имели схожую семантическую нагрузку с артефактами Армянского нагорья. Единые мифологические представления, вероятно, зародились во времена скотоводческой праиндоевропейской общности. В синташтинско-петровско-алакульском погребальном обряде жертвоприношения животных (овец, коз, коров, лошадей) являются основополагающей ритуальной практикой. В нескольких погребениях среднего бронзового века Армении в углах камеры установлены череп и конечности быка. Изображение принесенного в жертву быка можно увидеть на каменных стелах — Вишапах. Сам крюк уже в конце эпохи бронзы становится символом высшей власти.

Аветисян, 2014 — *Аветисян П.* Армянское нагорье в XXIV–IX вв. до н. э. (динамика социально-культурных трансформаций по археологическим данным): Дис. в виде науч. докл. … д-ра ист. наук. Ереван, 2014. 92 с.

Дегтярева и др., 2020 — *Дегтярева А. Д., Кузьминых С. В., Ломан В. Г., Кукушкин И. А., Кукушкин А. И.* Цветной металл раннеалакульской (петровской) культуры эпохи бронзы Центрального Казахстана // Поволжская археология. 2020. № 1 (31). С. 98–116.

Демиденко, 2008 — *Демиденко С. В*. Бронзовые котлы древних племен Нижнего Поволжья и Южного Приуралья (V в. до н. э. — III в. н. э.). М.: ЛКИ, 2008. 328 с.

Ильюков, 1979 — *Ильюков Л. С.* Металлические «вилки» майкопской культуры // СА. 1979. № 4. С. 138–145.

Кукушкин, 2011 — *Кукушкин И. А.* Металлические изделия раннеандроновского могильника Ащису // РА. 2011. № 2. С. 103–109.

Кукушкин и др., 2016 — *Кукушкин И. А., Ломан В. Г., Кукушкин А. И., Дмитриев Е. А.* Погребение с металлическим сосудом в могильнике Нураталды-1 (эпоха бронзы) // УИВ. 2016. № 4 (53). С. 85–92.

Куфтин, 1941 — *Куфтин Б. А.* Археологические раскопки в Триалети I. Опыт периодизации памятников. Тбилиси: АН Груз. ССР, 1941. 491 с. ил., 125 л.

Логвин, Шевнина, 2008 — *Логвин А. В., Шевнина И. В.* Элитное погребение синташтинско-петровского времени с могильника Бестамак // VII исторические чтения памяти М. П. Грязнова / Под ред. С. Ф. Татаурова, И. В. Толпеко. Омск: Изд-во Омского ГУ, 2008. С. 190–197.

Логвин, Шевнина, 2011 — *Логвин А. В., Шевнина И. В.* Курган Халвай 3 (предварительное сообщение) // Маргулановские чтения: Материалы междунар. археол. конф. (Астана, 20–22 апреля 2011 г.). Астана: Изд-во ЕНУ им. Л. Н. Гумилева, 2011. С. 291–295.

Логвин, Шевнина, 2018 — *Логвин А. В., Шевнина И. В.* Исследование синташтинского могильника Каратомар, кургана I (предварительное сообщение) // XXI Уральское археологическое совещание, посвящ. 85-летию со дня рожд. Г. И. Матвеевой и 70-летию со дня рожд. И. Б. Васильева. Самара: Изд-во СГПУ, 2018. С. 123–125.

Хачатрян, 1975 — *Хачатрян Т. С.* Древняя культура Ширака III–I тыс. до н. э. Ереван: Ереванский ГУ, 1975. 276 с.

Badalyan, Smith, 2017 — *Badalyan R. S., Smith A. T.* The Kurgans of Gegharot: A Preliminary Report on the Results of the 2013–14 Excavations of Project ArAGATS // Bridging Times and Spaces: Papers in Ancient Near Eastern, Mediterranean and Armenian Studies honouring Gregory E. Areshian on the occasion of his sixty-fifth birthday / Ed. by P. S. Avetisyan, Ye. H. Grekyan. Oxford: Archaeopress archaeology, 2017. P. 11–28.

Devedjyan, 2022 — *Devedjyan S*. Lori Berd III. Late Bronze Age Burials. Yerevan: IAE publishing, 2022. 392 p. (In Arm.).

Melikyan, 2015 — *Melikyan V.* Newly Found Middle Bronze Age Tombs of Karashamb Cemetery: Preliminary Report // Aramazd, Armenian Journal of Near Eastern Studies. 2015. Vol. IX. No. 1. P. 7–28.

Cauldron and cauldron hook in the burial rite of the Bronze Age (Armenian Highlands and the steppes of Northern Eurasia)

Benik V. Vardanyan[3], Ivan A. Semyan[4]

At the end of the 3rd–2nd millennium BC in the elite funerary monuments of the Bronze Age of the Armenian Highlands, metal cauldrons (or their clay imitations) and cauldron hooks are found. The article discusses the status of these finds, provides the closest analogies, and also reconstructs ritual ceremonies with their use on the basis of written sources.

Keywords: *Bronze Age, funeral rite, Indo-European world, bronze cauldron, cauldron hook*

3 Benik V. Vardanyan — Institute of Archaeology and Ethnography of the National Academy of Sciences of the Republic of Armenia, 15 Charents St., Yerevan, 0025, Republic of Armenia; Shirak Center for Armenian Studies, 5 Vazgen Sargsyan St., Gyumri, 3101, Republic of Armenia; e-mail: vbenik@yahoo.com; ORCID: 0000-0003-2623-6575.

4 Ivan A. Semyan — The Caucasus Institute, 31/4 Charents St., Yerevan, 0025, Republic of Armenia; e-mail: i.a.semyan@gmail.com; ORCID: 0000-0003-3623-9710.

Кобанский баран, рогатые птицы и бараны из Келермеса: к вопросу о взаимодействии традиций

Е. Е. Васильева[1], Т. В. Рябкова[2]

Аннотация. *Круглые выступы на темени бараноптиц — наверший псалиев из Келермеса считались признаком влияния ионийской изобразительной традиции на скифский звериный стиль. Изучение материалов старших курганов Келермеса, раскопанных Н. И. Веселовским в 1904 г., показало, что выступ на темени есть как у рогатых птиц, так и у баранов из кургана 1В, тесно связанного с Центральным Кавказом, и отсутствует в более раннем кургане 2В. Анализ представительной сводки изображений скульптурной головы барана докобанского, кобанского и последующих периодов демонстрирует, что образ занимал ведущее место в культуре горцев на протяжении тысячелетий. Изображение солярного налепа на темени/лбу барана — устойчивая традиция кобанской культуры, оказавшая кратковременное влияние на скифскую культуру в первой половине VII в. до н. э. Именно это, а не ионийское влияние, привело к появлению выступа на темени баранов и рогатых птиц.*

Ключевые слова: *Келермес, кобанская культура, скифская культура, баран, рогатая птица, выступ на темени*

https://doi.org/10.31600/978-5-6050962-0-7.80-85

Мотив бараноптицы — один из самых оригинальных, ранних, распространенных и устойчивых мотивов скифского искусства (*Артамонов*, 1968. С. 34; *Шкурко*, 1982 С. 3; *Рябкова*, 2005. С. 46, 48). Этот мотив до сих пор не имеет общепринятого названия. Наиболее используемые — грифобаран, бараноптица, рогатая птица. В дальнейшем предполагается использовать последнее словосочетание[3]. Неоднократно отмечалась территориальная и хронологическая ограниченность распространения образа: появившись с приходом кочевнических группировок в Предкавказье, он исчезает к V в. до н. э. (*Артамонов,* 1971. С. 28–29; *Канторович,* 2007. С. 236). По мнению А. И. Шкурко, в архаический период в скифской мифологии существовал образ бараноптицы, иконография которого в наиболее чистом виде представлена в Келермесе (*Шкурко*, 1982. С. 3; *Канторович*, 2007. С. 242). Действительно, из 34 учтенных на Северном Кавказе предметов, декорированных этим изображением, 17 обнаружено в курганах Келермеса — это пронизи и навершия псалиев (*Канторович*, 2007. С. 249). Цель работы — объяснить появление выступа на темени баранов и рогатых птиц.

Неоднократно предпринимались попытки сопоставления образа скифской рогатой птицы и распространенного в кобанском искусстве образа птицы с бараньей головой. Однако отсутствие стилистического сходства, технологические различия и использование разных материалов (у скифов — кость и рог, у «кобанцев» — бронза) не позволяют говорить о непосредственной их преемственности, хотя и не исключают тематическую взаимосвязь (*Шкурко*, 1982. С. 3; *Канторович*, 2007. С. 238).

Составные части синкретического образа: птица и баран, — наиболее древние и распространенные мотивы скифского искусства (*Рябкова*, 2005. С. 46). Мотив головы птицы с загнутым клювом и выступающим над контуром головы большим глазом редко встречается на предметах из кости, чаще им декорированы предметы из металла. На обширной территории от Восточного Казахстана до Закавказья и Передней Азии этим мотивом украшены уздечные принадлежности, чеканы, навершия, зеркала и предметы роскоши (*Рябкова*, 2014. С. 211. Рис. 3). Изображениями головы барана украшены уздечные принадлежности из кости, зеркала, ритуальные блюда, булавки. Образ барана часто использовался в декоре предметов переднеазиатского производства, созданных для кочевников. Видимо, он имел настолько существенное самостоятельное значение, что даже далекие от представлений скифов переднеазиатские мастера редко комбиниро-

1 Екатерина Евгеньевна Васильева — Государственный Эрмитаж, Дворцовая наб., д. 34, Санкт-Петербург, 190000, Российская Федерация; e-mail: xygaida@mail.ru; ORCID: 0000-0001-5184-7672.

2 Татьяна Владимировна Рябкова — Государственный Эрмитаж, Дворцовая наб., д. 34, Санкт-Петербург, 190000, Российская Федерация; e-mail: ryabkova-tatyana@mail.ru; ORCID: 0000-0001-7441-2372.

3 Термин «рогатая птица» представляется предпочтительным, так как лучше отражает вероятную связь с индоиранскими представлениями о священной птице. К нему же, хотя и по иным причинам, склонялся В. П. Андриенко (1999. С. 22).

вали его с другими образами. Исключением являются лишь «украшения трона» и диадема из кургана 3/Ш Келермеса (*Рябкова*, 2005. С. 46). По мнению А. Р. Канторовича, иконография келермесско-новозаведенского типа 1 связана с широко распространенной в скифо-сибирском мире темой горного барана, основная масса полнофигурных изображений которого происходит из более восточных зон скифо-сибирского звериного стиля (*Канторович*, 2015. С. 933).

Хотя истоки составных частей образа рогатой птицы прослеживаются в восточной части евразийских степей, сам образ, безусловно, появился на Северном Кавказе (*Канторович*, 2007. С. 241). Что же заставило скифов совместить в фантастическом образе черты столь разных существ? По мнению М. И. Артамонова, это могло быть подсказано «формой остренькой бараньей морды, легко превращающейся в птичий клюв», но превращение было бы невозможно без влияния орлиного грифона. Локоны, характерные для хеттских, урартских и греко-ионийских изображений грифона, могли быть истолкованы как рога (*Артамонов*, 1968. С. 35). А. Р. Канторович отметил, что прототипы образам барана и птицы существуют в предскифской традиции на Северном Кавказе — в искусстве протомеотской и кобанской культур, а сам образ возник в результате стилизации изображений горбоносого по природе горного барана при наличии определенного идеологического запроса (*Кантрович*, 2007. С. 241)[4]. Подчеркивая значительность образа «священной птицы», В. П. Андриенко писал, что «это хищная птица (орел), которой приданы стилизованные рога, похожие на бараньи… Рог в данном случае играл роль нимба, указывая на то, что пред нами не просто орел — «царственная птица», а существо более высокого ранга — «"божественная" птица» (*Андриенко*, 1999. С. 22). Вполне вероятно, что эта рогатая птица — отражение индоиранских представлений о могучей Птице с горы, похитившей священное растение сому[5].

Показательно, что наконечники псалиев, декорированные мотивом рогатой птицы, встречены только в старейших[6] курганах Келермеса, исследованных Н. И. Веселовским в 1904 г. Наиболее архаичен курган 2В, самый западный в цепи (*Галанина*, 1997. С. 182). В его материалах широко представлены предметы центральноазиатского генезиса (*Рябкова*, 2018. С. 322). Погребение сопровождалось жертвоприношением 16 лошадей, у 12 из них узда украшена изображениями в скифском зверином стиле. Это баран (4), козел (2), рогатая птица (7), свернувшийся в кольцо хищник (2) и копыто (4). Изображения рогатой птицы количественно преобладают, встречаются лишь на пронизях, и только у одного (№ 2737/192) есть выступ на темени[7].

Материалы следующего по времени кургана 1В свидетельствуют об усилении влияния скифского социума и росте его взаимодействия с народами Центрального Кавказа, Закавказья и Передней Азии (*Рябкова*, 2018. С. 325–327). Из 24 жертвенных коней лишь у шести, лежавших вдоль южной стенки могилы ближе к восточному углу, были костяные украшения. Н. И. Веселовский отмечал: «Более богатым украшением отличались те лошади, которые лежали на западной стороне и беднее, лежавшие на восточной» (НА ИИМК. РО. Ф. 1. Оп. 1. 1904. Д. 85. Л. 94). У «бедных» лошадей пронизи и наконечники псалиев декорированы изображениями барана (5), рогатой птицы (9) и копыта (4). В отличие от узды из кургана 2/В полностью отсутствует мотив свернувшегося зверя и козла. Появились пронизи с изображением барана с ромбовидным знаком у основания загнутого рога, костяные ворворки, палочка-застежка и столбики. Выступ на темени передан не только у рогатой птицы (5) **(рис. 1, *1*)**, но и у барана (3) **(рис. 1, *2*)**. Это ставит под сомнение предположение о том, что выступ появился под воздействием иконографии грифона раннегреческого типа (*Канторович*, 2007. С. 245). Возможно, правильнее искать объяснение во взаимодействии с кобанской культурой, где выступ на темени барана — хорошо фиксируемая и длительная традиция.

Рельефный или углубленный декор в виде круглых налепов, углубленных перекрестий, треугольников, спиралей часто встречается на скульптурных изображениях животных из памятников Северного Кавказа эпохи бронзы и раннего железного века. Знаки находятся на лбу, лопатках и/или бедрах

4 Образ барана в кобанской культуре представлен исключительно скульптурными изображениями (*Васильева*, 2008. С. 93–94). Также авторы придерживаются точки зрения, согласно которой в кобанском искусстве изображался домашний, а не дикий баран (см.: *Васильева, Саблин*, 2021. С. 80–83, 85).

5 Подробный разбор представлений о священной птице, Соме, горах Меру и Березайти см.: *Бонгард-Левин, Грантовский*, 1974. С. 93–95.

6 В старейшую группу курганов Келермеса входят курганы Н. И. Веселовского (*Галанина*, 1997. С. 180).

7 Пронизь склеена из частей, и отношение ее к костяку лошади 14 нельзя считать бесспорным.

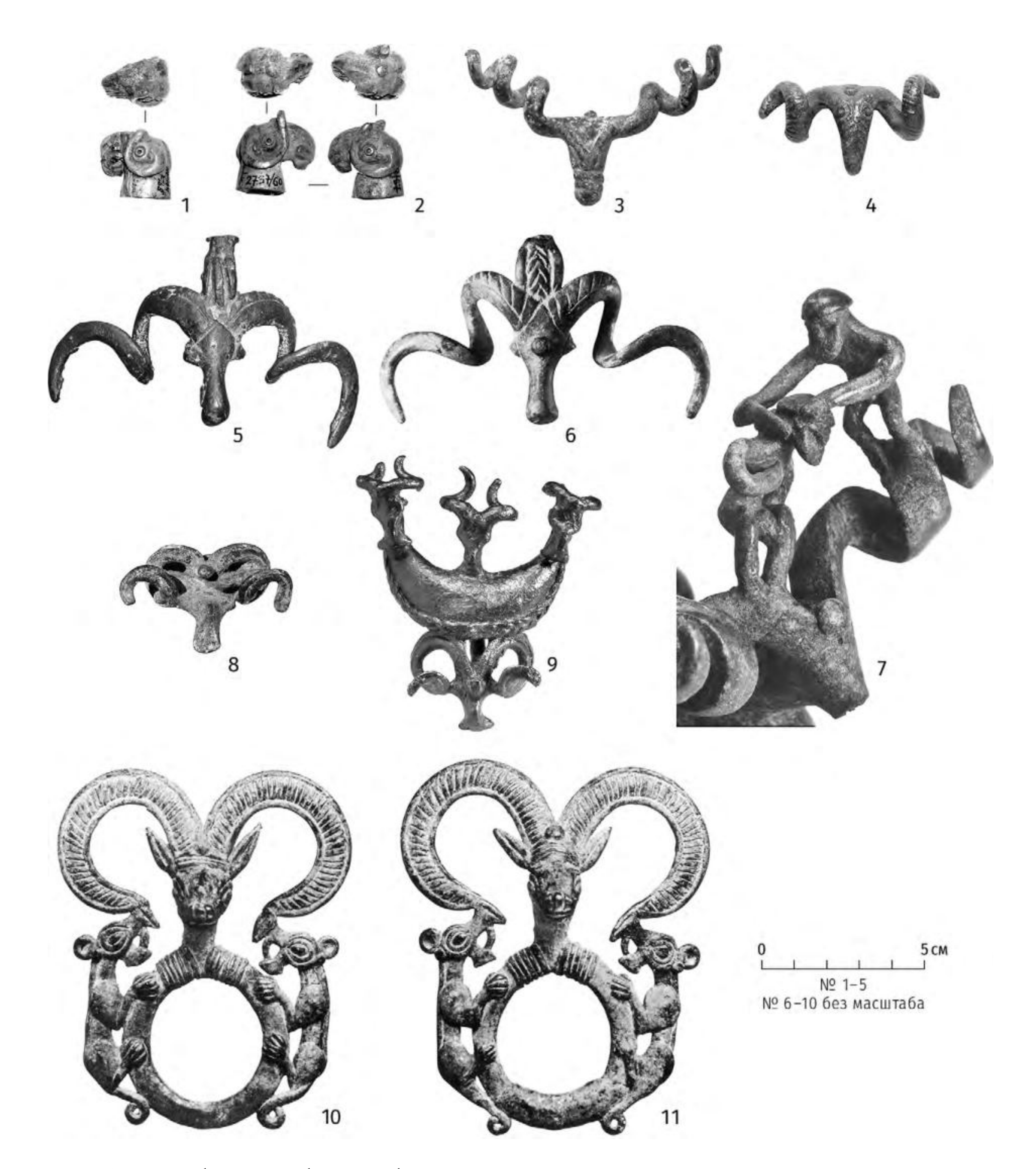

Рис. 1. Скифские и кобанские изображения барана и рогатой птицы: *1* — наконечник псалия в виде головы рогатой птицы. Келермес, 1/В (ГЭ, № 2737-61); *2* — наконечник псалия в виде головы барана. Келермес, 1/В (ГЭ, № 2737-60); *3* — подвеска. Тлийский могильник, погребение 56 (НМЮО, инв. № 440); *4* — подвеска. Могильник Фаскау (MVF, Inv. IIId 5105); *5* — подвеска. Кобанский могильник (ГЭ, № 1731-122); *6* — подвеска. Кобанский могильник (по: Avant les Scythes, 1979. P. 190); *7* — наконечник жезла (фрагмент). Казбекский клад (по: *Мошинский*, 2010. С. 136, № 172); *8* — подвеска. Селение Камунта (по: *Мошинский*, 2010. С. 157, № 204); *9* — подвеска. Точное место находки неизвестно (ГЭ, № 1731-201); *10, 11* — кольца для повода. Луристан (по: *Amiet*, 1976. № 130)

Fig. 1. Scythian and Koban images of a rams and horned birds. *1* — upper part of a cheek piece in the form of the head horned bird, Kelermes /1B (The State Hermitage Museum, inv. No. 2737-61); *2* — upper part of a cheek piece in the form of the head of ram Kelermes /1B (The State Hermitage Museum, inv. No. 2737-60); *3* — pendant. Tliisky cemetery, burial 56 (NMYuO, inv. No. 440); *4* — pendant. Faskau cemetery (MVF, Inv. IIId 5105); *5* — pendant. Koban cemetery (The State Hermitage Museum, inv. No. 1731-122); *6* — pendant. Koban cemetery (after Avant les Scythes, 1979. P. 190); *7* — rod head (fragment). Kazbek hoard (after *Мошинский*, 2010. С. 136, № 172); *8* — pendant. Kamunta village (after *Мошинский*, 2010. С. 157, № 204); *9* — pendant. Location unknown (The State Hermitage Museum, inv. No. 1731-201); *10, 11* — rein rings. Luristan (after *Amiet*, 1976. No. 130)

животного и могут быть отнесены к так называемым солярным знакам. Самое раннее из известных скульптурных изображений барана с круглым налепом на темени (группа I, тип 2, по классификации Е. Е. Васильевой) происходит из погребения № 56 Тлийского могильника (XIV–XIII вв. до н. э.), относящегося к докобанскому периоду **(рис. 1, *3*)** (*Техов*, 1977. С. 58. Рис. 50, *21*; 1980. С. 6, 9–10; *Васильева*, 2020а. С. 297). Оно уникально, так как является единственным изображением барана с круглым солярным налепом в это время. Важно отметить, что для докобанского периода более характерны изображения бараньей головы другого типа: с мордой подтреугольной формы и невысоким основанием круглых в сечении рогов (группа I, тип 1, по классификации Е. Е. Васильевой — *Васильева*, 2020а. С. 295). Солярных налепов на них нет **(рис. 1, *4*)**. Главным признаком, отличающим подвески 1 и 2 типа группы I (с горизонтальной петлей), является направление закручивания рогов — в стороны (тип 1) или вверх (тип 2).

В кобанское время баран остается самым распространенным образом животного. Скульптурные изображения его головы украшают пряжки, кинжалы, фибулы, булавки, подвески и другие изделия. Однако изображение круглого налепа на лбу бараньих голов на предметах в это время встречается только на подвесках.

Подвески получают большое распространение в первой половине I тыс. до н. э. в памятниках центрального ареала кобанской культуры. В отличие от подвесок докобанского периода они имеют вертикальную, а не горизонтальную петлю между рогами. Самую многочисленную группу изображений, по большей части происходящих из разрушенных погребений Кобанского могильника, отличает фигурная морда с выделенной лобной и носовой частью, а также раскидистые рога с высоко поднятыми над головой основаниями (группа II, тип 2, по классификации Васильевой) **(рис. 1, *5*)**. На лбу некоторых бараньих голов имеется круглый налеп **(рис. 1, *6*)**. В тип 2 входит четыре основных варианта, но прямой зависимости между вариантом и наличием налепа не прослеживается. Датировка изображений группы II типа 2 укладывается в XII–VII вв. до н. э. (Там же. С. 300).

Традиция сохраняется и в позднекобанский период. Круглые налепы есть на мордах баранов на наконечниках культовых жезлов из Казбекского клада **(рис. 1, *7*)**. Налеп, расположенный спереди на головном уборе одиночных мужских фигурок-подвесок в составе Казбекского клада, также, на наш взгляд, является солярным символом. Композиции на штандартах с баранами могут отражать ритуальные действия, связанные с культом плодородия или аграрными культами (*Васильева*, 2020б. С. 229). Материалы из Казбекского клада датируются VI–V вв. до н. э. (*Мошинский*, 2010. С. 136, № 172).

Солярный налеп иногда встречается на скульптурных изображениях барана (подвески, серповидные бляхи-подвески и др.) в сарматское время **(рис. 1, *8, 9*)**. Изображения баранов становятся еще более стилизованными, схематичными, характеризуются горбатой, сплющенной на конце мордой и уплощенными рогами, часто есть уши.

Таким образом, массовые находки предметов, украшенных скульптурными бараньими головками, свидетельствуют о важном месте, которое занимал этот образ в духовной жизни древних горцев на протяжении тысячелетий (*Мошинский*, 1988. С. 39; 2020. С. 156, 158–159; *Васильева*, 2008. С. 92–94). В докобанское время им преимущественно украшали предметы культового назначения: топоры, секиры, булавки с навершием в виде павлиньего пера, птицевидные и секировидные бляхи, навершия в виде двулезвийных топоров, подвески. В кобанское время они декорируют иные категории предметов: относящиеся к костюму поясные пряжки, фибулы, булавки, а также кинжалы, наконечники культовых жезлов и др. Мощная изобразительная традиция «кобанцев», основанная на мифологических представлениях, вероятно, имела точки пересечения с мировоззрением скифов. Именно контакты с населением Центрального Кавказа могли повлиять на скифскую культуру, в которой появляются предметы конской узды в виде голов баранов и рогатых птиц с выступом на темени, очень напоминающим солярный кобанский налеп. Влияние было, судя по всему, ограниченным во времени, так как в материалах 24 кургана Келермеса налеп на зооморфных мотивах отсуствует. Вероятно, кобанская традиция повлияла и на искусство Луристана, где изредка встречаются изображения барана с круглым налепом в основании рогов: ими украшены только удила и кольца для повода VIII–VII вв. до н. э. **(рис. 1, *10, 11*)** (*Amiet*, 1976. P. 62, 66. No. 112, 130).

НА ИИМК. РО. Ф. 1. Оп. 1. 1904. Д. 85: О раскопках проф. Н. И. Веселовского в Кубанской области. 101 л.

Андриенко, 1999 — *Андриенко В. П.* О находках изображений рогатых птиц на поселениях Ворсклы (хронология и семантика) // Проблемы истории и археологии Украины: Тезисы докладов науч. конф. Харьков: Б/и, 1999. С. 22–23.

Артамонов, 1968 — *Артамонов М. И.* Происхождение скифского искусства // СА. 1968. № 4. С. 27–45.

Артамонов, 1971 — *Артамонов М. И.* Скифо-сибирское искусство звериного стиля // Проблемы скифской археологии / Отв. ред.: П. Д. Либеров, В. И. Гуляев. М.: Наука, 1971. С. 24–35 (МИА. № 177).

Бонгард-Левин, Грантовский, 1974 — *Бонгард-Левин Г. М., Грантовский Э. А.* От Скифии до Индии. Загадки истории древних ариев. М.: Мысль, 1974. 124 с.

Галанина, 1997 — *Галанина Л. К.* Келермесские курганы: «Царские» погребения раннескифской эпохи. М.: Палеограф, 1997. 316 с. (Степные народы Евразии. Т. 1).

Васильева, 2008 — *Васильева Е. Е.* О динамике кобанского бестиария // Отражение цивилизационных процессов в археологических культурах Северного Кавказа и сопредельных территорий. Юбилейные XXV «Крупновские чтения» по археологии Северного Кавказа: Тезисы докладов Междунар. науч. конф. (Владикавказ, 21–25 апреля 2008 года) / Отв. ред. А. А. Туаллагов. Владикавказ: Изд-во СОИГСИ, 2008. С. 92–94.

Васильева, 2020а — *Васильева Е. Е.* Классификация и хронология металлических подвесок в виде бараньих голов среднего бронзового — раннего железного века Центрального Кавказа // АВ. 2020. Вып. 27. С. 279–305.

Васильева, 2020б — *Васильева Е. Е.* Искусство кобанских племен в ранний период железного века // Железный век. Европа без границ. Первое тысячелетие до н. э. Каталог выставки / Ред.: А. Ю. Алексеев и др. СПб.: Чистый лист, 2020. С. 222–234.

Васильева, Саблин, 2021 — *Васильева Е. Е., Саблин М. В.* Фауна древней Кобани: металлические скульптурные изображения животных семейства полорогих // Кобанская культурно-историческая общность в контексте древностей Кавказа. Памяти доктора исторических наук В. И. Козенковой / Под ред. А. А. Малышева и А. Ю. Скакова. М.: МАКС Пресс, 2021. С. 76–96.

Канторович, 2007 — *Канторович А. Р.* Истоки и вариации образа бараноптицы (грифобарана) в раннескифском зверином стиле // Северный Кавказ и мир кочевников в раннем железном веке. Сборник памяти М. П. Абрамовой / Отв. ред.: В. И. Козенкова, В. Ю. Малашев. М.: Таус, 2007. С. 235–257 (МИАР. № 8).

Канторович, 2015 — *Канторович А. Р.* Скифский звериный стиль Восточной Европы: классификация, типология, хронология, эволюция. Дис. … д-ра ист. наук. М., 2015. 1686 с.

Мошинский, 1988 — *Мошинский А. П.* Новая интерпретация кобанских птицевидных блях // Методика исследования и интерпретация археологических материалов Северного Кавказа / Ред. и сост. В. Х. Тменов. Орджоникидзе: Сев.-Осет. НИИ истории, филологии и экономики, 1988. С. 34–42.

Мошинский, 2010 — *Мошинский А. П.* Древние бронзы Кавказа. М.: ГИМ, 2010. 200 с.

Мошинский, 2020 — *Мошинский А. П.* Дупликация и дихотомия в артефактах Кавказа // ДИАЛОГ 2018–2017. Дихотомия искусства в археологии: локус, образы, генезис: Материалы объединенного семинара Института археологии РАН и Института истории материальной культуры РАН (Санкт-Петербург, 6–7 декабря 2017 г.; Москва, 6–7 декабря 2018 г.) / Отв. ред.: Е. С. Леванова, Н. Ю. Смирнов. М.: ИА РАН, 2020. С. 145–166.

Рябкова, 2005 — *Рябкова Т. В.* Образы звериного стиля в эпоху скифской архаики // АСГЭ. 2005. Вып. 37. С. 42–67.

Рябкова, 2014 — *Рябкова Т. В.* Три костяных псалия из Прикубанья в коллекции Эрмитажа // АВ. 2014. Вып. 20. С. 205–216.

Рябкова, 2018 — *Рябкова Т. В.* Формирование раннескифского культурного комплекса Келермесского могильника в Закубанье // Stratum plus. 2019. № 3: Война и пир в кочевой степи. С. 319–338.

Техов, 1977 — *Техов Б. В.* Центральный Кавказ в XVI–X вв. до н. э. М.: Наука, 1977. 240 с.

Техов, 1980 — *Техов Б. В.* Тлийский могильник (комплексы XVI–X вв. до н. э.). Тбилиси: Мецниереба, 1980. Т. I. 58 с.

Шкурко, 1982 — *Шкурко А. И.* Фантастические существа в искусстве лесостепной Скифии // Археологические исследования на юге Восточной Европы. М.: Внешторгиздат, 1982. С. 3–8 (Тр. ГИМ. Вып. 54).

Amiet, 1976 — *Amiet P.* Les antiquités du Luristan: collection David-Weill. Paris: Diffusion de Boccard, 1976. 116 p.

Avant les Scythes, 1979 — Avant les Scythes : préhistoire de l’art en U.R.S.S. Paris: Editions de la Réunion des Musées Nationaux, 1979. 222 p.

Motzenbäcker, 1996 — *Motzenbäcker I.* Sammlung Kossnierska. Der digorische Formenkreis der kaukasischen Bronzezeit. Berlin: Museum für Vor-und Frühgeschichte, 1996. 294 S. (Bestandskataloge. Bd. 3).

Koban ram, horned birds and rams from Kelermes: about the interaction of traditions

Ekaterina E. Vasilyeva[8], Tatyana V. Ryabkova[9]

The round protrusions on the crown of the ram-birds — the upper pats of cheekpieces from Kelermes were considered a sign of the influence of the Archaic Ionian tradition on the Scythian animal style. A study of the materials on the Kelermes mounds excavated by Nikolay I. Veselovsky in 1904 showed that both horned birds and sheep from the 1B mound, closely related to the Central Caucasus and absent in the earlier 2B mound, have a protrusion on the crown. The analysis a large number of images of the sculptural ram's head of the pre-Koban, Koban and subsequent periods demonstrated that the image occupied a leading place in the culture of the highlanders for thousands years. The image of a solar protrusion on the crown/forehead of a ram is a strong tradition of the Koban culture. This had a short-term influence on the Scythian culture in the first half of the 7th century BC. Koban, not the Ionian influence that led to the appearance of a protrusion on the crown of rams and horned birds.

Keywords: *Kelermes, the Koban culture, the Scythian culture, ram, horned bird, protrusion on the crown*

8 Ekaterina E. Vasilyeva — The State Hermitage Museum, 34 Dvortsovaya Emb., St. Petersburg, 190000, Russian Federation; e-mail: xygaida@mail.ru; ORCID: 0000-0001-5184-7672.

9 Tatyana V. Ryabkova — The State Hermitage Museum, 34 Dvortsovaya Emb., St. Petersburg, 190000, Russian Federation; e-mail: ryabkova-tatyana@mail.ru; ORCID: 0000-0001-7441-2372.

Мастер из дальних земель: сочетание барельефа и контррельефа как уникальная особенность передачи контура изображений на оленных камнях с Кубани (Зубовский I) и из Монгольского Алтая (Хар говь № 2)

А. А. Ковалев[1]

Аннотация. *Особенности рисунков на оленном камне, найденном Н. И. Веселовским в кургане у хутора Зубовский на Кубани в 1899 г., превосходно передают фотографии, сделанные в Императорской археологической комиссии и приложенные к отчету ученого. На них хорошо видно, что пояс с топором и мечом на первоначальном изваянии выполнены контррельефом, поверхность вокруг которого понижена, образуя выступ, повторяющий контур предметов. Не всеми было учтено, что истинный контур предметов проходит по наивысшим отметкам окружающего предмет возвышения, что привело к неверным трактовкам формы бойка топора. В 2001 г. нами был установлен единственный, кроме указанного, случай применения этого уникального художественного приема — на левой стороне оленного камня Хар говь № 2 в центральной части Монгольского Алтая. В этом же районе найдены шесть из восьми известных «азиатских» оленных камней с барельефными изображениями. Вероятно, отсюда и пришел мастер, оформлявший изваяние Зубовское I.*

Ключевые слова: *оленные камни, изобразительная техника рельефа, Северный Кавказ, Монгольский Алтай, миграции*

https://doi.org/10.31600/978-5-6050962-0-7.86-90

Более двадцати лет назад прервалась дискуссия о форме топора, изображенного на оленном камне, найденном в 1899 г. Н. И. Веселовским на Левобережье р. Кубань, в кургане у Зубовского хутора (ныне Тбилисский район Краснодарского края). Началась она после того, как в статье 1977 г. Д. Г. Савинов поместил схематический рисунок этого предмета в зеркальном отображении (*Савинов*, 1977. С. 126. Рис. 1). В совместной статье 1980 г. Д. Г. Савинов и Н. Л. Членова исправили явные ошибки и дали уточненный контур бойка (*Савинов, Членова*, 1980. С. 4. Рис. 1). Тем не менее один из авторов этой статьи — Н. Л. Членова, проводившая самостоятельные обмеры изваяния, — в своей монографии без пояснений привела две новые, сильно различающиеся прорисовки (*Членова*, 1984. С. 12, 24. Рис. 4, *в*; 8, *1*). В. С. Ольховский в 1990 г. опубликовал свой вариант, схожий с одним из вариантов Н. Л. Членовой и сильно расходящийся с рисунком из статьи 1980 г. (*Ольховский*, 1990. С. 115. Рис. 2, *2*); как позднее он сам писал, им был воспроизведен рисунок, приложенный к отчету Н. И. Веселовского за 1903 г. (НА ИИМК РАН. РО. Ф. 1. Оп. 1. 1903. Д. 14. Л. 119–121), «откорректированный и дополненный по имеющимся фотографиям» (*Ольховский*, 2000. С. 261). При этом не было опубликовано каких-либо эстампажей либо современных фотографий оленного камня, находящегося в экспозиции ГИМ. Публиковалось лишь фотоизображение (*Членова*, 1984. С. 11. Рис. 3; *Ольховский*, 2005. С. 171. Ил. 20), изначально приложенное к отчету Н. И. Веселовского (НА ИИМК РАН. РО. Ф. 1. Оп. 1. 1900. Д. 16. Фото 4), а затем помещенное в отчет ИАК (ОИАК, 1902. С. 39–40). Этот отпечаток был получен в результате совмещения изображений на трех негативах, хранящихся ныне в Научном архиве ИИМК РАН (НА ИИМК РАН. ФО. Нег. III 7160–7162). Поражает качество этих фотографий, при том, что велась съемка стелы длиной 2,28 м. Снимки были сделаны фотографом ИАК И. Ф. Чистяковым (см.: *Длужневская*, 2007. С. 255) с хорошо выставленным светом с большого расстояния, что позволило избежать искажений и добиться исключительной детализации (**рис. 1, *1, 2***). Организацию научной фотофиксации необычной находки можно также считать личной заслугой Н. И. Веселовского — и как исследователя, и как старшего члена ИАК.

Осмотр оленного камня в экспозиции музея в сравнении с фотографией из отчета Н. И. Веселовского привел меня к выводу, что фотография превосходно отражает особенности топора, профиль которого совпадает с профилем топоров «верхнекубанского типа»: его боек наклонен, плавно расширяется и имеет выгнутый верхний срез (*Ко-*

1 Алексей Анатольевич Ковалев — Институт археологии РАН, ул. Дм. Ульянова, д. 19, Москва, 117292, Российская Федерация; e-mail: chemurchek@mail.ru; ORCID: 0000-0003-2637-3131.

валев, 2000. С. 143–144). В статье 2000 г. я писал, что при графическом отображении рисунка топора трудности вызывала уникальная техника древнего скульптора: контррельефное изображение оказалось на выступе, грубо повторяющем его очертания. Каждый исследователь строил контур топора по своему усмотрению — по абрису наибольшего внутреннего углубления либо по абрису окружающего его «валика», считая, что этот «валик» имеет самостоятельное значение. На самом же деле «валик» — просто часть первоначальной плоскости, с уровня которой выполнялся контррельеф. В результате того, что поверхность вокруг была понижена, остаток этой первоначальной плоскости стал грубо повторять контур изображения, что и вызывает иллюзию «сформированной» выпуклой окантовки. Как принято при прорисовке выбивки, ее внешний контур обрисовывается по линии, с которой начинается углубление. В нашем случае такая линия будет проходить по наивысшим отметкам иллюзорного «валика», что хорошо показано на фотографии из отчета Н. И. Веселовского.

В том же сборнике 2000 г. В. С. Ольховский выступил с критикой моих рассуждений (*Ольховский*, 2000. С. 260–261). При этом он признал, что «сначала на поверхности стелы <…> было вырезано изображение бойка <…> а затем слой камня по периметру <…> был снят с оставлением рельефного валика по внешнему контуру изображения» (Там же). Казалось бы, противоречий в наших позициях нет. Однако В. С. Ольховский далее прорисовывает контррельефное изображение топора по абрису наибольшего углубления, не обращая внимания на свои же выводы о том, что это контррельефное изображение выполнялось с изначальной поверхности камня (Там же. С. 261. Рис. 2). Дальнейшего продолжения дискуссия, к сожалению, не имела, в том числе в связи с трагической гибелью Валерия Сергеевича летом 2002 г. Однако В. С. Ольховский успел обратить внимание, что выявленная нами техника моделирования изображения топора глубоким контррельефом в сочетании с формированием рельефного выступа по контуру является «уникальной» (Там же. С. 261). Необходимо добавить, что та же техника использована на этом изваянии для отображения не только топора, но и меча, и пояса. Изображение горита выполнено в иной манере — контур футляра и верхнее плечо лука показаны желобками, треугольник снизу — неглубоким контррельефом. В отличие от реалистичной композиции пояса, меча и топора, горит показан «не на месте», к тому же в ином, меньшем, масштабе. Рисунки меча и пояса не пересекают изображение горита, а выполнены за его пределами. В связи с этим логично предположить, что горит был изображен каким-то мастером до формирования окончательной композиции, а пояс с мечом и топором — другим скульптором в единой композиции и уникальной манере.

Была ли уникальная особенность изваяния из Зубовского I местной инновацией, как предполагал В. С. Ольховский (*Ольховский*, 2005. С. 52–53) в отношении всех выпуклых изображений на европейских оленных камнях? Уже в 2001 г. была выявлена единственная по сей день аналогия этой технике моделирования. И обнаружилась она в горах Монгольского Алтая (Мунххайрхан сомон Ховд аймака Монголии).

В 2001 г. нами с Д. Эрдэнэбаатором было предпринято полное научное исследование херексура Хар говь и связанных с ним оленных камней (*Ковалев, Эрдэнэбаатар*, 2021. С. 7–49). Мы выбрали этот объект для исследований в связи с тем, что оба оленных камня, связанных с ним, судя по описанию и рисункам В. В. Волкова (*Волков*, 1981. С. 76. Табл. 104), имели выделенные мною специфичные признаки стел «западного региона» (*Ковалев*, 2000. С. 163–165). При детальном осмотре и фиксации изваяний на левой стороне оленного камня № 2 были выявлены два изображения в той же технике, что и пояс с оружием на изваянии из Зубовского I (*Ковалев, Эрдэнэбаатар*, 2021. С. 37–46. Рис. 42–59). Это выполненные контррельефом горит и фигурка лошади, контуры которых выступают вверх, поскольку подчеркнуты понижением уровня окружающей поверхности камня (Там же. С. 38, 40. Рис. 44, 46) **(рис. 1, *3*)**. Если с одной из сторон горита это понижение представляет собой хорошо заметный узкий желобок (попытка показать нижнее плечо лука), то в остальных случаях перепад высот, как и на Зубовской стеле, заглажен. Интересно, что на той же стороне оленного камня, как выяснилось в ходе наших раскопок, помещена композиция противопоставленных кабана и собаки (*Ожередов*, 2010), что также является уникальным совпадением для обоих изваяний: азиатского и европейского (отличие только в том, что на оленном камне из Зубовского I добавлена вторая собака, нападающая на кабана сзади); в обоих случаях фигуры выполнены контррельефом **(рис. 1, *4*)**.

В статье 2000 г. мною были выделены устойчивые и специфичные черты европейских оленных камней: изображения двух черт на передней грани, длинных мечей, а также узкой повязки вокруг головы; сосредоточение изваяний с этими признаками в Монгольском Алтае указало на регион происхождения оленных камней «западного региона» и, соответственно, населения, принесшего эту тра-

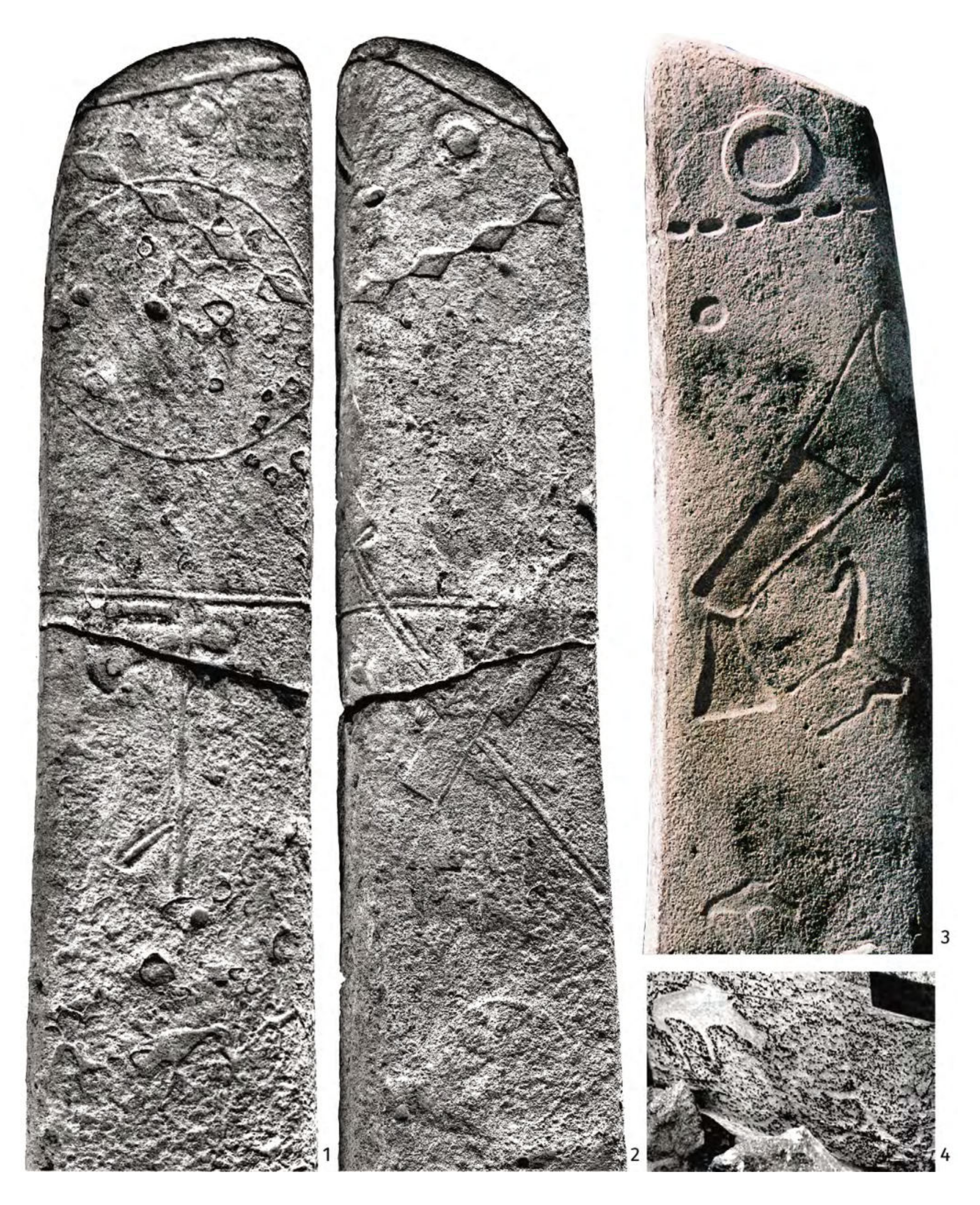

Рис. 1. Изображения на оленных камнях: *1, 2* — Зубовский I (*1* — правая грань; *2* — левая грань) (по: НА ИИМК РАН. ФО. Нег. III 7160, III 7162); *3, 4* — Хар говь № 2, левая грань (*3* — фотография А. А. Ковалева; *4* — по: *Ожередов*, 2010)

Fig. 1. Images on deer stones: *1, 2* — Zubovsky I (*1* — right side; *2* — left side) (after НА ИИМК РАН. ФО. Нег. III 7160, III 7162); *3, 4* — Khar gov' No. 2, left side (*3* — photo by Alexey A. Kovalev; *4* — after *Ожередов*, 2010)

дицию в Европу (*Ковалев*, 2000. С. 163–165). В то время оленные камни Монголии и Синьцзяна были известны практически только по двум сводам с прорисовками (*Волков*, 1981; *Ван Бо*, 1995), гораздо более полные каталоги последних лет, добавляя десятки изваяний с этими признаками, подтверждают этот вывод (Синьцзян вэйуэр…, 2011; Монголын буган…, 2016; Монгол ба…, 2021). «Уникальная» манера изображения, таким образом, выявлена на оленном камне Хар говь № 2 с двумя чертами на передней грани, установленном в центре Монгольского Алтая как территории, связанной с происхождением европейских оленных камней, к тому же в комплексе с оленным камнем Хар говь № 1, одним из самых близких европейским.

Здесь же, в ближайшем географическом окружении, сконцентрированы почти все известные барельефные изображения на «азиатских» оленных камнях: пять изваяний с «выпуклыми» височными кольцами: наше Хар говь № 2 **(рис. 1, *3*)**, Нартын ам 3, Бага асгат 1-1, Бодончийн гол 7, Майхны арын ходоо, — найдены в центральной части Ховд аймака, одно — Шаарахын нуур — в 300 км к северо-востоку от Хар говь, в Увс аймаке (*Мунхбаяр*, 2014; Монгол ба…, 2021. С. 126, 133, 165); на лицевой стороне оленного камня Бодончийн гол 7 дополнительно высоким рельефом изображена дуговидная подвеска с перемычкой (*Мунхбаяр*, 2014. С. 85–86. Рис. 2, *2*). Кроме этих мне известны только два выпуклых изображения фигур и предметов на оленных камнях: оленный камень с примитивным барельефом височного кольца найден в горах Джунгарского Алатау на могильнике Думуду Эбудэгэ (*монг.* Дунд дэнж?) (городской уезд Боро-Тала) (Синьцзян вэйуэр…, 2011. С. 194), а барельефная фигурка кабана зафиксирована на оленном камне Кош-Пей 1 из Тувы (*Килуновская, Семенов*, 1998. С. 144–146. Рис. 2).

Эти данные позволяют предположить, что традиция барельефного изображения височных колец, проявленная на большинстве северокавказских оленных камней (*Ольховский*, 2005. С. 31–35), была также привнесена древними скульпторами с территории центральной части Монгольского Алтая. Среди этих мастеров и был последователь автора (или сам автор?) комбинированных изображений на левой стороне оленного камня Хар говь № 2.

НА ИИМК РАН. РО. Ф. 1. Оп. 1. 1900. Д. 16: Н. И. Веселовский. Отчет о работах за 1900 год.

НА ИИМК РАН. РО. Ф. 1. Оп. 1. 1903. Д. 14: Н. И. Веселовский. Отчет о работах за 1903 год.

НА ИИМК РАН. ФО. Нег. III 7160–7162.

Ван Бо, 1995 — *Ван Бо*. Синьцзян луши цзуншу [王博．新疆鹿石综述]. Свод оленных камней Синьцзяна // Каогусюэ цзикань [考古学集刊]. Вып. 9. Пекин: Кэсюэ чубаньшэ, 1995. С. 239–260 (на кит. яз.).

Волков, 1981 — *Волков В. В.* Оленные камни Монголии. Улан-Батор: Изд-во АН МНР, 1981. 253 с.

Длужневская, 2007 — *Длужневская Г. В.* Фотографы Императорской археологической комиссии // АВ. 2007. Вып. 14. С. 245–258.

Килуновская, Семенов, 1998 — *Килуновская М. Е., Семенов Вл. А.* Оленные камни Тувы (часть 1 — новые находки, типология и вопросы культурной принадлежности) // АВ. 1998. Вып. 5. С. 143–154.

Ковалев, 2000 — *Ковалев А. А.* О происхождении оленных камней западного региона // Археология, палеоэкология и палеодемография Евразии / Отв. ред. В. С. Ольховский. М.: ГЕОС, 2000. С. 138–180.

Ковалев, Эрдэнэбаатар, 2021 — *Ковалев А. А., Эрдэнэбаатар Д.* Оленные камни в ритуале древних кочевников Монголии. Хар говь, Суртийн дэнж. СПб.: СПбГМИСР, 2021. 160 с.

Мунхбаяр, 2014 — *Мунхбаяр Д.* «Оленный» камень у озера Шааараха (Западная Монголия) // Древние и средневековые изваяния Центральной Азии / Отв. ред. А. А. Тишкин. Барнаул: Изд-во АлтГУ, 2014. С. 84–86.

Ожередов, 2010 — *Ожередов Ю. И.* Оленный камень из Хар говь. Дополнение к известному // Известия лаборатории древних технологий. Иркутск: Изд-во ИрГТУ, 2010. Вып. 8. С. 269–274.

Ольховский, 1990 — *Ольховский В. С.* О северокавказских стелах эпохи раннего железа // СА. 1990. № 3. С. 113–123.

Ольховский, 2000 — *Ольховский В. С.* Монументальная скульптура кочевников Евразии: проблемы источниковедения // Археология, палеоэкология и палеодемография Евразии / Отв. ред. В. С. Ольховский. М.: ГЕОС, 2000. С. 252–276.

Ольховский, 2005 — *Ольховский В. С.* Монументальная скульптура населения западной части евразийских степей эпохи раннего железа. М.: Наука, 2005. 299 с.

ОИАК, 1902 — Отчет ИАК за 1900 г. СПб.: тип. Гл. упр. уделов, 1902. 172 с.

Савинов, 1977 — *Савинов Д. Г.* О культурной принадлежности северокавказских камней-обелисков // Проблемы археологии Евразии и Северной Америки / Ред.-сост. Н. Л. Членова. М.: Наука, 1977. С. 125–127.

Савинов, Членова, 1980 — *Савинов Д. Г., Членова Н. Л.* Северокавказские оленные камни в ряду оленных камней Евразии // КСИА. 1980. Вып. 162: Ранний железный век. С. 3–12.

Синьцзян вэйуэр…, 2011 — Синьцзян вэйуэр цзычжицюю вэньу цзюй. Синьцзян вэйуэр цзычжицюй ди сань цы цюаньго вэньу пуча чэнго цзичэн. Синьцзян цаоюань шижэнь юй луши [新疆维吾尔自治区文物局. 新疆维吾尔自治区第三三次全国文物普查成果集成. 新疆草原石人与鹿石]. Бюро культурных реликвий Синьцзян-Уйгурского автономного района. Собрание результатов третьей общегосударственной кампании учета объектов культурного наследия в Синьцзян-Уйгурском автономном районе. Каменные бабы и оленные камни степей Синьцзяна. Пекин: Кэсюэ чубаньшэ. 2011. 202 с. (на кит. яз.).

Членова, 1984 — *Членова Н. Л.* Оленные камни как исторический источник. Новосибирск: Наука СО, 1984. 100 с.

Монгол ба…, 2021 — Монгол ба бүс нутгийн буган хөшөөний соёл. Эрдэм шинжилгээний каталог / Ред. Төрбат Ц. Боть 1–2. Улаанбаатар: ШУА-ийн Түүх, археологийн хүрээлэн, 2021. Т. I: 496 с.; Т. II: 424 с.; Т. III: 448 с. (на монг. яз.).

Монголын буган…, 2016 — Монголын буган хөшөө / Ред. Төрбат Ц. Улаанбаатар: ШУА-ийн Түүх, археологийн хурээлэн, 2016. 251 с. (Монголын археологийн өв, II боть) (на монг. яз.).

Craftsman from faraway lands: the combination of bas-relief and counter-relief as a unique feature of image outline on deer stones from the Kuban region (Zubovsky I) and the Mongolian Altai (Khar gov’ No. 2)

Alexey A. Kovalev[2]

Pecularities of images on the deer stone found by Nikolay I. Veselovsky in the mound near the Zubovsky khutor in the Kuban in 1899 are excellently reproduced by photos taken at the Imperial Archaeological Commission and attached to the excavation report. They clearly show that the belt with an axe and a sword on the original sculpture is made in a counter-relief, the surface around which is lowered, forming a ledge that follows the contour of the objects. Not everyone took into account that the true contour of imaged object runs along the highest points of the elevation surrounding it, which led to incorrect interpretations of the shape of the axe head. In 2001, we found the only case of using this unique artistic technique except the one mentioned — on the left side of the deer stone Khar gov’ No. 2 in the central part of the Mongolian Altai. In the same area, six of the eight known “Asian” deer stones with bas-relief images were found. Probably, this is where the master who carved the Zubovsky I statue came from.

Keywords: *deer stones, relief artistic technique, the North Caucasus, the Mongolian Altai, migrations*

2 Alexey A. Kovalev — Institute of Archaeology of the RAS, 19 Dmitry Ulyanov St., Moscow, 117292, Russian Federation; e-mail: chemurchek@mail.ru; ORCID: 0000-0003-2637-3131.

Скифский мир и античное Причерноморье

Раннегреческая керамика и социально-политическая история Архаической Скифии

А. С. Балахванцев[1]

Аннотация. *В статье анализируется распределение находок архаической греческой керамики в курганах и на поселениях Северного Кавказа, Крыма, Подонья и Северного Причерноморья. Прослеживаются хронологические и территориальные особенности этого процесса. Делается вывод, что присутствие раннегреческой керамики напрямую связано с политической ситуацией в соответствующем регионе.*

Ключевые слова: *раннегреческая керамика, Архаическая Скифия*

https://doi.org/10.31600/978-5-6050962-0-7.91-93

Среди скифологов существуют различные представления о характере отношений между номадами и оседло-земледельческими племенами: одни считают последних независимыми, а другие — скифскими данниками (*Мелюкова*, 1988. С. 21). Но даже те исследователи, которые разделяют идею о господстве скифов над своими оседлыми соседями, по-разному датируют время его установления. Целью предпринятого мною исследования является прояснение упомянутых выше вопросов на основе анализа распределения находок греческой керамики в курганах и на поселениях Северного Кавказа, Крыма, Подонья и Северного Причерноморья, начиная с момента появления первых импортов около середины VII в. до н. э. (*Смирнова и др.*, 2018. С. 212) и заканчивая третьей четвертью VI в. до н. э. — заключительным периодом истории Архаической Скифии (*Алексеев*, 2003. С. 24–25, 27, 156).

На Северном Кавказе и в Крыму[2] находки греческой керамики второй половины VII — начала VI в. до н. э. встречаются только в памятниках, оставленных номадами: могильник Новозаведенное II, курган 16 (*Петренко и др.*, 2000. С. 238–240), 1-й Разменный курган и святилище (?) Тарасова Балка (*Балахванцев*, 2019), курган у хут. Красный (*Шевченко*, 2013. С. 110–112, 117), могильник Лебеди V, курган 11 (*Пьянков и др.*, 2019. С. 219, 225), погребения у Цукур-Лимана, Темир-Горы и Филатовки (*Смирнова и др.*, 2018. С. 217). В раннемеотские поселения Марьянское 1 и Железнодорожное 1 античная керамика начинает поступать только в начале — середине VI в. до н. э. (*Кононов, Бейлина*, 2016. С. 98; *Иванов и др.*, 2019. С. 65–69).

Во многом аналогичная картина наблюдается в бассейне Дона — греческая керамика прежде всего фиксируется в раннескифских погребальных комплексах: Есауловский Аксай, Бушуйка, Красногоровка III, Ново-Александровка, Хапры, Криворожье и Цуцкан (*Копылов*, 2006. С. 87. Рис. 5). И лишь в самом конце рассматриваемого периода амфорный материал второй половины VI в. до н. э.[3] появляется на Пекшевском городище на р. Воронеж (*Медведев*, 1999. С. 84–85. Рис. 37, *19*).

1 Арчил Савелич Балахванцев — Институт востоковедения РАН, ул. Рождественка, д. 12, Москва, 107031, Российская Федерация; e-mail: balakhvantsev@gmail.com; ORCID: 0000-0002-3028-0109.

2 Традиция совместного рассмотрения двух этих районов берет свое начало с работы А. А. Иессена (*Иессен*, 1947. С. 73).

3 Очевидно, что амфоры попали так далеко на север не позднее гибели Таганрогского поселения в третьей четверти VI в. до н. э. (*Копылов*, 2006. С. 82).

Полной противоположностью Подонью и Кавказу выступает Северное Причерноморье. Там греческая керамика в середине VII — начале VI в. до н. э. концентрируется на поселениях (Залесье, Пожарная Балка, Жаботин) и городищах (Пастырское, Трахтемировское, Мотронинское, Хотовское) лесостепи, причем основная масса находок приходится на два памятника — Немировское и Западное Бельское городища (*Дараган*, 2011. С. 589–597; *Смирнова и др.*, 2018. С. 195, 213, 218). Только четыре скифских погребения в лесостепи и степи: Репяховатая могила, Болтышка, Шандровка и Китайгород, — могут похвастаться наличием греческой керамики этого времени (*Смирнова и др.*, 2018. С. 213–214. Рис. 167). Заметное увеличение присутствия античных импортов в кочевнических комплексах происходит лишь на протяжении VI в. до н. э. (Там же. С. 214).

В чем же заключается причина именно такого распределения греческой керамики в трех регионах Архаической Скифии? Ответу на последний вопрос должно предшествовать выяснение того, в каком качестве продукция эллинских гончаров попадала в варварский *Hinterland*. Хотя в науке существует тенденция приуменьшать значение торговли между северопричерноморскими апойкиями и местными варварами (*Щеглов*, 1990; *Кузнецов*, 2000), мне представляется, что никакого другого объяснения причин появления греческого импорта у последних выдвинуто быть не может. При этом, разумеется, ситуация в каждом регионе имела свои особенности.

Мне уже приходилось писать, что высокая концентрация находок раннегреческой керамики в кочевнических памятниках Северного Кавказа объясняется господством скифской аристократии над местным оседлым населением[4], которое было вынуждено отдавать ей зерно и металл в виде дани. Это позволяло кочевой знати аккумулировать в своих руках значительные материальные ресурсы. Часть их продавалась грекам за вино и оливковое масло, от которых до нас дошла только амфорная тара, а также за престижную расписную керамику (*Балахванцев*, 2019. С. 4). Прямая торговля между эллинами и меотами возникла только в VI в. до н. э., после ослабления власти скифов на Северном Кавказе и оттока части скифских племен в Крым и Северное Причерноморье.

Попадание греческой керамики в погребения номадов бассейна Дона и на Пекшевское городище, скорее всего, связано с деловой активностью эллинов и скифов на упомянутом у Геродота (Hdt. IV. 24) торговом пути, ведущем на Южный Урал.

Что же касается ситуации в Северном Причерноморье, то имеющиеся данные о прямых контактах греков с племенами лесостепи недвусмысленно доказывают сохранение последними в середине VII — начале VI в. до н. э. своей независимости от скифов. Постепенное утверждение скифского господства в регионе происходит на протяжении первых трех четвертей VI в. до н. э., о чем свидетельствует запустение Немировского и Трахтемировского городищ в первой половине VI в. до н. э. (*Дараган*, 2011. С. 772; *Смирнова и др.*, 2018. С. 223) и перераспределение греческого импорта в пользу нового гегемона.

И последнее. Уже само строительство городищ-гигантов, которые затем были частично использованы скифами, говорит о сложной социальной организации и даже, возможно, о появлении в регионе протогосударственных образований (*Дараган*, 2011. С. 771). Это, как минимум, позволяет подумать о наличии государственности на излете архаики и у скифов. Впрочем, этот вопрос заслуживает того, чтобы ему посвятили самостоятельное исследование.

4 О подчинении меотов скифам пишет и Ксенофонт (Xen. Mem. II. 1.10).

Алексеев, 2003 — *Алексеев А. Ю.* Хронография Европейской Скифии VII–IV веков до н. э. СПб.: Изд-во ГЭ, 2003. 416 с.

Балахванцев, 2019 — *Балахванцев А. С.* Греко-скифские контакты во второй половине VII в. до н. э. (по материалам Тарасовой Балки) // Греки и варварский мир Северного Причерноморья: культурные традиции в контактных зонах»: Материалы V междунар. науч. конф. «Археологические источники и культурогенез» / Отв. ред. Д. Г. Савинов. СПб.: Скифия-принт, 2019. С. 3–4.

Дараган, 2011 — *Дараган М. Н.* Начало раннего железного века в Днепровской Правобережной Лесостепи. Киев: КНТ, 2011. 848 с.

Иванов и др., 2019 — *Иванов А. В., Нарожный Е. И., Соков П. В.* О горизонте раннего железного века поселения Железнодорожное-1, исследованного в Западном Закубанье // АВ. 2019. Вып. 25. С. 58–76.

Иессен, 1947 — *Иессен А. А.* Греческая колонизация Северного Причерноморья. Ее предпосылки и особенности. Л.: Изд-во ГЭ, 1947. 92 с.

Кононов, Бейлина, 2016 — *Кононов В. Ю., Бейлина С. А.* Торговые связи поселения Марьянское-1 (по материалам амфорной тары) // Изучение и сохранение археологического наследия народов Кавказа. XXIX Крупновские чтения: Материалы науч. конф. Грозный, 18–21 апреля 2016 г. /

Отв. ред.: М. Х. Багаев, Х. М. Мамаев. Грозный: Изд-во Чеченского ГУ, 2016. С. 97–98.

Копылов, 2006 — *Копылов В. П.* Греко-варварские взаимоотношения в области р. Танаис в VII–VI вв. до н. э. // Греки и варвары на Боспоре Киммерийском VII–I вв. до н. э. / Под ред. С. Л. Соловьева, Г. Р. Цецхладзе. СПб.: Изд-во ГЭ, 2006. С. 80–88.

Кузнецов, 2000 — *Кузнецов В. Д.* Некоторые проблемы торговли в Северном Причерноморье в архаический период // ВДИ. 2000. № 1. С. 16–40.

Медведев, 1999 — *Медведев А. П.* Ранний железный век лесостепного Подонья. Археология и этнокультурная история I тысячелетия до н. э. М.: Наука, 1999. 160 с.

Мелюкова, 1988 — *Мелюкова А. И.* Народы Северного Причерноморья накануне и в период греческой колонизации // Местные этнополитические объединения Причерноморья в VII–IV вв. до н. э. / Отв. ред. О. Д. Лордкипанидзе. Тбилиси: Мецниереба, 1988. С. 8–27.

Петренко и др., 2000 — *Петренко В. Г., Маслов В. Е., Канторович А. Р.* Хронология центральной группы курганов могильника Новозаведенное-II // Скифы Северного Причерноморья в VII–IV вв. до н. э. (палеоэкология, антропология и археология): Тезисы докладов междунар. конф., посвящ. 100-летию со дня рожд. Б. Н. Гракова / Отв. ред.: В. И. Гуляев, В. С. Ольховский. М.: ИА РАН, 2000. С. 238–248.

Пьянков и др., 2019 — *Пьянков А. В., Рябкова Т. В., Зеленский Ю. В.* Комплекс раннескифского времени кургана № 11 могильника Лебеди V в Прикубанье // АВ. 2019. Вып. 25. С. 206–228.

Смирнова и др., 2018 — *Смирнова Г. И., Вахтина М. Ю., Кашуба М. Т., Старкова Е. Г.* Городище Немиров на реке Южный Буг. По материалам раскопок в XX веке из коллекций Государственного Эрмитажа и Научного архива. СПб.: ИИМК РАН, НКТ, 2018. 336 с.

Шевченко, 2013 — *Шевченко Н. Ф.* Курган раннескифского времени у хутора Красный // АСГЭ. 2013. Вып. 39. С. 100–118.

Щеглов, 1990 — *Щеглов А. Н.* Северопонтийская торговля хлебом во второй половине VII — V в. до н. э.: письменные источники и археология // Причерноморье VII–V вв. до н. э.: письменные источники и археология. Тбилиси: Мецниереба, 1990. С. 99–121.

The early Greek pottery and the socio-political history of Archaic Scythia

Archil S. Balakhvantsev[5]

The article analyzes the localization of finds of archaic Greek ceramics in burial mounds and in the settlements of the North Caucasus, the Don basin and the Northern Black Sea region. The chronological and territorial features of this process are traced. It is concluded that the presence of early Greek ceramics is directly related to the political situation in the respective region.

Keywords: *archaic Greek ceramics, Archaic Scythia*

5 Archil S. Balakhvantsev — Institute of Oriental Studies of the RAS, 12 Rozhdestvenka St., Moscow, 107031, Russian Federation; e-mail: balakhvantsev@gmail.com; ORCID: 0000-0002-3028-0109.

Курганы Солоха, Огуз, Куль-Оба и могила скифского царя Атея[1]

Т. М. Кузнецова[2]

Аннотация. *Статья продолжает развитие гипотезы о принадлежности захоронений в курганах Солоха, Огуз и Куль-Оба людям, относящимся к царствующим династиям Скифии и Боспора. Согласно предлагаемым датировкам, в Солохе покоились скифские цари: Ариапиф (470–450 гг. до н. э.)[3] и Октамасад (430–390 гг. до н. э.), в Куль-Обе — боспорские правители: Спарток II (349–344 гг. до н. э.) и, возможно, Перисад I (345–310 гг. до н. э.), в Огузе — скифский царь Атей (390–339 гг. до н. э.).*
Ключевые слова: *скифы, Боспор, курганы, Солоха, Огуз, Куль-Оба, Атей*

https://doi.org/10.31600/978-5-6050962-0-7.94-98

Начало исследованиям курганов Солоха[3] и Огуз[4] было положено профессором Петербургского университета, старшим членом Императорской Археологической комиссии Н. И. Веселовским (*Манцевич*, 1987; *Фиалко*, 1994. С. 141), чей 175-летний юбилей мы отмечаем. Открытие кургана Куль-Оба связано с именем П. Дюбрюкса[5] (*Дюбрюкс*, 2010а, 2010б).

В кургане Солоха **(рис. 1, *1, 2*)** обнаружены три человеческие и две конские могилы[6]. Центральное (ц/п) и боковое (б/п) погребения были совершены в катакомбах, захоронения конюха и коней — в ямах. Для ц/п Солохи установлена дата около 450–430 гг. до н. э. (*Кузнецова*, 2015. С. 79). По мнению А. Ю. Алексеева ц/п Солохи датируется 420–400 гг. до н. э., ближе к 400 г. до н. э.; по мнению С. В. Полина — 400 г. до н. э., а б/п датируется 390–380 гг. до н. э. (*Алексеев*, 2003. С. 230, 260; *Полин*, 2014. С. 244–245; *Кузнецова*, 2015. С. 76).

В кургане Огуз **(рис. 1, *1, 3*)**, окруженном крепидой, рвом и валом, находилось несколько могил: Центральный каменный склеп «боспорского типа» и конская могила — к западу, две Западные — под крепидой, Южная — возле входной ямы в дромос и впускная Северная. Ю. В. Болтрик и Е. Е. Фиалко датировали Огуз 330–310 гг. до н. э. (*Болтрик, Фиалко*, 1989. С. 97–98). С. Ю. Монахов по амфорам датировал Северную могилу Огуза 340–330 гг. до н. э.; А. Ю. Алексеев — 330–325 гг. до н. э., С. В. Полин — 350–340 гг. до н. э., а Центральный склеп — 350–345 гг. до н. э. (*Монахов*, 2003. С. 93; *Алексеев*, 2003. С. 269, 297; *Полин*, 2014. С. 483–484).

В кургане Куль-Оба **(рис. 1, *1, 4*)** было, возможно, четыре погребения: три — в погребальной камере каменного склепа, одно — под плитами пола. Склеп Куль-Обы по амфорному клейму фасосской амфоры магистрата Аретона датирован И. Б. Брашинским концом третьей — последней четвертью IV в. до н. э. (*Брашинский*, 1975. С. 37), Н. Л. Грач — 345–335 гг. до н. э. (*Grač*, 1997. С. 155–157), А. Ю. Алексеевым — 350–300 гг. до н. э. (*Алексеев*, 2003. С. 296), С. В. Полиным — 350–340 гг. до н. э. (*Полин*, 2014. С. 438).

Согласно датам курганов, А. Ю. Алексеев отождествил могилы Солохи с усыпальницами сыновей скифского царя Ариапифа: ранняя — для Орика, боковая «царская» — для Октамасада (*Алексеев*, 2003. С. 229). Ю. В. Болтрик предположил, что в первичной могиле Солохи покоился Орик, а во второй — его наследник, старший брат Атея (*Болтрик*, 2001. С. 29–31). Мной показано, что курган Солоха содержал могилы Ариапифа (ранняя) и Октамасада (поздняя). Могила Орика предполагается в Бердянском кургане, на территории скифского социума, к которому могла принадлежать его мать — Опойя (*Кузнецова*, 2015. С. 75–76)[7].

1 Работа выполнена в рамках темы НИР ИА РАН «Причерноморская и Центральноазиатская периферия античного мира и кочевнические сообщества Евразии: на перекрестке культур и цивилизаций» (№ НИОКТР 122011200269-4).

2 Татьяна Михайловна Кузнецова — Институт археологии РАН, ул. Дм. Ульянова, д. 19, Москва, 117292, Российская Федерация; e-mail: mamulya-kuznecova@yandex.ru; ORCID 0000-0001-7926-2721.

3 1912–1913 гг.

4 1891–1894 гг.

5 1830 г.

6 Нельзя исключить, что в кургане осталась еще одна могила.

7 В нераскопанной части кургана можно предположить захоронение царя Скила.

Захоронения в Огузе Е. Е. Фиалко и Ю. В. Болтрик соотнесли с царем, сыном Атея[8], и его женой, боспорской принцессой (*Болтрик, Фіалко*, 1995. С. 10–11, 13)[9]. А. Ю. Алексеев связывает сооружение Огуза с царем «Аноним 2», умершим, по Арриану (Arr. Anab. IV. 15.1), во время обмена посольствами с Александром Македонским, но полагает, что «Аноним 2» был погребен в Чертомлыке (*Алексеев*, 2003. С. 235–236).

В Куль-Обе, по мнению Н. Ф. Федосеева, погребены боспорские правители и их родня: Спарток II, его жена и брат — Аполлоний, а также Перисад I и его супруга (*Федосеев*, 2011. С. 383; 2016. С. 216). А. Ю. Алексеев, полагая, что Куль-Оба — скифский памятник, синхронизирует его со временем скифского царя («Аноним 1»), военный конфликт с которым произошел у Перисада I[10] незадолго до 328 г. до н. э. (*Алексеев*, 2003. С. 230).

Однако захоронение в Куль-Обе скифского царя, участника военного столкновения с Перисадом I, возможно лишь в случае, если боспоряне проиграли скифам, ибо курган расположен на некрополе Пантикапея. Поражение скифов не допускает там погребения врага[11].

А. Ю. Алексеев считает, что Куль-Оба содержала и раннее захоронение, близкое концу правления скифского царя Октамасада (390/380 гг. до н.э.) и сооружению б/п Солохи (*Алексеев*, 2003. С. 230; 2016. С. 206–215)[12]. Н. Ф. Федосеев, напротив, полагал, что в Куль-Обе ранней могилы не было, что показала зачистка котлована Куль-Обинского склепа, который сооружался для Спартока II, умершего в 344 г. до н.э. (*Федосеев*, 2018. С. 185).

Н. Л. Грач при рассмотрении пластинчатых браслетов из Куль-Обы, отметив их близость браслетам из Солохи и считая, что это может объясняться единством времени и родством погребенных, писала: «Не удивительно, если кто-нибудь из исследователей <…> докажет родство царственных особ…» (*Грач*, 1994. С. 136).

При анализе изображений (два мужчины с «сосудом в форме рога») на бляшках из б/п Солохи и склепа Куль-Обы **(рис. 1, *5, 8*)**, была высказана гипотеза, что эти бляшки — символ «двоецарствия» детей скифского царя Ариапифа — Орика и Октамасада и сыновей боспорского правителя Левкона I — Спартока II и Перисада I[13] (*Кузнецова*, 2018). Этот сюжет связывает курганы Солоха и Куль-Оба общей идеей.

Предположение о принадлежности б/п Солохи «Октамасаду, фракийцу по материнской линии от дочери одрисского царя Тера» (Hdt. IV. 80), и фракийских корнях династии Спартокидов на Боспоре устанавливает связь — если не родственную, то этническую, между лицами, погребенными в этих курганах **(рис. 1, *6, 7*)**.

Захват власти Октамасадом **(рис. 1, *9*)**, связанным с фракийской династией, и присутствие у него бежавшего из Фракии дяди делали нового скифского царя опасным для фракийцев[14]. Родственные притязания Октамасада могли быть одной из причин, определивших распространение скифской экспансии на запад, отмеченное для начала V в. до н.э.[15]

Время рассматриваемых курганов синхронизируется с годами жизни скифского царя Атея (≈430/429–339 гг. до н.э.). Деятельность Атея **(рис. 1, *10*)** — продолжателя политики предшественников, в результате чего была покорена часть фракийцев — может указывать, что он был наследником скифской династии, потомком Октамасада,

8 По мнению Ю. В. Болтрика и Е. Е. Фиалко, сам Атей был погребен в кургане Чертомлык (*Болтрик, Фіалко*, 1995. С. 10–11, 13).

9 Из этого следует, что скифский царь захоронен в склепе «боспорского типа», а боспорская принцесса — в скифской катакомбе.

10 «…на Боспоре дела плохи из-за возникшей у Перисада войны со скифами…» (Dem. XXXIV. 8).

11 При такой трактовке находки бронзовых котлов в Куль-Обе, скифских сакральных предметов (Hdt. IV. 61–62), объясняются последствиями скифо-боспорского конфликта, разрешившегося не в пользу скифов (*Кузнецова*, 2018. С. 192).

12 Относительно Солохи исследователь отметил, что «опыт изучения скифских "царских" курганов не позволяет все же разносить далеко во времени захоронения, совершенные под одной курганной насыпью» (*Алексеев*, 2003. С. 260), хотя разрыв между захоронениями в Куль-Обе, по его же датам, составляют, как мы видим, более 50 лет.

13 Согласно афинскому декрету 347/346 г. до н. э. в честь Спартока II и Перисада I, детей Левкона и правителей Киммерийского Боспора, и их брата Аполлония (IG II^2. 212) **(рис. 1, *11*)**.

14 По данным Геродота, Скил бежал во Фракию к Ситалку, а брат Ситалка скрывался у Октамасада. Ситалк сначала выступил на защиту Скила, а затем предал его и передал Октамасаду (Hdt. IV. 80). Подобная ситуация заставляет предположить, что между Ситалком и Октамасадом к этому времени складываются до определенной степени натянутые, если не враждебные отношения (*Кузнецова*, 1984. С. 17. Сн. 23).

15 Причины дальнейшей экспансии скифов, после похода во Фракию в 493 г. до н. э., в западном направлении пока неизвестны (Hdt. VII. 40).

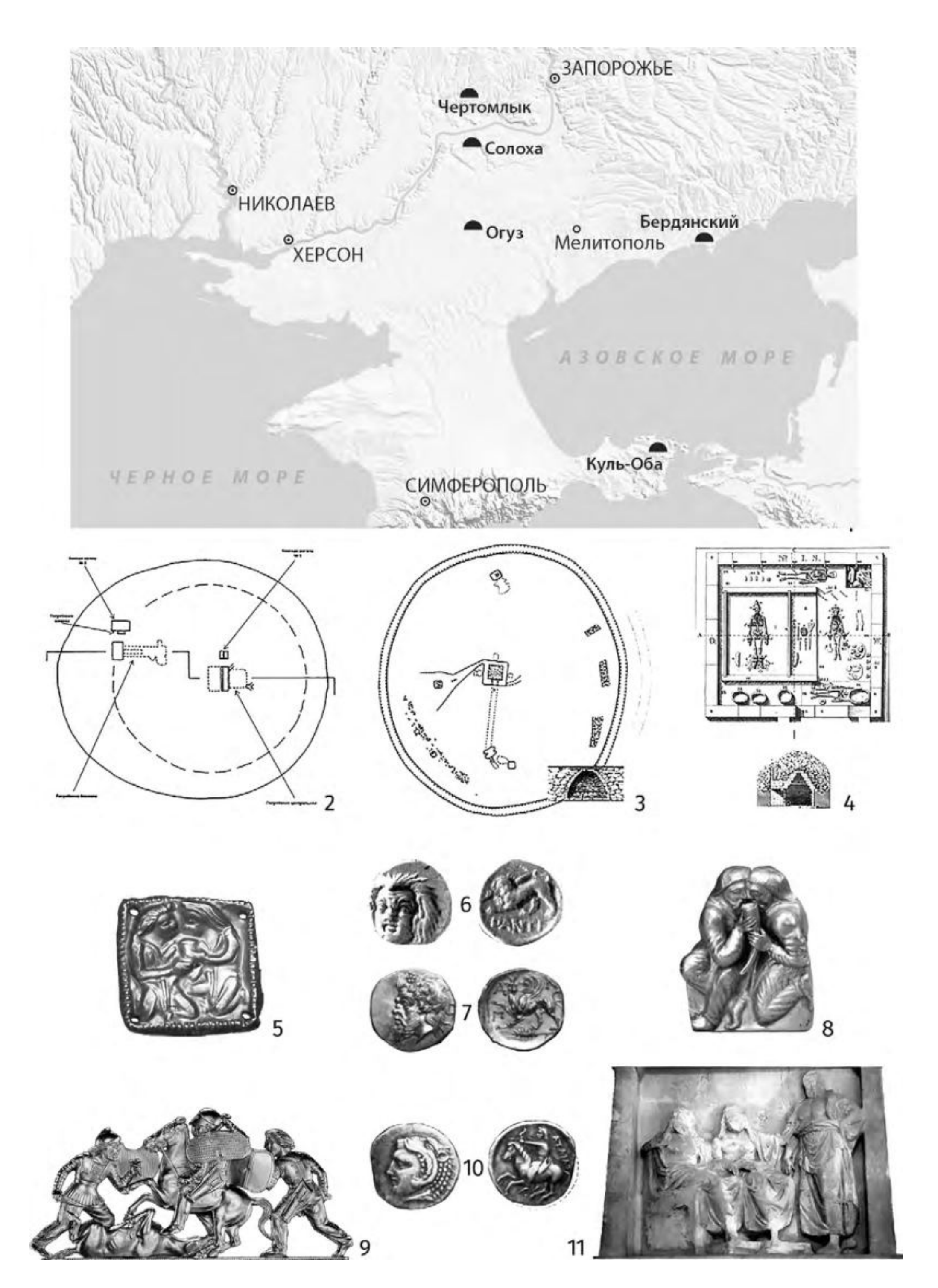

Рис. 1. Курганы Солоха, Огуз, Куль-Оба и предметы, связанные с погребенными в них правителями: *1* — карта; *2, 5, 9* — курган Солоха (*2* — план; *5* — бляшка; *9* — золотой гребень из бокового погребения) (по: *Кузнецова и др.*, 2020. Рис. 43; 109, *1, 2*; 47, *3*)); *3* — курган Огуз, план и разрез склепа (по: *Фиалко*, 1994. Рис. 1; 6, *2*); *4, 8* — курган Куль-Оба (*4* — план и разрез склепа; *8* — бляшка) (по: *Дюбрюкс*, 2010б. Рис. 213; *Кузнецова и др.*, 2020. Рис. 109; *1, 6*)); *6* — монета Спартока II (по: *Анохин*, 1986. Табл. 3, *101*); *7* — монета Перисада I (по: *Анохин*, 1986. Табл. 3, *102*); *10* — монета Атея (по: *Анохин*, 1965. Табл. 1, *5*); *11* — рельеф декрета афинян в честь детей Левкона (по: *Федосеев*, 2016. Рис. 1, *9*). Без масштаба

Fig. 1. Mounds Solokha, Oguz, Kul-Oba and items associated with the rulers buried in them: *1* — map; *2, 5, 9* — mound Solokha (*2* — plan; *5* — a plaque; *9* — a golden comb from a side burial) (after *Кузнецова и др.*, 2020. Рис. 43; 109, *1, 2*; 47, *3*)); *3* — mound Oguz, plan and section of the crypt (after *Фиалко*, 1994. Рис. 1; 6, *2*); *4, 8* — mound Kul-Oba (*4* — plan and section of the crypt; *8* — plaque) (after *Дюбрюкс*, 2010б. Рис. 213; *Кузнецова и др.*, 2020. Рис. 109, *1, 6*)); *6* — coin of Spartokus II (after *Анохин*, 1986. Табл. 3, *101*); *7* — coin of Paerisades I (after *Анохин*, 1986. Табл. 3, *102*); *10* — coin of Ateas (after *Анохин*, 1965. Табл. 1, *5*); *11* — the relief of the decree of the Athenians in honor of the children of Leukon (after *Федосеев*, 2016. Рис. 1, *9*). Without scale

имевшим основание для захвата фракийских земель, обусловленное родством с одрисским царствующим домом (*Кузнецова*, 1984. С. 15). Отсюда время начала его правления ограничивается датой б/п Солохи.

Даты, предложенные для Огуза, с учетом перерыва между ним и б/п Солохи (40–50 лет), место возведения кургана (в центре степной области), высота, конструкция центрального склепа, близкая в погребальной архитектуре фракийской, античной[16] и скифской традициям, состав находок, включающих античные и фракийские изделия, позволяют предположить, что именно этот курган можно соотнести не только со временем деятельности, а и с местом захоронения Атея (≈339 г. до н. э.), царя, долголетие которого отмечено источниками[17].

Алексеев, 2003 — *Алексеев А. Ю.* Хронография Европейской Скифии VII–IV веков до н. э. СПб.: Изд-во ГЭ, 2003. 416 с.

Алексеев, 2016 — *Алексеев А. Ю.* Раннее погребение Куль-Обы и скифские гробницы // Элита Боспора и Боспорская элитарная культура: Материалы междунар. Круглого стола (Санкт-Петербург, 22–25 ноября 2016 г.) / Отв. ред.: В. Ю. Зуев, В. А. Хршановский. СПб.: Палаццо, 2016. С. 206–215.

Анохин, 1965 — *Анохин В. А.* Монеты скифского царя Атея // Нумизматика и сфрагистика Боспора / Отв. ред. В. А. Анохин. Т. 2. Киев: Наукова думка, 1965. С. 3–15.

Анохин, 1986 — *Анохин В. А.* Монетное дело Боспора. Киев: Наукова думка, 1986. 223 с.

Болтрик, 2001 — *Болтрик Ю. В.* Поиск усыпальниц Ариапифа и его сыновей // Ольвія та античний світ: Матеріали наук. читань, присвячених 75-річчя утворення історико-культурного заповідника «Ольвія» НАН України. Київ, 2001. С. 29–31.

Болтрик, Фіалко, 1989 — *Болтрик Ю. В., Фиалко Е. Е.* Курган Огуз и склепы боспорских курганов IV в. до н. э. // Скифия и Боспор. Археологические материалы к конференции памяти академика М. И. Ростовцева (Ленинград, 14–17 марта 1989 года) / Отв. ред. М. Ю. Вахтина. Новочеркасск: Б/и, 1989. С. 97–98.

Болтрик, Фіалко, 1995 — *Болтрик Ю. В., Фіалко О. Є.* Могили скіфських царів другої половини IV ст. до н. е. (пошук історичних реалій) // Археологія. 1995. № 2. С. 3–13.

Брашинский, 1975 — *Брашинский И. Б.* Фасосская амфора с клеймом из кургана Куль-Оба // СГЭ. 1975. Т. XL. С. 36–38.

Грач, 1994 — *Грач Н. Л.* Пластинчатые браслеты из кургана Куль-Оба // ВДИ. 1994. № 1. С. 135–142.

Дюбрюкс, 2010а, 2010б — *Дюбрюкс П.* Собрание сочинений. В 2 т. / Отв. ред. И. В. Тункина. СПб.: Коло, 2010. Т. 1: Тексты. 726 с.; Т. 2: Иллюстрации. 310 с.

Колтухов, 2019 — *Колтухов С. Г.* Каменный склеп кургана Огуз: поиск аналогии // Нижневолжский археологический вестник. 2019. Т. 18. № 1. С. 110–122.

Кузнецова, 1984 — *Кузнецова Т. М.* Анахарсис и Скил // КСИА. 1984. Вып. 178: Памятники железного века. С. 11–16.

Кузнецова, 2015 — *Кузнецова Т. М.* Скифские курганы и исторические персонажи V–IV вв. до н. э. // РА. 2015. № 2. С. 72–84.

Кузнецова, 2018 — *Кузнецова Т. М.* Курган «Куль-Оба» — к вопросу о его этнической атрибуции // Боспорский феномен. Общее и особенное в историко-культурном пространстве античного мира: Материалы междунар. науч. конф. Ч. 2 / Отв. ред.: В. Ю. Зуев, В. А. Хршановский. СПб.: ИПЦ СПбГУПТД, 2018. С. 188–194.

Кузнецова и др., 2020 — *Кузнецова Т. М., Елагина Н. Г., Кузнецов С. В.* Курганы у порогов Борисфена. М.: ИА РАН, 2020. 308 с.

Манцевич, 1987 — *Манцевич А. П.* Курган Солоха. Публикация одной коллекции Л.: Искусство, 1987. 143 с.

Монахов, 2003 — *Монахов С. Ю.* Греческие амфоры в Причерноморье. Типология амфор ведущих центров-экспортеров товаров в керамической таре. Каталог-определитель. М.: Киммерида; Саратов: Изд-во Саратовского ун-та, 2003. 350 с.

Полин, 2014 — *Полин С. В.* Скифский Золотобалковский курганный могильник V–IV вв. до н. э. на Херсонщине. Киев: Издатель Олег Филюк, 2014. 776 с. (Курганы Украины. Т. 3).

Федосеев, 2011 — *Федосеев Н. Ф.* Эллинское и варварское в погребении кургана Куль-оба // Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Взаимовлияние культур / Ред.-сост. В. Н. Зинько. Керчь: Институт востоковедения НАН Украины Крымское отделение, 2011. С. 377–385.

16 Хотя полных аналогий склепу Огуза не обнаружено ни во Фракии, ни на Боспоре, исследователи отмечают наличие для него сходных с фракийскими и боспорскими элементов и конструктивных решений (*Болтрик, Фіалко*, 1989; *Колтухов*, 2019. С. 112–113).

17 «Атей, царь скифов, пал в битве с Филиппом на реке Истре, в возрасте свыше девяноста лет, сражался на коне в войне с Филиппом в возрасте девяноста лет отроду» (Luc. Macrob. 10).

Федосеев, 2016 — *Федосеев Н. Ф.* Куль-Оба: погребальный комплекс боспорских царей. Скифское или фракийское влияние? // Элита Боспора и Боспорская элитарная культура: Материалы междунар. Круглого стола (Санкт-Петербург, 22–25 ноября 2016 г.) / Отв. ред.: В. Ю. Зуев, В. А. Хршановский. СПб.: Палаццо, 2016. С. 215–223.

Федосеев, 2018 — *Федосеев Н. Ф.* Скифы на Боспоре // Боспорский феномен. Общее и особенное в историко-культурном пространстве античного мира: Материалы междунар. науч. конф. Ч. 2 / Отв. ред.: В. Ю. Зуев, В. А. Хршановский. СПб.: ИПЦ СПбГУПТД, 2018. С. 176–188.

Фиалко, 1994 — *Фиалко Е. Е.* Погребальный комплекс кургана Огуз // Древности скифов / Отв. ред. Е. В. Черненко. Киев: ИА АН Украины, 1994. С. 122–144.

Grač, 1997 — *Grač N.* Der Kurgan Kul'-Oba // Zwei Gesichter der Eremitage. Bd. I. Die Skythen und ihr Gold. Bonn: Kunst- und Ausstellungshalle der Bundesrepublik Deutschland, 1997. S. 155–157 (Die großen Sammlungen. Bd. VI).

Burials in the barrows of Solokha, Oguz, Kul-Oba and the Scythian king Ateas

Tatyana M. Kuznetsova[18]

The article continues the development of the hypothesis that the burials in the barrows of Solokha, Oguz and Kul-Oba belonged to persons pertaining to the reigning dynasties of Scythia and the Bosporus. According to the proposed dating, the Scythian kings rested in Solokha: Ariapeithes (470–450 BC) and Octamasadas (430–390 BC), in Kul-Oba — the Bospran rulers: Spartokos II (349–344 BC) and, possibly, Paerisades I (345–310 BC), in Oguz — the Scythian king Ateas (390–339 BC).

Keywords: *Scythians, Bosporus, barrows, Oguz, Solokha, Kul-Oba, Ateas*

18 Tatyana M. Kuznetsova — Institute of Archaeology of the RAS, 19 Dmitry Ulyanov St., Moscow, 117292, Russian Federation; e-mail: mamulya-kuznecova@yandex.ru; ORCID: 0000-0001-7926-2721.

Скифский курган с каменным склепом под Симферополем

И. В. Рукавишникова[1], Д. В. Бейлин[2]

Аннотация. *В статье приводятся результаты исследований элитного скифского кургана в Предгорном Крыму. Курган у с. Денисовка — самый западный в цепочке ему подобных. Наиболее ярким погребением, найденным при исследовании насыпи, был каменный склеп конца IV в. до н. э. с захоронением знатной скифской семьи. Склеп был окружен каменной крепидой. Его дромос открывался входом на юг. Камера была углублена в яму на месте погребения эпохи бронзы. Внутри склепа, в северной части, под провалившимся перекрытием исследовано коллективное погребение шести человек и погребение женщины 45–50 лет in situ. Одежда женщины была расшита многочисленными золотыми нашивками. Предметы вооружения и орнаментация нашивок имеют широкие аналогии среди погребальных памятников скифов — от Тамани до южных причерноморских степей. IV в. до н. э. — время трансформации погребального обряда скифов: строительства каменных склепов под влиянием боспорской и фракийской погребальной архитектуры.*

Ключевые слова: *Предгорный Крым, скифская культура, каменная архитектура, склеп, курган*

https://doi.org/10.31600/978-5-6050962-0-7.99-102

На территории Предгорного Крыма известны курганы эпохи бронзы и раннего железного века. Скифские курганы IV в. до н. э. под своими насыпями скрывают каменные склепы. Разнообразные каменные архитектурные решения маркируют элитные захоронения второй половины столетия. Раскопанный Н. И. Веселовским погребальный комплекс в Дорт-оба (первая четверть IV в. до н. э.) — захоронение воина в земляной катакомбе без каменного архитектурного сооружения, под земляной насыпью (*Колтухов, Сенаторов*, 2020).

Каменные склепы скифской культуры в Предгорном Крыму в IV в. до н. э., подкурганные элитные архитектурные объекты использовались в том числе для коллективных последовательных захоронений. Подобные по конструкции склепы известны в последующие столетия в погребальной архитектуре позднескифской культуры. Преемственность в погребальном обряде прослеживается во многих чертах. Тем не менее, IV в. до н. э. — время трансформации погребального обряда в самой скифской культуре: строительства каменных склепов под влиянием боспорской и фракийской погребальной архитектуры.

Курган у с. Денисовка находился в долине Малого Салгира, правого притока р. Салгира, в пределах северных отрогов Внутренней гряды Крымских гор. Самый западный в цепочке курган имел высоту 2,5 м и диаметр 50 м. Задернованная насыпь носила следы распашки, скрывала под собой каменные конструкции **(рис. 1)**, была неровная и потревоженная распашкой. При раскопках выяснилось, что основа насыпи — рельефное возвышение, в которое были впущены захоронения бронзового века. Непосредственно под пахотным слоем на возвышении открывались крупные камни перекрытия и стен. Они были перемещены вдоль линии север–юг бороздами от глубокого плуга. Так как земляная насыпь подверглась распашке в XX в. и изначально была выше, реконструировать точную высоту не представляется возможным.

При разборе насыпи по секторам открыты каменные объекты: каменный, углубленный в материк склеп с длинным дромосом, ориентированным на юг, и кольцо каменной крепиды. Дромос находился на юге от камеры, и крепидное кольцо прерывалось входом в него. Каменная кладка крепиды была выложена по кругу на выровненной площадке на материковом галечном слое, перекрытом тонкой прослойкой погребенной почвы. Зафиксированы крупные продолговатые блоки из грубо наколотого камня, выложенные постелистой кладкой в несколько ярусов. Сохранились *in situ* лишь частично, так как были потревожены распашкой, проводившейся в меридиональном направлении. Выше была использована каменная наброска, также потревоженная плугом. Ширина каменной крепиды — до 2 м, ширина каменного развала составила 1–2 м, диаметр каменного кольца варьировался от 8 до 12 м.

1 Ирина Викторовна Рукавишникова — Институт археологии РАН, ул. Дмитрия Ульянова, д. 19, Москва, 117292, Российская Федерация; e-mail: rukavishnikovairina@yandex.ru; ORCID: 0000-0002-2034-8659.

2 Денис Владиславович Бейлин — Институт археологии Крыма РАН, пр. Академика Вернадского, д. 2, Симферополь, 295007, Республика Крым, Российская Федерация; e-mail: denis_beylin1979@mail.ru;
ORCID: 0000-0002-5701-9402.

Рис. 1. Камера склепа. Финальная зачистка. Вид с севера
Fig. 1. Crypt chamber. Final cleanup. View from the north

При строительстве склепа кургана было разрушено центральное погребение бронзового века, яма которого была расширена под яму для установки стен. Остатки погребенных (отдельные фрагментированные кости) были выброшены вместе с материковым суглинком и зафиксированы при раскопках на валиках в южных секторах, использованных как крепидные сооружения для насыпи. Под ними найдены детские погребения эпохи бронзы. Входная часть дромоса перерезала погребение мужчины.

Кроме погребений ямной культуры на площади вокруг кургана зафиксировано на востоке от каменного сооружения погребение кизил-кобинской культуры, а на северо-западе от крепиды был выявлен участок средневекового некрополя.

Насыпь из гумусного слоя на момент раскопок на 2–3 м перекрывала крепидное сооружение. Внутри крепиды были зачищены дополнительные линии камней и валиков, выложенных из мелких камней с подсыпкой. В насыпь около крепиды было впущено погребение женщины с ребенком IV–III вв. до н. э. Инвентарь погребения состоял из лепного сероглиняного кубка и низки глазчатых бус. Головой погребенная была уложена на запад. Заполнение погребения — плотная забивка мелким бутовым камнем. Подобное захоронение также выявлено в верхней части насыпи у западной стены склепа. Дно этой ямы, также вытянутой с запада на восток, было зачищено на уровне материковых валиков-выкидов. Это сооружение, возможно, является кенотафом.

Вход в дромос склепа был оформлен крупными блоками, расположенными вдоль линии коридора. Дромос, длиной около 7 м, углублен с юга на север до уровня дна склепа. Коридор был плотно заложен рваными камнями.

Камера склепа была заглублена в подпрямоугольную яму, ориентированную по линии север–юг **(рис. 1)**. Верхние ярусы стен возвышались над площадкой сооружения на высоту около 1 м и были укреплены валиками выкидов. Верхнее каменное перекрытие было продавлено.

Основное заполнение ямы в склепе представляло собой темно-коричневый гумус, заполнявший всю камеру до провалившихся каменных плит перекрытия, зафиксированных в разрезе дугообразно. Под этими плитами находилось просевшее деревянное перекрытие из поперечных балок. Ближе к придонной части над погребением зафиксированы продольные балки-плашки, возможно оставшиеся от внутренней деревянной конструкции. Между каменным и деревянным перекрытиями была прослойка из камыша и войлока или шерсти.

Под слоями просевших перекрытий обнаружено коллективное погребение на полу склепа на уровне -2,85 м от верхней точки кургана, который был зонирован на северную часть с каменным покрытием и южную часть с мергелевым дном. Отдельные каменные плиты были расположены при входе в камеру. Входная часть в камеру была оформлена деревянными балками из дубовых бревен. Высота дверного проема 1,1 м. Со стороны дромоса к проему подходило каменное заполнение, в самом проеме камней не было. Справа у входа в заполнении обнаружен железный нож.

Размеры пола склепа в плане: 4 м по линии север–юг, 3 м по северной линии и 2,65 м по южной линии. В плане очертания камера имеет неправильную подпрямоугольную форму, она сужается в южной части (к входу). Плиты уложены горизонтально постелистой кладкой внахлест друг к другу. Таким образом, предотвращались разрушения стен от давления насыпи. В восточной части с уровня погребенной почвы был заложен участок стены.

Внутри склепа под провалившимся перекрытием в северной части было исследовано коллективное погребение шести человек, частично перемещенных — сдвинутых. Головами погребенные были уложены на восток. Рядом с одним из черепов были найдены две подквадратные нашивки с изображениями шагающих грифонов. Ближе к северной стене обнаружено несколько бронзовых наконечников стрел и костяная ворворка. В восточном пристенке найдено железное копье (в виде длинного узкого наконечника и подтока), реконструируемая длина которого составляет 2,50 м.

В южной зоне камеры, в 0,7 м к северу от входа в склеп, на мергелевом полу зафиксировано погребение женщины 45–50 лет *in situ*. Погребенная была уложена на спину головой на запад. Справа и слева от черепа обнаружены одинаковые золотые кольца с заведенными концами. По всей грудной клетке, справа и слева от рук, а также и в районе головы были зафиксированы 369 небольших золотых нашивок четырех типов: круглые личины, крестовидные нашивки с выпуклыми сферами, небольшие палочковидные нашивки с оформленными лотосами краями, а также лотосовидные нашивки с силуэтами, напоминающими змееногую богиню. По-видимому, ряды однотипных нашивок украшали обшлага накидки. В юго-западном углу склепа на полу была зафиксирована ножка амфоры типа Менда.

Каменный склеп с каменной крепидой был построен для знатной скифской семьи и датируется второй половиной IV в. до н. э.

Скифские курганы Предгорного Крыма разнообразны по архитектурным решениям. Многие известные склепы полностью ограблены или исследованы в XIX в. и не зафиксированы в полной мере (практически нет возможности достоверно проанализировать конструкцию). Аналогичные конструктивные особенности в архитектуре имеются в исследованных современными учеными курганах Белогорского могильника, Беш-оба и других курганах Белогорского и Симферопольского районов Крыма (*Колтухов, Сенаторов*, 2020; *Шкрибляк*, 2017; *Зайцев, Шкрибляк*, 2017).

Исследователи скифского костюма приводят реконструкции украшенных обшлагов верхней одежды, накидок, головных уборов и обуви знатных скифянок из погребений степей Причерноморья и среднего течения Дона. Аналогии отдельным типам нашивок этого комплекса имеются как в ближайших раскопанных курганах (Туук-оба), так и в курганах Правобережного Поднепровья, на Боспоре, Таманском полуострове (*Зайцев, Шкрибляк*, 2017; *Кузнецова и др.*, 2020. С. 272; *Кубышев и др.*, 2009. С. 97; *Полин, Алексеев*, 2018; *Полин, Кубышев*, 1997; *Сударев*, 2017. С. 187; *Скорый, Хохоровски*, 2018. С. 247; *Канторович*, 2014). Личины на нашивках из описанного комплекса имеют луноликий вид и оттиснуты от одной матрицы. Они не похожи на головы горгоны Медузы, как представленные на нашивках из Куль-Обы или курганах Приазовья (*Полин, Куйбышев*, 1997). Нашивки из Дорт-обы отличаются по стилю, как более ранний комплекс украшений. Возможно, для каждого убора изготовлялась отдельная личина, связанная с обликом божества или человеком.

Зайцев, Шкрибляк, 2017 — *Зайцев Ю. П., Шкрибляк И. И.* Terra Archaeologica [Охранно-спасательные археологические исследования музея-заповедника «Неаполь Скифский»]. Крым 2014–2017 г. Симферополь: Тарпан, 2017. 28 с.

Канторович, 2014 — *Канторович А. Р.* Синкретические образы в восточноевропейском скифском зверином стиле: статистические показатели и базовые иконографические традиции // Исторический журнал: научные исследования. Археология. 2014. № 3. С. 285–306.

Колтухов, Сенаторов, 2020 — *Колтухов С. Г., Сенаторов С. Н.* Скифы Предгорного Крыма в VII–IV вв. до н. э. Ч. II. Между долиной Салгира и междуречьем Карасу. Симферополь: Колорит, 2020. 307 с.

Кузнецова и др., 2020 — *Кузнецова Т. М., Елагина Н. Г., Кузнецов С. В.* Курганы у порогов Борисфена. М.: ИА РАН, 2020. 307 с.

Кубышев и др., 2009 — *Кубышев А. И., Бессонова С. С., Ковалев Н. В.* Братолюбовский курган. Киев: ИА НАНУ, 2009. 192 с.

Полин, Алексеев, 2018 — *Полин С. В., Алексеев А. Ю.* Скифский царский Александропольский курган IV в. до н. э. в Нижнем Поднепровье. Киев; Берлин: Видавець Олег Філюк, 2018. 930 с.

Полин, Кубышев, 1997 — *Полин С. В., Кубышев А. И.* Скифские курганы Утлюкского междуречья (в Северо-западном Приазовье). Киев: ИА НАН Украины, 1997. 45 с.

Рукавишникова, Бейлин, 2022 — *Рукавишникова И. В., Бейлин Д. В.* Курган с каменным склепом у села Денисовка близ г. Симферополя (2021–2022 годы) // ИАКр. 2022. Вып. XVII. С. 224–233.

Скорый, Хохоровски, 2018 — *Скорый С., Хохоровски Я.* Большой Рыжановский курган. Киев: Издатель Олег Филюк, 2018. 432 с.

Сударев, 2017 — *Сударев Н. И.* Погребения некрополя Виноградный 7 // Города, поселения, некрополи. Раскопки 2016 г. / Отв. ред. А. В. Энговатова. М.: ИА РАН, 2017. С. 182–189 (Материалы спасательных археологических исследований. Вып. 19).

Шкрибляк, 2017 — *Шкрибляк И. И.* Склеп с уступчатым перекрытием в кургане № 293 на г. Плоская в Центральном Крыму // Крым в эпоху эллинизма. Межкультурные процессы по данным новейших археологических исследований / Гл. ред. Ю. П. Зайцев. Симферополь: Тарпан, 2017. С. 133–138.

A Scythian mound with a stone crypt near Simferopol

Irina V. Rukavishnikova[3], Denis V. Beylin[4]

The article presents the results of studies of an elite Scythian mound in the Piedmont Crimea. Kurgan near the village Denisovka is the most western in the chain of similar ones. The most striking burial found during the study of the mound was a stone crypt from the end of the 4th century BC with the burial of a noble Scythian family. The crypt was surrounded by a stone crepid. Its dromos opened with an entrance to the south. The chamber was deepened into a pit at a Bronze Age burial site. Inside the crypt in the northern part, under a collapsed ceiling, a collective burial of 6 people and an *in situ* burial of a woman 45–50 years old were examined. The woman's clothes were embroidered with numerous gold stripes. Weapons and ornamentation of patches have broad analogies in Scythian funerary monuments from Taman to the southern steppes of Ukraine. 4th century BC — the time of transformation of the funeral rite of the Scythians: the construction of stone crypts under the influence of Bosporan and Thracian funeral architecture.

Keywords: *Piedmont Crimea, the Scythian culture, stone architecture, crypt, the burial mound*

3 Irina V. Rukavishnikova — Institute of Archaeology of the RAS, 19 Dmitry Ulyanov St., Moscow, 117292, Russian Federation; e-mail: rukavishnikovairina@yandex.ru; ORCID: 0000-0002-2034-8659.

4 Denis V. Beylin — Institute of Archaeology of the Crimea of the RAS, 2 Academician Vernadsky Ave., Simferopol, 295007, Republic of Crimea, Russian Federation; e-mail: denis_beylin1979@mail.ru; ORCID: 0000-0002-5701-9402.

Реконструкция калафа скифского времени из могильника Девица V на Среднем Дону

С. А. Володин[1], К. С. Окороков[2]

Аннотация. *В публикации кратко представлены результаты изучения женского парадного головного убора, обнаруженного в погребении IV в. до н. э. на Среднем Дону. Благодаря тому что золотые детали не были тронуты грабителями, стало возможным восстановить облик калафа. Оригинальность этого изделия заключается в отсутствии зоо- или антропоморфных изображений на нашивных пластинах, традиционных для скифских калафов. Высказано предположение о местном производстве изделия из привозных пластин.*

Ключевые слова: *калаф, головной убор, реконструкция, скифы, скифское время, Средний Дон*

https://doi.org/10.31600/978-5-6050962-0-7.103-106

В ходе работ Донской экспедиции Института археологии РАН (рук. В. И. Гуляев) в 2019 г. в Острогожском районе Воронежской области был раскопан курган 9 могильника Девица V. Под насыпью было обнаружено одно погребение, датируемое третьей четвертью IV в. до н. э. Погребальная конструкция была ограблена лишь частично, благодаря чему останки двух из четырех покойных, а также отдельные предметы инвентаря оказались нетронутыми (*Гуляев и др.*, 2020).

В частности, оказался не замеченным грабителями парадный головной убор, принадлежавший индивиду 1 (женщина 40–49 лет), захороненному вдоль южной стенки гробницы головой на запад (Там же. С. 24, 28–29. Рис. 3; 5; 6). Непосредственно на черепе покойной были зафиксированы 22 металлические детали: 16 пластин; три ободка, на двух из которых сохранились по 9 и 10 амфоровидных подвесок; три отдельные подвески. Вследствие деятельности грызунов 15 деталей (один ободок, семь пластин и семь подвесок) оказались перемещенными. Впрочем, все основные части убора были найдены *in situ* **(рис. 1, *1*)**.

Частично под собственным весом в процессе разложения органической основы калафа, а в основном под давлением грунта, изначальная форма была утрачена. Несмотря на эти объективные сложности, представляется возможным реконструировать данный предмет, проведя анализ взаимного расположения нашивных элементов — золотых пластин и подвесок. В процессе изучения предмета все пластины были разделены на группы, в которых буквой обозначался тип орнамента, а цифрой — номер фрагмента внутри типа **(рис. 1, *2*)**. После этого все детали, разделенные на соответствующие группы, были выделены на чертеже разным цветом. Подобный подход позволил определить положение всех основных нашивных элементов на головном уборе и, как следствие, определить его форму.

В составе калафа из Девицы V выделяется четыре типа пластин:

тип A: метопида — в отличие от других пластин, на которых орнамент повторяется, имеет уникальный орнамент, который имеет выраженный центр, представленный условной вертикальной линией, по которой происходит отзеркаливание рисунка с левой на правую половину предмета. Кроме того, метопида — это единственная пластина, почти целиком сохранившая свой изначальный изгиб вокруг головного убора, в отличие от прочих, распрямившихся после истлевания нитей крепления и частично смятых давлением грунта;

тип B: представлен двумя самыми длинными пластинами B1–2, а также десятью фрагментами различной величины и формы. Кроме этого, из пластины этого типа путем подрезания и подгибания сформирована стленгида (B13), имеющая форму дуги, на калафе изогнутая в двух плоскостях;

тип C: представлен двумя пластинами, нашитыми над пластиной B1. Также из пластин этого типа вырезаны четыре фрагмента C3–6, нашиваемые под стленгидой, и еще один узкий треугольник C7, по размерам и, вероятно, по положению аналогичный пластине B12;

тип D: представлен двумя пластинами, нашитыми над пластиной B2. Судя по положению на черепе пластин типа C и типа D, они нашивались таким образом, что стык оказывался спереди, как бы продолжая ось отзеркаливания на метопиде.

1 Семен Алексеевич Володин — Институт археологии РАН, ул. Дмитрия Ульянова, д. 19, Москва, 117292, Российская Федерация; e-mail: volodinsaimon@gmail.com; ORCID: 0000-0003-3681-3241.

2 Константин Сергеевич Окороков — Институт археологии РАН, ул. Дмитрия Ульянова, д. 19, Москва, 117292, Российская Федерация; e-mail: okorokov.arx@mail.ru; ORCID: 0000-0001-7060-6313.

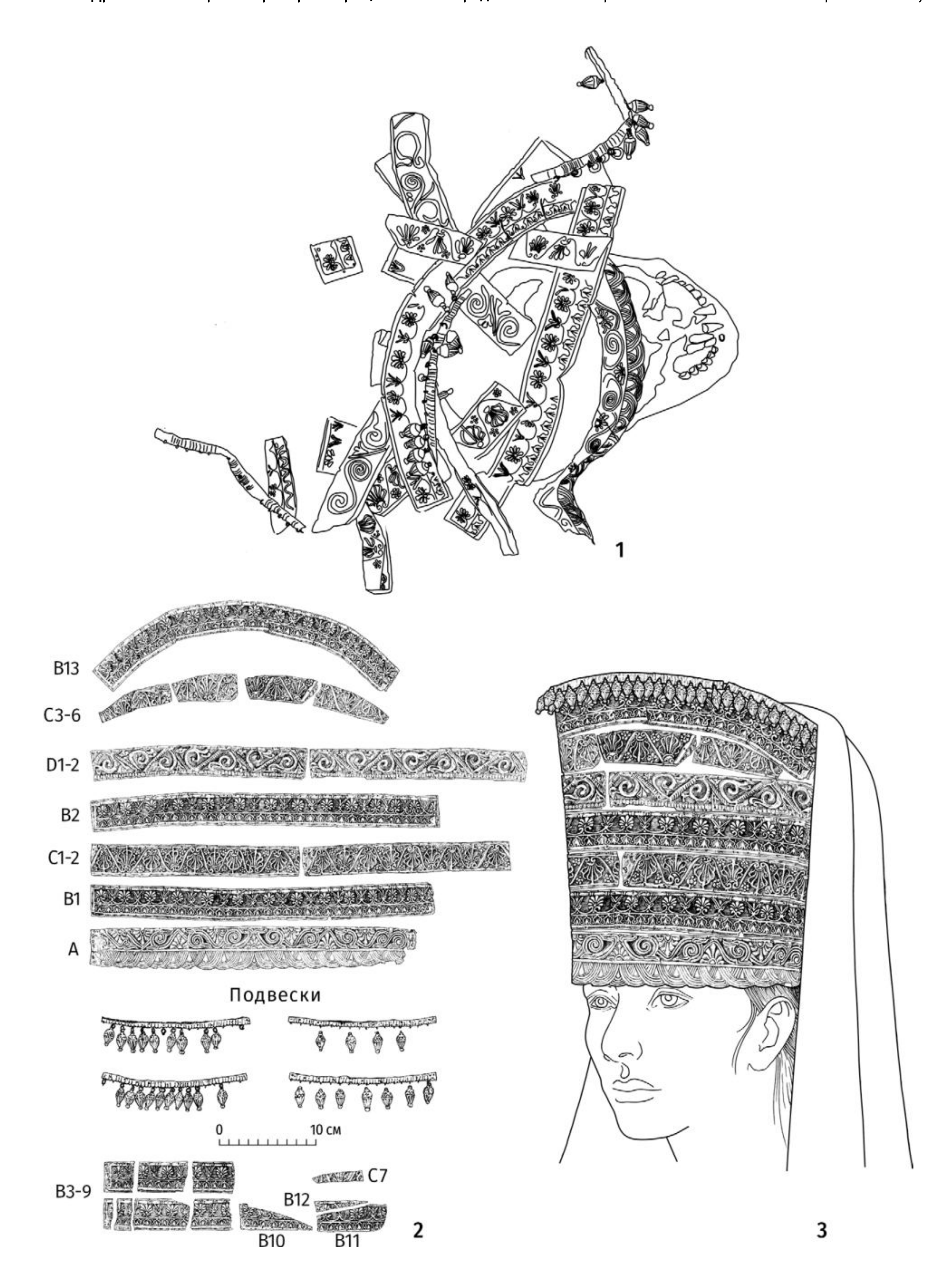

Рис. 1. Калаф из могильника Девица V: *1* — расположение деталей на черепе покойной; *2* — схема типов пластин; *3* — графическая реконструкция (выполнена К. С. Окороковым)

Fig. 1. Calathus from the burial ground Devitsa V: *1* — details arrangement on the deceased's skull; *2* — diagram of plates types; *3* — graphic reconstruction by Konstantin S. Okorokov

Ободки представляют собой четыре несомкнутые трубочки с припаянными петлями для крепления подвесных элементов. По форме, положению отверстий для пришивания и разомкнутой оборотной стороне можно предположить, что они обхватывали круглый выпуклый шов либо деревянную часть каркаса, которым соединялась вертикальная часть тульи с ее крышкой. Вероятно, основная масса подвесок крепилась к передней части головного убора, так как задняя часть, судя по иконографии, могла быть скрыта под покрывалом.

В результате проведенного контекстного и сравнительного анализа выполнена графическая реконструкция **(рис. 1, *3*)**. Получившийся головной убор представляет собой высокую тулью, вероятно расширяющуюся кверху. На органическую несохранившуюся основу, скорее всего с деревянным каркасом (были встречены фрагменты дерева плохой сохранности на внутренней поверхности деталей), нашиты золотые пластины. Последовательность нашивания пластин от нижней к верхней: тип А – В1 – С1-2 – В2 – D1-2 – С3-6 – В13 — ободки с подвесками. Положение подрезанных по дуге фрагментов С3-6 под стленгидой воссоздается благодаря форме абриса, а также нахождению пластин подобной формы в кургане № 8 Песочинского могильника (*Бабенко*, 1999. С. 86, рис. 1, *4*). Фрагменты В10-11 и В12 – С7 парные и, судя по их форме, являются продолжением стленгиды, а именно, нисходящего контура ее верхней кромки.

Положение фрагментов В3-9 неопределимо. Три из них зафиксированы в верхней части расчищенного калафа, частично перекрытые другими пластинами. Вероятнее всего, все они находились на задней части головного убора, дополняя пластины В1-2, поскольку каждая из них короче, чем пара С1-2 или D1-2 на размер, равный ширине фрагментов В3-9. В таком случае калаф должен иметь форму трубы без расширения в верхней части. Вся поверхность калафа в этом случае должна быть обшита без пропусков золотыми пластинами и их фрагментами. С другой стороны, эти фрагменты пластин могут маркировать своеобразные расширительные вставки (от самых узких внизу до самых широких вверху), и в таком случае калаф должен расширяться кверху. Свободные от нашивок участки в задней части калафа в этом варианте вполне могли быть скрыты покрывалом.

Неизвестно, какова была толщина органической основы головного убора, а также каким образом нашивались пластины — встык или внахлест. Впрочем, наличие этих данных внесло бы в реконструкцию лишь незначительную корректировку. Если предположить, что пластины пришивались встык друг к другу, то максимальная высота калафа в верхней точке изгиба составляла 26 см. Диаметр тульи убора возможно определить по общей длине ободков с амфоровидными подвесками. В случае, если они нашивались также встык, обхват составляет 60 см, а диаметр — 19,1 см.

Нужно заметить, что орнаментация калафа из Девицы V представлена исключительно растительными мотивами — розетками, пальметтами, листьями аканфа, лозами. Это выделяет среднедонской калаф среди остальных, на которых обычно присутствуют антропо- или зооморфные изображения (см.: *Алексеев и др.*, 1991. С. 206–211. Кат. 128; *Мозолевський*, 1979. С. 201. Рис. 133; *Скорый, Хохоровски*, 2018. С. 286. Рис. 187).

Скифские женские головные уборы весьма подробно изучены к настоящему времени (*Мирошина*, 1980; 1981; *Клочко*, 1979; 1982; и др.). Однако новые находки калафов неизменно вызывают интерес, так как в целом среди них не существует полного единообразия. Очевидно, что каждое подобное изделие изготавливалось индивидуально, и, вероятно, непосредственно местным населением. Головной убор из Девицы V хорошо демонстрирует это — для его исполнения было привезено всего три вида пластин (исключая метопиду), из которых грубым образом нарезаны необходимые детали, подгонявшиеся именно под этот калаф, бесцеремонно пробиты отверстия для пришивания.

Головной убор из Среднего Подонья может показаться достаточно заурядным в кругу подобных изделий в Северном Причерноморье. Однако нужно заметить, что на данный момент это самая северная находка калафа, а также одна из не немногих, реконструируемых максимально достоверно. Так что мы уверены, что этот предмет займет достойное место в кругу известных скифских женских головных уборов.

Алексеев и др., 1991 — *Алексеев А. Ю., Мурзин В. Ю., Ролле Р.* Чертомлык (скифский царский курган IV в. до н. э.). Киев: Наукова думка, 1991. 416 с.

Бабенко, 1999 — *Бабенко Л. И.* Реконструкция тиары скифского времени из Песочинского курганного могильника // Донская археология. 1999. № 2. С. 85–90.

Гуляев и др., 2020 — *Гуляев В. И., Володин С. А., Шевченко А. А.* Элитный курган скифского времени на Среднем Дону (по материалам раскопок могильника Девица V) // РА. 2020. № 4. С. 21–39.

Клочко, 1979 — *Клочко Л. С.* Реконструкція скіфських головних жіночих уборів // Археологія. 1979. Вип. 31. С. 16–28.

Клочко, 1982 — *Клочко Л. С.* Новые материалы к реконструкции головного убора скифянок // Древности Степной Скифии / Отв. ред. А. И. Тереножкин. Киев: Наукова думка, 1982. С. 118–130.

Мирошина, 1980 — *Мирошина Т. В.* Скифские калафы // СА. 1980. № 1. С. 32–45.

Мирошина, 1981 — *Мирошина Т. В.* Некоторые типы скифских женских головных уборов IV–III вв. до н. э. // СА. № 4. 1981. С. 46–69.

Мозолевський, 1979 — *Мозолевський Б. М.* Товста могила. Київ: Наукова думка, 1979. 252 с.

Скорый, Хохоровски, 2018 — *Скорый С., Хохоровски Я.* Большой Рыжановский курган. Киев: Издатель Олег Филюк, 2018. 431 с.

Reconstruction of a Scythian period *calathus* from the burial ground Devitsa V on the Middle Don area

Semyon A. Volodin[3], Konstantin S. Okorokov[4]

The publication briefly presents the results of the study of a female ceremonial headdress found in a burial of the 4th century BC on the Middle Don. Due to the fact that the gold details were not touched by robbers, quite reliably restore the appearance of the calathus. The originality of this thing in the absence of zoo- or anthropomorphic images on sewn-on plates, traditional for Scythian calathuses. An assumption is made about the local production of this headdress from imported plates.

Keywords: *calathus, headdress, reconstruction, Scythians, Scythian period, Middle Don*

3 Semyon A. Volodin — Institute of Archaeology of the RAS, 19 Dmitry Ulyanov St., Moscow, 117292, Russian Federation; e-mail: volodinsaimon@gmail.com; ORCID: 0000-0003-3681-3241.

4 Konstantin S. Okorokov — Institute of Archaeology of the RAS, 19 Dmitry Ulyanov St., Moscow, 117292, Russian Federation; e-mail: okorokov.arx@mail.ru; ORCID: 0000-0001-7060-6313.

Об одном изображении на золотом перстне из кургана Большая Близница[1]

И. Ю. Шауб[2]

Аннотация. *В статье рассматривается уникальное изображение монстра на щитке золотого перстня IV в. до н. э., найденного в 1864 г. в женском жреческом погребении № 1 кургана Большая Близница, который принадлежал представителям эллинизированной синдской знати. Автор приходит к выводу, что все компоненты этого образа — музицирующая женщина в иконографии сирены, кузнечик, грифон — органически связаны между собой и являют символику, которая в религии боспорян ассоциировалась с культом местной многоипостасной Великой богини и отразила их упования на возрождение и бессмертие.*

Ключевые слова: *античное ювелирное искусство, курган Большая Близница, религия Боспора, монстры, Великая богиня*

https://doi.org/10.31600/978-5-6050962-0-7.107-109

Уникальное изображение, о котором пойдет речь, вырезано на щитке золотого перстня IV в. до н. э. Искусный греческий ювелир изобразил здесь диковинное существо: выше пояса это обнаженная женщина с кифарой в руках, ниже оно имеет туловище кузнечика, заканчивающееся головой грифона. Любопытно, что грифоньи головы украшают также и кифару **(рис. 1)**. Перстень был найден вместе с тремя другими (на двух представлена Афродита, на одном — Артемида) в 1864 г. в женском погребении № 1 кургана Большая Близница (ОИАК, 1865. С. VI–VII). Этот таманский курган принадлежал выходцам из эллинизированной синдской знати. Погребенные здесь женщины были жрицами, причем отнюдь не элевсинского культа, как считал Л. Стефани (*Стефани*, 1873. С. 16), а вслед за ним и многие другие исследователи, но местной многоипостасной Великой богини (*Rostovtzeff*, 1922. P. 80; *Шауб*, 1987; 1999; 2007; 2017). Интересующее нас изображение неоднократно публиковалось (см.: *Артамонов*, 1966. Рис. 282; *Boardman*, 1970. P. 298. Pl. 781) и часто упоминается в соответствующей научной литературе, однако попыток дать ему какое-либо объяснение до сих пор не предпринималось.

Рис. 1. Изображение на золотом перстне из кургана Большая Близница

Fig. 1. An image on a gold ring from the Great Bliznitsa burial mound

Верхняя часть представленного на перстне изображения — музицирующая женщина — наводит на мысль, что художник, создавший этот монстроозный образ, ориентировался на иконографию сирен, хотя и не снабдил его крыльями, характерными для последних. Вероятно, вследствие отсутствия крыльев (хотя бескрылые сирены в античном искусстве изредка встречаются (см.: *Hofstetter*, 1997)), рассматриваемое изображение не фигурирует в работах, посвященных сиренам (Ibid.).

Образ сирены был весьма распространен в Северном Причерноморье, причем на памятниках, связанных как с греческими, так и с варварскими погребальными комплексами. В одном из захоронений херсонесского склепа 1012 в числе прочих украшений была найдена золотая диадема с поме-

1 Исследование проведено в рамках выполнения ФНИ ГАН «Древнейшее наследие Юга России: города, сельские поселения, некрополи, хозяйственные трансформации по естественнонаучным данным» (FMZF-2022-0013).

2 Игорь Юрьевич Шауб — Институт истории материальной культуры РАН, Дворцовая наб., д. 18А, Санкт-Петербург, 191186, Российская Федерация; e-mail: schaubigor@mail.ru; ORCID: 0000-0001-9205-381X.

щенной в центре фигуркой сирены, играющей на лире (*Manzewitsch*, 1932. Taf. I, *3*). Диадема в данном контексте явно выполняла роль жреческого атрибута (*Шауб*, 2017. С. 322). Что касается религиозно-мифологического значения сирен, то одной из главных черт их образа является тесная связь с загробным миром (*Hofstetter*, 1997); та же ассоциация ярко проявляется и на вещественных памятниках: сирен нередко изображали на надгробиях и погребальных сосудах, в том числе тех, которые были найдены на территории Боспора (*Сорокина*, 1960; *Кобылина*, 1967).

Думается, что отнюдь не случайно на этом сакральном украшении (диадеме) фигурирует сирена — монструозное существо, близкое и иконографически, и по своему хтоническому духу и значению к образу змееногой богини — главной ипостаси Великого женского божества, почитавшегося варварами Северного Причерноморья (*Шауб*, 1999; 2007; и др.). Основанием для сближения образов сирены и змееногой богини служит тот факт, что на ряде памятников первая выступает среди пышных побегов растительности (как, в частности, на херсонесской диадеме; см. также: *Кобылина*, 1967), а змеиные ноги богини часто заменяют или дополняют растительные побеги (ярчайший пример — золотой конский налобник из Большой Цымбалки).

Пожалуй, не менее, чем образы сирен, были распространены в искусстве Северного Причерноморья изображения кузнечиков, и это при том обстоятельстве, что «насекомые не играли почти никакой роли в греческом ритуале» (*Кагаров*, 1913. С. 303; ср.: *Davies, Kathirithamby*, 1986). Причем кузнечики представлены на предметах, в подавляющем большинстве найденных в варварских погребениях. Это Чертомлык, курган № 8 группы «Пять братьев» Елизаветовского могильника, Толстая Могила, курган № 8 Песочинского могильника, курган № 22 у совхоза Красный Перекоп, курган № 6 у с. Водославка (*Бабенко*, 2016. С. 92. Рис. 2, *1–8*; 2018). Следует особо подчеркнуть тот факт, что эти насекомые изображены на золотых пластинах, украшавших женские головные уборы типа калафов, которые являлись атрибутами жриц Великой богини (*Шауб*, 2017). Кроме того, кузнечики фигурируют на золотой пекторали из Толстой Могилы; нет сомнения, что это украшение также представляло собою жреческую инсигнию. К этой же группе артефактов можно отнести и подвеску в виде личинки кузнечика из 4-го Семибратнего кургана (*Балонов*, 2009. С. 16). Знаменательно, что в одном из погребений херсонесского склепа 1012 были найдены терракотовые украшения погребального венка, среди которых присутствовали семантически близкие кузнечикам цикады (см.: *Manzewitsch*, 1932. Taf. III, *6*); отметим, что этот венок принадлежал женщине, которая исполняла жреческие функции (*Шауб*, 2017; 2023). Связь этих насекомых с представлениями о бессмертии убедительно продемонстрировал Х. Хоффман (*Hoffmann*, 1997).

Что касается орлиноголового грифона — одного из самых популярных образов греко-варварского искусства Северного Причерноморья (см., например: *Полидович*, 2015; *Терещенко, Шауб*, 2017), то его голова на конце хвоста нашей «сирены» находит прямую аналогию в изображении таких же голов на концах змеиных ног богини, представленной на золотых бляшках из Куль-Обы и золотой пластине из кургана ст. Ивановская на Кубани (*Шауб*, 2007. Рис. 14; 19). Причем, учитывая это наглядное свидетельство связи образа грифона с богиней, можно уверенно предполагать, что отмеченная аналогия является не только композиционной, но и семантической.

Таким образом, изложенные выше факты говорят о том, что все компоненты рассмотренного изображения органически связаны между собой, являя символику, ассоциирующуюся с культом местной Великой богини, и не просто указывают на ее хтонизм, но явно отражают упования обитателей Боспора на возрождение и бессмертие.

Артамонов, 1966 — *Артамонов М. И.* Сокровища скифских курганов. Л.: Советский художник; Прага: Артия, 1966. 120 с.

Бабенко, 2016 — *Бабенко Л. И.* Периферийные персонажи пекторали из Толстой Могилы // Древности. 2016. Вып. 14. С. 90–104.

Бабенко, 2018 — *Бабенко Л. И.* О кузнечиках золотой пекторали из Толстой Могилы // Музейні читання: Матеріали наук. конф. «Ювелірне мистецтво — погляд крізь віки». Київ: Б/в, 2018. С. 37–44.

Балонов, 2009 — *Балонов Ф. Р.* Кузнечики в греческой ювелирной пластике Северного Причерноморья // Ювелирное искусство и материальная культура: Тезисы докладов участников семнадцатого коллоквиума (14–18 апреля 2009). СПб.: Изд-во ГЭ, 2009. С. 16.

Кагаров, 1913 — *Кагаров Е. Г.* Культ фетишей, растений и животных в древней Греции. СПб.: Сенатская типография, 1913. VII, 326 с.

Кобылина, 1967 — *Кобылина М. М.* Форма с изображением сирены из Фанагории // СА. 1967. № 1. С. 168–176.

ОИАК, 1865 — Отчет ИАК за 1864 г. СПб.: тип. Гл. упр. уделов, 1865. 256 с.

Полидович, 2015 — *Полидович Ю. Б.* Грифон в скифской изобразительной традиции // Музейні читання: Матеріали наук. конф. «Ювелірне мистецтво — погляд крізь віки». Київ, Музей історичних коштовностей України — філіал Національного музею історії України, 10–12 листопада 2014 р. Київ: Б/в, 2015. С. 107–126.

Сорокина, 1960 — *Сорокина Н. П.* Навершие боспорского надгробия с фигуркой сирены из собрания ГИМ // Тр. ГИМ. 1960. Т. 37. С. 85–98.

Стефани, 1873 — *Стефани Л.* Гробница жрицы Деметры. СПб.: тип. Гл. упр. уделов, 1873. 20 с. (Керченские древности в Императорском Эрмитаже. Вып. I).

Терещенко, Шауб, 2017 — *Терещенко А. Е., Шауб И. Ю.* Грифон в нумизматике и религии Боспора // Новый Гермес. 2017. № 9. С. 153–168.

Шауб, 1987 — *Шауб И. Ю.* Погребения кургана Большая Близница как источник по истории религиозных представлений жителей Боспорского царства // КСИА. 1987. Вып. 191. С. 27–33.

Шауб, 1999 — *Шауб И. Ю.* Культ Великой богини у местного населения Северного Причерноморья // Stratum plus. 1999. № 3. С. 207–224.

Шауб, 2007 — *Шауб И. Ю.* Миф, культ, ритуал в Северном Причерноморье VII–IV вв. до н. э. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2007. 484 с.

Шауб, 2017 — *Шауб И. Ю.* Боспорское жречество // БИ. 2017. Вып. XXXIV. С. 288–324.

Шауб, 2023 — *Шауб И. Ю.* О погребениях в херсонесском подстенном склепе № 1012 и их интерпретации. В печати.

Boardman, 1970 — *Boardman J.* Greek Gems and finger rings: early Bronze Age to late Classical. New York: H.N. Abrams, [1970]. 458 p.

Davies, Kathirithamby, 1986 — *Davies M., Kathirithamby J.* Greek Insects. Oxford: Duckworth, 1986. 211 p.

Hoffmann, 1997 — *Hoffmann H.* Sotades. Symbols of Immortality on Greek Vases. Oxford: Clarendon Press, 1997. 205 p.

Hofstetter, 1997 — *Hofstetter E.* Seirenes // LIMC. 1997. Bd. VIII. S. 1093–1104.

Manzewitsch, 1932 — *Manzewitsch A.* Ein Grabfund aus Chersonnes. Leningrad: Akademie für Geschichte der Materiellen Kultur; Druck "Iw. Fedorow", 1932. 15 S.

Rostovtzeff, 1922 — *Rostovtzeff M.* Iranians and Greeks in South Russia. Oxford: Clarendon Press, 1922. 260 p.

About one image on a gold ring from the Great Bliznitsa burial mound

Igor Yu. Schaub[3]

The article deals with a unique image of a monster carved on a seal of the golden ring (4th century BC) found in 1864 in the female priestly burial No. 1 of the Bolshaya Bliznitsa burial mound, which belonged to Hellenized Sindian nobility. The author comes to the conclusion that all the components of this image — the siren-like woman playing music, the grasshopper, the griffin — are organically interconnected and show symbolism, which in the Bosporan religion was associated with the cult of the local multi-personal Great Goddess and reflected the hope for rebirth and immortality.

Keywords: *ancient jewelry art, the Great Bliznitsa burial mound, Bosporan religion, monsters, the Great Goddess*

3 Igor Yu. Schaub — Institute for the History of Material Culture of the RAS, 18A Dvortsovaya Emb., St. Petersburg, 191186, Russian Federation; e-mail: schaubigor@mail.ru; ORCID: 0000-0001-9205-381X.

«Канделябр» из раскопок Н. И. Веселовского (курган № 29/1902 у ст. Усть-Лабинская)

М. Ю. Трейстер[1]

Аннотация. *Анализ отдельных элементов бронзового «канделябра» из кургана у ст. Усть-Лабинская показывает, что их, вопреки господствующему мнению, нельзя рассматривать как изделие италийской мастерской I в. н. э. Треножник с низким цилиндром обнаруживает близость подставкам эксалейптронов второй половины VI в. до н. э. Периодом архаики датируется и фигурка сирены, изначально являвшаяся частью фимиатерия. Соединение фигурки с треножником — это результат переделки частей двух разных предметов. Бронзовый светильник I в. н. э. из погребения изначально отношения к рассматриваемому предмету не имел.*

Ключевые слова: *сарматы, «Золотое кладбище», Усть-Лабинская, искусство греческой и этрусской архаики, канделябр, фимиатерий*

https://doi.org/10.31600/978-5-6050962-0-7.110-113

В ограбленном центральном погребении кургана № 29/1902 у ст. Усть-Лабинская среди прочего были найдены «медный треножник, медная лампочка, медная подставка с сиреной» (ОИАК, 1904. С. 78) **(рис. 1)**.

Г. Кизерицкий (*Kieseritzky*, 1903. S. 81, 82. Abb. 1–2), Э. Миннз (*Minns*, 1913. P. 232) и М. И. Ростовцев датировали находку VI в. до н. э. или периодом архаики в целом. По мнению Ростовцева, вероятно, «что и здесь, как и в Зубовском кургане, мы имеем дело с предметом значительно более старого времени, попавшим в гробницу случайно» (*Ростовцев*, 1925. С. 573; *Rostowzew*, 1931. S. 569). Д. С. Герцигер высказала мнение, что предположение Ростовцева ошибочно и «по-видимому, мы имеем дело с образцом архаизирующего стиля раннеимператорского времени» (*Герцигер*, 1984. С. 88). Герцигер и исследователи, обращавшиеся к описанию «канделябра» после нее, указывали, что он состоит из четырех частей (*Герцигер*, 1984. С. 97–99; *Гущина, Засецкая*, 1994. С. 63; *Marčenko, Limberis*, 2008. S. 351, Nr. 53. 5; *Засецкая*, 2010. С. 286), а «в новое время к основанию фигурки **(рис. 1, 2)** был припаян длинный стержень, который вставляется в отверстие воронкообразной подставки. Как соединялись эти две части в древности, неизвестно». Отмечалось также, что к канделябру относился бронзовый светильник с вытянутым рожком на кольцевидной подставке и с ручкой, украшенной напаянной ажурной пластиной (*Герцигер*, 1984. С. 99). В указанных публикациях приводились фотографии собранных вместе частей «канделябра», где светильник был установлен на воронковидную чашечку на голове сирены (*Герцигер*, 1984. С. 98. Табл. V, *20*; *Гущина, Засецкая*, 1994. С. 35, рис. 14; *Marčenko, Limberis*, 2008. S. 321, Abb. 18; *Засецкая*, 2010. С. 287. Рис. 9 вверху). В отличие от современных фотографий, на снимках в отчете Н. И. Веселовского (ОИАК, 1904. С. 79. Рис. 168, *а–б*) и публикации Кизерицкого (*Kieseritzky*, 1903. S. 82. Abb. 1) на воронковидной чашечке на голове сирены расположена круглая пластина, отогнутый вниз край которой украшен рядом ионийского киматия. Как отмечает Герцигер, эта пластина была найдена в погребении, но к моменту публикации оказалась утрачена (*Герцигер*, 1984. С. 98).

Внимательный анализ артефакта показывает следующее. Нижняя часть «канделябра» в виде треножника с поставленным на него низким цилиндром **(рис. 1, *4*)** очень напоминает подставки эксалейптрона *(ἐξάλειπτρον / exaleiptron)*, сосуда редкой формы, который использовали для хранения масел и мазей. Такие подставки с тремя львиными лапами внизу чрезвычайно редки и представлены находками, датирующимися серединой — концом VI в. до н. э. На сегодняшний день известно девять подставок эксалейптронов, в том числе два экземпляра из княжеских погребений некрополя Требениште, из Дельф, Идейской пещеры и Семиколенного кургана у ст. Тульская (*Трейстер*, 2022. С. 46–47 с лит. Рис. 7–10). Приведенные Д. С. Герцигер в качестве параллелей подставки кратеров из Помпей не имеют ничего общего с элементами предмета из Усть-Лабинской.

Правы были Г. Кизерицкий, Э. Миннз и М. И. Ростовцев, отмечавшие архаические черты фигурки сирены **(рис. 1, 2)**. Бронзовый светильник из Помпей (коллекция Борджиа) украшен навершием в виде аналогичной фигурки (*Valenza*, 1972.

1 Михаил Юрьевич Трейстер — независимый исследователь, Бонн, Федеративная Республика Германия; e-mail: mikhailtreister@yahoo.de; ORCID: 0000-0001-7451-3325.

Рис. 1. Бронзовый «канделябр» из кургана № 29/1902 у ст. Усть-Лабинская: *1* — светильник; *2* — фигурка сирены; *3* — общий вид в современной реконструкции; *4* — подставка-треножник (фото П. С. Демидова, Государственный Эрмитаж)

Fig. 1. The bronze "candelabrum" from the burial mound no. 29/1902 near stanitsa Ust'-Labinskaya: *1* — the lamp; *2* — the figurine of a siren; *3* — general view in the modern reconstruction; *4* — the tripod stand (photo by P. S. Demidov, the State Hermitage Museum)

P. 133–137. Fig. 1–3): Н. Валенца, к которой присоединился Б. Рутковски (*Rutkowski*, 1979. S. 190–192. Abb. 15), пришла к выводу, что светильник с фигуркой сирены является памятником греческого, возможно, восточно-греческого искусства самого конца VII — первых десятилетий VI в. до н. э. При этом нижняя часть светильника была справедливо сопоставлена с мраморными светильниками; ближайшие параллели ему обнаруживались среди архаических образцов, украшенных протомами (также новые находки из Селинунта см.: *Böhm*, 2007. S. 51–56. Abb. 50–56; *Chiarenza*, 2017. P. 473. Fig. 4). Подобный бронзовый светильник из Франкавилла Маритима датируют концом VII — началом VI в. до н. э. (Le arti di Efesto, 2002. P. 194, no. 28). Известен и бронзовый светильник второй четверти VI в. до н. э. из Кьяромонте в Басиликата с вместилищем аналогичной формы и вертикальным стержнем, увенчанным фигуркой куроса (*Rolley*, 1986. P. 129. Fig. 109; 132).

В качестве других параллелей фигурке сирены из Усть-Лабинской укажем на бронзовые фигурки VI — начала V в. до н. э.: из святилища Геры Лацинии в Капо Колонна (Кротон) (*Spadea*, 1994. P. 16–18. Tav. V, *e–g*; *Stibbe*, 2001. P. 6–8. Fig. 7–10), с о. Корфу (*Hoffstetter, Krauskopf*, 1997. S. 1095, Nr. 15, начало V в. до н. э.), а также фигурку, часть фибулы, из святилища Артемиды Лимнатис в мессенском Волимосе (*Stibbe*, 2001. P. 25. Fig. 33–35; *Koursoumis*, 2014. P. 196, 199. Fig. 8). Сопоставимы и фигурки сирен подставки зеркала из Гермионе в Арголиде, датирующегося ок. 560–530 гг. до н. э. (*Maaß*, 1979. S. 13–15, Nr. 4; *Congdon*, 1981. P. 98, 129–130. No. 5, pl. 4; *Rolley*, 1986. P. 108, 109. Fig. 81; 112).

Близость к рассматриваемой фигурке обнаруживает и серия бронзовых сосудов (ойнохой и асков) из Греции, Этрурии и Южной Италии второй четверти VI в. до н. э. (*Jacopi*, 1953; *Stibbe*, 2001. P. 26–27. Fig. 38, 39; *Tsiafakis*, 2001. P. 7. Fig. 1, *a–g*; 8–9; Le sirene…, 2010; *Ambrosini*, 2013; 2016), а также архаические терракотовые вазы предположительно родосского производства (*Ducat*, 1966. P. 54–55. Pl. VIII, *3, 4*; X, *1*). Пряди волос, спускающиеся на грудь сирены, находят параллель на фрагментированной мраморной скульптуре с Делоса (*Hermary*, 2020. P. 70–73. Fig. 20–22).

Таким образом, есть все основания датировать фигурку сирены из Усть-Лабинской около середины VI в. до н. э. Соответственно, она является одним из древнейших произведений греческой бронзовой пластики, найденных в Северном Причерноморье. Чашеобразное навершие фигурки сирены свидетельствует о том, что она, скорее всего, изначально была частью фимиатерия, подобно терракотовой фигурке Ники в Музее Гетти (первые десятилетия V в. до н. э.) с таким навершием с ажурной конической крышкой с фигуркой птицы наверху (Meisterwerke…, 1997. P. 79: 86.AD.681). Фрагмент аналогичной крышки был найден в святилище Геры Лацинии в Капо Колонна (Кротон) (*Spadea*, 1994. P. 11. No. 7. Fig. 12; 31, note 29 с аналогиями, в том числе с афинской агоры). Если треножник-подставка и фигурка сирены связаны между собой, то это результат переделки частей двух разных предметов. Бронзовый светильник I в. н. э. из погребения **(рис. 1, *1*)** (ОИАК, 1904. С. 178–179. Рис. 166, 167; *Засецкая*, 2010. С. 287. Рис. 9 внизу) никакого отношения к рассматриваемому предмету изначально не имел.

Герцигер, 1984 — *Герцигер Д. С.* Античные канделябры в собрании Эрмитажа // Культура и искусство античного мира. 1984. № 6. С. 83–99 (Тр. ГЭ. Т. XXIV).

Гущина, Засецкая, 1994 — *Гущина И. И., Засецкая И. П.* «Золотое кладбище» римской эпохи в Прикубанье. СПб.: Фарн, 1994. 172 с.

Засецкая, 2010 — *Засецкая И. П.* Древности Прикубанья римской эпохи // Античное наследие Кубани. Т. III / Отв. ред.: Г. М. Бонгард-Левин, В. Д. Кузнецов. М.: Наука, 2010. С. 276–292.

ОИАК, 1904 — Отчет ИАК за 1902 г. СПб.: тип. Гл. упр. уделов, 1904. 199 с.

Ростовцев, 1925 — *Ростовцев М. И.* Скифия и Боспор. Критическое обозрение памятников литературных и археологических. Л.: РАИМК, 1925. VI, 621 с.

Трейстер, 2022 — *Трейстер М. Ю.* Семиколенный курган у станицы Тульская с находками греческих бронзовых сосудов VI–V вв. до н. э. К вопросу о происхождении «майкопского сокровища» // МАИАСП. 2022. № 14. С. 41–75.

Ambrosini, 2013 — *Ambrosini L.* Vasellame metallico configurato a sirena: contatti ed influenze tra Etruria, Grecia e Magna Grecia // BABESCH. 2013. Vol. 88. P. 55–87.

Ambrosini, 2016 — *Ambrosini L.* La sirena in Etruria, Grecia e Magna Grecia attraverso l’analisi del vasellame metallico configurato // Sirene. Atti del VI ciclo di conferenze ‘Piano di Sorrento. Una storia di terra e di mare’ Sezione Sirene 2013 / A cura di C. Pepe, C. Rescigno, F. Senatore. Roma: Scienze e lettere, 2016. P. 63–97.

Böhm, 2007 — *Böhm S.* Dädalische Kunst Siziliens. Würzburg: Ergon, 2007. 100 S.

Chiarenza, 2017 — *Chiarenza N.* Una lucerna in marmo e altri reperti di eta arcaica da un’area sacra

sull'acropoli di Selinunte // RM. 2017. Bd. 123. P. 469–493.

Congdon, 1981 — *Congdon L. O. K.* Caryatid Mirrors of Ancient Greece. Technical, Stylistic and Historical Considerations of an Archaic and Early Classical Bronze Series. Mainz: Zabern, 1981. 288 p.

Ducat, 1966 — *Ducat J.* Les vases plastiques rhodiens archaïques en terre cuite. Paris: De Boccard, 1966. 223 p. (BEFAR. 209).

Hermary, 2020 — *Hermary A.* Sculptures archaïques de Délos: deux lions, une sirène et deux oiseaux // BCH. 2020. T. 144.1. P. 43–106.

Hoffstetter, Krauskopf, 1997 — *Hoffstetter E., Krauskopf I.* Seirenes // LIMC. 1994. Bd. VIII. 1997. S. 1093–1104.

Jacopi, 1953 — *Jacopi G.* Un vaso plastico in bronzo da Crotone // ACl. 1953. Vol. 5. P. 10–22.

Kieseritzky, 1903 — *Kieseritzky G.* Funde in Südrußland // AA. 1903. S. 81–85.

Koursoumis, 2014 — *Koursoumis S.* Revisiting Mount Taygetos: The Sanctuary of Artemis Limnatis // BSA. 2014. Vol. 109. P. 191–222.

Le arti di Efesto, 2002 — Le arti di Efesto. Capolavori in metallo dalla Magna Grecia / A cura di A. Giumlia-Mair, M. Rubinich. Trieste: Silvano, 2002. 320 p.

Le sirene…, 2010 — Le sirene di Kroton / A cura di D. Marino. Crotone: Soprintendenza per i beni archeologici della Calabria, 2010. 36 p.

Maaß, 1979 — *Maaß M.* Antikenmuseum München. Griechische und römische Bronzewerke. München: C. H. Beck, 1979. 72 S.

Marčenko, Limberis, 2008 — *Marčenko I. I., Limberis N. J.* Römische Importe in sarmatischen und maiotischen Denkmälern des Kubangebietes // Simonenko A. V., Marčenko I. I., Limberis N. J. Römische Importe in sarmatischen und maiotischen Gräbern. Mainz: Zabern, 2008. S. 267–400 (Archäologie in Eurasien. Bd. 25).

Meisterwerke…, 1997 — Meisterwerke im J. Paul Getty Museum. Kunst der Antike / Ed. by C. Hudson. Los Angeles: The J. Paul Getty Museum, 1997. 127 S.

Minns, 1913 — *Minns E. H.* Scythians and Greeks: A Survey of Ancient History and Archaeology on the North Coast of the Euxine from the Danube to the Caucasus. Cambridge: University Press, 1913. xl, 662 p.

Rolley, 1986 — *Rolley C.* Greek Bronzes. Fribourg: Office du Livre S. A., 1986. 267 p.

Rostowzew, 1931 — *Rostowzew M. I.* Skythien und der Bosporus. Bd. 1. Berlin: H. Schoetz & Co, 1931. 651 S.

Rutkowski, 1979 — *Rutkowski B.* Griechische Kandelaber // JdI. 1979. Bd. 94. S. 174–222.

Spadea, 1994 — *Spadea R.* Il tesoro di Hera // BdA. 1994. T. 88. P. 1–34.

Stibbe, 2001 — *Stibbe C. M.* La Sfinge, la Gorgone e la Sirena // BdA. 2001. Vol. 116. P. 1–38.

Tsiafakis, 2001 — *Tsiafakis D.* Life and Death at the Hands of a Siren // Studia Varia from the J. Paul Getty Museum. 2001. Vol. 2. P. 7–24.

Valenza, 1972 — *Valenza N.* Lucerna di bronzo arcaica della Collezione Borgia nel Museo Nazionale di Napoli // BdA. 1972. Vol. 57. P. 133–137.

The "candelabrum" excavated by Nikolay I. Veselovsky in the burial mound no. 29/1902 near stanitsa Ust'-Labinskaya

Mikhail Yu. Treister[2]

The analysis of some elements of the bronze "candelabrum" from the burial mound near stanitsa Ust'-Labinskaya shows that, contrary to the prevailing opinion, this artifact cannot be considered as a product of an Italian workshop of the 1st century AD. The tripod with a low cylinder shows affinity to the exaleiptron stands of the second half of the 6th century BC. The Archaic period is also dated to the figurine of a siren, originally a part of the thymiaterium. The combination of the figurine with the tripod is the result of later remodelling of the parts of two different objects. The bronze lamp of the 1st century AD from the burial was not originally related to this object.

Keywords: *Sarmatians, "Golden Cemetery", Ust'-Labinskaya, archaic Greek and Etruscan art, candelabrum, thymiaterium*

2 Mikhail Yu. Treister — independent researcher, Bonn, Federal Republic of Germany;
e-mail: mikhailtreister@yahoo.de; ORCID: 0000-0001-7451-3325.

Скифские конструкции из человеческой кожи: попытка интерпретации

В. А. Кисель[1]

Аннотация. *В «Истории» Геродота упомянуты конструкции, изготавливаемые скифскими воинами из палок и человеческой кожи. Эти изделия скифы возили на лошадях. Никаких подробных пояснений Геродот не дал. Однако близкие сюжеты встречаются в некоторых античных письменных источниках. На основании привлеченного этнографического материала высказывается предположение, что конструкции являлись символическим средством защиты. Они предназначались для отражения воздействия вредоносных сил. Аналогией являются магические щиты североамериканских индейцев. И хотя они изготавливались не из человеческой кожи, назначение было то же.*

Ключевые слова: *скифы, Геродот, человеческая кожа, магия*

https://doi.org/10.31600/978-5-6050962-0-7.114-116

В IV книге «Истории» Геродота упомянуты необычные кожано-деревянные конструкции, изготавливаемые скифскими воинами. Из текста следует: «Многие [скифы. — *В. К.*] снимают с людей всю кожу целиком и, растянув ее на палках, возят на лошадях» (Hdt. IV. 64; *Доватур и др.*, 1982. С. 123). Никаких подробностей или пояснений автор не дал. Однако в античных письменных источниках можно выявить некоторые параллели.

Помпоний Мела в «Описательной географии» указал на обычай соседнего скифам народа: «Гелоны покрывают человеческими кожами своих коней и самих себя, первых — кожей с остального тела, а себя — головной» (Mela. II. 14; *Латышев*, 1904. С. 123). Правда, это наблюдение, скорее, соответствует другим скифским изделиям — накидкам из скальпов. Об этих накидках Геродот написал: «Многие из них делают из содранной [с головы. — *В. К.*] кожи верхние плащи с тем, чтобы носить, сшивая их, словно овчины» (Hdt. IV. 64; *Доватур и др.*, 1982. С. 123). В то же время в «Истории» есть два фрагмента, более подходящих сообщению о конструкциях. В первом рассматривается вооружение восточных эфиопов и отмечается: «Вместо щитов они держали перед собой как прикрытие журавлиные кожи» (Hdt. VII. 70). Во втором, посвященном обзору африканских народов, о маках говорится: «На войне они носят для защиты страусовую кожу» (Hdt. IV. 175).

Сведения Геродота перекликаются с рассказами Теофраста и Клавдия Элиана о животном таранде (лось, северный олень?), шкура которого отличалась прочностью и использовалась для изготовления защитного вооружения. Теофраст указал: «Кожа толщиной в палец и очень крепка, почему ее высушивают и делают из нее панцири» (Theophr. De aquis. 172; *Латышев*, 1890. С. 388). Клавдий Элиан дополнил это свидетельство: «Скифы обтягивают его шкурой свои щиты и считают ее надежной защитой от копий» (Aelian. II. 16; *Латышев*, 1900. С. 601).

Сходное сообщение оставил Павсаний относительно экипировки мессенцев и аркадян: «…панцирь и щит из них имел не всякий, а те, у кого их не было, накидывали на себя козьи или овечьи шкуры или же шкуры диких животных, особенно горные аркадяне, которые были одеты в волчьи и медвежьи шкуры» (Paus. IV. 11).

Перечисленные примеры находят соответствия в древнегреческой мифологии. Атрибут Зевса — эгида — представлял собой шкуру козы Амалфеи, молоком которой он был вскормлен. Согласно Гигину, «когда Зевс в дерзновении молодости вознамерился сражаться с Титанами, ему было пророчество, что, если он хочет победить, он должен вести битву под прикрытием козьей шкуры и головы Горгоны» (Hygin. De Astronomia. II. 13). У Лактанция имеется пояснение: «Шкуру этой козы Юпитер использовал для щита во время войны с титанами» (Lact. Inst. I. 39).

Афина, по Псевдо-Аполлодору, приобрела эгиду в результате победы над козлоподобным крылатым гигантом Паллантом. В «Мифологической библиотеке» сказано: «…она же содрала с Палланта кожу и покрывала ею свое тело во время сражения» (Apollod. I. 6). Аналогичным образом поступил Геракл: убив Киферонского льва, «он надел на себя его шкуру, а пастью пользовался как шлемом» (Apollod. II. 3).

1 Владимир Антониевич Кисель — Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН, Университетская наб., д. 3, Санкт-Петербург, 199034, Российская Федерация; e-mail: kisel@kunstkamera.ru; ORCID: 0000-0002-7498-4837.

Все приведенные отрывки указывают на то, что скифские конструкции из человеческой кожи наделялись защитными свойствами. Но если шкуры диких животных и КРС имеют значительную толщину и при соответствующей обработке способны уберечь от холодного оружия, то ни человеческая кожа, ни птичья кожа, ни шкуры МРС для такой цели не пригодны. Вероятно, их применение являлось магическим средством. Это может проиллюстрировать этнографический материал.

Согласно мировоззрению хантов, медведь считался их родственником и наделялся двумя сущностями: звериной — в виде мяса и костей, и человеческой — в виде шкуры (*Кулемзин*, 2004. С. 195).

У африканских народов при проведении обрядов перехода (рождение, инициация, вступление в брак, усыновление) требовалось надевать на тело человека куски шкуры козы или овцы. Смысл такого действия раскрывался в ритуале «второго рождения», когда мать и ребенок, обмотанные полосой шкуры и внутренностями животного, имитировали козу и новорожденного козленка (*Фрэзер*, 1989. С. 246–255). Тем самым облачение в шкуру уподобляло человека зверю, имевшего особую значимость в культуре.

Близкие представления существовали у тюркских и монгольских народов, судя по одному из традиционных способов лечения. Больного оборачивали в шкуру только что зарезанных козы, овцы, коровы или жеребенка, причем шерстью наружу (*Юдахин*, 1985. С. 244; *Фиельструп*, 2002. С. 199; *Дашиев*, 2004. С. 326). Очевидно, считалось, что человек может выздороветь (возродиться к жизни) через символическое превращение в зверя[2].

Нельзя не упомянуть и первую рубашку, в которую заворачивали младенца. У разных народов она носит особое название: у абхазов — «медвежья», у чеченцев — «перьевая», у тюрок — «собачья» (*Чеснов*, 2007. С. 110).

Таким образом, большинство сведений, почерпнутых из античных письменных источников, отражает поверья о шкурах/кожах как апотропее. Не исключено, что непрочные кожные покровы, которые применялись в вооруженных столкновениях, выступали символом духа-помощника воинского союза или отдельного воина. Аналогично можно трактовать изделия скифов, изготовленные из жердей и человеческой кожи. Скорее всего, они являлись условной преградой, предназначенной отражать воздействие вредоносных сверхъестественных сил. Применение кожи, снятой с человека (врага?), демонстрировало овладение воином сущностью противника, его мистическим потенциалом.

Согласно Геродоту, скифский герой в полном магическом наборе выглядел впечатляюще. Завернутый в сшитый из скальпов плащ, он выезжал верхом на коне, узда которого была увешана скальпами. В его вооружение входили колчан, обтянутый кожей с правой руки вместе с ногтями, и большой «щит» из кожи, снятой с человека целиком (Hdt. IV. 64; *Доватур и др.*, 1982. С. 123).

Несмотря на всю экзотичность вида скифского героя, в этнографии известны аналогии. Среди них наиболее показательными являются традиции населения Великих равнин Северной Америки. Общеизвестно пристрастие индейцев к добыче скальпов побежденных противников, которые вывешивались на шестах, в жилищах, крепились к костюмам. Помимо этого индейцы активно использовали специальные щиты, выступавшие магической преградой для темных сил (*Котенко*, 1997. С. 112; *Стукалин*, 2008. С. 310–313). И хотя внешне они отличались от скифских конструкций (форма напоминала круг, человеческая кожа не применялась), обе категории предметов служили одной цели.

Подводя итог, можно высказать предположение, что упомянутые Геродотом изделия из палок и человеческой кожи служили скифам магическими щитами, оберегавшими владельца от негативного влияния потустороннего мира.

Дашиев, 2004 — *Дашиев Д. Б.* Медицина // Буряты / Отв. ред.: Л. Л. Абаева, Н. Л. Жуковская. М.: Наука, 2004. С. 317–327 (Народы и культуры).

Доватур и др., 1982 — *Доватур А. И., Каллистов Д. П., Шишова И. А.* Народы нашей страны в «Истории» Геродота: тексты, перевод, комментарий. М.: Наука, 1982. 455 с. (Древнейшие источники по истории народов СССР).

Котенко, 1997. — *Котенко Ю.* Индейцы Великих равнин. М.: Изд. дом «Техника — молодежи», 1997. 158 с.

Кулемзин, 2004 — *Кулемзин В. М.* О хантыйских шаманах. Тарту: Отделение фольклористики ЭЛМ, 2004. 210 с.

Латышев, 1890 — *Латышев В. В.* Известия древних писателей греческих и латинских о Скифии и Кавказе. Т. I. СПб.: тип. Императорской АН, 1890. 948 с.

Латышев, 1900 — *Латышев В. В.* Известия древних писателей греческих и латинских о Скифии и Кавказе. Т. I. Вып. 3. СПб.: тип. Императорской АН, 1900. 395 с.

Латышев, 1904 — *Латышев В. В.* Известия древних писателей греческих и латинских о Скифии

2 Правда, это обертывание часто объяснялось рациональным стремлением вызвать обильный пот.

и Кавказе. Т. II. Вып. 1. СПб.: тип. Императорской АН, 1904. 271 с.

Стукалин, 2008. — *Стукалин Ю.В.* Энциклопедия военного искусства индейцев Дикого Запада. М.: Яуза; ЭКСМО, 2008. 688 с. (Войны Дикого Запада).

Фиельструп, 2002 — *Фиельструп Ф. А.* Из обрядовой жизни киргизов XX века. М.: Наука, 2002. 300 с.

Фрэзер, 1989 — *Фрэзер Дж. Дж.* Фольклор в Ветхом завете [Пер. с англ.] / [Предисл. и коммент. С. А. Токарева]. М.: Политиздат, 1989. 542 с. (Библиотека атеистической литературы).

Чеснов, 2007 — *Чеснов Я. В.* Телесность человека: философско-антропологическое понимание. М.: ИФ РАН, 2007. 213 с.

Юдахин, 1985 — *Юдахин К. К.* Киргизско-русский словарь. Фрунзе: Советская энциклопедия, 1985. Кн. 1. 504 с.

Scythian structures made of human skin: an attempt of interpretation

Vladimir A. Kisel[3]

In the “History” of Herodotus, constructions made by Scythian warriors from sticks and human skin are mentioned. The Scythians carried these products on horseback. Herodotus did not give any detailed explanations. However, similar plots are found in some ancient written sources. Based on the ethnographic material involved, it is suggested that the constructions were a symbolic means of protection. They were designed to repel the effects of harmful forces. An analogy is the magic shields of the North American Indians. And although they were not made from human skin, the purpose was the same.

Keywords: *Scythians, Herodotus, human skin, magic*

3 Vladimir A. Kisel — Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography (the Kunstkamera) of the RAS, 3 Universitetskaya Emb., St. Petersburg, 199034, Russian Federation; e-mail: kisel@kunstkamera.ru; ORCID: 0000-0002-7498-4837.

Инвентарный комплекс из Марьинского кургана

А. Н. Нехонов[1]

Аннотация. *Автор рассматривает предметы из инвентарного комплекса кургана у станицы Марьинской (правый берег Кубани), раскопанного Н. И. Веселовским в 1912 г. Вещи поступили из ГАИМК в Эрмитаж в 1926 г. Сравнение отчета Н. И. Веселовского, описи находок, актов передачи и записи в инвентарях ставит вопрос о достоверности происхождения некоторых предметов из Марьинского кургана. Украшения, античные импорты и керамика местного производства не вызывают сомнений, так как их изображения были опубликованы в ОАК. Вещи, не публиковавшиеся ранее, рассмотрены несколько подробнее. Отдельно перечислены фигурирующие в отчете и описи предметы, местонахождение которых пока неизвестно. Обращается внимание на происхождение двурожковых вилочек из прикубанского памятника, обычно соотносимых с погребальными комплексами Европейской Скифии.*

Ключевые слова: *Прикубанье, меоты, скифы, Марьинский курган, двурожковые вилочки*

https://doi.org/10.31600/978-5-6050962-0-7.117-120

В 1912 году Н. И. Веселовский раскопал курган у станицы Марьинской (ныне — Марьянская), расположенной в 20 км от Екатеринодара (ныне Краснодар) на правом берегу р. Кубань. В опубликованном и рукописном отчетах станица названа Марьевской (ОИАК, 1916. С. 50), объяснений этому в Архиве ИИМК не найдено — вероятно, это описка. Оригиналы рисунков кургана для Отчета ИАК подписаны: «ст. Маріинская» (НА ИИМК РАН. РО. Р-1. Оп. 1. 1912. Д. 419. Л. 2). По всей видимости, современное название кургана — «Дымная могила». Курган, зарегистрированный в ЕГРОКН (№ 231640677090006) с таким названием, подходит под описание кургана у ст. Марьинская: он высокий, с уплощенным верхом, как указывает Веселовский, «срезанный для установки тригонометрического знака» (ОИАК, 1916. С. 50); на спутниковых фотографиях также видна глухая траншея, идущая к центру кургана с юга. В публикациях встречено мнение, что название «Дымная могила» использует сам Н. И. Веселовский (*Иванов и др.*, 2020. С. 98), но это не так.

Погребальная камера кургана представляла собой большую и глубокую яму с двойным деревянным потолком, опиравшимся на столбы из бревен. К камере с юга шел широкий ход. В камере были обнаружены костяки 12 людей, погребенных в разное время (ОИАК, 1916. С. 50).

В 1916 г. инвентарный комплекс кургана был опубликован (Там же. С. 51–57). Согласно Отчету ИАК, предметы должны были передаваться в Императорский Эрмитаж и Исторический музей (Там же. С. 101), но реально вещи поступают в Эрмитаж в 1926 г. Коллекция из Марьинского кургана была занесена в инвентарь «Ку» под шифром «Ку. 1912–3», а в 1980 г. была перешифрована в коллекцию 2550[2].

Большую часть вещевого комплекса составляет керамический материал.

Античные импорты. Тарная посуда представлена двумя амфорами, которые были определены как фасосские[3], одна из амфор (2550/24) на момент публикации имела ножку (Там же. С. 55. Рис. 77, *слева*), которая теперь отсутствует. Образцы расписной керамики включали двурожковый светильник, три сетчатых лекифа и чернолаковую солонку (*Монахов и др.*, 2019. С. 61). Еще в собрании есть обломок аскоса (ОИАК, 1916. С. 54. Рис. 74), а также горлышко лекифа **(рис. 1, *1*)**, сопоставимого по размерам и декору с одним из вышеупомянутых сетчатых лекифов (*Монахов и др.*, 2019. С. 61, рис. 46, *5*).

Керамика *местного производства* включает: сероглиняный канфар (Там же. С. 62), шесть кувшинов, шесть мисок, две тарелочки, три крышки, горшок, две чашки, два больших кувшина (ОИАК, 1916. С. 54–55. Рис. 71–73, 75, 76). Еще один большой кувшин **(рис. 1, *2*)** и горшочек с короткой шейкой и ручками-налепами **(рис. 1, *3*)** в ОИАК отсутствуют. Если кувшин мог отсутствовать из-за затянувшейся

1 Александр Николаевич Нехонов — Государственный Эрмитаж, Дворцовая наб., д. 34, Санкт-Петербург, 190000, Российская Федерация; e-mail: nehonov@hermitage.ru; ORCID: 0000-0003-3633-2755.

2 Приношу благодарность Т. В. Рябковой за предоставление доступа к коллекции и всестороннюю помощь.

3 Третья амфора, определенная С. Ю. Монаховым по полевой фотографии как родосская, в Эрмитаже не обнаружена.

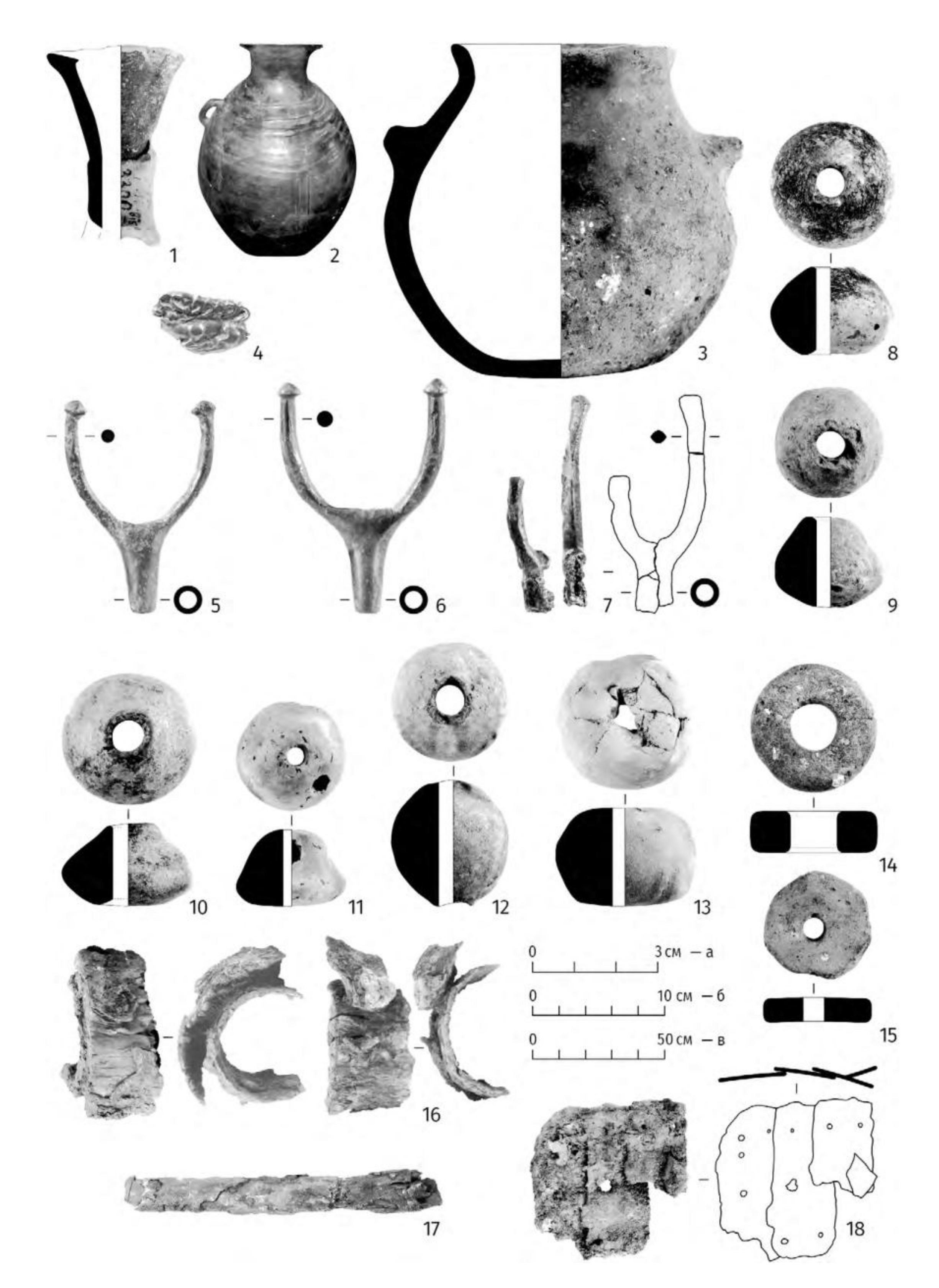

Рис. 1. Марьинский курган. Вещи из коллекции 2550 (Государственный Эрмитаж): *1* — горлышко лекифа; *2* — кувшин; *3* — горшок; *4* — бляшка; *5–7* — двурожковые вилочки; *8–15* — пряслица; *16* — ступицы колес; *17* — фрагмент клинка; *18* — фрагмент ламеллярного доспеха. *1–3, 8–15* — глина; *4* — золото; *5–7* — бронза; *16–18* — железо. Масштаб: *а — 1*, *3–15*, *18*; *б — 16, 17*; *в — 2*

Fig. 1. Mari'nsky burial mound. Items from the collection 2550 (The State Hermitage Museum): *1* — neck of lekythos; *2* — jug; *3* — pot; *4* — plaque; *5–7* — two-horned forks; *8–15* — spindle whorl; *16* — wheel hubs; *17* — fragment of the blade; *18* — fragment of a lamellar armour. *1–3, 8–15* — clay; *4* — gold; *5–7* — bronze; *16–18* — iron. Scale: *а — 1*, *3–15*, *18*; *б — 16, 17*; *в — 2*

реставрации, то причина отсутствия на иллюстрациях горшочка ввиду его хорошей сохранности неясна, и это ставит его атрибуцию под вопрос.

Украшения были наиболее полно описаны Н. И. Веселовским. Среди них были: оплетенная золотой проволокой подвеска-амулет, предположительно изображающая Имхотепа (*Тураев*, 1913. С. 128–132); подвески из золотой проволоки с янтарем[4]; подвеска в виде двух золотых колечек с гроздьями; золотой перстень с янтарной вставкой; 16 золотых бляшек с оттиснутым лицом (ОИАК, 1916. С. 55. Рис. 79, 81). Золотая бляшка в виде фигуры оленя влево с маленькой петелькой на обороте **(рис. 1, *4*)**, вероятно, атрибутирована ошибочно, так как не упоминается ни в отчете, ни в описи.

Бронзовый сосуд, имеющийся в хранении, несколько отличается от изображения в ОИАК, так как он был опубликован до реставрации (Там же. С. 53, рис. 70). В описи № 21 акта передачи из ГАИМК 1926 г. следом за бронзовым сосудом указаны «Три ручки бронзовые вилкообразные с шишечками на концах». В наши дни этот тип артефактов известен как *двурожковые вилочки (Фиалко, Болтрик*, 2000. С. 287), которые ручками не являются. Две бронзовые вилочки **(рис. 1, *5, 6*)** имеют сквозное отверстие во втулке и шишечки на рожках биконической формы, заметны следы доработки после отливки. Третья бронзовая вилочка **(рис. 1, *7*)** отличается от предыдущих шириной, наличием граней и формой окончания рожка — вместо шишечки у нее утолщение ближе к концу. Все три сопоставимы по своим размерам с уже известными вилочками (Там же. С. 288. Табл. 1).

Пряслиц в отчете и описи было указано пять экз. **(рис. 1, *8–12*)**, сейчас в хранении их восемь. Имеются три дополнительных пряслица: два из них **(рис. 1, *13, 14*)**, вероятно, были названы Н. И. Веселовским «глиняными бусами», обнаруженными «у головы № 4» (ОИАК, 1916. С. 56), а одно пряслице, сделанное из стенки керамического сосуда, могло быть обнаружено среди прочих обломков керамики **(рис. 1, *15*)** (Там же. С. 53).

К коллекции также относятся: железные *ступицы колес* повозки с остатками дерева на них **(рис. 1, *16*)**; железный обломок *клинка*[5] **(рис. 1, *17*)**, вероятно с остатками ножен из дерева; железный фрагмент *ламеллярного доспеха* **(рис. 1, *18*)**.

Значительная часть вещей известна нам только на бумаге. В коллекции отсутствуют упомянутые в отчете Н. И. Веселовского и присутствующие в описи: рога и ноги оленя; медные пряжка, спираль и большое кольцо; железный перстень; три целых однотипных медных браслета и одна половина; две низки гагатовых[6] и низка глиняных позолоченных бус; железные топоры; четыре железных меча; бронзовые, железные и костяные наконечники стрел; точильный брусок (ОИАК, 1916. С. 51, 56–57). Также в описи указаны две позиции, которые в тексте отчета никак не представлены: «золотые украшения» и «железные мечи» (сверх уже перечисленных) (НА ИИМК РАН. РО. Ф. 1. 1912. Д. 75. Л. 13). Имеет место и обратная ситуация, когда вещи упомянуты в отчете, но в описи их нет. Это каменная плита и таранные кости овцы[7]. Наконечник копья на рисунках изображен, но ни в текст отчета, ни в опись не попал (ОИАК, 1916. С. 52. Рис. 68; НА ИИМК РАН. РО. Ф. 1. 1912. Д. 75. Л. 5, рис. 2). Было бы справедливо предположить, что имеются вещи, описанные в ОИАК и хранящиеся в Эрмитаже, но лишенные «марьинской» атрибуции. При передаче из ГАИМК значительное количество предметов было указано как вещь «неизвестного происхождения». Среди них есть и мечи, и наконечники стрел, и множество других артефактов — часть из них может происходить из кургана у ст. Марьинская.

Инвентарный комплекс Марьинского кургана в целом сопоставим с синхронными ему погребальными памятниками этого региона. Из общего ряда выбиваются двурожковые вилочки — Е. Е. Фиалко и Ю. В. Болтрик в своей статье подчеркивают их скифскую принадлежность (*Фиалко, Болтрик*, 2000. С. 287, 294). Хронологические рамки формирования памятника по данным керамического материала — V–III в. до н. э. (*Монахов и др.*, 2019. С. 62) — частично совпадают с периодом бытования вилочек: с IV в. до н. э. по I в. н. э. (*Фиалко, Болтрик*, 2000. С. 294). Редкое для памятников Кубани использование предметов, более характерных для скифской культуры Поднепровья, дает возможность предположить, что двурожковые вилочки бытовали более широко, чем принято считать.

4 В Отчете ИАК — три бусины (ОИАК, 1916. С. 55. Рис. 79), до наших дней сохранилась лишь одна янтарная бусина.

5 Из ГАИМК поступил как «два обломка рукоятки железного меча».

6 В отчете «гешировые».

7 В отчете «кочики».

НА ИИМК РАН. РО. Р-I. Оп. 1. 1912. Д. 419: Ст. Марьевская. 3 л.

НА ИИМК РАН. РО. Ф. 1. Оп. 1. 1912. Д. 75: Кубанская обл. О раскопках Н. И. Веселовского в 1912 году. 15 л.

Иванов и др., 2020 — *Иванов А. В.*, *Ларенок П. А.*, *Подорожный А. А.* О горизонте второй–третьей четверти VI в. до н. э. поселения Марьянское 1 в Нижнем Прикубанье // АВ. 2020. Вып. 30. С. 97–115.

Монахов и др., 2019 — *Монахов С. Ю.*, *Кузнецова Е. В.*, *Чистов Д. Е.*, *Чурекова Н. Б.* Античная амфорная коллекция Государственного Эрмитажа VI–II вв. до н. э. Саратов: Амирит, 2019. 352 с.

ОИАК, 1916 — Отчет ИАК за 1912 г. Пг.: тип. Гл. упр. уделов, 1916. 130 с.

Тураев, 1913 — *Тураев Б. А.* Фигурка Имхотепа, найденная в Кубанской области // Известия ИАК. 1913. Вып. 49. С. 128–132.

Фиалко, Болтрик, 2000 — *Фиалко Е. Е., Болтрик Ю. В.* Двурожковые вилочки из погребальных памятников Скифии // Скифы и сарматы в VII–III вв. до н. э.: палеоэкология, антропология и археология / [Отв. ред.: В. И. Гуляев, В. С. Ольховский]. М.: ИА РАН, 2000. С. 287–296.

Inventory complex of the Mar'insky kurgan

Alexander N. Nekhonov[8]

The author deals with the inventory complex of the burial mound near stanitsa Mar'inskaya (the right bank of the Kuban River) excavated by Nikolay I. Veselovsky in 1912. The items were transferred in 1926 from the State Academy of History of Material Culture to the State Hermitage. Comparing Veselovsky's report, the inventory of finds, the museum acts and records in the inventories, the author calls into question reliability of the relation of some objects to the Mari'nsky inventory complex. Jewellery, Attic pottery and locally produced ceramics are beyond doubt as their images have been published in the Reports of the Archaeological Commission. Items that have not been published before are described more precisely. The artifacts appearing in the report and inventory, the location of which is unknown, are listed additionally. Special attention is drawn to the origin of the two-horned forks from the Kuban site usually related to the burial complexes of Scythia.

Keywords: *Kuban region, Meotians, Scythians, the Mari'nsky burial mound, two-horned forks*

8 Alexander N. Nekhonov — The State Hermitage Museum, 34 Dvortsovaya Emb., St. Petersburg, 190000, Russian Federation; e-mail: nehonov@hermitage.ru; ORCID: 0000-0003-3633-2755.

Сосуд из раскопок Н. И. Веселовского 1898 г.

Ю. И. Ильина[1]

Аннотация. *Статья посвящена редкому сосуду из раскопок Н. И. Веселовского возле Ульского аула в Кубанской области в 1898 г. В кургане № 2 были найдены фрагменты аттического чернофигурного сосуда, аналогичного по форме и принципу использования сосуду из Лувра. Эти редкие сосуды привлекали пристальное внимание исследователей, полагавших, что они использовались как винный насос или для полива пола палестры. Эти сосуды назвали сифонами. В работе греческой исследовательницы Е. Кефалиду их название и использование были пересмотрены. На основании анализа сообщений древних авторов было предложено называть их клепсидрами. Их использовали для возлияний при отправлении различных культов или для имитации дождя. Роспись сосуда исполнена аттическим мастером второй половины VI в. до н. э.*

Ключевые слова: *раскопки Н. И. Веселовского 1898 г., 2-й Ульский курган, сосуд для возлияний с чернофигурной росписью, клепсидра*

https://doi.org/10.31600/978-5-6050962-0-7.121-124

Летом 1898 г. Н. И Веселовский проводил раскопки в Кубанской области, где были раскопаны два кургана возле Ульского аула[2] (НА ИИМК РАН. РО. Ф. 1. Оп. 1. 1898. Д. 60. Л. 49об.). Все находки планировалось передать в Императорский Российский Исторический музей. Однако находки из кургана № 2 возле Ульского аула было решено передать в Императорский Эрмитаж. В списке вещей, передаваемых в Эрмитаж, отмечены 10 бронзовых колокольчиков и черепки глиняных расписных ваз[3] (Там же. Л. 64), из которых 20 мая 1904 г. переданы один колокольчик и черепки глиняных расписных ваз (ГЭ. Архив ОАМ. Синие описи за 1904 г. Л. 25). В документе они названы «поломанный терракотовый сосуд с чернофигурными изображениями» (Там же). В процессе подготовки отчета о раскопках Н. И. Веселовский выделил фрагменты, принадлежащие одному сосуду, и реконструировал его роспись, подобрав фрагменты и форму по аналогии с сосудом из собрания Лувра (ОИАК, 1901. С. 32. Рис. 47а, 47б). Этот интересный сосуд привлек внимание Г. Е. Кизерицкого (*Kieseritzky,* 1901. S. 57).

Сосуд имеет тулово округлой формы на невысоком кольцевом поддоне с дырочками на дне. Ручка в виде полой дугообразной трубки с круглым отверстием в центре прикрепляется к плечикам. Роспись исполнена в чернофигурном стиле. На одной стороне — Дионис с рогом изобилия в окружении пляшущих сатира и менады **(рис. 1, *1а*)**. На другой стороне — сцена ухаживания мужчины и юноши с фигурами по сторонам **(рис. 1, *1б*)**. Под ручками изображены петухи. В последней публикации был детально рассмотрен стиль росписи и ее сюжеты (*Ксенофонтова*, 2006. С. 39–40). После недавней реставрации стало возможным еще раз обратиться к определению вазописца. Такие вопросы, как определение категории сосуда и его назначение, до сих пор остаются дискуссионными, поэтому остановимся на них подробнее.

Сосуды подобной формы редки, известно всего 18 целых экземпляров. Принцип их заполнения достаточно ясен и не вызывает разногласий. Древние мастера хорошо знали закон равновесия жидкости и умело его использовали. Сосуд опускался в большую емкость, наполненную жидкостью, и в силу этого закона жидкость проникала через отверстия на дне и заполняла его, поднимаясь вверх **(рис. 1, *2*)**. Так как постоянное давление было направлено снизу вверх, то воздух выходил через единственное отверстие, находящееся в центре ручки. Когда сосуд наполнялся, то закрывали пальцем отверстие в ручке, чем обеспечивали атмосферное давление, достаточное для удержания жидкости внутри. Сосуд можно было перемещать. Если открыть отверстие в ручке, позволив давлению действовать сверху вниз, то жидкость будет вытекать через отверстия на дне. Этот принцип использовался и в сосудах иной формы — ойнохои, канфары (*Deonna*, 1909).

Следует отметить, что сосуды, действовавшие по этому принципу, были известны в Средиземноморье начиная с эпохи бронзы и до VI в. н. э., и греки не были их изобретателями. Однако ученые

1 Юлия Ивановна Ильина — Государственный Эрмитаж, Дворцовая наб., д. 34, Санкт-Петербург, 190000, Российская Федерация; e-mail: iouliaiilyina@gmail.com; ORCID: 0009-0002-0070-6612.

2 На эти работы было ассигновано 3800 рублей, из которых рабочим выплачено 2700 рублей (НА ИИМК РАН. РО. Ф. 1. Оп. 1. 1898. Д. 60. Л. 49об.).

3 В деле имеется рукописная приписка (НА ИИМК РАН. РО. Ф. 1. Оп. 1. 1898. Д. 60. Л. 64).

Рис. 1. Чернофигурный сосуд из 2-го Ульского кургана (*1а, 1б*) и реконструкция (*2*): *1а* — сосуд, сторона А, *1б* — сосуд, сторона Б (ГЭ, инв. № Ку 1898 1-2); *2* — реконструкция (вид сбоку и дно)

Fig. 1. Black-figure vase from 2nd Ulsky mound (*1а, 1б*) and reconstruction (*2*): *1а* — vessel, side A, *1б* — vessel, side Б (The State Hermitage Museum, inv. No. Ку 1898 1-2); *2* — reconstruction (side and bottom view)

обратили на них внимание лишь после публикации сосуда из Лувра в 1899 г. (*Pottier*, 1899. P. 7–8. Fig. 6). Э. Потье предположил, что сосуд мог использоваться в качестве душа или для того, чтобы прибить пыль на полу палестры, и отметил, что жидкость должна была проливаться в виде дождя. Автор первой публикации неправильно описал принцип действия сосуда, и вскоре появился критический отклик на эту публикацию (*Clermont-Ganneau*, 1899). Указывалось, что жидкость не могла вливаться через небольшое отверстие в ручке, так как она моментально вытекала бы через отверстия на дне. Сосуд наполнялся через отверстия на дне при погружении в сосуд с жидкостью под действием давления. В том же году Р. Цан предположил, что подобные сосуды использовались для разливания и процеживания вина одновременно (*Zahn*, 1899. P. 343–344). Предположение, выдвинутое Р. Цаном, поддержал Б. В. Фармаковский, публикуя новую необычную находку из Ольвии (ОИАК, 1914. С. 20).

Эти мнения о назначении подобных сосудов укоренились в науке, и в последующих публикациях сосуды, как правило, называли сифонами или винными насосами (*Скуднова*, 1988. С. 18; *Ксенофонтова*, 2006. С. 39). Однако появилась работа, специально посвященная греческому названию и назначению этих сосудов (*Κεφαλιδου*, 2002–2003). Отмечалось, что имеющиеся в нашем распоряжении письменные свидетельства не позволяют называть данные сосуды сифонами, так как древние сифоны имели трубку без сита. Они служили для перекачивания жидкости из одного сосуда в другой. Такие приспособления были хорошо известны в Египте с XII–XI вв. до н. э. Сосуды с ситом на дне следует называть клепсидрами. Их принцип действия и форма описаны у Эмпедокла (Emped. B 100). Возможно, аналогичный сосуд упоминается и в комедии Аристофана «Осы» (Aristoph. Vesp. 858). Однако не исключено, что этот термин следует рассматривать для обозначения самого действия, производимого при помощи такого сосуда под воздействием гидростатического и атмосферного давления. И только у Аристофана впервые мы встречаем название «клепсидра» применительно к водяным часам, которые использовались в суде (Aristoph. Acharn. 693). Термин употреблялся как для сосудов, так и для водяных часов вплоть до VI в. н. э.

Было высказано несколько предположений об использовании этих сосудов. Их нельзя отнести к многочисленной группе сосудов-загадок. В нашем случае нет никакой загадки. Рассмотрим две основные версии.

Первая версия: сосуд использовали для поднятия вина со дна кратеров. Для этой цели служили киафы, бронзовые и глиняные, а также ойнохои. Они часто изображались древними вазописцами (*Richter, Milne*, 1935. P. 7, 8, 13). Для процеживания вина применяли бронзовые ситечки, которые также часто встречаются. Примечательно, что на более чем сотни изображений симпосия на греческих вазах мы не видим ни одного изображения подобного метода извлечения вина из кратера или иного сосуда. Было очень неудобно использовать его для этих целей, так как жидкость стекала по стенкам, а многочисленные капли, вытекающие из дна, больше обрызгивали участников застолья, чем попадали в чашу для питья — килик. Подобные действия вызвали бы гнев, как это показано на килике Дуриса из Вюрцбурга (*Beazley*, 1963. P. 444). Отверстия в дне достаточно велики по сравнению с очень мелкими отверстиями в ситечках, для того чтобы хорошо процеживать вино и в то же время насыщать его воздухом.

Вторая версия: использование сосудов в качестве душа для омовения в палестре и/или борьбе с пылью на полу. Она основывается на том, что жидкость вытекает каплями. Однако небольшой объем сосуда (250–650 см^3) очень мал для таких целей. Жидкость (вода, вино, молоко, ароматические вещества), вытекавшая из сосуда каплями, могла использоваться для ритуального омовения или возлияния.

Последнее предположение наиболее вероятно, так как большинство сосудов найдено в погребениях или же в святилище хтонических богов в Элевсине. Известно, что в погребальной процессии впереди шла женщина со специальным сосудом для возлияний на могиле, которые совершались в третий, девятый и тридцатый день после смерти. В годовщину смерти родственники приходили на могилу и повторяли ритуальные возлияния. Использование клепсидры для возлияний в Элевсине, возможно, обусловлено тем, что именно этот сосуд позволял имитировать дождь, который очищал и удобрял землю.

Из 18 известных сосудов 10 происходят из погребений. И только для двух из них (из Элевсина и из погребения в Ольвии) известен археологический контекст, подтверждающий их использование в погребальных обрядах. Сосуд из 2-го Ульского кургана является еще одним важным дополнением. В подробном отчете Н. И. Веселовского указано, что фрагменты сосуда были найдены в северной части в центре погребения рядом со столбовыми ямками (НА ИИМК РАН. РО. Ф. 1. Оп. 1. 1898. Д. 60. Л. 18–18об.). Отсюда можно сделать вывод, что культовое назначение клепсидр не вызывает сомнения.

НА ИИМК РАН. РО. Ф. 1. Оп. 1. 1898. Д. 60: О раскопках проф. Н. И. Веселовского в Кубанской области. 71 л.

Ильина, 2007 — *Ильина Ю. И.* Культовый сосуд из Ольвии // Боспорский феномен: сакральный смысл региона, памятников, находок: Материалы междунар. науч. конф. / Отв. ред. В. Ю. Зуев. СПб.: Изд-во ГЭ, 2007. Ч. 2. С. 100–106.

Ксенофонтова, 2006 — *Ксенофонтова И. В.* Чернофигурный сифон из Ульского кургана № 2 1898 г. (к вопросу о греко-варварской торговле конца VI — первой половины V в. до н. э.) // Международные отношения в бассейне Черного моря в скифо-античное время. Ростов-н/Д: Б/и, 2006. С. 39–43.

ОИАК, 1901 — Отчет ИАК за 1898 г. СПб.: тип. Гл. упр. уделов, 1901. 198 с.

ОИАК, 1914 — Отчет ИАК за 1911 г. СПб.: тип. Гл. упр. уделов, 1914. 123 с.

Скуднова, 1988 — *Скуднова В. М.* Архаический некрополь Ольвии: Публикация одной коллекции. Л.: Искусство, 1988. 183 с.

Beazley, 1963 — *Beazley J. D.* Attic-red Figure Vase-Painters. 2nd ed. Vol. I–III. Oxford: Clarendon Press, 1963. 2036 p.

Clermont-Ganneau, 1899 — *Clermont-Ganneau M.* Une “Eponge Américaine” du VI ème siècle avant notre ère // RA. 1899. Vol. XXXIV. P. 323–328.

Deonna, 1909 — *Deonna W.* Vases à surprise et vases à puiser le vin // Bulletin de l’Institut national génevois. 1909. Vol. 38. P. 207–233.

Κεφαλιδου, 2002–2003 — *Κεφαλιδου Ε.* ΤΙΣ ΕΣΤΙΝ; ΟΥΧΙ ΚΛΕΨΥΔΡΑ; (Αριστοφάνης, Σφῆκες, 858): Μια ομάδα ιδιόμορφων αγγείων της αρχαϊκής εποχής / ΕΓΝΑΤΙΑ. 2002–2003. Vol. 7. P. 61–107.

Kieseritzky, 1901 — *Kieseritzky G. von.* Funde in Südrussland. Archäologischer Anzeiger // Jahrbuch des Kaiserlich Deutschen Archäologischen Institut. 1901. Bd. XVI. S. 55–57.

Pottier, 1899 — *Pottier E.* Nouvelles Acquisitions du Louvre // RA. 1899. Vol. XXXIV. P. 7–8.

Richter, Milne, 1935 — *Richter G., Milne M.* Shapes and Names of Athenian Vases. New York: Metropolitan Museum of Art, 1935. XXIV, 32 p., pl.

Zahn, 1899 — *Zahn R.* Zur Midas Vase aus Eleusis // Mitteilungen des Deutschen Archäologischen Instituts. Athenische Abteilung. 1899. Vol. XXIV. S. 339–344.

A vessel from the excavations by Nikolay I. Veselovsky in the year 1898

Yulia I. Ilyina[4]

The article is devoted to a rare black-figure vases. One of them was found in 1898 in the 2nd Ulsky mound. The vase similar in shape and principle of operation to the vessel from Ulsky mound is deposited in Louvre. These peculiar vases attracted the researchers’ attention. It is believed that they were used as a wine pump or for watering the floor. These vases were called siphons. In the work of the Greek researcher E. Kefalidou, their name and usage were revised. Based on an analysis of the information from ancient authors, it was proposed to call them clepsydra. They were used for same kind of funerary ceremony — libations, or for rituals that imitate rain. Vessels were painted by an Attic master of the second half of the 6th century BC.

Keywords: *Nikolay I. Veselovsky’s archaeological excavations in 1898, 2nd Ulsky mound, black-figure vessel for a libation, clepsydra*

4 Yulia I. Ilyina — The State Hermitage Museum, 34 Dvortsovaya Emb., St. Petersburg, 190000, Russian Federation; e-mail: iouliaiilyina@gmail.com; ORCID: 0009-0002-0070-6612.

«Курганы Веселовского» на территории Красногвардейского и Шовгеновского районов Республики Адыгея[1]

В. Р. Эрлих[2]

Аннотация. *Автор сделал попытку локализовать на территории Красногвардейского и Шовгеновского районов современной Адыгеи ряд курганов, известных по отчетам Н. И. Веселовского.*
Ключевые слова: *Адыгея, курганы, Н. И. Веселовский*

https://doi.org/10.31600/978-5-6050962-0-7.125-128

В 1985 г. я впервые попал в Кавказскую экспедицию музея Востока, возглавляемую А. М. Лесковым. Ее база находилась в равнинном Закубанье, в поселке Ульского пенькозавода в Шовгеновском районе Адыгеи (тогда — Адыгейской АО). Вокруг нашей базы простирались поля с большим количеством курганов, среди которых выделялись самые крупные, как правило, нераспаханные насыпи со следами раскопа траншеей. Старшие коллеги называли их «курганы Веселовского». Далее я попытаюсь сопоставить ряд этих курганов с отчетами Н. И. Веселовского.

В Красногвардейском районе Адыгеи наиболее известны Ульские курганы, исследованные Н. И. Веселовским в 1898, 1908 и 1909 г. Они расположены в ауле Уляп к северу от автодороги Красногвардейское — Шовгеновское. В настоящее время из 10 насыпей сохранилось восемь, из них четыре имеют характерные для раскопок Веселовского глухие траншеи к югу. В западной части группы выделяется останец Большого Ульского кургана и расположенного к северу от него кургана 2, раскопанных Веселовским в 1898 г. Подавляющее большинство материалов этих раскопок хранится в ГИМ, и их сопоставление с этими насыпями не вызывает сомнений. Также хорошо известно местоположение кургана, на котором во времена Веселовского находилось черкесское кладбище, — его Веселовский не копал. Это 10-й Ульский курган, исследованный А. М. Лесковым и попавший на топоплан 1982 г. (Ульские курганы…, 2015. С. 89. Рис. 32).

В то же время определение точного местоположения остальных курганов и их сопоставление с материалами, хранящимися в Эрмитаже, вызвали ряд вопросов. По версии А. М. Лескова, раскопки 1908 г. Веселовский начал с восточной стороны группы и три восточных кургана (по Лескову, это курганы 1908/1–3) отнес к ранней хронологической группе (Там же. С. 88, 94. Рис. 32). Однако при повторных раскопках, предпринятых автором этих строк в 2007 г., в насыпи самого восточного кургана группы в траншее Веселовского был обнаружен ряд золотых предметов, практически полностью идентичных украшениям, входящим в комплекс самого богатого кургана Ульской группы 2/2009 г. и находящимся в фондах Эрмитажа (*Erlikh*, 2010. P. 56, 57. Fig. 10; *Эрлих*, 2010. С. 125; Ульские курганы…, 2015. С. 123). Необходимо отметить, что сопоставление комплекса, открытого в самом восточном кургане группы в 2007 г., с комплексом кургана 2/1909 г, хранящимся в Эрмитаже, полностью противоречит сведениям отчета Н. И. Веселовского 1909 г. Из него следует, что курган 2/1909 г. относился к группе из четырех курганов, «примыкающей к тому Большому кургану, который был раскопан 1898 г.», будучи при этом «ближе к Большому, высотой до 4 м» (ОИАК, 1913. С. 147–148; НА ИИМК РАН. РО. Ф. 1. Оп. 1. 1909. Д. 41. Л. 162–163). Объяснить это противоречие я пока не могу.

К кургану 5/1909 г. Веселовский отнес курган высотой 6,5 м, расположенный «отдельно от описанной группы, в версте от нее к Ю», который «принадлежал по внешнему виду к другому типу». «Курган носит у местных черкесов название "Иван-курган"» (ОИАК, 1913. С. 152). Данный курган был обнаружен нашими разведками 1988 г. на пашне Красногвардейского откормочного комплекса, в 800 м к югу от колхозного двора в ауле Уляп. Курган входил в группу из двух курганов «Уляп-9». Насыпь большего кургана 1 имела глухую траншею с юга, высота кургана на тот момент составляла 5,2 м, а размеры основания насыпи — 75 × 65 м (НОА ИА РАН. Ф. I. № 12894. С. 118). Материалы этого кургана — глиняные статуэтки, модельки

1 Работа выполнена при поддержке РНФ, грант № 22-18-00108.

2 Владимир Роальдович Эрлих — Государственный музей Востока, Никитский бульвар, д. 12а, Москва, 119019, Российская Федерация; e-mail: verlikh@bk.ru; ORCID: 0000-0002-4060-5819.

люльки и кибитки — относятся к среднему бронзовому веку (III тыс. до н. э.) и представлены в каталоге выставки «Бронзовый век. Европа баз границ» (Бронзовый век…, 2013. С. 422–424, кат. 124). В том же 1909 г. Веселовский также провел раскопки на территории огорода черкеса Абдул-Кады «по обрыву, обращенному к реке Лабе», т. е. в северо-восточной части аула; там ему «попадались битые черепки глиняной посуды» (ОИАК, 1913. С. 155, 156). Как показала шурфовка, произведенная в 2008 г., на этом краю террасы находится меотское поселение.

В 1910 г. Н. И. Веселовский копает на территории самого Ульского аула. Он «воспользовался предложением одного местного черкеса раскопать курган на его дворовом участке в самом ауле, смотря по результатам работ <…> Курган по внешнему виду принадлежал к древне-скифским» (Там же. С. 156). Курган с «траншеей Веселовского» обнаружен нами в западной части аула во время разведок в 1988 г. Он входил в группу из шести насыпей, расположенных на подворьях усадеб по улицам Колхозной и Кузнечной (курганный могильник «Уляп-2»). Курган 5 этой группы имел траншею шириной 10–15 м, идущую через его центр с юга на север (НОА ИА РАН. Ф. I. № 12894. С. 116; *Эрлих*, 1993. С. 104). Как показала публикация материалов из этого кургана, хранящихся в фондах Эрмитажа, курган относится к келермесскому периоду — второй половине VII в. до н. э., в нем также встречены находки из впускного погребения, относящегося к I в. до н. э. — II в. н. э. (*Галанина*, 1999. С. 58–67).

Курган у хут. Штурбино, частично раскопанный Веселовским в 1899 г., высотой 9,6 м (ОИАК, 1902. С. 41–42) расположен между аулом Уляп и хутором Штурбино, справа от трассы, ведущей из аула. Курган входит в состав могильника «Штурбино I», состоящего из шести курганов, вытянутых с запада на восток. Курган Веселовского, имеющий глухую траншею с юга, — самый большой из них, восточный. По данным нашей разведки 1988 г., он имел размеры в основании 90×60 м и высоту останца около 8 м (НОА ИА РАН. Ф. I. № 12894. С. 126).

На территории современного Шовгеновского района Н. И. Веселовский копал в 1899 г. Все эти раскопки велись в юрте аула Хатажукаевского. По-видимому, этот выбор оказался не случаен и был определен удачными раскопками в 1897 г. знаменитого Майкопского кургана Ошад (Вошад). Название последнего связано с черкесским преданием о пяти братьях: Вошаде, Ариме, Ченчауашхе, Голясыже и Чимдеже, героически спасавших похищенную разбойником Кужобом сестру Сусарь. Братьев предавали погребению на месте их гибели и воздвигали там курганы, самые большие в данной местности. Впервые это предание было опубликовано М. Харламовым в «Кубанском сборнике» за 1912 г. (*Харламов*, 1912. С. 409)[3], однако оно наверняка было известно и Веселовскому в конце 90-х годов XIX века, так как собственное имя кургана «Вошад» фигурирует на ряде ранних карт местности. По этому же преданию, два брата — Чимдеж и Голясыж — были похоронены возле Хатажукаевского аула. Интересно, что при проведении разведок в Шовгеновском районе в 1987 г. с целью составления списка памятника археологии В. Г. Самоленко, тогда сотрудником вновь созданного филиала Музея Востока в г. Майкопе, топонимы, связанные с данным преданием, в окрестностях аула Хатажукай еще существовали. Так курган, имевший собственное название Колясыж (Голясыж), находился в 2,6 км к северу от хутора Дорошенко и 4 км к юго-западу от аула Хатажукай (НОА ИА РАН. Ф. I. № 12383. С. 330). Этот останец кургана высотой около 10 м, стоящий на берегу р. Ульки, по-видимому, можно соотнести с курганом на участке И. П. Харина, имевшим первоначальную высоту около 13 м. Курган достаточно крутой, на что указывал и Веселовский, и имеет «глухую траншею» с северной стороны — хотя, согласно отчету Веселовского, она была с запада (ОИАК, 1902. С. 47). В этом кургане Веселовским было обнаружено три захоронения. Одно — богатое впускное погребение зубовско-воздвиженской группы, датируемое И. И. Гущиной и И. П. Засецкой I–II вв. н. э. (*Гущина, Засецкая*, 1989. С. 88). Второе — впускное погребение, судя по молоточковидной булавке (ОИАК, 1902. С. 50. Рис. 98), относящееся к среднему бронзовому веку (III тыс. до н. э.). Основное же безынвентарное погребение «на материке без могилы» (Там же. С. 51), скорее всего, можно соотнести с майкопской культурой.

Второй объект, который копал Веселовский в этом же сезоне в окрестностях Хатажукая, — это цитадель городища Чемдеж в пойме р. Ульки (у местного населения оно также считалось могилой одного из пяти братьев). Под этим названием оно и фигурирует в отчете о разведках В. Г. Самойленко в 1987 г. (НОА ИА РАН. Ф. I. № 12383. С. 331). Цитадель этого городища высотой около 12 м и максимальной длиной по подошве около 100 м имеет огромную заплывшую траншею-раскоп с юга, что напоминает раскопочный «почерк» Веселовского. В отчете Веселовского за 1899 г. мы находим описание раскопок «огромного кургана,

3 Искренне благодарю Ю. Ю. Пиотровского, обратившего мое внимание на эту публикацию.

сильно растянутого с С на Ю». Веселовский отмечал, что «курган окружен глубоким рвом, имеющим не совсем правильную форму, с небольшим понижением на западной стороне». Этот «курган был насыпан тонкими слоями, из коих некоторые были толщиной в палец, другие достигали толщины 0,12–0,17 м. Эти слои местами перестланы осокой, иногда покрыты золой и углями, иногда имели красный (кирпичный) вид от огня». Кроме этого Веселовский указал, что в нижней части раскопа «между слоями попадались в громадном количестве черепки глиняной посуды самых разнообразных форм и разнообразной глины (черной, желтой, красной, серой), стекло, бусы, бронзовые фибулы, бронзовые кнопки от лошадиной сбруи скифского типа, глиняные грузила. Из черепков можно отметить один чернолаковый с желтыми фигурами, блюдце на трех ножках, пряслица и пращевой камень» (ОИАК, 1902. С. 51). Возможно, в нижней части траншеи Веселовский столкнулся со слоями поселения либо ритуального комплекса скифского времени на кургане эпохи бронзы, расположенном под цитаделью. О последнем свидетельствует упоминание могилы со скорченным погребением (Там же. С. 51–52). В 50 м от площадки городища Чемдеж к северу, в низине, находился курганный могильник Уашхиту-2, состоящий из двух курганов, раскопанных нами в 1989 г. (*Эрлих, Кожухов*, 1991. С. 111). Курган под цитаделью, скорее всего, входил в ту же группу. В 1990 г. за пределами рва в восточной напольной части городища нами были заложены два шурфа, которые дали материалы первых веков н. э. (Там же. С. 123. Табл. 8, *1–18*). В этом же году была зачищена верхняя часть короткой стороны траншеи Веселовского. Зачистка показала, что цитадель в верхней своей части состоит из субструкционных прослоек, не имеющих культурных остатков. Это слои плотной обожженной глины, которые чередуются с более рыхлой супесью. Толщина прослоек стандартна: слой глины 5–7 см, супеси — 10 см. Таким образом, этот «загадочный» для Веселовского курган представлял собой типичное городище с «вышкой» — цитаделью, характерной для меотских городищ первых веков н. э.

НА ИИМК РАН. РО. Ф. 1. Оп. 1. 1909. Д. 41: О раскопках проф. Н. И. Веселовского в Кубанской обл.

НОА ИА РАН. Ф. I. № 12383: Отчет Кавказской археологической экспедиции ГМИНВ за 1987 г. М., 1988.

НОА ИА РАН. Ф. I. № 12894: Отчет Кавказской археологической экспедиции ГМИНВ за 1988 г. М., 1989.

Бронзовый век…, 2013 — Бронзовый век. Европа без границ. Четвертое — первое тысячелетия до н. э.: каталог выставки / Под ред. Ю. Ю. Пиотровского. СПб.: Чистый лист, 2013. 648 с.

Галанина, 1999 — *Галанина Л. К.* Ульский курган (раскопки Н. И. Веселовского в 1910 г.) // АСГЭ. 1999. Вып. 34. С. 58–67.

Гущина, Засецкая, 1989 — *Гущина И. И., Засецкая И. П.* Погребения зубовско-воздвиженского типа из раскопок Н. И. Веселовского в Прикубанье (I в. до н. э. — начало II в. н. э.) // Археологические исследования на юге Восточной Европы. М.: ГИМ, 1989. С. 71–141 (Тр. ГИМ. Вып. 70).

ОИАК, 1902 — Отчет ИАК за 1899 г. СПб.: тип. Гл. упр. уделов, 1902. 184 с.

ОИАК, 1913 — Отчет ИАК за 1909 и 1910 гг. СПб.: тип. Гл. упр. уделов, 1913. 289 с.

Ульские курганы…, 2015 — Ульские курганы. Культово-погребальный комплекс скифского времени на Северном Кавказе / Под ред. А. И. Иванчика и А. М. Лескова. М.; Берлин; Бордо: Палеограф, 2015. 178 с. (Степные народы Евразии / Steppenvölker Eurasiens. Т. VI / Bd. VI; Corpus tumulorum Scythicorum et Sarmaticorum).

Харламов, 1912 — *Харламов М.* История возникновения и развития г. Майкопа в связи с историей Закубанского края // Кубанский сборник. 1912 год / Под ред. А. Т. Соколова. Екатеринодар: тип. Кубанского Обл. Правления, 1912. С. 387–456 (Тр. Кубанского Областного Статистического Комитета. Т. XVII).

Эрлих, 1993 — *Эрлих В. Р.* К хронологии Ульских курганов // Вторая Кубанская археологическая конференция: Тезисы докладов / Отв. ред. И. И. Марченко. Краснодар: Краснодарский государственный историко-археологический музей-заповедник им. Е. Д. Фелицына, 1993. С. 105.

Эрлих, 2010 — *Эрлих В. Р.* Раскопки кургана Ульской группы в 2007 году // Материальная культура Востока. 2010. Вып. 5. С. 117–137.

Эрлих, Кожухов, 1991 — *Эрлих В. Р., Кожухов С. П.* Погребения сарматского времени из курганного могильника Уашхиту-2 // Древности Северного Кавказа и Причерноморья / [Отв. ред. А. П. Абрамов]. М.: Эвтектика, 1991. С. 111–126.

Erlikh, 2010 — *Erlikh V. R.* Recent Investigation of the Ulski Kurgans // Achaemenid Impact in the Black Sea. Communication of Powers / Ed. by J. Nieling, E. Rehm. Aarhus: Aarhus University Press, 2010. P. 47–65 (Black Sea Studies. Vol. 11).

The "Veselovsky's Kurgans" in Krasnogvardeysky and Shovgenovsky districts of the Republic of Adygea

Vladimir R. Erlikh[4]

The author tries to localize a number of burial mounds known from the reports by Nikolay I. Veselovsky in Krasnogvardeysky and Shovgenovsky districts of the contemporary Republic of Adygea.

Keywords: *Adygea, burial mounds, Nikolay I. Veselovsky*

4 Vladimir R. Erlikh — The State Museum of Oriental Art, 12a Nikitsky Blvd., Moscow, 119019, Russian Federation; e-mail: verlikh@bk.ru; ORCID: 0000-0002-4060-5819.

Работы Н. И. Веселовского в станице Костромской в 1897 г.: продолжение исследований

Т. В. Рябкова[1]

Аннотация. *Статья посвящена обзору работ Южно-Кубанской экспедиции Государственного Эрмитажа. В 1897 г. под руководством Н. И. Веселовского были исследованы Разменные курганы. Самый известный — 1-й Разменный (Костромской) — вошел в число эталонных памятников скифской архаики. Недостаток достоверных сведений, обусловленный методикой раскопок глухой траншеей и проблемами в полевой фиксации, послужил причиной повторного исследования. Спустя 110 лет курганы были обнаружены, работа по исследованию памятников региона ведется по сей день.*

Ключевые слова: *Кубань, станица Костромская, Н. И. Веселовский, Разменные (Костромские) курганы, Тарасова Балка, скифская культура, современные раскопки*

https://doi.org/10.31600/978-5-6050962-0-7.129-132

Большая часть профессиональной деятельности Н. И. Веселовского связана с Кубанью. Несмотря на выдающиеся заслуги в науке, он приобрел мировую известность в первую очередь как археолог. Начало исследований на Кубани было вызвано широко распространившимися в 1880-е гг. грабительскими раскопками (*Тихонов*, 2009. С. 363), противопоставить которым надо было «систематическое исследование курганов Кубанской области» (ОИАК, 1900. С. 2). Н. И. Веселовский писал о распространившихся на Кубани в 1880-х гг. грабительских раскопках: «При отсутствии охраны, при полном послаблении со стороны мировых судей, раскопка курганов развилась там до чудовищных размеров, продажа древностей организована на широких началах и ведется открыто…» (*Веселовский*, 1907. С. 63). Объем работ был гигантским: за 24 года работ в Кубанской области Н. И. Веселовским было исследовано порядка 500 курганов (*Тихонов*, 2009. С. 362).

В 1895 г. в ст. Ярославская он приобрел бронзовые колокольчики и удила, «добытые из кургана соседней Костромской станицы» (ОИАК, 1897. С. 65). Сведения о грабеже были причиной начала работ в Костромской. Полевой сезон 1897 г. длился с 20 мая по 18 сентября и был насыщенным, как всегда: производя раскопки в Майкопе, станицах Костромская, Андрюковская, Царская, Белореченская, по поручению ИАК Веселовский осматривал курганы в станицах Бесленеевская и Баталпашинская, древние храмы на реке Зеленчук, успел побывать в Самарканде. На исследование пяти Разменных и трех Межевых курганов в Костромской и Ярославской станицах ушло около двух недель. За это время выполнить такой объем работ даже при раскопках глухой траншеей невозможно — работы на Разменных и Межевых продолжались и в отсутствие Н. И. Веселовского, под руководством керченского надсмотрщика И. Маленко (*Тихонов*, 2009. С. 364).

По окончании работ в ИАК был сдан рукописный отчет (НА ИИМК РАН. РО. Ф. 1. Оп. 1. 1896. Д. 204), отреставрированные вещи были представлены на выставке древностей ИАК 1898 г. Все находки из Разменных курганов поступили в Императорский Российский Исторический Музей в Москве в декабре 1901 г., за исключением знаменитого украшения — горита в виде золотого оленя, переданного в Императорский Эрмитаж. Опубликованный отчет о раскопках сильно уступает рукописному варианту в точности и значительно его искажает. После правки, например, 1-й Разменный, по Веселовскому «западный из 3-х больших, рядом стоящих», стал «самым большим». «Сооружение из дерева для сожжения покойника и его лошадей, образующее *как бы*[2] шатер» превратилось в «шатер, возвышающийся над площадкой с вертикальными столбами, составлявшими как бы стенки домика» (ОИАК, 1900. С. 11–12) и т. д. Профессиональный художник «улучшил» карандашные наброски: были добавлены штриховки, масштабы, у «шатра» появились нижние части бревен. Так возникла убедительная и многократно растиражированная картина, доказательная уже в силу своей эстетичности. Попытки преодоления всех этих несоответствий показывают недостаток достоверных сведений, обусловленных методикой работ и усиленными редактурой погрешностями полевой фиксации.

1 Татьяна Владимировна Рябкова — Государственный Эрмитаж, Дворцовая наб., д. 34, Санкт-Петербург, 190000, Российская Федерация; e-mail: ryabkova-tatyana@mail.ru; ORCID: 0000-0001-7441-2372.

2 Курсив мой. — *Т. Р.*

В 2007 г. было решено найти 1-й Разменный курган для повторного исследования. Сложности поиска определялись лаконичным описанием его местоположения: «В верстах 12 от Костромской станицы на север, по хребту, расположена группа курганов, называющихся "Разменными"» (НА ИИМК РАН. РО. Ф. 1. Оп. 1. 1896. Д. 204. Л. 54).

Подходящие к описанию курганы со следами глухих раскопочных траншей с юга были обнаружены на водоразделе вдоль правого берега реки Чехрак, близ шоссе Майкоп — Армавир, неподалеку от поселка Северный. Вероятно, названия «Разменные» и «Межевые» курганы получили во время межевания земельных участков Костромской и Ярославской станиц (*Рябкова*, 2012).

Южно-Кубанской экспедицией Государственного Эрмитажа за этот период исследовано четыре кургана группы «Разменные», ведется изучение ритуального памятника Тарасова Балка **(рис. 1)**.

При исследовании 1-го Разменного (Костромского) кургана (2010–2012 гг.) установлено, что погребальная площадка в виде холма с уплощенной вершиной была сооружена над перепланированным курганом эпохи бронзы. В северном секторе обнаружены жертвенные ямы с черепами лошадей и коров. На площадке ненарушенной части насыпи удалось зафиксировать сруб из плах в 3–4 венца. Загадочным является полное отсутствие лошадиных костей в отвалах и под насыпью. За срубом, где они должны были находиться, найдены сооружения в виде колод. Погребальная площадка была перекрыта, вероятно войлоком, и слоями глиняных промазок с разбитыми сосудами. Данные о шатровой конструкции не подтвердились. После сожжения конструкции в несколько этапов возвели насыпь. Время создания памятника — рубеж VII–VI вв. до н. э. — определено по находкам фрагментов амфор и кувшина южно-ионийского производства (*Рябкова*, 2013. С. 379–383).

10-й Разменный курган (2012 г.), под насыпью которого обнаружено полностью разрушенное погребение человека, сопровождавшееся пятью конскими захоронениями на уровне древней погребенной поверхности и каменной выкладкой в северной части насыпи, также датируется раннескифским временем (Там же. С. 383–384).

Насыпь 6-го Разменного кургана (2013–2014 гг.) была сооружена в эпоху бронзы и использовалась до раннескифского времени. Самыми древними были два погребения северокавказской культуры. Погребение 3, рубежа IV–III — середины III тыс. до н. э., принадлежало молодой женщине в необычном для катакомбной культуры Закубанья венце из бронзовых подвесок с букранием. В восточной части насыпи на уровне древней поверхности прослежены следы ритуала раннескифского времени: однослойная каменная вымостка, засыпанная разбитыми сосудами, и костяк верхового коня без узды.

7-й Разменный курган (2016 г.) оказался сложным и масштабным погребальным памятником. Под его насыпью были исследованы восемь погребений. Основным было парное погребение детей 6 и 5 лет в большой яме. Облачение младшего ребенка включало подвески-медальоны в «северо-кавказском стиле», браслеты, одежду с бронзовыми бусинами, три посоховидные булавки у коленных суставов. По типам подвесок и булавок погребение относится к поздней культурной группе ранней катакомбной культуры (первая половина — середина III тыс. до н. э.). Сопровождающие погребения взрослых мужчин, одно из которых находилось поверх основного, доказывают необычный социальный статус захороненных детей (*Рябкова*, 2019).

К юго-востоку от 1-го и 10-го Разменных курганов находится Тарасова Балка **(рис. 1)**. Исследования, начатые в 2012 г., показали, что первоначальное представление о памятнике как о поселении не верно. Это ритуальный комплекс, возникший близ Разменных курганов. В центральной части Тарасовой Балки находится огромное скопление артефактов площадью около 500 м^2. Структура и заполнение слоев скопления показывает, что они сформировались как сброс остатков жертвоприношений, площадки которых исследованы к западу, югу и северу. Это фрагменты разломанных очагов-жертвенников, галечника от каменных выкладок, обломки уздечных принадлежностей, вооружения, лепной и античной посуды. Южно-ионийская керамика относится к периоду SiAc (630–610 гг. до н. э.) (*Рябкова*, 2022).

Таким образом, исследования микрорегиона на возвышенности вдоль реки Чехрак, начатые в 1897 г. Н. И. Веселовским, успешно продолжаются и сейчас, открывая новые страницы истории Закубанья.

НА ИИМК РАН. РО. Ф. 1. Оп. 1. 1896. Д. 204: О расследовании кургана в г. Майкопе, Кубанская обл. 153 л.

Веселовский, 1907 — *Веселовский Н. И.* В защиту русской археологии // Известия ИАК. 1907. Вып. 21. С. 63–65.

ОИАК, 1897 — Отчет ИАК за 1895 г. СПб.: тип. Гл. упр. уделов, 1897. 291 с.

ОИАК, 1900 — Отчет ИАК за 1897 г. СПб.: тип. Гл. упр. уделов, 1900. 190 с.

Рябкова, 2012 — *Рябкова Т. В.* Археологические разведки на правобережье р. Чехрак у пос. Северный

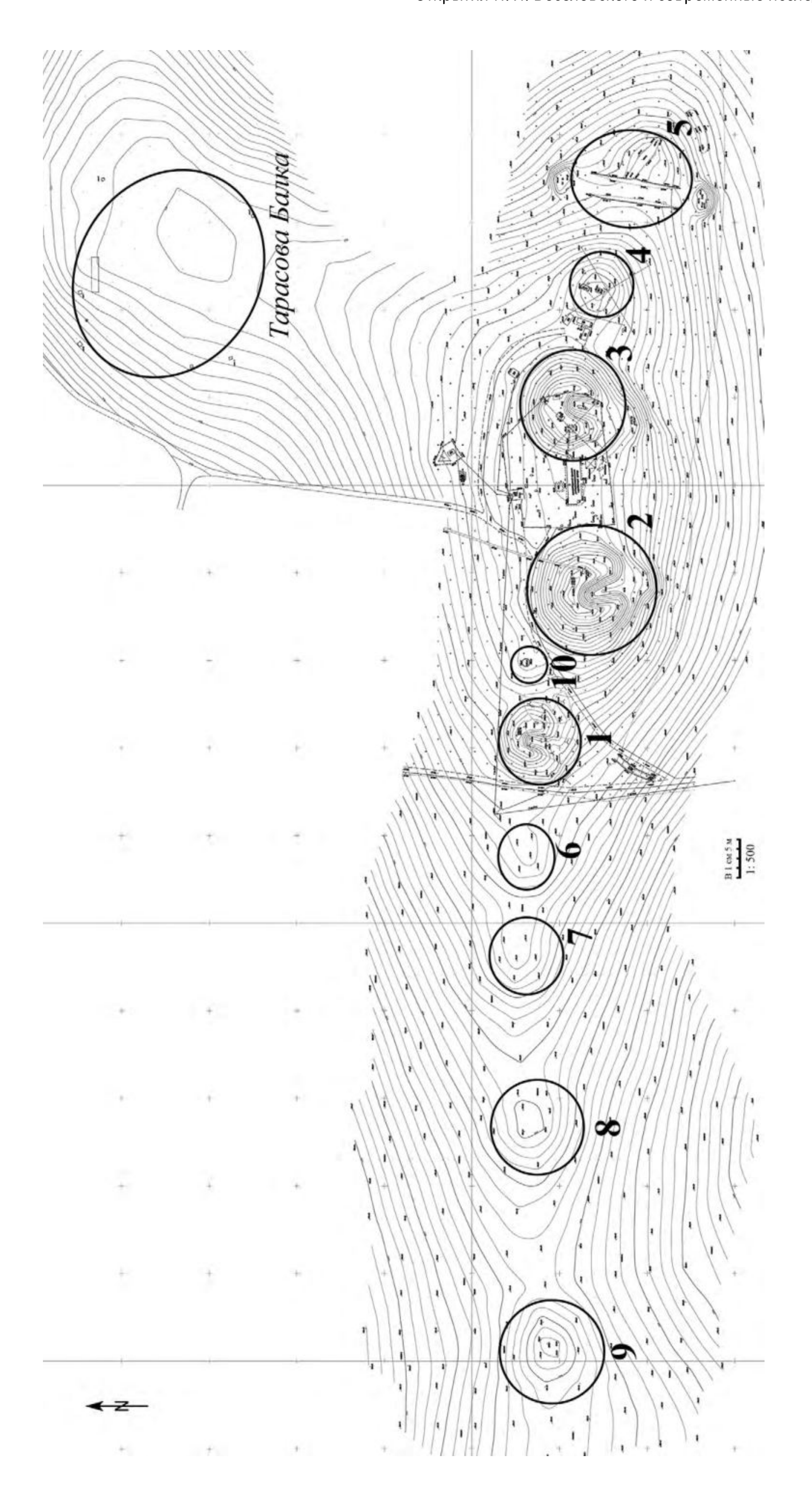

Рис. 1. Разменные курганы и памятник Тарасова Балка. Схема. *1–5* — курганы, исследованные в 1897 г.; *1, 6, 7, 10* — исследования Южно-Кубанской археологической экспедиции; *8, 9* — неисследованные курганы

Fig. 1. Razmennye (Kostromskie) mounds and Tarasova Balka site. Scheme. *1–5* — mounds explored in 1897; *1, 6, 7, 10* — investigations by the South Kuban archaeological expedition; *8, 9* — unexplored mounds

Мостовского района Краснодарского края (к вопросу отождествления курганных групп на правом берегу р. Чехрак с курганами групп «Разменные» и «Межевые», исследованными Н. И. Веселовским в 1897 г.) // ИАА. 2012. Вып. 11. С. 12–21.

Рябкова, 2013 — *Рябкова Т. В.* 1-й Разменный (Костромской) и 10-й Разменный курганы // Боспорский феномен. Греки и варвары на евразийском перекрестке: Материалы междунар. науч. конф. (Санкт-Петербург, 19–22 ноября 2013 г.) / Редкол.: М. Ю. Вахтина и др. СПб.: Нестор-История, 2013. С. 378–385.

Рябкова, 2019 — *Рябкова Т. В.* Исследования седьмого Разменного кургана и продолжение работ на поселении Тарасова Балка // АСГЭ. 2019. Вып. 42. С. 86–91.

Рябкова, 2022 — *Рябкова Т. В.* Восточно-греческая керамика в материалах поселения Тарасова Балка в Закубанье // От Кавказа до Дуная: Северное Причерноморье в античную эпоху. Сборник научных трудов к 70-летию профессора С. Ю. Монахова / Отв. ред. А. П. Медведев. Саратов: Амирит, 2022. С. 362–375.

Тихонов, 2009 — *Тихонов И. Л.* Археологические исследования Н. И. Веселовского на Кубани // Пятая Кубанская археологическая конференция: Материалы конф. / Отв. ред. И. И. Марченко. Краснодар: Кубанский ГУ, 2009. С. 362–365.

Investigations of Nikolay I. Veselovsky in the stanitsa Kostromskaya in 1897: a continuation of research

Tatyana V. Ryabkova[3]

The article is devoted to the review of the works of the South Kuban archaeological expedition of the State Hermitage Museum on the study of the Razmennye barrows and Tarasova Balka. Five of them were investigated in 1897 under the leadership of Nikolay I. Veselovsky. The most famous — 1st Razmenny (Kostromskoy) barrow became one of the most famous monument of the Scythian period. The lack of reliable information due to the method of excavation of a blind trench and problems in field fixation was the reason for new research, which began 110 years later.

Keywords: *Kuban, stanitsa Kostromskaya, Nikolay I. Veselovsky, Razmennye (Kostromskie) mounds, Tarasova Balka, Scythian culture, modern excavations*

3 Tatyana V. Ryabkova — The State Hermitage Museum, 34 Dvortsovaya Emb., St. Petersburg, 190000, Russian Federation; e-mail: ryabkova-tatyana@mail.ru; ORCID: 0000-0001-7441-2372.

«Скифы» Лукиана: этнос и эпоха

С. А. Яценко[1]

Аннотация. *В диалоге Лукиана «Токсарид» описана серия «скифских» традиций. Все они неизвестны у скифов-сколотов Геродота и отмечены только у сарматов с начала I в. н. э. Географическая локализация лукиановых «скифов» позволяет связать их с сираками Кубани. Сложнее понять, почему рассказ ведется от их имени, а также установить датировку войны Боспора, «сароматов» и аланов со «скифами»: она могла произойти и в 30-х гг. I в. н. э., и в середине II в. н. э.*
Ключевые слова: *Лукиан, «Токсарид», скифы, сарматские традиции, сираки Кубани, датировка*

https://doi.org/10.31600/978-5-6050962-0-7.133-135

Диалог Лукиана из Самосаты «Токсарид, или Дружба», как и, отчасти, другое его сочинение — «Скиф, или Друг», давно привлекают внимание гуманитариев разных специальностей. При этом ряд известных скифологов, кочевниковедов и религиоведов, разбирая конкретные детали из беллетризованных описаний скифов, «савроматов» и аланов, находят у Лукиана точные характеристики свойственных иранским народам с древности до недавних пор религиозных обрядов и общественного устройства. Предполагалось, что они взяты у неизвестного местного автора эллинистической эпохи (*Ростовцев*, 1925. С. 110–112), и тексты Лукиана часто привлекались для соответствующих реконструкций по «геродотовым» скифам «классического» периода. Лингвисты-иранисты находят здесь серию явно достоверных иранских имен, причем не персидских, а связанных с кочевым миром Степей (*Кулланда*, 2016. С. 11, 115 сл.). Для историков-античников часто важнее, что у известного сатирика и философа обычно не было (и не могло быть) точности в исторических событиях и часто — в географических привязках для Северного Причерноморья, так как его цели были иными (см.: *Иванчик*, 2010). Рассмотрим, однако, те «этнографические» детали жизни «скифов» и страны «Скифии» в «Токсариде», которые сегодня проверяемы.

1. Так называемый ритуал заключения побратимства. У достоверных «классических» скифов такой ритуал не фиксируется. У Геродота (Hdt. IV. 70) описан лишь некий договор о союзе с подтверждением его клятвой, обычный в разных обстоятельствах у многих «варварских» народов, а про побратимство не говорится. Основной напиток здесь вино (с добавкой крови), в сосуд (килик) помещают четыре разных вида вооружения (собственного?), участвует много людей, ритуал сопровождается длительными молитвами. В «Токсариде» обряд совершенно иной (Luc. Tox. 37): это именно клятва пожизненной дружбы с большими взаимными обязательствами. Проводится он иначе: 1) его участники пьют только чистую кровь; 2) опускают в сосуд два лезвия собственных мечей (а не четыре чьих-то предмета, среди которых — не бытовавший у скифов двулезвийный топор); 3) не говорится о присутствии посторонних лиц, как и о долгих молитвах в конце. Похоже, у скифов такой ритуал заключения побратимства отсутствовал. Но он надежно документирован у потомков сарматов — кавказских осетин. Такой обряд (*æрдхорддзинад*), по В. Б. Пфафу и В. С. Толстову, еще недавно часто совершался в мужском святилище, сопровождаясь обменом или смешением одного вида оружия.

2. Совместное захоронение побратимов. В эпизоде о гибели побратимов Белитта и Баста во время охоты на льва (которые в античности еще водились на Кавказе и Балканах) оба они похоронены вместе в кургане (Luc. Tox. 43). При этом в прекрасно изученных некрополях Скифии совместные погребения вероятных побратимов отсутствуют. Но они достоверно выявлены в некрополях сарматов с начала I в. н. э. (*Яценко*, 2016а).

3. Обычай отрубания правой руки за провинности. Этот обычай у классических скифов не выявлен. Известно о нем лишь при жертвоприношении пленников в особом святилище (Hdt. IV. 62). Но «скифы» Лукиана, напротив, отрубали правую руку в наказание «своим» (Luc. Tox. 10). И следы этого обычая, видимо, документируются у сарматов римского времени. Так, в некрополе Львовский Первый 2 на периферии и в центре есть два участка по нескольку компактно расположенных захоронений мужчин и женщин с отсутствующей правой рукой (*Яценко*, 2016б. С. 80. Рис. 5). Позже в нартовском эпосе так наказывают в Мире ином неправедного судью (Нарты кадджытæ, 2004. С. 633).

1 Сергей Александрович Яценко — Российский государственный гуманитарный университет, Миусская пл., д. 6, Москва, 125993, Российская Федерация; e-mail: sergey_yatsenko@mail.ru; ORCID: 0000-0002-5103-9736.

4. Парные мужские божества. Достоверных сообщений о поклонении им у «классических» скифов нет; отсутствуют и убедительно атрибутируемые изображения. Но «скифам» Лукиана подобные божества — Кораки — хорошо известны (Luc. Tox. 7). И снова мы находим реальные следы такой пары на надгробиях и гробах крымских варваров I–II вв. н. э. и много позже — у осетин (Дзендзет и Дзеранзет). У последних они встречали умершего мужчину на границе Царства мертвых, а в Крыму изображались однотипными и лишенными лица (*Яценко*, 2014. С. 57. Рис. 2; 5).

5. Во время мирной перекочевки большой группы «скифов» ею **руководит сразу несколько лидеров** (Luc. Tox. 39). Об этом же говорится (для мирной ситуации) и в беседе с боспорским царем (Luc. Tox. 50). Это воспринимается как примитивизация жизни Скифии (*Хазанов*, 1975. С. 22). На деле свидетельства наличия у орды нескольких лидеров относятся только к сарматам с I в. н. э. («величайшие цари» Аорсии; братья Базук и Амбазук, Ферош и Кавтия у группировок аланов).

6. Налаженный выкуп пленников, в том числе одиночный, за золото (с «паролем» zirin! — «золото!» — у «савроматов») (Luc. Tox. 40) не документирован для кочевников Степи скифской эпохи. Однако нечто похожее мы встречам в закавказских хрониках в отношении аланов.

Стоит согласиться с С. Ю. Сапрыкиным в том, что в диалоге Лукиана «под словом "скифы" могли подразумеваться ираноязычные сарматы» и что в основе его лежит боспорское сочинение второй половины II в. н. э. (*Сапрыкин*, 2012. С. 200, 202). Действительно, все названные этнографические обычаи «скифов» в данном диалоге относятся на деле к группировкам *сарматов с начала I в. н. э.*, то есть «почти» современников писателя. По нынешним данным, это совпадает с началом расселения носителей среднесарматской культуры, имеющей дальние центральноазиатские корни.

Следующий вопрос — *локализация и этнокультурная «привязка»* «скифов» и «Скифии» в диалоге «Токсарид». Думаю, сведения Лукиана не слишком путаны:

1) Кочевья «скифов» находятся явно на Азиатском Боспоре (лишь в одном, но, как сказано, необычном случае они недолго располагались в низовьях Дона по обоим берегам) (Luc. Tox. 39). Неподалеку проживают синды, которых «скифы» более всего хотят себе подчинить (Luc. Tox. 55).

2) Конкуренты «скифов» — претенденты на руку боспорской Мазаи — лазы и *махлии* (Luc. Tox. 44) локализуются также на Азиатском Боспоре (см. селение Махлесс к юго-востоку от Боспора: Ptol. Geogr. V. 9. 5), а одна девушка была похищена соседями-махлиями из Колхиды (Aelian. fr. 135). Певтингерова карта (с ранним пластом августовского времени) (*Подосинов*, 2002. Ил. 10) и Равеннский аноним называют малихов (махлиев), а псевдо-Арриан (Ps.-Arr. Peripl. 15) — махелонов.

3) Похитив боспорскую царевну у махлиев, Макент едет в «Скифию» на восток — северо-восток от Меотиды, держа Митрейские горы (западные предгорья Кавказа) по правую руку (Luc. Tox. 52) (для Крыма горы были бы, разумеется, слева). При этом от махлиев до центра «Скифии» — три дня «быстрого» пути. Получается, что махлии связаны с южной границей меотов. Боспорцы по договору должны пасти свой скот только в предгорьях, а равнинные пастбища уступить «скифам» (Luc. Tox. 48). В контексте сказанного ясно, что речь идет о Предкавказье.

4) Боспорский Евбиот, чтобы попасть в «Скифию», должен с войском, помимо прочего, перейти через горы (Luc. Tox. 51), видимо, чтобы избежать переправы через Кубань. Итак, «Скифия» локализуется примерно там, где до конца II в. н. э. письменные источники и археологи помещают группировку *сарматов-сираков*. Страбон (Strabo. XI. 2) именует их сарматами (также скифами) и сообщает, что они проживают на юг до гор Кавказа. Численность войска «всеобщей мобилизации» (в 20–30 тысяч воинов) также близка для сираков Страбона и «скифов» Лукиана.

Что касается хронологии событий, художественно преломленных Лукианом, то установить ее довольно сложно (если возможно вообще). Они могут относиться как к первой трети I в. н. э. (как предполагал я в 2017 г.), так и к середине II в. н. э. (точка зрения С. Ю. Сапрыкина). Например, боспорский царь («Эвбиот»), «призванный от савроматов [сарматов], среди которых он жил» (Luc. Tox. 51), мог быть и Аспургом (10–37), и Риметалком (131–153) (первые правители с тамгой), а аланы, которых он хотел брать в союзники, по аргументам С. М. Перевалова, были участниками событий в Предкавказье уже к 35 г. Но для событий около 150 г. труднее представить (исходя из этнокарты) главными врагами «скифов» (то есть сираков) каких-либо сарматов («савроматов»).

Иванчик, 2010 — *Иванчик А. И.* Античная литературная традиция // Античное наследие Кубани. Т. 1 / Под ред. Г. М. Бонгард-Левина, В. Д. Кузнецова. М.: Наука, 2010. С. 318–359.

Кулланда, 2016 — *Кулланда С. В.* Скифы: язык и этногенез. М.: Русский фонд содействия образованию и науке, 2016. 232 с.

Нарты кадджытæ, 2004 — Нарты кадджытæ: Ирон адæмы эпос / Ред. Ш. Джыккайты. Дзæуджыхъæу: В. Гасситы куыстуат, 2004. 896 с.

Подосинов, 2002 — *Подосинов А. В*. Восточная Европа в римской картографической традиции. Тексты, перевод, комментарий. М.: Индрик, 2002. 506 с. (Древнейшие источники по истории Восточной Европы).

Ростовцев, 1925 — *Ростовцев М. И*. Скифия и Боспор. Критическое обозрение памятников литературных и археологических. Л.: РАИМК, 1925. VI, 621 с.

Сапрыкин, 2012 — *Сапрыкин С. Ю*. Боспорские сюжеты в диалоге Лукиана «Токсарид» // Аристей. 2012. Т. V. С. 185–209.

Хазанов, 1975 — *Хазанов А. М*. Социальная история скифов. Основные проблемы развития древних кочевников евразийских степей. М.: Наука, 1975. 344 с.

Яценко, 2014 — *Яценко С. А*. Региональные особенности сюжетов и бытовых реалий в монументальных поминально-погребальных памятниках Малой Скифии I–III вв. н. э. // Материалы по археологии и истории античного и средневекового Крыма. 2014. № 6. С. 40–63.

Яценко, 2016а — *Яценко С. А*. Предполагаемые воины-побратимы в кочевых сарматских некрополях Нижнего Дона // Новое прошлое. 2016. № 3. С. 30–39.

Яценко, 2016б — *Яценко С. А*. К изучению планиграфии курганных могильников позднесарматского времени // Stratum plus. 2016. № 4: «Круг земной». Рим и варвары. С. 69–90.

The “Scythians” of Lucian: the people and their epoch

Sergey A. Yatsenko[2]

Lucian’s dialogue “Toxaris” describes a series of the “Scythian” traditions. All of them are not known among the Scythians-Scolotes of Herodotus, but they were noted only among the Sarmatians from the beginning of the 1st century AD. The geographical localization of the “Scythian” story allows us to connect them with the Siraces of the Kuban region. It is more difficult to understand why the story is told on their behalf and to date exactly the war between Bosporus, the “Sauromates” and the Alans with the “Scythians”. This is possible for 30-s of the 1st century AD as well as for the middle of the 2nd century AD.

Keywords: *Lucian of Samosata, “Toxaris”, Scythians, Sarmatian traditions, Siraces of the Kuban region, possible dating*

2 Sergey A. Yatsenko — Russian State University for the Humanities, 6 Miusskaya Sq., Moscow, 125993, Russian Federation; e-mail: sergey_yatsenko@mail.ru; ORCID: 0000-0002-5103-9736.

Алломорфы тамг сарматской эпохи[1]

Е. В. Вдовченков[2]

Аннотация. *Автор рассматривает проблему сопоставления и идентификации алломорфов тамг (разных вариантов отображения одинаковых тамг и их деталей). Разницу в изображении идентичных тамг определяют используемый материал и технология их нанесения. Только сопоставив разные изображения, можно прийти к выводу о том, как выглядели одинаковые тамги или их элементы в разном исполнении.*

Ключевые слова: *тамги, сарматская культура, алломорфы, Боспор, Танаис*

https://doi.org/10.31600/978-5-6050962-0-7.136-138

Тамги традиционно привлекают к себе внимание исследователей. Встречались они и среди многочисленных находок Веселовского — например, накладки с тамгами были обнаружены на знаменитом Золотом кладбище (*Гущина, Засецкая*, 1994. Табл. 2, *36*; 24, *239*).

Частота использования тамг и их включенность в самые разнообразные контексты ставит перед исследователями проблемы столь разнообразные, что даже перечислить их непросто. Здесь хотелось бы сосредоточиться на вопросах источниковедческого характера и методологии исследования тамг, которых уже касался С. А. Яценко в своей работе (*Яценко*, 2001. С. 11–26).

Основополагающий вопрос: как читать тамги? Можно ли, скажем, считать той же тамгой ее зеркальное отображение и поворот влево или вправо? В качестве примера приведем металлические накладки в виде тамг из Кировского могильника I, курган 1, погребение 2 (*Ильюков*, 2000. С. 123. Рис. 7) или две зеркальные тамги из некрополя Кобяково, погребение 10 (*Kozlovskaya, Ilyashenko*, 2018. P. 193. Fig. 5).

Дает ли дублирование тамги другую тамгу — или же это просто усиление ее свойств (или эстетическое решение)? Примером тут могут быть тамги из могильника Кировский I, курган 1, погребение 2, где удвоение тамг на больших железных фаларах может иметь эффект эстетический, а не содержательный (*Ильюков*, 2000. С. 122. Рис. 6.10, 6.11).

Как определять у тамг верх или низ? Например, на самой ранней признанной тамге в Восточной Европе — на миске из Глиного (*Синика, Тельнов*, 2014. С. 308. Рис. 14)? На свиной челюсти из Танаиса размещена якоревидная тамга **(рис. 1, *1а*)**. Самый очевидный способ решения — найти аналогии на предметах, где верх-низ очевиден. Таковы, например, «энциклопедии тамг» на стелах и плитах. Якоревидная тамга на центральной части плиты **(рис. 1, *1б*)** находится «вверх ногами» для нормального якоря. Важно отметить, что какие-то элементы тамг традиционно обращены только вверх или вниз — так, например, обстоит дело с частью боспорских царских тамг II — начала III в. н. э. **(рис. 1, *2б*)**.

Здесь же я хотел бы обратиться к другому вопросу: какие изображения считать одними и теми же тамгами, иначе говоря — что такое алломорфы тамг? Алломорфами называются семантически эквивалентные образы, иное отображение той же самой идеи. Так, хорошо известны алломорфы мировой вертикали (*Подосинов*, 1999. С. 461). Используемый материал (металл, кость, камень, глина), а также технология нанесения (вылепить изначально в глине, вырезать в камне, сделать отливку, процарапать) определяют разницу в изображении идентичных тамг. Особенно важны здесь технологические ограничения: так, несовершенство технологии не позволяет отобразить детали тамг одинаково легко на ткани, коже, металле, кости, камне, роге.

Во многом еще неясны принципы и основания формирования знаков. Такой семантически нагруженный знак, как тамга, должен был выглядеть как минимум эстетически приемлемо, а также быть легко узнаваемым. Конструкция тамги не может быть слишком простой (круг, крест, прямая линия), чтобы не дублироваться случайно, но и не может быть перегружена, должна отличаться узнаваемостью и читаемостью. Сопоставив разные изображения, можно прийти к выводу о том, как выглядели *одинаковые* тамги или их элементы в разном исполнении. Конечно, представленные результаты этих сопоставлений — это реконструкция, которая может и должна восприниматься критично.

1 Исследование было выполнено в рамках реализации гранта РНФ 22-28-02000 «Комплексное историко-культурное и молекулярно-генетическое исследование древнего населения Нижнего Подонья в сарматское время».

2 Евгений Викторович Вдовченков — Южный федеральный университет, Большая Садовая ул., д. 105/42, Ростов-на-Дону, 344006, Российская Федерация; e-mail: vdovchenkov@yandex.ru; ORCID: 0000-0003-0160-8520.

Верификация предполагаемых трактовок происходит сопоставлением с другими тамгами, а также находками близких по форме тамг в этот период и в этом районе (или же объяснением того, как эти тамги оказались в другом месте).

Хорошо известны царские тамги Боспора, которые выполнены на плитах с надписями, анэпиграфичных плитах, на пряжках и поясных накладках, на конской упряжи, сосудах, «энциклопедиях тамг», черепице и монетах. К числу этих знаков следует

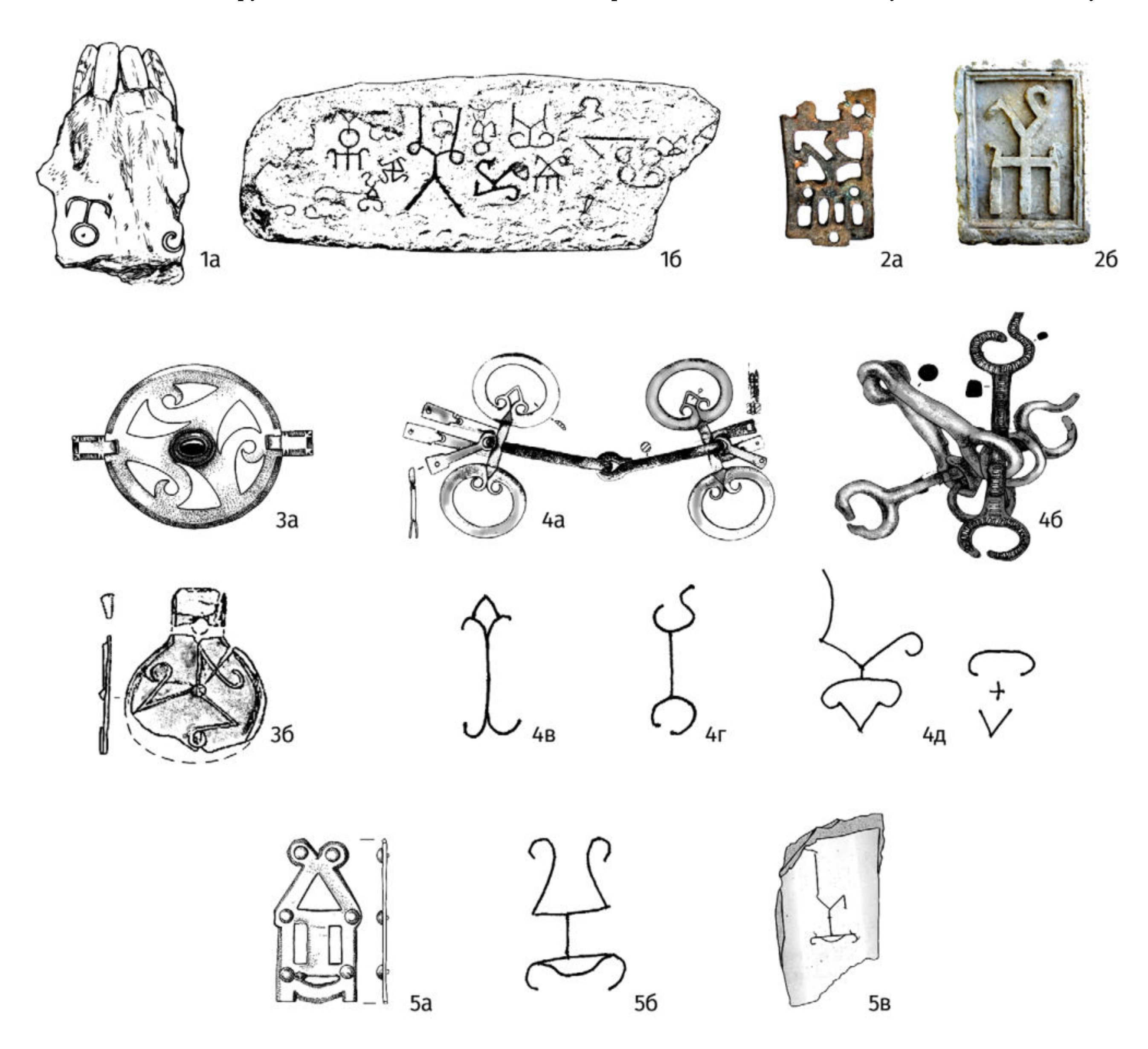

Рис. 1. *1а* — тамга на челюсти свиньи, Танаис (по: *Kozlovskaya, Ilyashenko*, 2018. P. 197. Fig. 10, *3*); *1б* — знак с плиты, Танаис (НМИДК, КП 3843); *2а* — случайная находка, Танаис (по: *Kozlovskaya, Ilyashenko*, 2018. P. 193. Fig. 5, *2*); *2б* — боспорская царская тамга (по: Ibid. P. 195. Fig. 8, *2*); *3а* — фалар, Танаис, погребение 186 (по: Ibid. P. 192. Fig. 4, *2*); *3б* — зеркало, некрополь Кобяково, погребение 10; *4а* — псалии, Валовый I, курган 25 (по: *Безуглов и др.*, 2009. С. 54. Рис. 30, *1*); *4б* — псалии, Царский (по: *Власкин*, 1990); *4в* — реконструкция тамги 4а; *4г* — реконструкция тамги 4б; *4д* — знак с плиты, Танаис (по: *Kozlovskaya, Ilyashenko*, 2018. P. 194. Fig. 7); *5а* — накладка в виде тамги, Танаис, погр. 186 (по: Ibid. P. 192. Fig. 4, *1*); *5б* — реконструкция тамги 5а; *5в* — костяная пластина, Танаис, XXV раскоп. Без масштаба

Fig. 1. *1a* — the tamga on the pig's jaw, Tanais (after *Kozlovskaya, Ilyashenko*, 2018. P. 197. Fig. 10, *3*); *1б* — the sign from the slab, Tanais (НМИДК, КП 3843); *2a* — a chance find, Tanais (after *Kozlovskaya, Ilyashenko*, 2018. P. 193. Fig. 5, *2*); *2б* — the Bosporan royal tamga (after Ibid. P. 195. Fig. 8, *2*); *3a* — the phalera, Tanais, grave 186 (after Ibid. P. 192. Fig. 4, *2*); *3б* — the mirror, Kobyakovo necropolis, grave 10; *4a* — the bit shanks, Valovy I, mound 25 (after *Безуглов и др.*, 2009. С. 54. Рис. 30, *1*); *4б* — the bit shanks, Tsarsky (after *Власкин*, 1990); *4в* — the reconstruction of the tamga 4a; *4г* — the reconstruction of the tamga 4б; *4д* — the sign from the slab, Tanais (after *Kozlovskaya, Ilyashenko*, 2018. P. 194. Fig. 7); *5a* — the tamga-like overlay, Tanais, grave 186 (after Ibid. P. 192. Fig. 4, *1*); *5б* — the reconstruction of the tamga 5a; *5в* — the bone plaque, Tanais, XXV excavation area. Without scale

отнести и случайную находку накладки поясного набора из Танаиса **(рис. 1, *2а*)**. Это хорошо известная тамга, приписываемая Римиталку (*Шелов*, 1966. Рис. 2б). Важно обратить внимание, что тамги встраивались в функциональные детали предмета, и к знаку не относится рамка накладки. Следует также учитывать деформации знака, связанные с усилением конструкции: например, верхняя часть тамги отлита таким образом, что она смыкается с внешней рамкой, и это несколько искажает форму. Но подготовленный зритель, видимо, сразу считывал нужный знак.

В конской сбруе также присутствовали как тамги, так и конструктивные детали, с ними не связанные. Например, могильник Валовый I, курган 25, погребение 1 **(рис. 1, *4а, 4в*)** — кольца псалиев, видимо, не относятся к тамгам, их назначение сугубо утилитарное. То, что это тамга, убеждает форма псалиев, известная среди тамговых знаков. Λ-образный значок вверху — это часть знака, известная, например, по плите из Танаиса, но в перевернутом виде **(рис. 1, *4д*)**. А псалии из могильника Царский сами сделаны в виде тамг, только вытянутых в длину **(рис. 1, *4б, 4г*)**. Видимо, длина не влияла на восприятие тамги.

Легко угадывается знак на двух фаларах из некрополя Танаиса (раскопки 2008 г.), погр. 186 **(рис. 1, *3а*)**: он хорошо известен, например, на зеркале из некрополя Кобяково **(рис. 1, *3б*)**. Здесь овальная рамка фалара также не относится к знаку. В том же погребении встречается накладка в виде тамги **(рис. 1, *5а*)**, вариант реконструкции которой я предлагаю **(рис. 1, *5б*)**. Если верхняя часть реконструированной тамги хорошо известна, то нижняя не столь распространена и встречается, например, на костяной пластине, найденной в Танаисе в слое на XXV раскопе в 2010 г. **(рис. 1, *5в*)**.

Разумеется, предложенные здесь наблюдения и выводы носят далеко не окончательный характер, а затронутая тема нуждается в глубоком и всестороннем исследовании, что планируется сделать в ближайшем будущем.

Безуглов, Глебов, Парусимов, 2009 — *Безуглов С. И., Глебов В. П., Парусимов И. Н.* Позднесарматские погребения в устье Дона (курганный могильник Валовый I). Ростов-н/Д: Медиа-Полис, 2009. 128 с.

Власкин, 1990 — *Власкин М. В.* Уздечный набор с тамгообразными псалиями из могильника «Царского» // Историко-археологические исследования в г. Азове и на Нижнем Дону в 1989 г. Азов: Б/и, 1990. Вып. 9. С. 64–68.

Гущина, Засецкая, 1994 — *Гущина И. И., Засецкая И. П.* «Золотое кладбище» Римской эпохи в Прикубанье. СПб.: Фарн, 1994. 172 с.

Ильюков, 2000 — *Ильюков Л. С.* Позднесарматские курганы на р. Сал // Сарматы и их соседи на Дону / Отв. ред. Ю. К. Гугуев. Ростов-н/Д: Терра, 2000. С. 100–140.

Подосинов, 1999 — *Подосинов А. В.* Ex oriente lux! Ориентация по странам света в архаических культурах Евразии. М.: Языки русской культуры, 1999. 718 с.

Синика, Тельнов, 2014 — *Синика В., Тельнов Н.* Миски из скифских погребальных памятников конца IV–II в. до н. э. на левобережье Нижнего Днестра // Tyragetia, s. n. 2014. Vol. VIII [XXIII]. Nr. 1. С. 287–316.

Шелов, 1966 — *Шелов Д. Б.* Тамга Римиталка // Культура античного мира. К сорокалетию научной деятельности Владимира Дмитриевича Блаватского / Отв. ред. А. И. Болтунова. М.: Наука, 1966. С. 269–277.

Яценко, 2001 — *Яценко С. А.* Знаки-тамги ираноязычных народов древности и раннего средневековья. М.: Восточная литература, 2001. 190 с.

Kozlovskaya, Ilyashenko, 2018 — *Kozlovskaya V., Ilyashenko S. Tamgas* and *tamga*-like signs from Tanais // Zeichentragende Artefakte im sakralen Raum: Zwischen Präsenz und UnSichtbarkeit / Hrsg. W. E. Keil et al. Berlin: De Gruyter, 2018. P. 167–198.

Tamgas' allomorphs of the Sarmatian epoch

Evgeny V. Vdovchenkov[3]

The author considers the problem of comparison and identification of tamgas' allomorphs (different variants of displaying identical tamgas and their details). The difference in the image of identical tamgas is determined by the material used and the technology of their application. Only by comparing different images, one can come to a conclusion about how identical tamgas or their elements looked like in different designs.

Keywords: *tamgas, Sarmatian culture, allomorphs, Bospor, Tanais*

3 Evgeny V. Vdovchenkov — Southern Federal University, 105/42 Bolshaya Sadovaya St., Rostov-on-Don, 344006, Russian Federation; e-mail: vdovchenkov@yandex.ru; ORCID: 0000-0003-0160-8520.

Некоторые замечания о находках из кургана, раскопанного Н. И. Петриком в 1900 г.

С. В. Воронятов[1]

Аннотация. *В раскопанном в 1900 г. Н. И. Петриком сарматском кургане (вторая половина II — начало III в. н. э.) были обнаружены необычные предметы, до сих пор не привлекавшие внимания исследователей. Среди находок Н. И. Петрик упоминает книгу, которая могла быть на самом деле остатками деревянной шкатулки, и две золотые подвески в форме бочонков. Прототипами для этих ювелирных украшений послужили редкие керамические и, вероятно, деревянные сосуды-бочонки. Данная форма керамики могла появиться в сарматском мире из Центральной Азии.*

Ключевые слова: *курган, сарматы, Прикубанье, шкатулка, ювелирные украшения, сосуды-бочонки*

https://doi.org/10.31600/978-5-6050962-0-7.139-142

В период интенсивных исследований Н. И. Веселовским многочисленных курганных могильников на берегах среднего течения Кубани (1901 и 1902 г.) ИАК фиксировала в Кубанской области случаи дилетантских раскопок курганов, которые осуществляли землевладельцы из разных побуждений. Один из таких случаев стал известен после обращения в ИАК купеческого сына Н. И. Петрика, интересовавшегося ценой предметов, добытых им из кургана на собственной земле, недалеко от ст. Тифлисская, где он проживал (НА ИИМК РАН. РО. Ф. 1. Оп. 1. 1900. Д. 272. Л. 2).

Крупная насыпь, раскопанная Петриком, находилась на берегу р. Зеленчук близ некоего песчаного брода. Под ней он обнаружил сарматское погребение с мелкими золотыми предметами: 80 луновидных нашивных бляшек, лучковая подвязная фибула конца II — первой половины III в. н. э., две подвески в виде колесиков и два футлярчика для амулетов (ОИАК, 1902. С. 103–104). ИАК предложила за перечисленные золотые вещи и несколько бусин 50 рублей и попросила подробно описать устройство могилы, топографию находок, а также прислать керамические и железные предметы, которым раскопщики могли не придать значения. Н. И. Петрик, надеясь получить сумму больше предложенной, излагает в ответном письме запрашиваемую информацию.

Из описания следует, что скелет лежал головой на север. В могиле кроме золотых украшений и бус были серебряные и железные вещи, рассыпавшиеся на мелкие части до такой степени, что собрать их было трудно. Слева от скелета находился ржавый железный кинжал и стеклянный графин. Справа от черепа на серебряном блюде находились книга средней величины и металлическая рюмка. Мелкие золотые украшения находились возле груди скелета. Над гробницей стояло четыре столба, на которых находилось четыре металлические чашечки. По столбам и по гробу рассыпаны золотые блесточки (нашивные бляшки). Керамические кувшины в разбитом состоянии. Все перечисленные вещи, за исключением золотых, были выброшены (НА ИИМК РАН. РО. Ф. 1. Оп. 1. 1900. Д. 272. Л. 8, 9).

Несмотря на то что купленная ИАК коллекция предметов была вскоре опубликована (ОИАК, 1902. С. 103–104) и уже привлекала внимание исследователей (*Берлизов*, 1998. С. 11. Рис. 2), по поводу вещей и непрофессионального описания захоронения возникает несколько замечаний. Думаю, можно не сомневаться, что Н. И. Петрик, торгуясь с ИАК, несколько приукрасил реальность и добавил в описание раскопанной могилы недостоверные детали. Чего только стоит информация о «четырех металлических чашечках на столбах» (sic. — *С. В.*). Однако в его описании есть интересные и даже интригующие сведения. К таковым относится упоминание некой книги, особо заинтересовавшее ИАК (НА ИИМК РАН. РО. Ф. 1. Оп. 1. 1900. Д. 272. Л. 10), но никак в итоге не проясненное.

Понимая, что никакой книги Петрик обнаружить в могиле не мог, следует предположить, что из увиденного было возможно интерпретировать как книгу. На мой взгляд, такую интерпретацию могли получить остатки и тлен деревянной шкатулки. Это предположение укрепляется информацией о находках деталей деревянных ларцов среди погребального инвентаря курганных могильников «Золотого кладбища» в Прикубанье (*Гущина, Засецкая*, 1994. С. 45, 73. Табл. 6, *67*; 50, *491*).

Еще одно замечание касается пары золотых подвесок **(рис. 1, *1*)**, получивших определение футлярчиков для амулетов (ОИАК, 1902. С. 104.

1 Сергей Вячеславович Воронятов — Государственный Эрмитаж, Дворцовая наб., д. 34, Санкт-Петербург, 190000, Российская Федерация; e-mail: s.voroniatov@gmail.com; ORCID: 0000-0002-7096-4468.

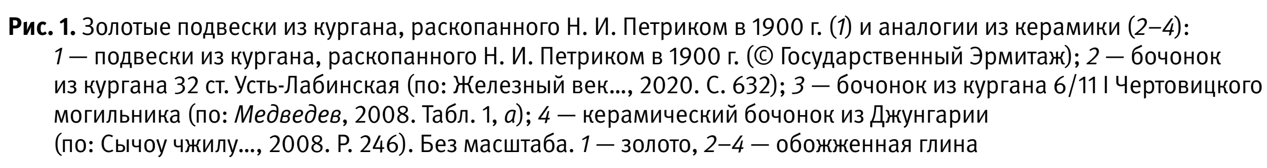

Рис. 1. Золотые подвески из кургана, раскопанного Н. И. Петриком в 1900 г. (*1*) и аналогии из керамики (*2–4*): *1* — подвески из кургана, раскопанного Н. И. Петриком в 1900 г. (© Государственный Эрмитаж); *2* — бочонок из кургана 32 ст. Усть-Лабинская (по: Железный век..., 2020. С. 632); *3* — бочонок из кургана 6/11 I Чертовицкого могильника (по: *Медведев*, 2008. Табл. 1, *а*); *4* — керамический бочонок из Джунгарии (по: Сычоу чжилу..., 2008. P. 246). Без масштаба. *1* — золото, *2–4* — обожженная глина

Fig. 1. Gold pendants from burial mound excavated by N. I. Petrik in 1900 (*1*) and ceramics analogies (*2–4*): *1* — pendants from burial mound excavated by N. I. Petrik in 1900 (© The State Hermitage Museum); *2* — barrel-vessels from mound 32 near the village of Ust-Labinskaya (after Железный век..., 2020. С. 632); *3* — barrel-vessels from mound 6/11 I Chertovitskiy burial ground (after *Медведев*, 2008. Табл. 1, *а*); *4* — barrel-vessels from Dzungaria (after Сычоу чжилу..., 2008. P. 246). Without scale. *1* — gold, *2–4* — ceramic

Рис. 187) или амулетниц (*Берлизов*, 1998. С. 11). Название, данное Петриком этим подвескам, является более верным, нежели прозвучавшие в упомянутых публикациях. Он назвал их *бочоночками* (НА ИИМК РАН. РО. Ф. 1. Оп. 1. 1900. Д. 272. Л. 2).

Украшения (ГЭ, инв. № 2235/1) собраны из мелких деталей, изготовленных из листового золота. Каждая из подвесок **(рис. 1, *1*)** состоит из полого горизонтального цилиндра (длина — 1,3 см), боковые стороны которого закрыты круглыми, слегка утопленными заглушками. По краям на цилиндры надеты и припаяны плоские шайбы, соседствующие с плетеными проволочными жгутами. Сверху шайбы соединены перекладиной, снизу — двумя перекладинами. К верхней перекладине припаяно по два желобчатых ушка для подвешивания. Конструкцию дополняют припаянные к цилиндрам короткие трубочки, изображающие горловины сосудов. Шарики зерни на вершинах трубочек имитируют пробки. Облик подвесок не оставляет сомнения в том, что они являются миниатюрными моделями реальных керамических или деревянных бочонков.

Примечательно то, что именно в сарматских комплексах могильников «Золотого кладбища» в Прикубанье известен высококачественный образец гончарных сосудов, скорее всего, и послуживших для древнего мастера прототипом при создании описанных ювелирных украшений. В 1902 г. Н. И. Веселовский исследовал у ст. Усть-Лабинская ряд курганных насыпей. Среди погребального инвентаря могилы кургана № 32 (I — начало II в. н. э.) находился керамический сосуд (длина — 29 см) в виде бочонка (ОИАК, 1904. С. 81. Рис. 174; *Гущина, Засецкая*, 1994. С. 66. Табл. 43, *383*; Железный век…, 2020. С. 632. № 239.1). Невозможно не заметить, что его форма и некоторые детали **(рис. 1, *2*)** схожи с обликом золотых подвесок из кургана, раскопанного Н. И. Петриком.

Еще два экземпляра керамических бочонков известны в Донском регионе. Сосуд цилиндрической формы **(рис. 1, *3*)** происходит из сарматского комплекса (середина I — начало II в. н. э.) кургана 6/11 I Чертовицкого могильника в лесостепном Подонье (*Медведев*, 2008. С. 36. Рис. 24, *5*, 38, *8*; табл. 1, *а*, *б*). Находка бочонка яйцевидной формы интерпретирована как отражение обряда тризны в материалах сарматского кургана № 39 могильника Ливенцовский VII в Нижнем Подонье (*Ильюков*, 1997. С. 26. Рис. 1, *2*).

Следует предполагать, что столь малое количество известных на сегодня сарматских керамических сосудов-бочонков свидетельствует о том, что, скорее всего, в быту у номадов большее распространение получили бочонки из дерева и, возможно, кожи — материалов, редко доходящих до археологов.

Что касается вопроса о появлении формы бочонка в быту сарматских племен, то следует согласиться с предположением о восточных корнях этой традиции (см.: *Медведев*, 2008. С. 36). Несмотря на то что форма, несомненно, была распространена в древнем мире довольно широко и, например, известна в V в. до н. э. на территории Великой Греции и в скифское время в Горном Алтае (*Шульга*, 2015. С. 73. Рис. 21, *22*), в ареале среднесарматской культуры она может рассматриваться как центрально- и среднеазиатский импорт.

Наиболее географически удаленной аналогией сарматским керамическим бочонкам является сосуд **(рис. 1, *4*)** из погребения ханьского периода в Джунгарии (Сычоу чжилу…, 2008. P. 246. Fig. 4). Этот материал недавно был приведен как близкая параллель (*Pankova*, 2020. P. 389. Fig. 24) керамическим бочонковидным сосудам и деревянным бочонкам таштыкской культуры Южной Сибири (*Кызласов*, 1960. С. 56. Рис. 12, *7*, 24, *7*; табл. 4, *72*) и кокэльской культуры Тувы (*Вайнштейн*, 1974. С. 44. Табл. 1, *6*).

Вероятно, идея изготовления сосудов в виде керамических и деревянных бочонков, могла «проделать» длинный и разветвленный путь от Ханьского Китая до Приазовья и Северного Предкавказья, прежде чем вдохновить древнего ювелира на создание золотых украшений в виде миниатюрных моделей бочонков.

НА ИИМК РАН. РО. Ф. 1. Оп. 1. 1900. Д. 272: Дело Императорской археологической комиссии о древностях, присланных в комиссию на рассмотрение Н. И. Петриком из Кубанской области. 272 л.

Берлизов, 1998 — *Берлизов Н. Е.* О нескольких забытых находках круга «Золотого кладбища» // Древности Кубани. 1998. Вып. 8. С. 10–14.

Вайнштейн, 1974 — *Ванштейн С. И.* История народного искусства Тувы. М.: Наука, 1974. 224 с.

Гущина, Засецкая, 1994 — *Гущина И. И.*, *Засецкая И. П.* «Золотое кладбище» Римской эпохи в Прикубанье. СПб.: Фарн, 1994. 172 с.

Железный век…, 2020 — Железный век. Европа без границ. Первое тысячелетие до н. э. Каталог выставки / Ред.: А. Ю. Алексеев и др. СПб.: Чистый лист, 2020. 720 с.

Ильюков, 1997 — *Ильюков Л. С.* Исследование курганов на западной окраине г. Ростов-на-Дону // Историко-археологические исследования в Азове и на Нижнем Дону. 1997. Вып. 14. С. 24–27.

Кызласов, 1960 — *Кызласов Л. Р.* Таштыкская эпоха в истории Хакасско-Минусинской котловины (I в. до н. э. — V в. н. э.). М.: Изд-во МГУ, 1960. 198 с.

Медведев, 2008 — *Медведев А. П.* Сарматы в верховьях Танаиса. М.: Таус, 2008. 252 с.

ОИАК, 1902 — Отчет ИАК за 1900 г. СПб.: тип. Гл. упр. уделов, 1902. 172 с.

ОИАК, 1904 — Отчет ИАК за 1902 г. СПб.: тип. Гл. упр. удело, 1904. 199 с.

Сычоу чжилу…, 2008 — Сычоу чжилу: Синьцзян гудай вэньхуа [丝绸之路・新疆古代文化]. Шелковый путь: Древние культуры Синьцзяна / Под ред. Ци Сяошань, Бо Ван [祁小山、王博]. Урумчи: Синьцзян жэминь чубаньшэ, 2008. 303 с. (на кит. яз.).

Шульга, 2015 — *Шульга П. И.* Скотоводы Горного Алтая в скифское время (по материалам поселений). Новосибирск: РИЦ НГУ, 2015. 336 с.

Pankova, 2020 — *Pankova S. V*. Mummies and mannequins from the Oglakhty cemetery in southern Siberia // Masters of the Steppe: the Impact of the Scythians and Later Nomad Societies of Eurasia: Proceedings of a conference held at the British Museum, 27–29 October 2017 / Ed. by St. J. Simpson, S. Pankova. Oxford: Archaeopress, 2020. P. 373–396.

Some remarks about finds from the burial mound excavated by N. I. Petrik in 1900

Sergey V. Voroniatov[2]

In 1900, N. I. Petrik excavated the Sarmatian mound (second half of 2nd — beginning of 3rd century AD), in which unusual objects were found. They haven't attracted attention until now. Among the finds he mentions a book that could actually be the remains of a wooden casket, and two gold pendants in the shape of barrels. The prototypes for these jewelry pieces were rare ceramic and, probably, wooden vessels-barrels. This form of ceramics could had appeared in the Sarmatian world from Central Asia.

Keywords: *mound, Sarmatians, Kuban River region, casket, jewelry, vessels-barrels*

2 Sergey V. Voroniatov — The State Hermitage Museum, 34 Dvortsovaya Emb., St. Petersburg, 190000, Russian Federation; e-mail: s.voroniatov@gmail.com; ORCID: 0000-0002-7096-4468.

Гробница 1854 г. в некрополе Пантикапея[1]

В. А. Горончаровский[2]

Аннотация. *Статья посвящена анализу материалов женского погребения в гробнице конца V — начала IV в. до н. э., открытой А. Е. Люценко в некрополе Пантикапея. Автор, сопоставив ряд престижных предметов из этого захоронения с находками из 6-го Семибратнего кургана, считает возможным рассматривать имеющиеся совпадения как свидетельство принадлежности погребенной к роду синдских царей.*

Ключевые слова: *Боспор, некрополь Пантикапея, Семибратние курганы, синды*

https://doi.org/10.31600/978-5-6050962-0-7.143-146

Осенью 1854 г., когда уже началась осада Севастополя в ходе Крымской войны, директор Керченского музея А. Е. Люценко продолжил раскопки, которые не требовали для своего завершения продолжительного времени. В ходе этих работ 20 ноября было сделано интересное открытие, подробный рапорт о котором был отправлен в Петербург графу Л. А. Перовскому, возглавлявшему Комиссию для исследования древностей (*Виноградов*, 2017. С. 27–29). В тот день исследовалась центральная часть кургана в некрополе Пантикапея на северном склоне г. Митридат по левую сторону дороги, идущей над Татарской слободкой[3]. На глубине около 3,2 м от поверхности[4] была обнаружена впущенная в материк большая каменная гробница, плотно перекрытая четырьмя тщательно отесанными массивными известняковыми плитами. Размеры каждой из них составляли около 1,8 × 0,9 × 0,36 м.

Внутреннее пространство гробницы (2,3 × 1,4 × 1,4 м) почти целиком занимал саркофаг в виде прямоугольного ящика из полированных кипарисовых досок, что свидетельствовало о высоком социальном статусе этого захоронения. Судя по торцовым стенкам, имевшим треугольное завершение, его перекрывала двускатная крышка, обитая «толстой, сетчатообразной тканью» (Там же. С. 28). На дне саркофага лежал скелет молодой женщины, ориентированный на восток. Найденные рядом мелкие предметы туалета не вызвали особого интереса у А. Е. Люценко, и кроме описания от них ничего не осталось. Гораздо больше внимания он уделил выявленным при расчистке скелета ювелирным украшениям. Они были уложены в небольшой ящичек при особой описи[5], доставлены в столицу и переданы в Императорский Эрмитаж.

Из рапорта следует, что близ черепа погребенной находились две спиралевидные подвески **(рис. 1, *1*)** с наконечниками, имевшими завершение в виде пирамидок из зерни (ок. 400 г. до н. э.: *Силантьева*, 1976. С. 127. Рис. 3, *б*; *Уильямс, Огден*, 1995. С. 152). А. Е. Люценко показалось, что они целиком сделаны из золота, но на самом деле внутри имелись бронзовые сердечники. В области шеи нашли два золотых ожерелья: одно с розетками, цветками лотоса и масками Ахелоя (ок. 400 г. до н. э.: *Уильямс, Огден*, 1995. С. 152–155), другое — из гладких и гранулированных бусин (конец V в. до н. э.: *Уильямс, Огден*, 1995. С. 156; *Калашник*, 2014. С. 78–79). Руки возле локтей украшали два серебряных браслета с золотыми наконечниками в виде львиных голов (конец V — начало IV в. до н. э.: *Уильямс, Огден*, 1995. С. 156–157; *Калашник*, 2014. С. 80–81). На пальцах левой руки были надеты два золотых перстня **(рис. 1, *2, 3*)**. На одном из них представлена рельефная фигура сидящей Пенелопы[6] (ок. 450 г. до н. э.: *Калашник*, 2014. С. 74–75), на другом — вырезано изображение перса со стре-

1 Исследование проведено в рамках ФНИ ГАН «Древнейшее наследие Юга России: города, сельские поселения, некрополи, хозяйственные трансформации по естественнонаучным данным» (FMZF-2022-0013).

2 Владимир Анатольевич Горончаровский — Институт истории материальной культуры РАН, Дворцовая наб., д. 18А, Санкт-Петербург, 191186, Российская Федерация; e-mail: goronvladimir@yandex.ru;
ORCID: 0000-0002-4405-716X.

3 В наши дни на месте Татарской слободки участок городской застройки с мечетью Джума-Джами, т. е. курган находился несколько выше современной ул. Кирова.

4 Гробница 1854 г. находилась на аршин ниже дна раскопа А. Б. Ашика, заложенного в центре кургана. Следовательно, отсчет велся не от вершины кургана, к тому времени уже срытой, и первоначальная высота его составляла никак не меньше 4 м.

5 Научный архив Гос. Эрмитажа. Ф. 1. Оп. 1. 1852–1854. Д. 30. Л. 97–98. В описи указан вес каждой вещи и общий вес — 95,5 золотника (= 407,4 г).

6 Образ Пенелопы символизировал добродетельность владелицы перстня (*Неверов*, 1976. С. 19).

Рис. 1. Сопоставимые находки из элитных погребений конца V — начала IV в. до н. э. на территории Боспора Киммерийского и сюжет проверки стрелы на античных монетах: *1–4* — находки в гробнице 1854 г. (*1* — подвески (по: *Уильямс, Огден*, 1995), *2, 3* — перстни (по: *Калашник*, 2014), *4* — скарабеоид (по: Мирмекийский клад..., 2004)); *5–8* — находки в 6-м Семибратнем кургане (5 — подвеска (по: *Силантьева*, 1976), *6* — ожерелье, *7* — перстень (по: *Анфимов*, 1987), *8* — скарабеоид (по: *Неверов*, 1976)); *9–11* — монеты V–III вв. до н. э. с изображением проверки стрелы (*9* — диобол с легендой ΣΙΝΔΩΝ (по: *Строкин*, 2016), *10* — статер (Тарс, Киликия) (по: NumiaBids), *11* — тетрадрахма Антиоха I Сотера) (по: Acsearch.info)). Без масштаба

Fig. 1. Comparable finds from elite burials of the late 5th — early 4th centuries BC on the territory of the Cimmerian Bosporus and the plot of checking an arrow on ancient coins: *1–4* — finds in the tomb of 1854 (*1* — pendants (after *Уильямс, Огден*, 1995), *2, 3* — rings (after *Калашник*, 2014), *4* — scaraboid (after Мирмекийский клад..., 2004)); *5–8* — finds in the 6th Semibratny Kurgan (*5* — pendant (after *Силантьева*, 1976), *6* — necklace; *7* — ring (after *Анфимов*, 1987), *8* — scaraboid (after *Неверов*, 1976)); *9–11* — coins of the 5th–3rd centuries BC with the image of checking an arrow (*9* — diobolus with the legend ΣΙΝΔΩΝ (after *Строкин*, 2016), *10* — stater (Tarsus, Cilicia) (after NumiaBids), *11* — tetradrachm of Antiochus I Soter) (after Acsearch.info)). Without scale

лой в руках и подпись мастера Афинада[7] (середина — третья четверть V в. до н. э.: Там же, 2014. С. 76–77). Возле той же руки лежал перстень-скарабеоид из горного хрусталя **(рис. 1, *4*)** с вырезанным на нем грифоном (V в. до н. э.: Мирмекийский клад, 2004. С. 112). Если сопоставить датировки упомянутых ювелирных изделий, то наиболее вероятной датой сооружения погребального комплекса, к которому они относятся, оказывается рубеж V–IV в. до н. э., когда эти вещи, явно относящиеся к категории престижных предметов, могли находиться в обиходе одновременно.

Следует признать, что гробница 1854 г., которая была сооружена в период, непосредственно предшествовавший появлению на Боспоре уступчатых склепов, имеет большое значение для изучения культуры столичной элиты этого времени, поскольку

7 Для V в. до н. э. это достаточно редкое имя, дважды зафиксированное в Афинах (IG. I³. 1186, *147*; 1193, *147*) и один раз в Дарданосе на восточном берегу Геллеспонта (BE. 1968. N 432).

обозначает отход от существовавшей ранее традиции кремации представителей боспорской знати. В некрополе Пантикапея она является самой ранней, где был использован деревянный саркофаг, и явно выделяется по составу сопровождающего инвентаря. Интересно, что в этом отношении гробница достаточно близка к захоронению представителя правящей династии синдов в 6-м Семибратнем кургане (ок. 410–400 гг. до н. э.). Там прямоугольное сооружение из «толстых» известняковых плит размещалось в углу впущенного в материк сырцового склепа, перекрытого деревянными брусьями (*Горончаровский*, 2016). В нем находился деревянный саркофаг с двускатной крышкой, обитой шерстяной тканью. Среди многочисленных вещей, сопровождавших погребенного головой на восток человека, присутствовали две имевшие бронзовые сердечники золотые спиралевидные подвески с пирамидками из зерни (найдены на груди) **(рис. 1, *5*)** (*Силантьева*, 1976. С. 128. Рис. 4, *б*); 17 золотых бусин **(рис. 1, *6*)**; два золотых перстня: один с гладким щитком и уплощенной шинкой, другой такой же формы — с изображением барса, терзающего оленя **(рис. 1, *7*)** (*Анфимов*, 1987. С. 105), и третий — скарабеоид из горного хрусталя **(рис. 1, *8*)** с резным изображением свиньи (*Неверов*, 1976. С. 84. Кат. 17).

Совпадение ряда категорий престижных предметов в гробнице 1854 г. и 6-м Семибратнем кургане вряд ли случайно. На возможно синдское происхождение погребенной в некрополе Пантикапея женщины указывает, на наш взгляд, перстень работы мастера Афинада, который, судя по следам износа, успел сменить нескольких владельцев и был своего рода семейной реликвией. На его щитке вырезан бородатый мужчина в богатых персидских одеждах, занятый проверкой прямизны древка стрелы (*Калашник*, 2014. С. 76–77). При этом лук у него висит на запястье вытянутой руки. Обращает на себя внимание торжественность запечатленного на перстне действия, которому явно придавалось особое значение. То же действие со стрелой и положение лука присутствует у персонажа на первой серии монет с легендой ΣΙΝΔΩΝ (ок. 430–425 гг. до н. э.), выпускавшихся греческими мастерами от имени всего племени **(рис. 1, *9*)**. Долгое время считалось, что на монетах представлен коленопреклоненный Геракл (*Шелов*, 1956. С. 213; *Анохин*, 1986. С. 138; *Фролова*, 2002. С. 75), но отсутствие соответствующих атрибутов не позволяет согласиться с такой точкой зрения. В этой связи отметим, что на хорошо сохранившихся монетах первой серии у головы этого персонажа заметны детали, напоминающие лучистый венец. Что касается стрелы, то она всегда считалась близкой символике солнечного луча (*Строкин*, 2016. С. 382. Рис. 1, *4*). Если учесть, что согласно посвятительной надписи Левкона I «владыкой Лабриса», где находилась резиденция синдских царей, был Феб Аполлон (*Тохтасьев*, 2004. С. 156), то на первых монетах с легендой ΣΙΝΔΩΝ мог быть изображен именно он. С другой стороны, несмотря на внешне греческую трактовку, этот образ, видимо, был близок и понятен, прежде всего, самим синдам, соответствуя их представлениям о солнечном лучезарном боге, прародителе правящей династии со стрелой, рассматривавшейся в качестве царской инсигнии, дарованной свыше[8].

Связь сюжета проверки стрелы с солнцем и властью в иранской среде достаточно наглядно подчеркнута на серебряном статере из Тарса (ок. 370 г. до н. э.), где над стрелой в руках сидящего перса парит крылатый солнечный диск **(рис. 1, *10*)**. Собственно та же идея стрелы как символа власти, вручаемой солнечным богом (Аполлоном)[9], присутствует и на серебряных тетрадрахмах Селевкидов **(рис. 1, *11*)**. Очевидно, для их восточных подданных это было вполне наглядной демонстрацией легитимности правления.

Подводя итог, отметим, нельзя исключать вероятность того, что в гробнице 1854 г. была захоронена вышедшая замуж за представителя боспорской аристократии родственница синдского царя Гекатея, когда сам он скрепил союз с Боспором (Polyaen. VIII. 55) женитьбой на дочери Сатира I (433–389 гг. до н. э.). Ранее уже высказывалось предположение, что на синдской царевне был женат сын Сатира I Горгипп (*Werner*, 1955. S. 440; *Тохтасьев*, 1994. С. 82).

Анохин, 1986 — *Анохин В. А.* Монетное дело Боспора. Киев: Наукова думка, 1986. 178 с.

Анфимов, 1987 — *Анфимов Н. В*. Древнее золото Кубани. Краснодар: Краснодарское кн. изд-во, 1987. 232 с.

Виноградов, 2017 — *Виноградов Ю. А.* Керченские археологи во время Крымской войны // Российские археологи XIX — начала XX в. и курганные древности Европейского Боспора / Отв. ред. В. А. Горончаровский. СПб.: Изд-во РХГА, 2017. С. 23–44.

Горончаровский, 2016 — *Горончаровский В. А.* Элитное погребение в 6-м Семибратнем кургане:

8 Например, у саков стрела присутствовала среди даров, посланных им богами (Curt. VII. 8.17).

9 В данном случае лук висит на запястье левой руки Аполлона.

к интерпретации комплекса // Записки ИИМК РАН. 2016. № 13. С. 90–101.

Калашник, 2014 — *Калашник Ю. П.* Греческое золото в собрании Эрмитажа. СПб.: Изд-во ГЭ, 2014. 278 с.

Мирмекийский клад…, 2004 — Мирмекийский клад. Каталог выставки / Под ред. М. Н. Дятлова. СПб.: Изд-во ГЭ, 2004. 117 с.

Неверов, 1976 — *Неверов О. Я.* Античные инталии в собрании Эрмитажа. Л.: Аврора, 1976. 111 с.

Силантьева, 1976 — *Силантьева Л. Ф.* Спиралевидные подвески Боспора // Тр. ГЭ. 1976. Т. XVII. С. 52–56.

Строкин, 2016 — *Строкин В. Л.* Синдские монеты: взгляд из «Синдики» // ДБ. 2012. Т. 16. С. 379–418.

Тохтасьев, 1994 — *Тохтасьев С. Р.* Вотив царицы Комосарии // ПАВ. 1994. № 8. С. 80–84.

Тохтасьев, 2004 — *Тохтасьев С. Р.* Боспор и Синдика в эпоху Левкона I // ВДИ. 2004. № 3. С. 144–180.

Уильямс, Огден, 1995 — *Уильямс Д., Огден Д.* Греческое золото. Ювелирное искусство классической эпохи V–IV вв. до н. э. СПб.: Славия, 1995. 272 с.

Фролова, 2002 — *Фролова Н. А.* Корпус монет синдов (первая половина — конец V в. до н. э.) // ВДИ. 2002. № 3. С. 71–84.

Шелов, 1956 — *Шелов Д. Б.* Монетное дело Боспора VI–II вв. до н. э. М.: Изд-во АН СССР, 1956. 222 с.

Acsearch.info — Acsearch.info [Электронный ресурс]. URL: https://www.acsearch.info/ (accessed: 27.12.2023).

NumiaBids — NumiaBids [Электронный ресурс]. URL: https://www.numisbids.com/n.php?p=lot&sid=1955&lot=158 (accessed: 27.12.2023).

Werner, 1955 — *Werner R.* Die Dynastie der Spartokiden // Historia. 1955. Bd. 4. Heft 4. S. 412–444.

Tomb of the year 1854 in the Panticapeum necropolis

Vladimir A. Goroncharovskiy[10]

The article is devoted to the analysis of the materials of the female burial in the tomb of the end of the 5th – beginning of the 4th century BC, which discovered by A. E. Lutsenko in the necropolis of Panticapeum. The author compared a number of prestigious objects from this grave with finds from the 6th Seven Brothers barrow and considers that it is the possible evidence of belonging of the buried woman to the family of the Sindian kings.

Keywords: *Bosporus, the necropolis of Panticapeum, Seven Brothers barrows, Sindoi*

10 Vladimir A. Goroncharovskiy — Institute for the History of Material Culture of the RAS, 18A Dvortsovaya Emb., St. Petersburg, 191186, Russian Federation; e-mail: goronvladimir@yandex.ru; ORCID: 0000-0002-4405-716X.

Сероглиняный сосуд с атташем из раскопок некрополя Танаиса

Т. В. Егорова[1], С. М. Ильяшенко[2]

Аннотация. *В 2008 г. в ходе работ по исследованию участка некрополя в 210 м к западу от западной оборонительной стены цитадели городища Танаис было выявлено 317 погребений, относившихся к периоду от II в. до н. э. до VI в. н. э. В одном из разграбленных погребений был обнаружен фрагментированный сероглиняный кувшин с черным покрытием, изготовленный на территории Малой Азии в промежуток от конца III до конца II — начала I в. до н. э. Нижняя часть ручки кувшина украшена рельефным изображением в виде головы Геракла (Диониса?). Единственная близкая аналогия изображению происходит из раскопок Пантикапея.*

Ключевые слова: *Танаис, некрополь, погребение, сероглиняная керамика с черным покрытием*

https://doi.org/10.31600/978-5-6050962-0-7.147-150

Исследования некрополя Танаиса начались в середине XIX в. с раскопок профессора Московского университета П. М. Леонтьева и с некоторыми перерывами продолжаются по сей день. Определенный вклад в его изучение внес старший член ИАК Н. И. Веселовский, на протяжении двух лет (1908–1909 гг.) проводивший работы на участке некрополя, расположенного к востоку–юго-востоку от городища (*Шелов*, 1970. С. 97). Им было раскопано 87 погребений, датирующихся от II в. до н. э. до IV в. н. э. К этому же времени относится основная масса известных на данный момент погребальных комплексов некрополя, в том числе на участке, расположенном в 210 м к западу от западной оборонительной стены цитадели Танаиса — к северу, западу и югу от существующего в настоящее время двухэтажного здания фондохранилища музея-заповедника. Здесь в июне–августе 2008 г. совместной археологической экспедицией ГУК РО «Донское наследие» и ГБУК РО «Археологический музей-заповедник "Танаис"» были заложены две новых площади раскопа XVIII. В результате выявлено 317 погребений. Примечательно, что почти все погребения последней хронологической группы перекрывают заполнения ограбленных могил. При этом среди самих погребений позднего периода Танаиса количество ограбленных незначительно. Можно предполагать, что большинство ограблений происходило в период с середины III по середину IV в. н. э.

Публикуемая находка происходила из заполнения одной из таких ограбленных могил (погребение 174). Погребальная конструкция — яма с заплечиками прямоугольной в плане формы с закругленными углами. Яма ориентирована длинной осью по линии восток-северо-восток–запад-юго-запад. Верхняя часть юго-западного угла повреждена позднейшим погребением 175. Горизонтальные заплечики располагались вдоль длинных стен (северной и южной). Дно ровное, глинистое. Кости скелета человека на дне отсутствовали. Заполнение рыхлое — мешаный черный грунт с включением материковой глины.

Хронологическая линия выстраивается по фрагментам амфор, в том числе родосских, на ручке одной из которых частично сохранилось прямоугольное фабрикантское клеймо с эмблемой «кадуцей» (вторая половина II в. до н. э.); синопских (II в. до н. э.); псевдокосских позднегераклейских (I в. до н. э. — I в. н. э.); светлоглиняных амфор типа «С» (вторая половина II в. н. э.). Кроме того, в заполнении найдены фрагменты лепных и кружальных сосудов II в. до н. э. — II в. н. э.

Наиболее интересным среди них является фрагментированная верхняя часть с ручкой сероглиняного кувшина с черным покрытием **(рис. 1, *1, 3*)**. Венчик раструбообразный, слабопрофилированный, с валиком по краю. Внешняя поверхность под краем декорирована рядом штампованных ов, разделенных схематичным обозначением листьев. Короткое широкое горло плавно переходит в округлое тулово. Единственная вертикальная ручка имеет уплощенную в сечении форму с двумя валиками снаружи. Обращает на себя внимание нестандартность верхнего крепления: ручка поднимется

1 Татьяна Валерьевна Егорова — Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова, Ломоносовский пр., д. 27, корп. 4, Москва, 119192, Российская Федерация; e-mail: tvegorova@yandex.ru;
ORCID: 0000-0002-8479-0518.

2 Сергей Михайлович Ильяшенко — Институт археологии РАН, ул. Дм. Ульянова, д. 19, Москва, 117292, Российская Федерация; e-mail: silyas@list.ru;
ORCID: 0000-0002-8364-4383.

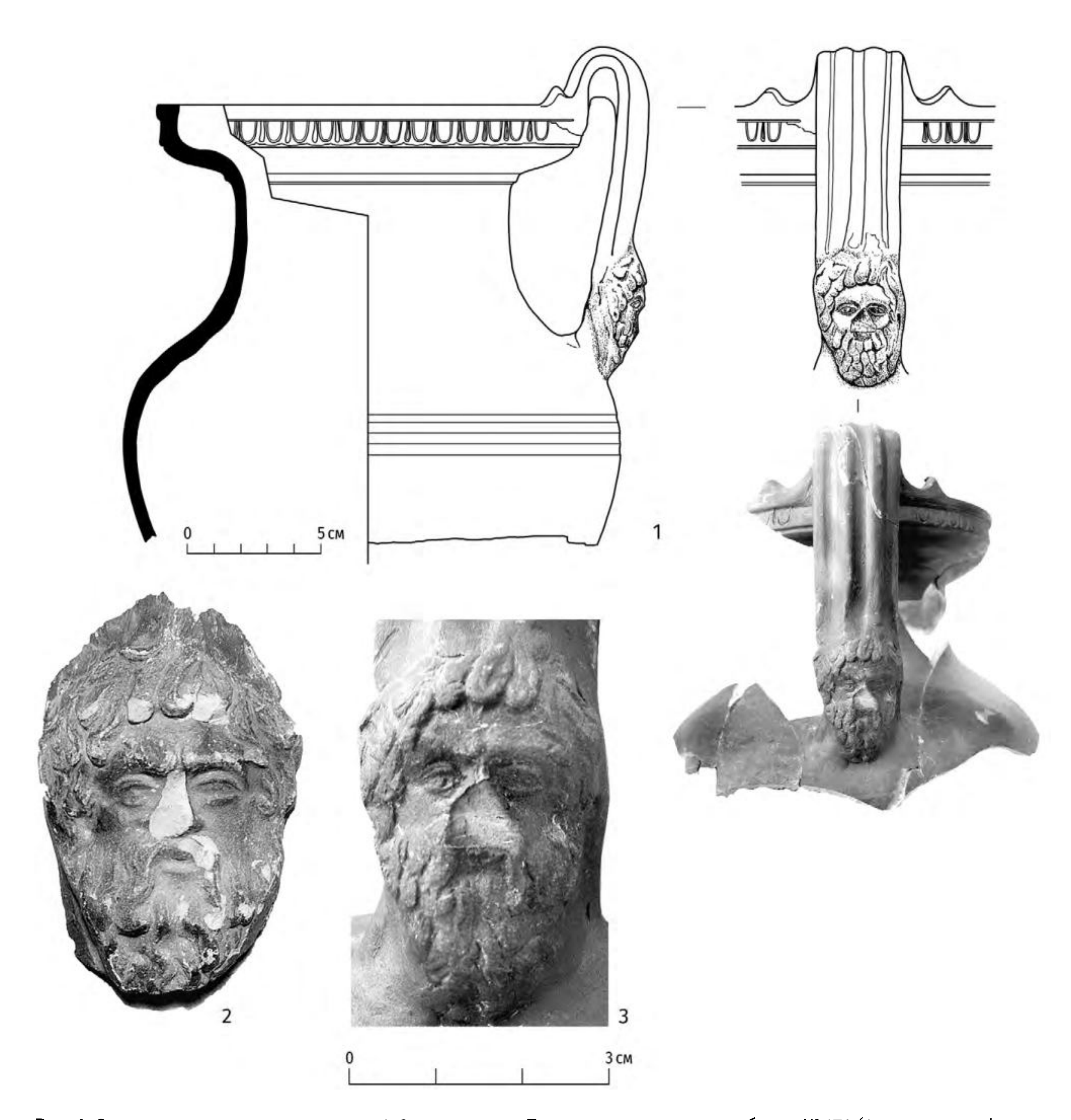

Рис. 1. Сероглиняные сосуды с атташем: *1, 3* — некрополь Танаиса, кувшин из погребения № 174 (*1* — рисунок и фотография, *3* — рельефный налеп); *2* — Пантикапей, рельефный налеп

Fig. 1. Gray-clay vessels with an attache: *1, 3* — Tanais necropolis, the jar from the grave No. 174 (*1* — drawing and photo, *3* — embossed overlay); 2 — Panticapaeum, embossed overlay

над краем венчика на 2 см, имеет резкий изгиб и подходит к нему сверху. В две стороны от нее отходит лента, заканчивающаяся треугольными выступами-шипами, направленными вверх.

Подобная техника крепления хорошо известна и встречается, например, у кружек и кувшинов начиная как минимум с классической эпохи до позднего эллинизма (*Knigge*, 2005. S. 144. Abb. 38, *262*; *Hayes*, 1984. P. 33. Fig. 203, *51*; *Meier-Schlichtmann*, 1988. S. 175, 177. Taf. 26, *394, 401*), но имеет у них существенное отличие: ручка подходит к венчику сбоку и шипы располагаются горизонтально. Особенно это характерно и обосновано технологически для двуствольных ручек миниатюрных кувшинов. В случае с аналогичным направлением крепления дополнительный декор в виде разнонаправленных выступов обычно отсутствовал (см.: *Romualdi*, 1992. P. 138–139. № 97; *Kotitsa*, 1998. Taf. 38, *69*).

Нижний атташ дополнен налепом в виде головы Геракла (Диониса?) высотой 5,0 см **(рис. 1, *3*)**. Голова представлена анфас. Лицо продолговатое, глаза миндалевидные с четко обозначенными веками и намеченными зрачками, брови нахмурены. Волнистые пряди волос обрамляют лицо и спускаются на высокий лоб, частично закрывая его. Борода густая, кудрявая, длинные закрученные усы доходят до середины ее длины. Нос утрачен. Налеп довольно грубо примазан к внешней поверхности ручки несколько выше места ее крепления к плечику. Несмотря на схожую иконографию Геракла и Диониса, при отсутствии определяющих атрибутов трактовка прически, бороды и усов, на наш взгляд, ближе образу Геракла.

Глина, из которой сделан сосуд, — светло-серая, плотная, без видимых включений. Покрытие — от темно-серого до черного, матовое, сохранилось как на внешней, так и на внутренней поверхности. Подобную керамику принято выделять в отдельную категорию «сероглиняной керамики с черным покрытием», которую в отечественной историографии часто рассматривают в совокупности с чернолаковой (подробнее см.: *Егорова*, 2009. С. 64–65; *Ушаков*, 2022. С. 408–409). Очевидно, ее производство было налажено в ряде полисов Северного Причерноморья, но специфические особенности глиняного теста публикуемого экземпляра, характерные для одной из групп керамических изделий малоазийского, в первую очередь, пергамского производства эллинистического и раннеримского времени (*Rotroff, Oakley*, 1992. P. 19; *Gassner*, 1997. P. 39) не позволяют относить его к продукции местных мастерских, а заставляют нас обратиться в поисках аналогий к памятникам восточного побережья Эгейского моря. К тому же, распространение традиции использования штампованных ов сходного исполнения в качестве декора венчиков или плечиков столовых амфор, кратеров, а также открытых сосудов разных типов, было в большей степени присуще малоазийскому производству как чернолаковой, так и сероглиняной с черным покрытием посуды во II–I вв. до н. э. (*Schäfer*, 1968. S. 50. Abb. 5, *3*; Taf. 20, *D70, D71*; *Rotroff*, 1997. P. 402, 416, 417. Pig. 97, 101, pl. 125, 135, *1600, 1707, 1708, 1709*; *Meyer-Schlichtmann*, 1988. S. 237, 238. Taf. 4, *315, 317*). Форма венчика максимально близка столовым амфорам, изготавливавшимся предположительно в мастерских Чандарли близ Пергама в конце II — начале I в. до н. э. (*Lungu*, 2013. P. 287. Pl. 2, *Ap. 3*).

При отсутствии на данный момент прямых параллелей форме, типологически этот сосуд можно отнести к одному из вариантов малоазийских кувшинов. В пользу этого свидетельствует способ верхнего крепления ручки: сверху, но без дополнительных шипов, наиболее характерный для ойнохой и кувшинов, в том числе сероглиняных (см.: *Romualdi*, 1992. P. 138–139, № 97 и др.). Для некоторых из них характерно сочетание с нижним атташем, декорированным рельефным изображением бородатого Силена или Геракла (*Romualdi*, 1992. P. 131, № 65, 66). Это же относится к кувшинам из Сард местного производства, датирующимся концом III и II в. до н. э. (*Rotroff, Oliver*, 2003. P. 63. Pl. 35, *226*).

Абсолютно аналогичный, вплоть до размеров, фрагмент налепа на нижнее крепление ручки сероглиняного сосуда с черным покрытием был обнаружен в 1947 г. в Пантикапее на Эспланадном раскопе **(рис. 1, *2*)**. К сожалению, ни размер фрагмента, ни слой, в котором он был найден, не позволяют больше судить о форме сосуда или уточнить дату его производства.

Таким образом, пока можно с уверенностью говорить о том, что из заполнения погребения 174 Танаиса происходит довольно редкий кувшин малоазийского (возможно, пергамского) производства, сделанный в промежуток от конца III до конца II — начала I в. до н. э.

Егорова, 2009 — *Егорова Т. В.* Чернолаковая керамика IV–II вв. до н. э. с памятников Северо-Западного Крыма. М.: Изд-во МГУ, 2009. 253 с.

Ушаков, 2022 — *Ушаков С. В.* Сероглиняная керамика с черным покрытием из Херсонеса: основные проблемы изучения // От Кавказа до Дуная: Северное Причерноморье в античную эпоху. Сборник научных трудов к 70-летию профессора С. Ю. Монахова / Отв. ред. А. П. Медведев. Саратов: Амирит, 2022. С. 408–424.

Шелов, 1970 — *Шелов Д. Б.* Танаис и Нижний Дон в III–I вв. до н. э. М.: Наука, 1970. 249 с.

Gassner, 1997 — *Gassner V.* Das Südtor der Tetragonos-Agora. Keramik und Kleinfunde. Wien: Verlag der Österreichische Akademie der Wissenschaften, 1997. 145 S. (Forschungen in Ephesos. Bd. XII/I/I).

Hayes, 1984 — *Hayes J. W.* Greek and Italian Black-Gloss Wares and Related Wares in the Royal Ontario Museum: a Catalogue. Toronto: Royal Ontario Museum, 1984. 204 p.

Knigge, 2005 — *Knigge U.* Der Bau Z. Kerameikos. Ergebnisse der Ausgrabungen XVII. 1. München: Hirmer Verlag, 2005. 251 S.

Kotitsa, 1998 — *Kotitsa Z.* Hellenistische Keramik im Martin von Wagner Museum der Universität Würzburg. Würzburg: Ergon-Verlag, 1998. 240 S.

Lungu, 2013 — *Lungu V. avec la collaboration de P. Dupont.* La céramique de style west slope. Bucarest:

Editura Academiei Române; Paris: Diffusion de Boccard, 2013. 340 p. (Histria. T. XIV).

Meyer-Schlichtmann, 1988 — *Meyer-Schlichtmann C.* Die Pergamenische Sigillata aus der Stadtgrabung von Pergamon. Mitte 2. Jh. v. Chr. — Mitte 2. Jh. n. Chr. Berlin: de Gryuter, 1988. 265 S. (Pergamenische Forschungen. Bd. 6).

Romualdi, 1992 — *Romualdi A.* La ceramica a vernice near // Populonia in età ellenistica: materiali dalle necropoli. Atti del Seminario, Firenze, 30 giugno 1986 / A cura di A. Romualdi. Firenze: Edizioni ETS, 1992. P. 110–151.

Rotroff, 1997 — *Rotroff S. I.* The Athenian Agora. Hellenistic Pottery. Athenian and Imported Wheel made Table Ware and Related Material. Princeton, N. J.: American School of Classic Studies at Athens, 1997. 575 p. (The Athenian Agora. 1997. Vol. XXIX).

Rotroff, Oakley, 1992 — *Rotroff S. I., Oakley J. H.* Debris from a Public Dining Place in the Athenian Agora. Princeton, N. J.: American School of Classic Studies at Athens, 1992. 250 p. (Hesperia. Suppl. XXV).

Rotroff, Oliver, 2003 — *Rotroff S., Oliver A.* The Hellenistic pottery from Sardis: the finds through 1994. London, Cambridge: Harvard University Press, 2003. 375 p. (Archaeological exploration of Sardis. Vol. 12).

Schäfer, 1968 — *Schäfer J.* Hellenistische Keramik aus Pergamon. Berlin: de Gruyter, 1968. 261 S. (Pergamenische Forschungen. Bd. 2).

A gray-clay vessel with an attache from the excavations of the Tanais necropolis

Tatiana V. Egorova[3], Sergey M. Ilyashenko[4]

In 2008, in the course of research part of the necropolis located in 210 m west of the western defensive wall of the citadel of the Tanais settlement, 317 burials were discovered. They are dated back to the period from the 2nd century BC to the 6th century AD. In one of the plundered burials, a fragmented black-coated gray jug with was found. It was made in Asia Minor in the period from the end of the 3rd to the end of the 2nd — beginning of the 1st century BC. The lower part of the handle of the jug is decorated with an embossed overlay in the form of the head of Hercules (Dionysus?). The only close analogy to the image comes from the excavations of Panticapaeum.

Keywords: *Tanais, necropolis, grave, black-coated gray wares*

3 Tatiana V. Egorova — Lomonosov Moscow State University, 27 Lomonosov Ave., building 4, Moscow, 119192, Russian Federation; e-mail: tvegorova@yandex.ru; ORCID: 0000-0002-8479-0518.

4 Sergey M. Ilyashenko — Institute of Archaeology of the RAS, 19 Dmitry Ulyanov St., Moscow, 117292, Russian Federation; e-mail: silyas@list.ru; ORCID: 0000-0002-8364-4383.

Центральная Азия в древности

Исследования могильника Фархор — памятника эпохи ранней и средней бронзы на юге Таджикистана — осенью 2022 г.

С. Бобомуллоев[1], Н. М. Виноградова[2], Б. Бобомуллоев[3], Дж. Ломбардо[4]

Аннотация. *Археологические исследования на могильнике Фархор 2022 г. дали новые данные о погребальном обряде эпохи бронзы. На основании радиоуглеродных дат могильник можно датировать временем ранней и началом средней бронзы: 2800/2700–2300 гг. до н. э. Результаты исследований могильника Фархор значительно удревняют хронологическую таблицу культур Юго-Западного Таджикистана и свидетельствуют о заселении этой территории уже в раннем бронзовом веке.*

Ключевые слова: *Южный Таджикистан, могильник, бронзовый век, коллективные погребения, хронология*

https://doi.org/10.31600/978-5-6050962-0-7.151-155

Археологические работы на могильнике Фархор в 2022 г. проводились международной экспедицией, в состав которой вошли ученые из России, Таджикистана и Италии. Могильник Фархор — самый ранний из всех известных погребальных комплексов на юге Таджикистана. Он находится на окраине г. Пархар в южной части лёссового массива Уртабоз на стрелке двух рек — Пянджа и Кызылсу, в 2 км от афганской границы. Самые интересные результаты были получены при обследовании возвышенности Уртобоз в местности Чилтанбобо на окраине г. Пархар. Все холмы в местности, где находится могильник, сплошь покрыты современными захоронениями.

В предыдущие годы (2013–2018, 2021 г.) на могильнике в местах, свободных от современных могил, было заложено девять раскопов и исследовано 63 погребения. Могилы не перекрывают друг друга и находятся на расстоянии от 1 до 4 м. Для некоторых захоронений была зафиксирована подбойная или катакомбная конструкция могильных сооружений (*Виноградова, Бобомуллоев*, 2020. С. 17).

Осенью 2022 г. работы на раскопах 3 и 9 были продолжены, а также разбиты новые раскопы 10 и 11. Всего на могильнике было открыто еще шесть погребений эпохи бронзы.

РАСКОП 3. Работы на этом раскопе проводились в 2013 г., были исследованы две могилы с парными детскими скелетами, № 5 и 6, с богатым сопроводительным инвентарем (*Виноградова, Бобомуллоев*, 2020. С. 19–20). В 2022 г. к раскопу 3 с южной стороны была сделана прирезка 6 × 4 м. Были зафиксированы следующие почвенные слои: до глубины

1 Саидмурод Бобомуллоев — Институт истории, археологии и этнографии им. А. Дониша АН Республики Таджикистан, пр. Рудаки, д. 33, Душанбе, 734025, Республика Таджикистан; e-mail: Bobomulloev_said@mail.ru.

2 Наталия Матвеевна Виноградова — Институт востоковедения РАН, ул. Рождественка, д. 12, Москва, 107031, Российская Федерация; e-mail: nat-vinogradova@mail.ru; ORCID: 0000-0003-1628-7037.

3 Бобомулло Бобомуллоев — Институт истории, археологии и этнографии им. А. Дониша АН Республики Таджикистан, пр. Рудаки, д. 33, Душанбе, 734025, Республика Таджикистан; e-mail: bobo_bobomulloev@yahoo.com.

4 Джованна Ломбардо — Фонд Леричи, пл. Маркони, д. 14, Рим, Итальянская Республика; e-mail: giovanna@beniculturali.it; ORCID: 0000-0002-0616-6555X.

0,3 м от почвенного уровня — гумусный слой, ниже — слой с биолитами[5] мощностью 1,2 м, ниже — материковый слой чистого лесса. Все захоронения были обнаружены в слое чистого лесса. Также в раскопе были обнаружены два погребения эпохи ранней бронзы — № 64 и 65.

Погребение № 64. На глубине 1,5 м от дневной поверхности зафиксирована могила катакомбной конструкции. Входная яма была овально-продолговатой формы размерами 1,0 × 1,2 м. Вход в погребальную камеру закрывал очень плотный слой земли с биолитами. В северо-восточной части входной ямы в сторону повышения склона на глубине около 2 м от дневной поверхности обнаружена погребальная камера овально-округлой формы размерами 1,6 × 1,4 м и глубиной 0,7 м. Погребение ограблено. Во входной яме и в погребальной камере зачищены мелкие фрагменты человеческих костей и фаланги пальцев. В верхней части камеры найден камень округлой формы, кремневый отщеп, на дне камеры стоял лепной сосуд с поправкой на круге.

Погребение № 65. Зафиксировано на глубине 1,8 м от уровня дневной поверхности по пятну камеры при горизонтальной зачистке. Входная яма не обнаружена. Погребальная камера имела овально-продолговатую форму (1,5 × 1,2 м), сохранилась на глубину 0,2 м. Скелет взрослого мужчины 18–35 лет[6] лежал головой на северо-запад, на правом боку, в скорченном положении в сопровождении богатого погребального инвентаря **(рис. 1, *1, 2*)**. Левая рука была согнута в локте перед грудью, правая лежала вниз к коленям. Рядом с фалангами пальцев левой ноги находились косметическая лопаточка из камня родусита **(рис. 1, *3*)** и косметический флакон из гипса с изображением трех прорезных кругов на стенках **(рис. 1, *4*)**[7]. На ногах около ступней найдены 20 бусин из серого известняка **(рис. 1, *5*)**, в области шейных позвонков лежала большая пронизка овально-продолговатой формы **(рис. 1, *6*)**. Рядом с пяточной костью расчищены еще четыре бусины биконической формы из алебастра **(рис. 1, *7*)**.

РАСКОП 9. Работы на раскопе 9 проводились в 2021 г., обнаружены два погребения, № 56 и 60, эпохи бронзы (*Бобомуллоев и др.*, 2022. С. 337–340). В полевой сезон 2022 г. к раскопу 9 с южной стороны была сделана прирезка 6 × 6 м, где исследованы погребения № 67 и 68 раннего бронзового века, а также одно захоронение раннего мусульманского времени (РМП 18).

Погребение № 67. Зафиксировано на глубине 1,8 м от уровня дневной поверхности. Входная яма не обнаружена. Камера имела овальную форму размерами 1,4 × 1,1 м. Захоронение коллективное, в нем находились три скелета. Кости первого скелета (№ 1) (ребенок, 8–12 лет) были сдвинуты в восточную часть камеры и лежали в беспорядке. С западной стороны через входную яму были подхоронены еще два умерших — взрослая женщина, 36–55 лет (скелет № 2) и ребенок, 6–8 лет (скелет № 3). Все три скелета головой обращены на юг. Взрослый скелет (№ 2) находился в центре камеры в скорченном положении на правом боку. Левая рука лежала на поясе скелета № 1. Правая рука была опущена вниз до колен. Скелет подростка (№ 3) лежал на правом боку в скорченном положении. Левая рука находилась перед грудью, правая — у колен. В погребении среди костей был обнаружен ряд вещей. За головой первого скелета — бусина-пряслице и маленькая цилиндрическая бусина из пасты. За головой второго скелета были расчищены каменное навершие и около левого плеча — лазуритовая бусина (разрушена). Основные находки были сделаны у третьего скелета: около рук лежали шесть бусин из бирюзы и агата, около челюсти — большая агатовая пронизка.

Погребение № 68. Зафиксировано на глубине 1,65 м от уровня дневной поверхности. Входная яма не обнаружена. Погребальная камера имела размеры 1,1 × 1,4 м. Скелет мужчины, 30–45 лет, лежал в скорченном положении на правом боку, головой на юго-запад. Руки согнуты в локте и находились перед лицом. Около шейных позвонков у затылка была расчищена сердоликовая подвеска и около рук — несколько кремневых отщепов средних размеров.

В раскопе 9 также на глубине 1,2 м обнаружен каменный сосуд из мраморовидного оникса из разрушенного погребения.

РАСКОП 10, размерами 6 × 3 м, был прокопан до глубины 2,4 м. Погребений эпохи бронзы не обнаружено.

РАСКОП 11 имел размеры 5 × 5 м, находился в 40 м к югу-востоку от раскопа 9. Здесь исследованы два погребения раннего бронзового века (№ 66 и 69), яма № 1 и захоронение раннего средневековья (РСП 3).

Погребение № 66. Обнаружено на глубине 1,35 м от уровня дневной поверхности. В верхней

5 Плотная твердая карбонатная конкреция.

6 Антропологические определения выполнены М. Наврузбековым, сотрудником Института истории, археологии и этнографии АН Таджикистана.

7 На рисунках нумерация находок в погребениях соответствует арабским цифрам на планах захоронений.

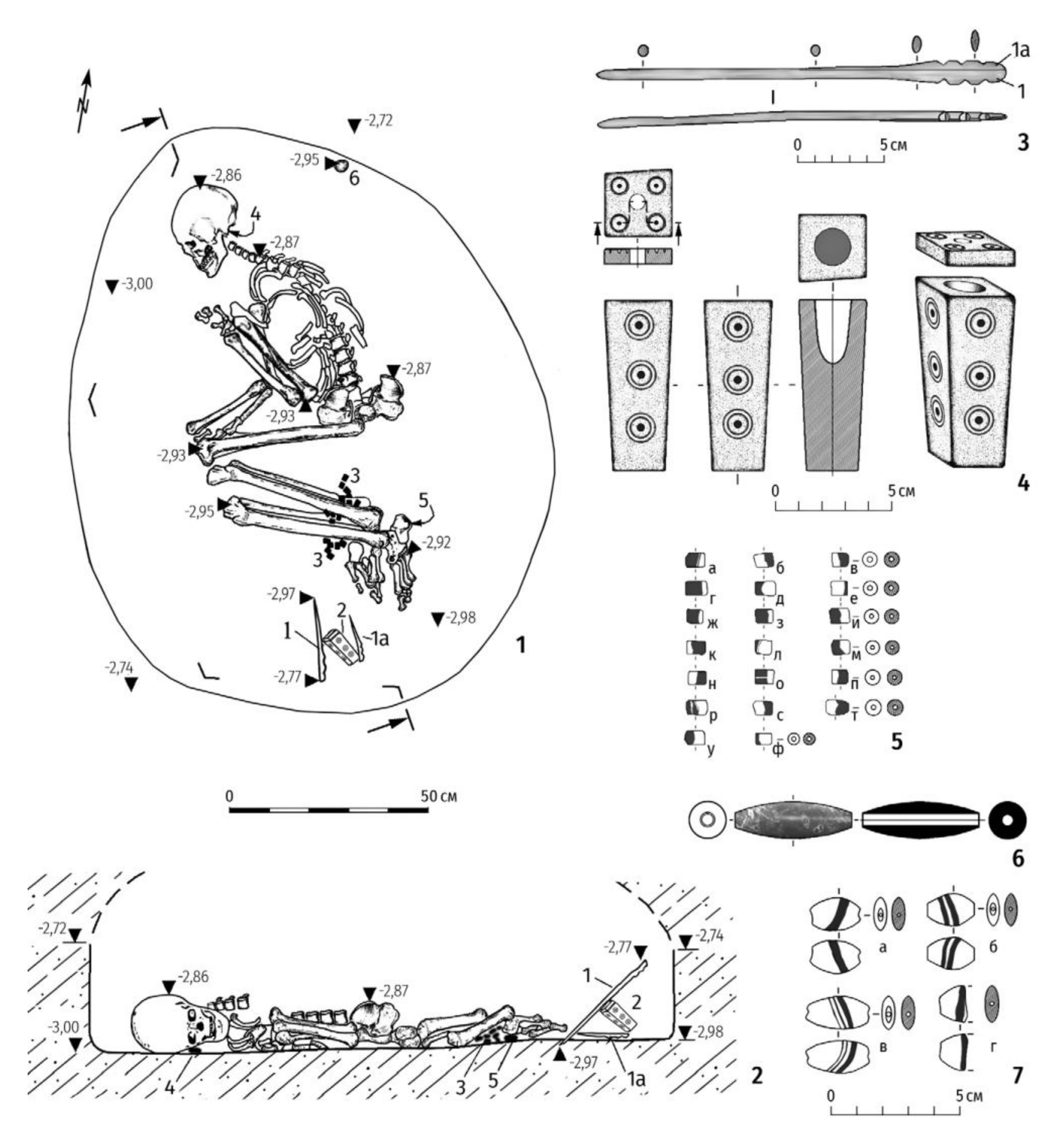

Рис 1. Могильник Фархор (Южный Таджикистан), раскоп 3, погребение 65: *1* — план; *2* — разрез; *3* — косметическая палочка из поделочного камня (родусит); *4* — косметический сосуд из камня с крышечкой, *5* — бусины *а–ф* (20 экз.), *6* — бусина, *7* — бусины *а–г* (4 экз.). *3, 5–7* — камень, *4* — гипс

Fig 1. Farkhor burial ground (Southern Tajikistan), excavation 3, burial 65: *1* — plan; *2* — section; *3* — cosmetic stick made of ornamental stone (rhodusite); *4* — cosmetic vessel made of stone with a lid, *5* — beads *а–ф* (20 pcs.), *6* — bead, *7* — beads *а–г* (4 pcs.). *3, 5–7* — stone, *4* — gypsum

части погребения зафиксированы кости животного (баран?). Мужской скелет, adultus, лежал на правом боку в скорченном положении, головой на северо-запад. Левая рука касалась ног. У груди зафиксирован череп грудного ребенка. Около челюсти взрослого скелета найдена каменная подвеска из известняка с двумя дырочками, а на груди — каменная пронизка из агата.

Погребение № 69. Зафиксировано на глубине 1,8 м от уровня дневной поверхности. Входная яма

не обнаружена, но она могла находиться с восточной стороны от погребальной камеры. Погребение коллективное, зафиксированы три скелета. Первый (№ 1) и второй (№ 2) погребенный — дети. Они были сдвинуты в западную часть камеры и лежали в анатомическом беспорядке. Третий скелет (№ 3) взрослого человека лежал на правом боку в скорченном положении, головой на северо-запад. У его колен находился кубковидный лепной сосуд на сплошном поддоне. У головы второго скелета найдено каменное навершие из известняка и большая пронизка из агата. Около черепа первого скелета лежала маленькая округлой формы бусина.

Археологические исследования на могильнике Фархор 2022 г. дают новые данные для ритуала захоронения погребений эпохи бронзы. В могилах зафиксированы коллективные погребения с подзахоронением в погребальную камеру.

Для погребений бронзового века могильника Фархор получены несколько 14С-дат, сделанные в лабораториях Германии (*Виноградова, Бобомуллоев*, 2020. С. 87–89, 205–207) и Новосибирска **(табл. 1)**.

Согласно имеющимся данным, нам представляется, что калиброванные даты для погребений № 11 и 60 слишком завышены. Даты могил № 33, 56(1), 57(1) соотносятся с периодом позднего энеолита (позднее Намазга III, постгеоксюрское время) и поздним периодом ранней бронзы (раннее Намазга IV). Учитывая, что в Фархоре представлены захоронения нескольких культурно-хронологических групп, могильник в целом можно датировать временем от позднего энеолита до начала периода средней бронзы: 2800/2700–2300 гг. до н. э. Результаты исследований могильника Фархор значительно удревняют хронологическую таблицу культур Юго-Западного Таджикистана и свидетельствуют о заселении этой территории уже в период ранней бронзы.

Бобомуллоев и др., 2022 — *Бобомуллоев С. Г., Виноградова Н. М., Ломбардо Дж.* Исследования могильника Фархор — памятника эпохи ранней и средней бронзы на юге Таджикистана осенью 2021 года // Евразия в энеолите — раннем средневековье (инновации, контакты, трансляции идей и технологий): Материалы междунар. науч. конф., посвящ. 120-летию со дня рожд. выдающегося исследователя древностей Южной Сибири и Центральной Азии М. П. Грязнова (1902–1984) / Отв. ред.: М. Т. Кашуба и др. СПб.: ИИМК РАН, 2021. С. 337–340.

Виноградова, Бобомуллоев, 2020 — *Виноградова Н. М., Бобомуллоев С.* Могильник Фархор — памятник эпохи ранней и средней бронзы в Юго-Западном Таджикистане. М.: МБА, 2020. 283 с.

Таблица 1. *Радиоуглеродные даты погребений эпохи бронзы могильника Фархор (Южный Таджикистан)*

Лабораторный №	Шифр	Идентификатор	^{14}C	±	^{13}C	1 sigma calBC	2 sigma calBC	C:N	% C	% coll
MAMS	**Германия**									
23105	Far01-Farkhor Nekropole, Grab 11	Far 01	5003	27	-25,4	3893–3713	3936–3706	180,1	51,6	59,6
43131	Far01-Farkhor Nekropole, Grab 33	Far 01	4077	24	-18,9	2832–2573	2850–2497	—	—	0,8
GV	**Новосибирск**									
GV-3929	Фархор, погребение 56 (1)	W 1	4073	—	-21,2	2855–2476	—	—	—	—
GV-3930	Фархор, погребение 57 (1)	W 2	4151	—	-21,0	2880–2586	—	—	—	—
GV-3931	Фархор, погребение 60	W 3	4823	—	-23,6	3784–3373	—	—	—	—

Research of the Farkhor burial ground — a site of the Early and Middle Bronze Age in the Southern Tajikistan — in the autumn 2022

Saidmurod Bobomulloev[8], Natalia M. Vinogradova[9], Bobomullo Bobomulloev[10], Giovanna Lombardo[11]

Archaeological research at the Farkhor burial ground this year provides new data for the burial ritual of the Bronze Age burials. Based on the radiocarbon dates according to 14C, the burial ground can be dated to the time of the Early and the beginning of the Middle Bronze Age: 2800/2700–2300 BC. The results of research of the Farkhor burial ground significantly lengthen the chronological table of cultures of Southwestern Tajikistan and indicate the settlement of this territory already in the Early Bronze Age.

Keywords: *the Southern Tajikistan, burial ground, the Bronze Age, collective burials, chronology*

8 Saidmurod Bobomulloev — Akhmad Donish Institute of History, Archaeology and Ethnography of the Academy of Sciences of the Republic of Tajikistan, 33 Rudaki Ave., Dushanbe, 734025, Republic of Tajikistan; e-mail: Bobomulloev_said@mail.ru.

9 Natalia M. Vinogradova — Institute of Oriental Studies of the RAS, 12 Rozhdestvenka St., Moscow, 107031, Russian Federation; e-mail: nat-vinogradova@mail.ru; ORCID: 0000-0003-1628-7037.

10 Bobomullo Bobomulloev — Akhmad Donish Institute of History, Archaeology and Ethnography of the Academy of Sciences of the Republic of Tajikistan, 33 Rudaki Ave., Dushanbe, 734025, Republic of Tajikistan; e-mail: bobo_bobomulloev@yahoo.com.

11 Giovanna Lombardo — Lerici Foundation, 14 Marconi Sq., Rome, Italian Republic; e-mail: giovanna@beniculturali.it; ORCID: 0000-0002-0616-6555X.

Детские погребения объекта Гонур 20 в свете взаимосвязей археологических и биоантропологических данных[1]

В. В. Куфтерин[2], О. В. Сычева[3], А. В. Фрибус[4]

Аннотация. *С целью оценки изменчивости признаков погребального обряда проанализирована выборка детских погребений из объекта Гонур 20 археологического комплекса Гонур-депе (2300–1500 до н. э., Туркменистан). Методами непараметрической статистики установлены достоверные связи между возрастом погребенных, конструкцией погребального сооружения, наличием и количеством инвентаря в захоронении. Тип погребения связан с количеством инвентаря без сосудов и положением погребенного. Связи между палеопатологическими характеристиками индивидов и основными элементами обряда в анализируемой выборке отсутствуют.*

Ключевые слова: *биоархеология, невзрослые, эпоха бронзы, БМАК/Цивилизация Окса, Туркменистан*

https://doi.org/10.31600/978-5-6050962-0-7.156-158

С целью обнаружения неявных тенденций в изменчивости погребального обряда и статистического тестирования взаимосвязей между его элементами, а также биологическими и палеопатологическими характеристиками погребенных проанализирована выборка детских захоронений сателлитного объекта Гонур 20 археологического комплекса Гонур-депе (Юго-Восточный Туркменистан, БМАК, 2300–1500 до н. э.). Учтены материалы из всех раскопанных погребений этого сателлитного поселения, содержавших скелетные останки человека. На детские захоронения приходится более трети, или 34,3 % таких объектов (23/67).

В общей сложности рассмотрены восемь признаков погребального обряда: конструкция погребального сооружения (КПС), положение погребенного, наличие или отсутствие инвентаря и его общее количество, количество сосудов и инвентаря за исключением сосудов, наличие металлических артефактов и заупокойной пищи. В качестве возможных биологических коррелятов погребального обряда рассмотрен возраст, установленный преимущественно по степени зрелости зубной системы (Standards…, 1994. P. 50–51), и относительная диафизарная длина костей нижней конечности, выраженная в виде стандартизированных оценок (*Spake*, *Cardoso*, 2021). Из патологических индикаторов привлечены данные о встречаемости линейной гипоплазии эмали, поротического гиперостоза орбит (*cribra orbitalia*) и субпериостального костеобразования на диафизах длинных костей («периостит»). Учет признаков велся на индивида (crude prevalence rate), в соответствии с рекомендациями специальной литературы (*Lewis*, 2018) и при выраженности признаков от балла 2 и выше (Data…, 2018). С учетом малой численности выборочных данных (n = 23), поиск взаимосвязей осуществлялся методами непараметрической статистики.

В таблице 1 представлены основные характеристики обряда детских погребений объекта Гонур 20 и данные по распределению остеологических индикаторов **(табл. 1)**. Относительная частота встречаемости эмалевой гипоплазии в выборке из Гонура 20 заметно ниже таковой для совокупной детской выборки из раскопок памятника, *cribra orbitalia* — заметно выше, «периостита» — несколько выше (*Куфтерин*, 2022. С. 154, 157, 162). Все отмеченные различия статистически не значимы (точный тест Фишера, $p = 0{,}181$ для гипоплазии, $p = 0{,}171$ для *cribra orbitalia* и $p = 0{,}495$ для «периостита»). Средние z-оценки для диафизарных длин бедренной и большеберцовой костей в анализируемой выборке существенно выше, чем в совокупной по памятнику

1 Исследование выполнено за счет гранта РНФ № 23-28-01720, https://rscf.ru/project/23-28-01720/. Полевые работы в Туркменистане проводятся на основании Соглашения о сотрудничестве между Институтом этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая РАН и Министерством культуры Туркменистана.

2 Владимир Владимирович Куфтерин — Институт истории материальной культуры РАН, Дворцовая наб., д. 18А, Санкт-Петербург, 191186, Российская Федерация; Институт этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая РАН, Ленинский пр., д. 32а, Москва, 119334, Российская Федерация; e-mail: vladimirkufterin@mail.ru; ORCID: 0000-0002-7171-8998.

3 Ольга Владимировна Сычева — Институт истории материальной культуры РАН, Дворцовая наб., д. 18А, Санкт-Петербург, 191186, Российская Федерация; e-mail: olysycheva@gmail.com; ORCID: 0000-0003-0867-4969.

4 Алексей Викторович Фрибус — Институт истории материальной культуры РАН, Дворцовая наб., д. 18А, Санкт-Петербург, 191186, Российская Федерация; e-mail: fribus@list.ru; ORCID: 0000-0003-3208-0319.

Таблица 1. *Остеологические индикаторы и характеристики обряда детских погребений объекта Гонур 20*

Признак*		Значение
Биологические и палеопатологические характеристики		
Возраст (лет), n (%)	0–1	5 (21,7)
	1–5	8 (34,8)
	6–11	6 (26,1)
	12–17	2 (8,7)
	Не определен	2 (8,7)
Эмалевая гипоплазия, n/N (%)		1/16 (6,25)
Cribra orbitalia, n/N (%)		6/11 (54,5)
Субпериостальное костеобразование («периостит»), n/N (%)		1/13 (7,7)
Длина диафиза бедренной кости, средняя z-оценка (n)		0,91 (3)
Длина диафиза большеберцовой кости, средняя z-оценка (n)		2,25 (3)
Характеристики погребального обряда		
Конструкция погребального сооружения, n (%)	Подбой	4 (17,4)
	Яма	14 (60,9)
	Хум	4 (17,4)
	Другая	1 (4,3)
Положение погребенного, n (%)	На правом боку	10 (43,5)
	На левом боку	1 (4,3)
	Другое	2 (8,7)
	Не определено	10 (43,5)
Кол-во артефактов в погребении (среднее)		0,82
Кол-во сосудов в погребении (среднее)		0,32
Кол-во артефактов без сосудов (среднее)		0,50
Погребения с металлическими артефактами, n/N (%)		2/21 (9,5)
Наличие заупокойной пищи в погребении, n/N (%)		2/21 (9,5)

Примечание: *n — число случаев, N — число наблюдений.

(Там же. С. 143), однако малочисленность наблюдений для Гонура 20 не дает возможности сделать каких-либо заключений по этому поводу.

По сравнению с взрослыми погребениями Гонура 20 (и Гонур-депе в целом), основной особенностью детских является преобладание ямных захоронений — 14,0 % (6/43) против 60,9 % (14/23) от общего числа погребений с определенным типом конструкции ($\chi^2 = 15{,}62$; $df = 1$; $p = 0{,}000$). Относительно взрослых захоронений в детских достоверно меньше общее среднее количество инвентаря — 0,8 единицы против 9,1 у взрослых (тест Манна — Уитни: $U = 144{,}0$; $Z = -4{,}49$; $p = 0{,}000$) и среднее количество сосудов — 0,3 единицы против 7,5 ($U = 140{,}5$; $Z = -4{,}54$; $p = 0{,}000$).

Анализ ранговых корреляций для всей совокупности рассматриваемых параметров позволил выявить девять пар признаков, между которыми зафиксированы статистически достоверные связи умеренной силы **(табл. 2)**. Палеопатологические характеристики оказались не связанными между собой, а связь между КПС и «периоститом» может представлять статистический артефакт. Единственный случай «физиологического периостита» у новорожденного ребенка (*Lewis*, 2018. P. 132) приходится на захоронение в хуме (погребение 21).

С увеличением возраста погребенных детей связаны как их вероятность быть захороненными в сопровождении инвентаря в целом, так и увеличение общего количества сосудов и инвентаря в погребении. Количество последнего достоверно связано с наличием металлических артефактов в комплексе, что подтверждается и тестом Манна — Уитни ($U = 0{,}0$; $Z = -2{,}23$; $p = 0{,}026$). Тестом Краскелла — Уоллиса подтверждается связь между возрастом и КПС: с увеличением первого возрастает вероятность быть погребенным в подбое и уменьшается — в хуме ($H = 6{,}24$; $df = 2$; $p = 0{,}044$).

Связь между КПС и количеством инвентаря без сосудов (больше — в подбойных захоронениях) практически достигает уровня статистической значимости и при проверке тестом Краскелла — Уоллиса ($H = 5{,}65$; $df = 2$; $p = 0{,}059$). Корреляция между КПС и положением погребенного указывает на тенденцию к отклонению от наиболее типичного правобочного положения для захороненных в хумах.

Таблица 2. *Коэффициенты ранговой корреляции (r_s) между признаками погребального обряда в детской выборке из объекта Гонур 20, статистически значимые при p < 0,05*

Пары признаков	r_s	p
Возраст — КПС*	0,54	0,015
Возраст — количество инвентаря	0,60	0,005
Возраст — количество инвентаря без сосудов	0,64	0,002
Возраст — наличие инвентаря	0,58	0,007
КПС — положение погребенного	0,57	0,040
КПС — количество инвентаря без сосудов	0,46	0,036
КПС — наличие металлических артефактов	0,53	0,014
КПС — «периостит»	0,58	0,049
Количество инвентаря — наличие металлических артефактов	0,58	0,005

Примечание: *КПС — конструкция погребального сооружения.

В перспективе предполагается применение разработанного аналитического алгоритма для рассмотрения взаимосвязей между характеристиками обряда и биологическими особенностями погребенных к взрослой выборке из объекта Гонур 20, а также выборкам с других локальных некрополей Гонур-депе.

Куфтерин, 2022 — *Куфтерин В. В.* Население Юго-Восточного Туркменистана в эпоху бронзы (методологические аспекты исследования): Дис. … д-ра биол. наук: 03.03.02. М., 2022. 334 с.

Data…, 2018 — Data collection codebook // The Backbone of Europe: Health, Diet, Work and Violence over Two Millennia / Ed. by R. H. Steckel et al. Cambridge: Cambridge University Press, 2018. P. 397–427.

Lewis, 2018 — *Lewis M.* Paleopathology of children: Identification of pathological conditions in the human skeletal remains of non-adults. London: Academic Press, 2018. 299 p.

Spake, Cardoso, 2021 — *Spake L., Cardoso H. F. V.* Interpolation of the Maresh diaphyseal length data for use in quantitative analyses of growth // International Journal of Osteoarchaeology. 2021. Vol. 31. P. 232–242.

Standards…, 1994 — Standards for data collection from human skeletal remains / Eds. by J. E. Buikstra, D. H. Ubelaker. Fayetteville: Arkansas Archaeological Survey, 1994. 272 p. (AAS Research Series. No. 44).

Children burials at Gonur 20 site: relationship between archaeological and skeletal data

Vladimir V. Kufterin[5], Olga V. Sycheva[6], Alexey V. Fribus[7]

For assessing relationships between funerary treatment variables and skeletal indicators a non-adult sample from Gonur 20 site at Gonur Depe archaeological complex (2300–1500 BC, Turkmenistan) is analyzed using nonparametric statistics. Significant trends have been estimated in the relationships between the age-at-death of the buried individuals, the burial construction, and the presence and quantity of grave goods. There is a relationship between the quantity of grave goods without pots and the position of the buried individual on the one hand and the grave type on the other. In the analyzed sample of non-adults there are no significant relations between the paleopathological changes and the main funerary treatment variables.

Keywords: *bioarchaeology, non-adults, Bronze Age, BMAC/Oxus Civilization, Turkmenistan*

5 Vladimir V. Kufterin — Institute for the History of Material Culture of the RAS, 18A Dvortsovaya Emb., St. Petersburg, 191186, Russian Federation; N. N. Miklukho-Maklai Institute of Ethnology and Anthropology of the RAS, 32a Leninsky Ave., Moscow, 119334, Russian Federation; e-mail: vladimirkufterin@mail.ru; ORCID: 0000-0002-7171-8998.

6 Olga V. Sycheva — Institute for the History of Material Culture of the RAS, 18A Dvortsovaya Emb., St. Petersburg, 191186, Russian Federation; e-mail: olysycheva@gmail.com; ORCID: 0000-0003-0867-4969.

7 Alexey V. Fribus — Institute for the History of Material Culture of the RAS, 18A Dvortsovaya Emb., St. Petersburg, 191186, Russian Federation; e-mail: fribus@list.ru; ORCID: 0000-0003-3208-0319.

Функциональный состав кладов позднего бронзового века Средней Азии и Восточного Казахстана[1]

О. В. Сычева[2]

Аннотация. *В работе анализируется функциональный состав кладов позднего бронзового века с территории Средней Азии и Восточного Казахстана, а также проводится их сопоставление с кладами срубной культурно-исторической общности. В них так же, как и в срубных кладах, присутствует «трехчастная структура» — топоры, серпы, тесла с долотами, однако по целому ряду признаков, таких как типы предметов и их сопряженность между собой, они имеют особые характеристики.*

Ключевые слова: *Средняя Азия, Казахстан, клады, поздний бронзовый век*

https://doi.org/10.31600/978-5-6050962-0-7.159-162

Клады относятся к числу основных археологических источников, наряду с поселениями и погребениями. Они содержат важную информацию, которая может свидетельствовать о процессах производства, накопления и перераспределения металлических изделий (*Бочкарев*, 2010. С. 159). В данной работе рассматривается функциональный состав кладов с территории Средней Азии и Восточного Казахстана. Здесь они не столь распространены, по сравнению с Восточной Европой, однако представляют не меньший интерес.

Для данной работы было отобрано 18 кладов с территории Узбекистана, Кыргызстана и Восточного Казахстана. Все они относятся к позднему бронзовому веку. Большинство кладов найдено случайным образом, каких-либо следов культурного слоя на месте обнаружения не зафиксировано. Ряд кладов можно считать таковыми лишь условно (Бричмулла, Иссыкуль, Узун-Ахмат), так как обстоятельства их обнаружения вызывают сомнения, возможно, это был сбор случайных вещей, а не закрытый комплекс.

Клады можно разделить на два типа. К первому типу относятся так называемые чистые клады, в состав которых входит только одна категория предметов. В рассматриваемой выборке этот тип составляют три клада: Каракольский II, Сукулук (Сокулук) II и Узун-Ахмат. Каракольский II клад состоит из пяти кинжалов, которые имеют длинный вытянуто-листовидный клинок с ребром посередине, уступ-упор отделяет от основания лезвия литую рукоять, завершающуюся фигуркой животного (*Винник, Кузьмина*, 1981. С. 48–52). Клад Сукулук (Сокулук) II состоял из 15–17 серпов, однако до нашего времени сохранились только два из них (*Кожемяко,* 1960. С. 105–106). Что касается находок из Узун-Ахмата, то там было обнаружено два ножа, один однолезвийный, второй — двулезвийный с выемкой (*Кибиров, Кожемяко*, 1956. С. 45–46).

Ко второму типу относятся комплексные клады, включающие две или более категории предметов. Для анализа состава комплексных кладов были выделены группы подкатегорий: орудия деревообработки (тесла и долота), топоры, серпы, ножи, оружие (копья, наконечники стрел, кинжалы), украшения, зеркала, особые формы (крючки, шилья, иглы, бритвы). Было выделено девять функциональных подразделений и составлена таблица сопряженности категорий **(табл. 1)**. В таблице на пересечении горизонтальных и вертикальных столбцов в соответствующих графах отмечено наличие в кладе изделий той или иной категории.

Для того чтобы проанализировать структуру комплексных кладов, была сделана схема функциональной структуры **(рис. 1)**. На ней изображены основные категории выделенных изделий, а связи между ними обозначены линиями. Одна связь соответствует одной линии, чем больше линий соединяет категории изделий, тем сильнее связь между ними.

Исходя из схемы видно, что сопряженность между категориями довольно плотная, все предметы связаны друг с другом, по меньшей мере, два раза. Наиболее сильная связь между серпами, топорами и тесел с долотами. Количество связей варьирует от 5 до 7, тем самым представляя как бы ядро клада.

1 Работа подготовлена в рамках выполнения программы ФНИ ГАН по теме государственного задания «Степные скотоводческие культуры, оседлые земледельцы и городские цивилизации Северной Евразии в энеолите — позднем железном веке (источники, взаимодействия, хронология)» (FMZF-2022-0014).

2 Ольга Владимировна Сычева — Институт истории материальной культуры РАН, Дворцовая наб., д.18А, Санкт-Петербург, 191186, Российская Федерация; e-mail: olysycheva@gmail.com; ORCID: 0000-0003-0867-4969.

Таблица 1. *Функциональный состав кладов металлических изделий позднего бронзового века Средней Азии и Казахстана*

Клады	Молотки	Зеркала	Особые формы	Топоры	Тесла/ долота	Серпы	Украшения	Ножи	Оружие
Шамшинский клад	1	4	3	2	4	3	7	1	1
Кайтыньский клад	1	2	7	—	1	2	6	2	—
Зайсанский клад	1	—	—	1	4	—	5	—	—
Садовое	1	4	—	—	5	—	5	1	—
Сукулук I	—	3	2	3	7	—	—	—	2
Чимбайликский клад	—	—	1	1	—	—	—	1	—
Преображенский клад	—	—	3	1	—	—	1	1	—
Андреевский клад	—	—	—	1	2	—	4	—	—
Алексеевский клад	—	—	—	1	1	1	—	—	—
Турксибский клад	—	—	—	1	1	3	—	1	1
Иссыкульский клад	—	—	—	1	—	1	—	—	2
Каракольский клад	—	—	—	—	3	—	—	1	—
Каменский клад	—	—	—	—	1	—	—	—	—
Сукулук (Сокулук) II	—	—	—	—	—	17	—	—	—
Предгорное	—	—	—	—	—	10	—	—	2
Клад (?) Бричмулла	—	—	—	—	—	—	2	—	5
Узун-Ахмат	—	—	—	—	—	—	—	2	—
Каракольский II клад	—	—	—	—	—	—	—	—	5

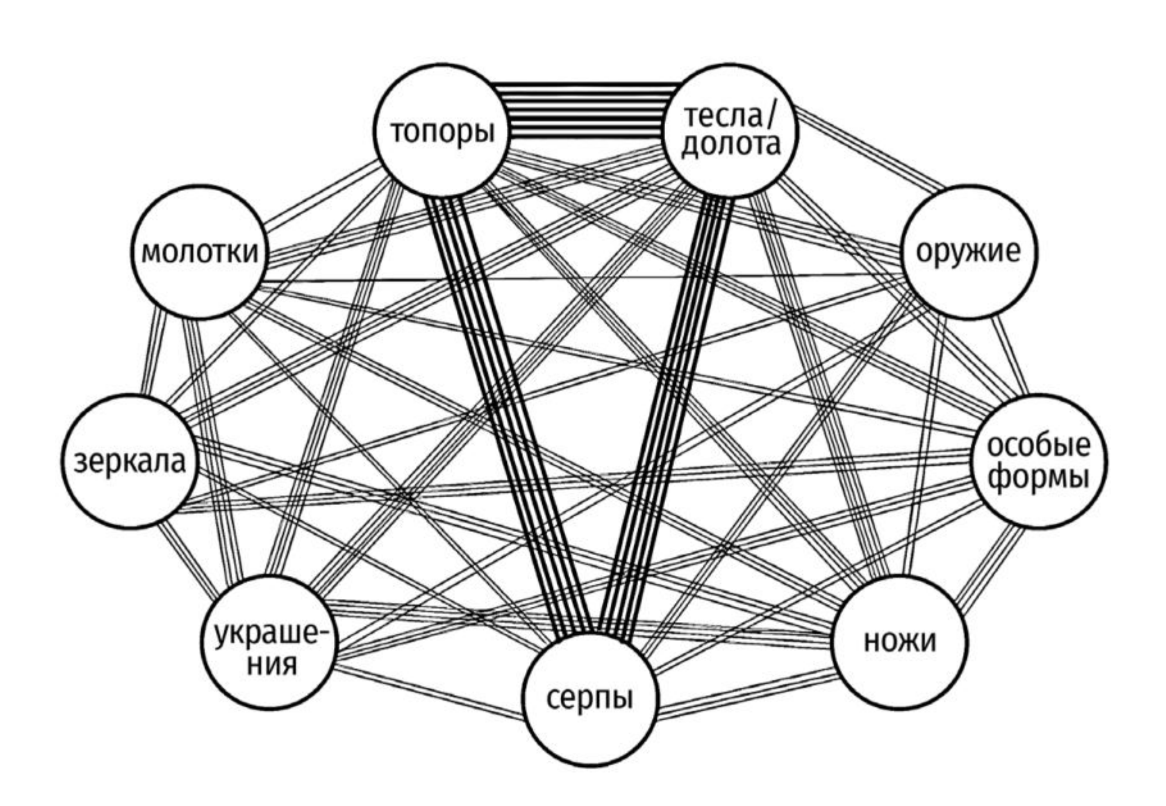

Рис. 1. Схема функциональной структуры кладов металлических изделий позднего бронзового века
Fig. 1. Scheme of the functional structure of the Late Bronze Age hoards of metal objects

Несколько иную структуру мы наблюдаем в срубных кладах. В них представлено всего шесть функциональных категорий: серпы, тесла с долотами, топоры, ножи, шилья и слитки (*Бочкарев, Климушина*, 2023. С. 117. Рис. 5). Не представлены такие категории предметов, как оружие, молотки, украшения и зеркала. Если оружие и украшения могут встречаться в единичных случаях и в срубных кладах (Верхнестярлейский клад), то молотки и зеркала не характерны для них и в целом для кладов Восточной Европы. Причем в среднеазиатских и казахстанских кладах доля украшений и зеркал велика. Общее количество зеркал — 13 экз., а украшений — 30 экз. Также часто встречается и оружие, в восьми кладах было обнаружено 18 экз. **(табл. 2)**. Вторая особенность, которая обращает на себя внимание в срубных кладах, — это прочная увязка между топорами, серпами и теслами с долотами, тогда как с остальными категориями связи единичны. Кроме того, эти категории встречаются чаще других, и они преобладают в количественном отношении (Там же. С. 118). На первом месте серпы, далее топоры и тесла с долотами. Такое же соотношение инвентаря характерно для кладов позднего бронзового века Кубани, Северного Причерноморья, Карпато-Балкан и Среднего Подунавья (Там же. С. 118). Тогда как в среднеазиатских и казахстанских комплексах первые три места занимают серпы (38 экз.), тесла с долотами (30 экз.), украшения (30 экз.) и оружие (18 экз.), топоры идут только на шестом месте по количеству найденных экземпляров **(табл. 2)**.

Тем не менее «трехчастная структура», столь характерная для срубных кладов, прослеживается в среднеазиатских и казахстанских комплексах. Как уже было сказано выше, наиболее прочные связи как раз между указанными категориями. Такое устойчивое сочетание указанных категорий может свидетельствовать о том, что во всех этих регионах были распространены изделия одних и тех же функций — рубящие орудия, сельскохозяйственный инвентарь и инструменты деревообработки (Там же. С. 119). Вероятно, из-за того, что этих предметов было много в обращении, они чаще всего и попадали в клады.

Отличие есть и в типах предметов. Это связано с тем, что срубные и среднеазиатские клады относятся к разным хронологическим периодам. Срубные клады относятся к III периоду позднего бронзового века Восточной Европы, а среднеазиатские и казахстанские — к IV–V периодам, по В. С. Бочкарёву (*Бочкарев*, 2017. С. 171–174). Кроме того они принадлежат к разным очагам металлопроизводства.

Топоры с гребнем характерны для территории Средней Азии и Казахстана, в Восточной Европе их находки единичны (клады у с. Автур, Цимлянского водохранилища, Троицкий). Для срубных кладов характерны широковислообушные топоры (Там же. С. 171). Вторая отличительная категория предметов — это тесла с уступом. Район распространения их связан, в основном, с территорией Средней Азии, Алтая и Восточного Казахстана (*Аванесова*, 1991. С. 33). Отдельные экземпляры встречаются на Средней Волге, Южном Урале, однако в кладах Восточной Европы они зафиксированы не были. В срубных кладах чаще всего встречаются тесла с боковыми выступами (цапфами) (*Бочкарев*, 2017. С. 171).

Серпы с двумя закраинами или со свернутой втулкой (тип IVб, по Е. Е. Кузьминой, или тип Д1, по Н. А. Аванесовой) — еще одна категория предметов, встречающаяся только в среднеазиатских и казахстанских кладах. На территории Восточной Европы такие серпы были обнаружены в Половинском районе Курганской области (оз. Золотое) и в районе с. Нижняя Павловка Оренбургской области. Однако эти серпы — случайные находки. Для срубных же кладов характерны серпы ибракаевского типа (см.: *Дергачев, Бочкарев*, 2002. С. 59).

Третья категория — это так называемые секиры или алебарды. Функциональное назначение этих предметов не ясно, и для них нет точных аналогий. Они обнаружены в двух кладах — Иссыкульском и Бричмулла. Два таких предмета происходят с территории Восточной Европы — с. Розвока (Луганская

Таблица 2. *Частота встречаемости и количество изделий (экз.) разных функциональных категорий в кладах позднего бронзового века*

Показатель	Функциональная категория изделий в составе клада								
	Серпы	Тесла/долота	Украшения	Оружие	Особые формы	Топоры	Зеркала	Ножи	Молотки
Частота	8	11	7	7	5	10	4	8	4
Количество	38	30	30	18	16	13	13	10	4

область) и Колонтаевка (Харьковская область) (*Tallgren*, 1926. P. 164).

Краткий обзор функционального состава демонстрирует своеобразие кладов Средней Азии и Казахстана. В них, так же как и в срубных кладах, присутствует «трехчастная структура» — топоры, серпы, тесла с долотами. Однако по целому ряду признаков они отличаются. Это касается и типов предметов, и самого функционального состава кладов. В случае со срубными кладами их интерпретируют как ординарные или хозяйственные, в пользу этого свидетельствует тот факт, что подобная «трехчастная структура» была характерна не только для состава клада, но и нашла свое отражение в других сферах металлообработки того периода, чего нельзя сказать про среднеазиатские и казахстанские комплексы.

Аванесова, 1991 — *Аванесова Н. А.* Культура пастушеских племен эпохи поздней бронзы азиатской части СССР (по металлическим изделиям). Ташкент: Фан, 1991. 200 с.

Бочкарев, 2010 — *Бочкарев В. С.* Культурогенез и древнее металлопроизводство Восточной Европы. СПб.: Инфо Ол, 2010. 231 с.

Бочкарев, 2017 — *Бочкарев В. С.* Этапы развития металлопроизводства эпохи поздней бронзы на юге Восточной Европы // Stratum plus. 2017. № 2: Они сошлись — металл и камень… С. 159–204.

Бочкарев, Климушина, 2023 — *Бочкарев В. С., Климушина А. И.* К вопросу о классификации и культурно-исторической интерпретации кладов металлических изделий эпохи бронзы Северо-Западного Кавказа // АВ. 2023. Вып. 38. С. 107–125.

Винник, Кузьмина, 1981 — *Винник Д. Ф., Кузьмина И. И.* Второй каракольский клад // КСИА. 1981. Вып. 167: Археология Сибири, Средней Азии и Кавказа. С. 48–54.

Дергачев, Бочкарев, 2002 — *Дергачев В. А., Бочкарев В. С.* Металлические серпы поздней бронзы Восточной Европы. Кишинев: ВАШ, 2002. 348 с.

Кибиров, Кожемяко, 1956 — *Кибиров А., Кожемяко П. Р.* Новые памятники эпохи бронзы // Тр. Института истории. Фрунзе: Илим, 1965. Вып. II. С. 37–47.

Кожемяко, 1960 — *Кожемяко П. Р.* Погребения эпохи бронзы в Киргизии // Изв. АН Киргизской ССР. Серия Общественных наук. Фрунзе: Илим, 1960. Т. III, вып. 3. С. 81–109.

Tallgren, 1926 — *Tallgren A. M.* La Pontide préscythique après l'introduction des métaux. Helsinki: Puromiehen kirjapaino, 1926. 248 p. (ESA. T. II).

The functional composition of the Late Bronze Age hoards from Central Asia and the Eastern Kazakhstan

Olga V. Sycheva[3]

The author regards and analyzes the functional composition of the Late Bronze Age hoards from Central Asia and Kazakhstan. The author compares them with the hoards of the Srubnaya period. There is also a "tripartite structure" — axes, sickles, and chisels with adzes — in the hoards from Central Asia and Eastern Kazakhstan. However, the variety of their features, for example types of objects and their contingency, exhibits demonstrates their uniqueness.

Keywords: *Central Asia, Kazakhstan, hoards, Late Bronze Age*

3 Olga V. Sycheva — Institute for the History of Material Culture of the RAS, 18A Dvortsovaya Emb., St. Petersburg, 191186, Russian Federation; e-mail: olysycheva@gmail.com; ORCID: 0000-0003-0867-4969.

Причерноморье, Кавказ и Центральная Азия: от средневековья к Новому времени

Раннесредневековые курганы в окрестностях Симферополя. К вопросу о новых археологических древностях Таврики

В. В. Майко[1]

Аннотация. *В работе рассматриваются археологические раскопки курганных древностей второй половины VIII в. в окрестностях Симферополя (Республика Крым), которые производились в 2021 г. Они являются продолжением традиции изучения курганов этого региона Таврики, заложенных Н. И. Веселовским. По степени важности их можно сравнить с открытием ученым Белореченской культуры Кавказа. Благодаря раскопкам 2021 г. удалось доказать присутствие в крымской степи кочевых хазар, сосуществовавших с носителями салтовской культуры. Археологическая культура этих номадов сопоставима с хазарскими захоронениями Приазовья, Нижнего Дона и Волго-Донского междуречья, однако она имеет и уникальные особенности.*

Ключевые слова: *Таврика, Симферополь, курганы, вторая половина VIII в., хазары*

https://doi.org/10.31600/978-5-6050962-0-7.163-166

Крым в научном наследии юбиляра, действительного статского советника Н. И. Веселовского занимал особое место. В 1890–1892 и 1895 г. по поручению ИАК он регулярно проводил археологические раскопки курганов в Симферопольском уезде Таврической губернии. Содействие и помощь при раскопках курганов ему оказывали члены Таврической ученой архивной комиссии (ТУАК), действительным членом которой Николай Иванович стал накануне, в 1889 г. Отчеты о раскопках 1891 и 1892 г., материалы исследований 1890 и 1895 г. публиковались как на страницах местного периодического издания (Известия ТУАК), так и в Отчетах ИАК, выходивших в столице. Эти раскопки не раз были проанализированы отечественными учеными, публиковались архивные материалы и сохранившиеся коллекции предметов, анализировался в целом вклад ученого в развитие исторических знаний о Крыме (см.: *Непомнящий*, 2016). Все это избавляет от повторений. Укажем только, что, согласно Отчетам ИАК за 1890 и 1895 г. и двум публикациям в Известиях ТУАК, Николай Иванович всего за четыре полевых сезона в Симферопольском уезде, работая по 2–4 месяца в год, раскопал как минимум 39 курганов.

В данном случае работы, о которых пойдет речь, продолжают заложенную Н. И. Веселовским традицию изучения курганных древностей в окрестностях Симферополя. К тому же, как мы постараемся доказать, по степени значимости их можно сопоставить с открытием исследователем новых средневековых курганных древностей Северо-Западного Кавказа, именуемых иногда Белореченской археологической культурой.

В 2021 г. экспедицией Института археологии Крыма РАН под руководством С. Г. Колтухова в ходе охранных исследований было раскопано пять курганов возле с. Строгоновка **(рис. 1, *2, 3*)**. Главные итоги работ были кратко опубликованы (*Колтухов и др.*, 2022), необходимо их полное монографическое введение в научный оборот. Важно отметить, что из пяти раскопанных курганов три расположенные цепочкой насыпи (1, 3, 4) были сооружены в раннесредневековое время.

1 Вадим Владиславович Майко — Институт археологии Крыма РАН, пр. Академика Вернадского, д. 2, Симферополь, 295007, Республика Крым, Российская Федерация; e-mail: vadimmaiko1966@mail.ru;
ORCID: 0000-0003-1065-4836.

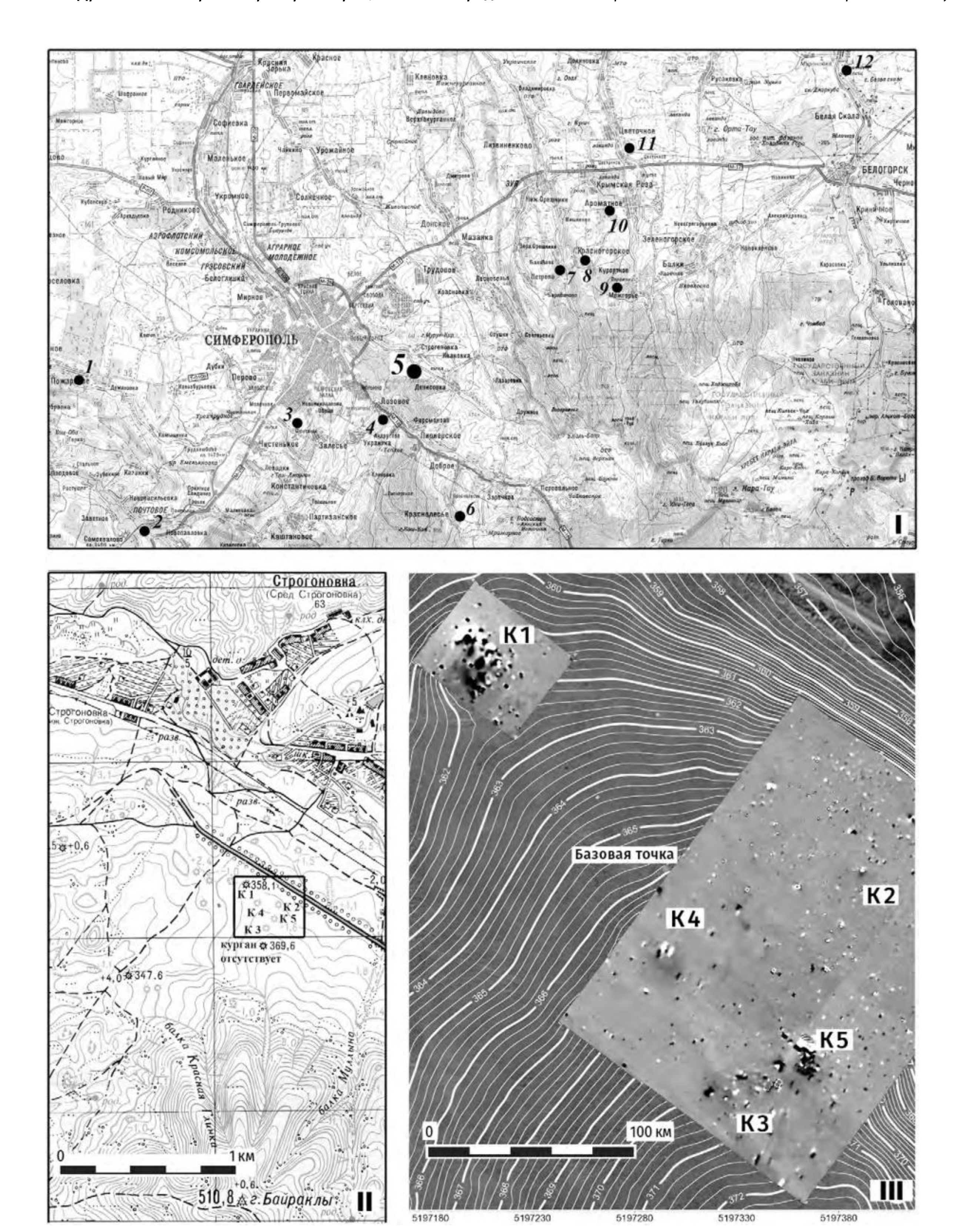

Рис. 1. Месторасположение хазарских курганов на окраинах Симферополя: *I* — курганы и ближайшие синхронные памятники салтовской культуры (*1* — Булганак; *2* — Почтовое; *3* — Фонтаны; *4* — Лозовое; *5* — курганы у с. Строгоновка; *6* — Краснолесье; *7* — Тау-Кипчак; *8* — Курортное; *9* — Межгорье; *10* — Ароматное; *11* — Цветочное; *12* — крепость Ак-Кая); *II, III* — месторасположение и магнитокарты курганов у с. Строгоновка

Fig. 1. The location of the Khazar mounds on the outskirts of Simferopol: *I* — mounds and the nearest synchronous Saltovo monuments (*1* — Bulganak; *2* — Pochtovoe; *3* — Fontany; *4* — Lozovoe; *5* — mounds near village Strogonovka; *6* — Krasnoles'e; *7* — Tau-Kipchak; *8* — Kurortnoe; *9* — Mezhgorye; *10* — Aromatnoe; *11* — Tsvetochnoe; *12* — Ak-Kaya fortress); *II, III* — location and magnetic maps of the mounds near village Strogonovka

Лучше всего сохранился курган 1, высота которого составила 2,7 м при диаметре 44 м. Остальные два кургана были сильно распаханы. Их первоначальную высоту и диаметр установить сложно. Особенности погребальных сооружений связаны с наличием под насыпью сложной грунтово-каменной прямоугольной конструкции, ориентированной углами по сторонам света. Сооружение высотой до 1,5 м состоит из неравных секторов, разделенных проходами. Помимо этого, от северного угла к центру вел более широкий коридор, ограниченный тщательно выложенными стенками. В курганах 3 и 4 от этой каменной конструкции сохранились только фрагменты.

Помимо этого, над центральной подбойной могилой с захоронением погребенного и костей коня было возведено куполовидное возвышение из обломочного камня. Лучше всего оно сохранилось в кургане 4, где его размеры составили 6 × 4 м при высоте до 1 м. В курганах 1 и 4 было зафиксировано по одному синхронному сопутствующему погребению. В кургане 3 отмечен тайник, аналогичный тем, которые фиксировались при раскопках всаднических погребальных комплексов салтово-маяцкой культуры Подонья, где они сопровождали погребения. В кургане 1, конструкция которого из-за минимальной распашки сохранилась заметно лучше остальных, отмечена тризна. Погребения были очень сильно разграблены в половецкое время, о чем свидетельствуют и половецкие могилы, и остатки половецких тризн. Тем не менее, особенности сохранившихся остатков погребального инвентаря позволяют датировать курганы в пределах второй — третьей четверти VIII в.

Исходя из всех этих факторов, захороненных в курганах кочевников трудно рассматривать в качестве потомков носителей «сивашовской культурной группы», хорошо известной на полуострове, в том числе и благодаря раскопкам последних лет (см.: *Майко*, 2018). По большей части эта культура связывается с ранними кочевыми праболгарами. Как известно, все их погребения являлись впускными.

Конструкцию погребальных сооружений, обряд погребения и сопутствующий инвентарь можно сопоставить только с выделенной исследователями второй хронологической группой кочевнических захоронений хазарского времени в курганах с квадратными ровиками Нижнего Дона и Волго-Донского междуречья, существовавшей в пределах второй четверти — середины VIII в. На основании исследованных объектов основная ее часть локализуется в междуречье Дона и Сала (*Иванов*, 2000. С. 15–16).

Все хронологические группы археологической культуры курганов с квадратными ровиками, в том числе и эта, отличаются наличием единственной основной подбойной могилы, где захоронение человека всегда сопровождается аналогично ориентированным погребением коня, чаще всего его чучела. Известны, впрочем, и впускные синхронные погребения. Присутствуют и остатки поминальных тризн. Не часто, но встречены и каменные вымостки, и усложненные ровики (Там же. С. 17–18). Все эти признаки зафиксированы и в рассматриваемых курганах.

Как известно, для второй хронологической группы характерны удила с S-видными псалиями, стремена с трапециевидной петлей путалища, подпружные пряжки прямоугольной формы, блоки для чумбура с ажурным орнаментом. Именно все эти признаки присутствуют в погребальном инвентаре захороненных в анализируемых строгоновских курганах. Среди предметов вооружения наиболее распространенными являлись луки и, соответственно, колчанные принадлежности, при отсутствии копий и топоров (*Иванов*, 2002. С. 38). Это также детально рассмотрено при описании погребального инвентаря курганов у с. Строгонова.

На основании данных раскопок впервые в крымской раннесредневековой медиевистике появилась возможность говорить о присутствии в степи Таврики в середине VIII в. кочевых хазар, в том числе и правящей верхушки, пришедших с территории Нижнего Дона и Волго-Донского междуречья. Они активно взаимодействовали и с византийским, и с салтовским населением.

Принципиальное различие раскопанных у с. Строгоновка курганов заключается в наличии сложных и огромных для хазарского мира каменных конструкций. Они неизвестны в археологической культуре курганов с квадратными ровиками. Все это требует дополнительного объяснения и заставляет рассматривать наши соображения в качестве гипотезы. Не исключено, что определенную роль в данном случае играл высокий социальный статус погребенных, о чем свидетельствует и богатый погребальный инвентарь.

Иванов, 2000 — *Иванов А. А.* Раннесредневековые подкурганные кочевнические захоронения второй половины VII — первой половины IX в. Нижнего Дона и Волго-Донского междуречья: Автореф. дис. … канд. ист. наук. Волгоград, 2000. 24 с.

Иванов, 2002 — *Иванов А. А.* О комплексе вооружения кочевников хазарского времени Нижнего Дона и Волго-Донского междуречья // Хазарский альманах. 2002. Т. 1. С. 35–40.

Колтухов и др., 2022 — *Колтухов С. Г., Майко В. В., Лавров В. В.* Раскопки курганов в горном Крыму в 2021 году // ИАКр. 2022. Вып. XVII. С. 164–171.

Майко, 2018 — *Майко В. В.* История изучения салтово-маяцкой культуры Крыма в XXI веке // МАИЭТ. 2018. Вып. XXIII. С. 589–614.

Непомнящий, 2016 — *Непомнящий А. А.* Веселовский Н. И.: малоизвестные грани крымоведческого наследия по архивным документам // ИАКр. 2016. Вып. IV. С. 176–186.

Early medieval mounds in the vicinity of Simferopol. On the question of the new archaeological antiquities of Tauris

Vadim V. Maiko[2]

The author considers archaeological excavations of mound antiquities of the second half of the 8th century in the vicinity of the city of Simferopol of the Republic of Crimea, which were carried out in 2021. These works continue the tradition of study of the mounds of this region of Tauris, founded by Nikolay I. Veselovsky. In terms of importance, they can be compared with the discovery of the Belorechensk culture of the Caucasus. Thanks to the excavations of 2021, it was possible to prove the existence of nomadic Khazars in the Crimean steppe, who coexisted with the Saltovo culture population. The archaeological culture of these nomads is comparable to the Khazar burials of the Azov Sea region, the Lower Don and the Volga-Don interfluves, but it also demostrates several unique features.

Keywords: *Tauris, Simferopol, mounds, the second half of the 8th century, Khazars*

2 Vadim V. Maiko — Institute of Archaeology of Crimea of the RAS, 2 Academician Vernadsky Ave., Simferopol, 295007, Republic of Crimea, Russian Federation; e-mail: vadimmaiko1966@mail.ru; ORCID: 0000-0003-1065-4836.

Участие археолога Е. Г. Пчелиной в восстановлении комплекса дворца ширваншахов в Баку в 1932 г.

Л. Д. Бондарь[1], М. Г. Сеидбейли[2]

Аннотация. *В статье представлены документы из СПбФ АРАН и ГААР, содержащие информацию о первом годе работ (октябрь–декабрь 1932 г.) по реставрации дворца ширваншахов в Баку, проводившейся АзЦУОП (1932–1934 гг.). Работы в первый год курировали Е. Г. Пчелина (1895–1972) и И. П. Щеблыкин (1884–1947). Документы содержат сведения об этапах работ, составе исполнителей и результатах.*
Ключевые слова: *Е. Г. Пчелина, И. П. Щеблыкин, дворец ширваншахов, Баку*

https://doi.org/10.31600/978-5-6050962-0-7.167-169

Археолог Евгения Георгиевна Пчелина (1895–1972) — известный исследователь архитектурных памятников Кавказа. В 1937 г. она участвовала в изучении монастыря Кара-тепе в Южном Узбекистане (*Вахтина*, 2019). В большинстве случаев она сама руководила работами по изучению значимых историко-культурных памятников: в 1928–1929 гг. провела раскопки нескольких памятников в Алагирском ущелье (*Шестопалова*, 2020); в 1936 г. руководила предреставрационными раскопками общеосетинского святилища Реком в Цейском ущелье (*Газданова*, 2019); в 1946 г. проводила работы в Нузальской часовне (*Блажко*, 2019); в 1955 г. возглавила работы по спасению и перемещению с Большого Зеленчука в Государственный исторический музей плит с греческими надписями, обнаруженными ею еще в 1946 г. (*Пчелина*, 1960).

Одним из памятников, работы на котором велись под руководством Е. Г. Пчелиной, был дворец ширваншахов (Ханский дворец) — архитектурный комплекс XV в. в Баку. В конце 1931 г. при Наркомпросе АССР была создана новая структура — Азербайджанское центральное управление охраны памятников революции, искусства, старины и природы (АзЦУОП). Формируя штат, директор АзЦУОП Шамиль Мамедов пригласил среди прочих «для музейной работы» Е. Г. Пчелину, а также «художника-археолога» Ивана Павловича Щеблыкина (1884–1947) (ГААР. Ф. 57. Оп. 7. Д. 24. Л. 30–30об.), с которым у Е. Г. Пчелиной сложится продуктивный исследовательский дуэт (*Бондарь, Сеидбейли*, 2023).

Работы начались с топографической съемки. Главной задачей были раскопки в самом дворце и во дворе, «чтобы обнаружить фундамент здания, его своды, полы, древние и позднейшие дверные и оконные проемы и т. д.». В отчете о деятельности АзЦУОП за 1932 г. указано, что работы велись «под наблюдением сотрудников АзЦУОПа — Пчелиной и Щеблыкина» (ГААР. Ф. 57. Оп. 7. Д. 24. Л. 35; ср. удостоверение Е. Г. Пчелиной: СПбФ АРАН. Ф. 1017. Оп. 3. Д. 69. Л. 2). Раскопки проводились с 16 октября по 31 декабря 1932 г. Об этом же сообщают сохранившиеся в СПбФ АРАН записи, которые Е. Г. Пчелина ежедневно вела во время работ (СПбФ АРАН. Ф. 1017. Оп. 1. Д. 965). В 1932 г. была осуществлена расчистка всех комнат первого этажа («а) до остатков полов, б) до бутовой кладки фундаментов»). «Особ[енно] важно нахождение остатков камен[ных] решеток[3], карнизов и проч.» (Там же. Л. 13).

Работы фиксировались Е. Г. Пчелиной по помещениям, отмечались даты (указаны не для всех помещений) и исполнители, давался перечень находок. Так, в первый день (16 октября) работы проводились в комнате № 2 тремя работниками, осуществившими раскоп «для выяснения фундамента у растесанной русскими двери». На следующий день другая бригада обнаружила колодец — «нечто вроде хода»; в тот же день было «снято ½ комнаты для культурного среза». Через день, 19 ноября, раскопки той же половины комнаты были продолжены, вторая половина раскапывалась 26 и 27 ноября, на чем работы в этом помещении

1 Лариса Дмитриевна Бондарь — Санкт-Петербургский филиал Архива РАН, Киевская ул., д. 5, корп. 9, Санкт-Петербург, 196084, Российская Федерация;
e-mail: L007@list.ru; ORCID: 0000-0001-6745-841X.

2 Мариам Гасановна Сеидбейли — Институт востоковедения им. академика Зии Буниятова, пр. Г. Джавида, д. 115, Баку, AZ1073, Азербайджанская Республика;
e-mail: mseyidbeyli@mail.ru;
ORCID: 0000-0001-6827-5885.

3 Впоследствии И. П. Щеблыкин с коллегами специально занимался поиском каменных решеток в разных местах Азербайджана (ГААР. Ф. 57. Оп. 1. Д. 1158. Л. 19; СПбФ АРАН. Ф. 1017. Оп. 3. Д. 97. Л. 11об.).

завершились. Находок было сделано немного: обнаружена боковая выемка в колодце, «бочок миски зелен[ой] поливы» и «борт миски желтой поливы с вдавлен[ным] контуром с бледно-зеленой [поливой]» (Там же. Л. 15). Работы в каждом помещении длились от одного до восьми дней. Параллельно проводились раскопки двора и осуществлялась уборка; все это также фиксировалось по дням с указанием исполнителей. В деле также имеется список работников (Там же. Л. 17). Отдельно велись записи с перечислением всех видов работ по хронологии.

21 ноября 1932 г. состоялось заседание АзЦУОП, на котором были представлены результаты, изложены первые выводы по периодизации дворца и оговорены перспективы (Там же. Л. 98–99об.). О первых результатах работ было сообщено в центральной прессе: в газете «Известия» за 1 декабря 1932 г. была помещена заметка «Музей материальной культуры в Ханском дворце», которая сообщала об открытии ряда подземных сооружений, о многочисленных находках керамики и монет XIV в. и пр., а также анонсировано: «После реставрации во дворце будет открыт музей материальной культуры, посвященный феодальной эпохе».

30 декабря на заседании АзЦУОП Е. Г. Пчелина и И. П. Щеблыкин сделали доклад «о результатах раскопок и детального обследования». «Эти раскопки значительно пополнили в общем тот сравнительно скудный материал историко-литературного характера, который, согласно задания АзЦУОПа, подобрал по Хансараю Сысоев В. М.[4] <…>» (ГААР. Ф. 57. Оп. 7. Д. 24. Л. 35). В фонде Е. Г. Пчелиной сохранился черновой рукописный текст на 12 листах, излагающий план мероприятий и результаты работ. Является ли этот текст черновиком доклада, сказать сейчас сложно, в любом случае, его «отчетный» характер очевиден. Результаты работ по другой центральной комнате № 1 выглядят следующим образом: «Комната 1/I засыпана до уровня плеч купола. Раскопка была произведена до глубины 0,5 метра от конца облицовки стен и начала бутовой кладки и затем засыпана до предполагаемого уровня пола. Раскопка обнаружила восьмигранные стены, перекрытые полусферическим сводом. Найдена керамика в количестве 21 черепка. Из них 19 штук 19–20 века и только три черепка старой персидской работы. Комната осталась недоисследованной по следующей причине: на дне раскопа в сев.-вост. части комнаты были найдены большие толстые каменные плиты, уложенные с некоторой правильностью. Но производить раскопку глубже для выяснения назначения этих плит без принятия мер к укреплению обнажаемого бута было опасно, так как комн[ата] 1/I является центральной и несущей главную тяжесть здания. (Эта комната так же, как и соседняя № 2/I, также многогранная, по-видимому, относится ко времени более раннему, чем остальной дворец <…>)» (СПбФ АРАН. Ф. 1017. Оп. 1. Д. 965. Л. 4–4об.).

Описанные Е. Г. Пчелиной помещения хорошо идентифицируются благодаря сохранившимся фотокопиям планов двух этажей (СПбФ АРАН. Ф. 1017. Оп. 1. Д. 969. Л. 5–6). Также в фонде имеется довольно много фотографий дворца во время проведения в нем работ. Часть фотографий была прислана Е. Г. Пчелиной И. П. Щеблыкиным в 1933 г., уже после отъезда исследовательницы в Ленинград; часть могла быть сделана во время пребывания Е. Г. Пчелиной в Баку (*Бондарь, Сеидбейли*, 2023. С. 130–131).

4 Василий Михайлович Сысоев (1864–1933) — советский археолог и этнограф, один из основателей азербайджанской советской археологии.

ГААР. Ф. 57. Оп. 1. Д. 1158: Протокол заседания, отчет о проделанной работе, производственный план, список научных работников Азербайджанского центрального управления охраны памятников революции, искусства, старины и природы.

ГААР. Ф. 57. Оп. 7. Д. 24: Отчет о деятельности Азербайджанского центрального управления охраны памятников революции, старины и природы (АзЦУОП) за 1932 г.

СПбФ АРАН. Ф. 1017. Оп. 1. Д. 965: Полевой дневник раскопок в Хансарае (дворце ширваншахов) в Баку.

СПбФ АРАН. Ф. 1017. Оп. 1. Д. 969: Баку. Ханский дворец. Фотографии. 1931–1933 гг.

СПбФ АРАН. Ф. 1017. Оп. 3. Д. 69: Документы [Е. Г. Пчелиной] о работе в АзЦУОП.

СПбФ АРАН. Ф. 1017. Оп. 3. Д. 97: Письма Щеблыкина Ивана Павловича, археолога, кавказоведа и художника.

Блажко, 2019 — *Блажко А. В.* О публикации материалов Е. Г. Пчелиной по исследованию Нузальской часовни // Археология, этнография и языки Кавказа в документальном научном наследии Е. Г. Пчелиной / Отв. ред. И. В. Тункина. СПб.: Реноме, 2019. С. 114–142.

Бондарь, Сеидбейли, 2023 — *Бондарь Л. Д., Сеидбейли М. Г.* Е. Г. Пчелина и И. П. Щеблыкин: материал к истории творческого тандема // Известия СОИГСИ. 2023. Вып. 47 (86). С. 128–149.

Вахтина, 2019 — *Вахтина М. Ю.* Материалы об исследованиях буддийского монастыря Кара-тепе в Термезе в личном фонде Е. Г. Пчелиной //

Археология, этнография и языки Кавказа в документальном научном наследии Е. Г. Пчелиной / Отв. ред. И. В. Тункина. СПб.: Реноме, 2019. С. 207–216.

Газданова, 2019 — *Газданова А. В.* Изучение святилища Реком Е. Г. Пчелиной // Там же. С. 103–113.

Пчелина, 1960 — *Пчелина Е. Г.* Греко-славянские эпиграфические памятники на Северном Кавказе // Археографический ежегодник за 1959 год. М.: Наука, 1960. С. 298–302.

Шестопалова, 2020 — *Шестопалова Э. Ю.* Е. Г. Пчелина и ее вклад в изучение Алагирского ущелья Северной Осетии // Труды VI (XXII) Всероссийского археологического съезда в Самаре / Отв. ред.: А. П. Деревянко и др. Самара: СГСПУ, 2020. Т. 3. С. 158–159.

The participation of the archaeologist Evgenia G. Pchelina in the restoration of the Shirvanshahs' Palace complex in Baku in 1932

Larisa D. Bondar[5], Maryam H. Seyidbeyli[6]

The article presents documents from the St. Petersburg Branch of the Archive of the Russian Academy of Sciences and State Archives of the Republic of Azerbaijan, containing information about the first year of work (October–December 1932) on the restoration of the Shirvanshahs' Palace in Baku, carried out by Azerbaijan Central Department for the Protection of the Revolution, Art, Antiquity and Nature Relics (1932–1934). The work in the first year was supervised by Evgenia G. Pchelina (1895–1972) and Ivan P. Shcheblykin (1884–1947). The documents contain information about the stages of work, the composition of performers and the results.

Keywords: *Evgenia G. Pchelina, Ivan P. Shcheblykin, Shirvanshahs' Palace, Baku*

5 Larisa D. Bondar — St. Petersburg Branch of the Archive of the RAS, 5 Kievskaya St., bldg. 9, St. Petersburg, 196084, Russian Federation; e-mail: L007@list.ru; ORCID: 0000-0001-6745-841X.

6 Maryam H. Seidbeyli — Institute of Oriental Studies named after Academican Ziya Bunyadov, 115 G. Javid Ave., Baku, AZ1073, Republic of Azerbaijan; e-mail: mseyidbeyli@mail.ru; ORCID: 0000-0001-6827-5885.

Связи черкесов Закубанья и Мамлюкского султаната в XIV — начале XVI в. по материалам раскопок Белореченских курганов[1]

И. А. Дружинина[2]

Аннотация. *В работе рассмотрены материалы Белореченских курганов из раскопок Н. И. Веселовского конца XIX — начала XX в., которые представлены предметами роскоши из дворцов мамлюкских эмиров и султанов, элементами костюма и быта, характерными для жителей средневековых арабских городов, серией находок, связанных с исламской религиозной традицией. Они попадали на Северо-Западный Кавказ, в первую очередь, как дары родственникам, жалованье торговым агентам, дипломатам и другим представителям султаната, проживавшим на землях черкесов, личные вещи мамлюков, прибывавших в родные земли с различными миссиями. Важнейший пласт археологической информации отражает бытование в XIV — начале XVI в. у черкесов Закубанья особых черт погребального обряда, не имеющих местных корней и находящих аналогии в погребальных практиках мусульманского Востока, что, в свою очередь, указывает на далеко превосходящую только торговые связи картину взаимодействия черкесов Закубанья и их родственников — мамлюков Египта и Сирии.*

Ключевые слова: *археология, Белореченские курганы, Мамлюкский султанат, Египет, Сирия, Кавказ, Золотая Орда*

https://doi.org/10.31600/978-5-6050962-0-7.170-172

В 1382 г. власть в Мамлюкском султанате перешла к черкесским султанам. Одним из следствий этого стало форсирование и увеличение объемов поставок в Египет и Сирию черкесских военных рабов, что, в свою очередь, не могло не оказывать влияния на историческое развитие народов Северо-Западного Кавказа.

Наряду с практически не введенными в научный оборот сведениями арабских письменных источников о контактах черкесов Закубанья и Султаната, выявление, систематизация и обобщение которых является одной из главных задач проекта РНФ «Мамлюки на Северном Кавказе в XIV–XVI вв.», проследить эти связи, а в ряде случаев и прямые свидетельства присутствия мамлюков на Кубани, позволяют источники археологические, и прежде всего — материалы элитарных курганных могильников XIV — начала XVI в., исследованных Н. И. Веселовским в 1896–1897, 1906–1907 гг. в окрестностях станицы Белореченская, опубликованные в Отчетах Императорской археологической комиссии.

Белореченская группа курганных могильников отличается от синхронных погребальных памятников Северного Кавказа присутствием значительного числа изделий западноевропейских и золотоордынских мастеров, но, главным образом, беспрецедентным не только для Северного Кавказа и Северо-Восточного Причерноморья, но также для Крыма, Приазовья, Предкавказья количеством импортов из Сирии, Египта и Малой Азии. Кроме того, в Белореченских курганах выявлены специфичные погребальные сооружения и целый ряд особенностей обряда, не имеющих корней в местных традициях (*Дружинина*, 2022).

Ряд исследователей рассматривает феномен Белореченских курганов как результат развития местной этнической материальной и духовной культуры (см.: *Чхаидзе, Дружинина*, 2018. С. 507–509). В рамках второго подхода своеобразие данных памятников объясняется смешением погребальных традиций и практик различных народов и племен, совместно проживавших в одном из регионов огромного полиэтничного государства — Золотой Орды.

Однако ни один из этих подходов не раскрывает особенности Белореченских курганов и обстоятельства, обусловившие их появление, в том числе локализацию насыщенных сирийскими и египетскими импортами памятников в стороне от сухопутных торговых путей и портов, прежде всего, главных рынков рабов — Каффы и Азака. Изобилие

1 Исследование выполнено за счет гранта РНФ № 23-18-00869, https://rscf.ru/project/23-18-00869/.

2 Инга Александровна Дружинина — Институт востоковедения РАН, ул. Рождественка, д. 12, Москва, 107031, Российская Федерация; e-mail: inga_druzh@mail.ru; ORCID: 0000-0002-3180-7697.

этих вещей заставляет искать источник поступления не только в торговых операциях (*Левашева*, 1953. С. 208–212), ограблении караванов (*Крамаровский*, 2012. С. 334), но, главным образом, в прямых поставках предметов роскоши из дворцов мамлюкской знати в дома их родственников в качестве подарков (о чем упоминают Ас-Сахави и Ибн Ияс), в качестве вознаграждения северокавказских агентов и купцов, обеспечивавших доставку черкесов в султанат, а также в поступлении на Кавказ личных вещей мамлюков, приезжавших на родину (*Дружинина*, 2022).

В белореченских материалах можно выделить три категории вещей из числа мамлюкского импорта.

Предметы, демонстрирующие власть мамлюков. Безусловно, их считаные единицы. Особый интерес представляет происходящая из кургана 53 (1896) сирийская стеклянная ваза с изображениями среди растений и пирующих фигур гербов султана Бейбарса (1260–1277), а также подобный изображаемым на мамлюкских ранках серебряный кубок из кургана 3 (раскопки 1906 г.).

Вторая категория находок может быть широко определена **как предметы моды (или образцы материальной культуры) султаната**: детали костюма, предметы интерьера, быта, воинской экипировки и вооружения. К ним относятся сирийские стеклянные сосуды с росписью золотом и цветными эмалями, деревянные шкатулки, поверхности которых украшены глубокой резьбой или инкрустированы костяными накладками, серебряные и золотые детали поясных наборов, изготовленных в традициях малоазийских мастеров, сабли и кинжалы, которые находят прямые аналогии мамлюкским клинкам XV в. из собрания Топкапы (Topkapi Sarayi Museum).

Третья категория находок — это **вещи, связанные с исламом**: серия тумаров — футляров для хранения фрагментов священных текстов, филактерии, а также перстни и поясные накладки с изречениями из Корана.

Интересная находка была сделана Н. И. Веселовским в богатом женском погребении (курган 10, раскопки 1896 г.). У пояса покойной был обнаружен маленький украшенный шитьем шелковый мешочек, в котором была зашита глинистая земля, как указывает Н. И. Веселовский, «взятая, может быть, на память посещения Мекки или какой-нибудь другой мусульманской святыни». В этом же комплексе находилась деревянная украшенная резьбой шкатулка, золотой пояс-цепь с арабской надписью, фигурной формы амулетница и другие предметы роскоши.

Устраивавшиеся регулярно паломничества старших жен черкесских султанов в Мекку являлись мероприятиями государственной важности, демонстрировавшими величие султаната, прочность власти мамлюков и их приверженность исламу. Не исключено, что черкесы Закубанья — состоятельные родственники знатных мамлюков, могли прибывать в султанат специально для участия в этих паломничествах.

Важнейшим свидетельством влияния султаната на жизнь черкесов Закубанья являются мусульманские захоронения XV — начала XVI в. Определенно мусульманским является белореченское погребение мужчины из кургана 6 (1906 г.): безынвентарное, в простой могильной яме, с западной ориентировкой погребенного, череп на правом виске. Важно подчеркнуть, что мусульманин был погребен с соблюдением канона, иначе говоря, обряд проводили мусульмане. С другой стороны, единственное пока достоверно известное на Кубани погребение мамлюка (*Голубев*, 2002), а значит, мусульманина, было совершено по местному языческому обряду. Два этих примера позволяют сделать вывод, что в обществе, оставившем Белореченские курганы, присутствовал определенный процент мусульман, и приверженцев ислама здесь было больше, чем это может показать количество погребений, совершенных по канонам ислама.

С влиянием ислама, видимо, следует связывать и деревянные срубы в Белореченских курганах. По своей форме — прямоугольные в плане камеры под сводчатым перекрытием — они находят аналогии в мусульманских каменных гробницах, в том числе хорошо известных по средневековым кладбищам Каира.

Веским аргументом в пользу концепции о значительном мамлюкском влиянии на жизнь населения Закубанья, отразившемся в белореченских материалах, является то, что феномен курганов на р. Белая исчезает одновременно с султанатом Бурджи, потерпевшим поражение в войне с Османами в 1517 г.

Голубев, 2002 — *Голубев Л. Э.* Мамлюкские гербы из Прикубанья // Историко-археологический альманах. 2002. Вып. 8. С. 142–146.

Дружинина, 2022 — *Дружинина И. А.* Мамлюки на Северном Кавказе в XIV — начале XVI в. в свете материалов археологии // ByzantinoCaucasica / Отв. ред. В. Н. Чхаидзе. Вып. 2. М.: ИВ РАН, 2022. С. 201–232.

Левашева, 1953 — *Левашева В. П.* Белореченские курганы // Археологический сборник. Тр. ГИМ. 1953. Вып. XXII. С. 163–213.

Крамаровский, 2012 — *Крамаровский М. Г.* Человек средневековой улицы: Золотая Орда. Византия. Италия. СПб.: Евразия, 2012. 494 с.

Чхаидзе, Дружинина, 2018 — *Чхаидзе В. Н., Дружинина И. А.* О так называемых *касожской*, *белореченской* и *старокабардинской* «археологических культурах» // Кавказ в системе культурных связей Евразии в древности и средневековье. XXX «Крупновские чтения»: Материалы междунар. науч. конф. Карачаевск, 22–29 апреля 2018 г. / Отв. ред. У. Ю. Кочкаров. Карачаевск: КЧГУ им. У. Д. Алиева, 2018. С. 507–509.

Relations between the Transkuban Circassians and the Mamluk Sultanate in the 14th — early 16th centuries (based on the excavations of the Belorechensk mounds)

Inga A. Druzhinina[3]

The paper examines the materials of the Belorechensk kurgans from the excavations of Nikolay I. Veselovsky in the late 19th — early 20th centuries, represented by luxury items from the palaces of Mamluk emirs and sultans, elements of costume and everyday life characteristic of the inhabitants of medieval Arab cities, a series of finds associated with the Islamic religious tradition. They came to the Northwest Caucasus not only as goods but primarily as gifts to relatives, salaries to commercial agents, diplomats and other representatives of the Sultanate who lived in the Circassian lands, personal effects of the Mamelukes arriving in their native lands with various missions. The most important layer of archaeological information reflects existence in the 14th — early 16th centuries of special features of the funeral rites of the Trans-Kuban Circassians that had no local roots and found analogies in the funeral practices of the Muslim East. This, in its turn, points to the picture of interaction between Trans-Kuban Circassians and their relatives — Mamelukes of Egypt and Syria far exceeding only trade connections.

Keywords: *archaeology, the Belorechensk Mounds, Mamluk Sultanate, Egypt, Syria, the Caucasus, Golden Horde*

3 Inga A. Druzhinina — Institute of Oriental Studies of the RAS, 12 Rozhdestvenka St., Moscow, 107031, Russian Federation; e-mail: inga_druzh@mail.ru; ORCID: 0000-0002-3180-7697.

Каменный рельеф с изображением барса из Анапы эпохи русско-турецких войн

А. М. Новичихин[1]

Аннотация. *В круг научных интересов Н. И. Веселовского входила военная история города Анапы, где ученый периодически жил с 1895 по 1917 г. Результатом этого стал опубликованный в 1914 г. «Военно-исторический очерк города Анапы», в котором исследователь привлек все доступные письменные источники, картографические и эпиграфические материалы об османской крепости Анапа и связанных с нею событиях периода русско-турецких войн. Найденный в Анапе в середине XX в. каменный рельеф с изображением барса на привязи может служить дополнением к уже известным данным об Анапе указанного периода. Помимо Анапы, рельефы с изображением привязанных (укрощенных) животных встречены на стенах османской крепости Бендер в бассейне Днестра. Судя по сопровождающим рельефы датам, они созданы в период восстановления Бендерской крепости в 1791–1794 гг. Анапский рельеф также может быть отнесен к периоду реконструкции Анапской крепости в 1794–1798 гг., успешное завершение которой зафиксировано в опубликованной Н. И. Веселовским стихотворной надписи 1798 г. в честь султана Селима III.*

Ключевые слова: *Н. И. Веселовский, крепость Анапа, русско-турецкие войны, Бендерская крепость, рельеф, барс, животное на привязи*

https://doi.org/10.31600/978-5-6050962-0-7.173-176

С 1895 по 1917 г. жизнь Н. И. Веселовского была тесно связана с Анапой, где ученый снимал дачу и активно участвовал в общественной жизни города. Заинтересовавшись военной историей Анапы, Н. И. Веселовский посвятил ей обширную исследовательскую работу «Военно-исторический очерк города Анапы», первоначально опубликованную в качестве статьи, а затем вышедшую в виде отдельной брошюры (*Веселовский*, 1914а; 1914б). При описании истории османской крепости и связанных с нею событий периода русско-турецких войн историк максимально привлек все доступные письменные источники, картографические и эпиграфические материалы.

Вновь интерес к истории Анапы османского времени возник спустя столетие после выхода работ Н. И. Веселовского. Во многом он был обусловлен выявлением новых источников по истории крепости, прежде всего картографических. Поднимался вопрос о необходимости привлечения археологических материалов для изучения истории Анапы турецкого периода.

Настоящая работа имеет целью введение в научный оборот еще одного, происходящего из Анапы артефакта османского периода, дополняющего ранее известные данные.

В 1949 г. в Анапе при разборке стены хозяйственной постройки нового времени на углу улиц Ленина и Набережной, прямо напротив Анапского порта, был обнаружен вторично использованный в кладке известняковый блок с рельефным изображением животного. Блок поступил на хранение в Анапский краеведческий (с 1977 г. — археологический) музей, в экспозиции которого и находится в настоящее время **(рис. 1, *А*)**.

Блок вытесан из плотного пористого известняка-ракушечника, его размеры: высота — 53 см, ширина — 50 см, толщина — 23 см. На лицевой стороне в прямоугольной рамке со скошенными углами в низком рельефе (высота — ок. 2 см) в довольно примитивной манере вырезано изображение животного, в облике которого угадывается фигура барса. Животное, обращенное влево, слегка привстало на задние лапы, передняя часть туловища возвышается над задней. Длинный хвост поднят вверх и тянется вдоль спины животного, повторяя ее контур; кончик хвоста загнут в крючок. Окончания лап расширены, на них прослеживается изображения когтей. В нижней части живота обозначен пол животного, не оставляющий сомнений в том, что данная особь является самцом. Пасть слегка приоткрыта, на голове обозначены короткие уши. От шеи барса к краю рамки под углом тянется тщательно вырезанная веревка. Несмотря на определенный примитивизм, резчик сумел наделить изображение динамикой: вздыбленная фигура животного, натянутая привязь, задранный хвост

1 Андрей Михайлович Новичихин — Анапский археологический музей, Набережная ул., д. 4, Анапа, 353440, Российская Федерация; e-mail: yazamat03@mail.ru; ORCID: 0000-0001-9878-2431.

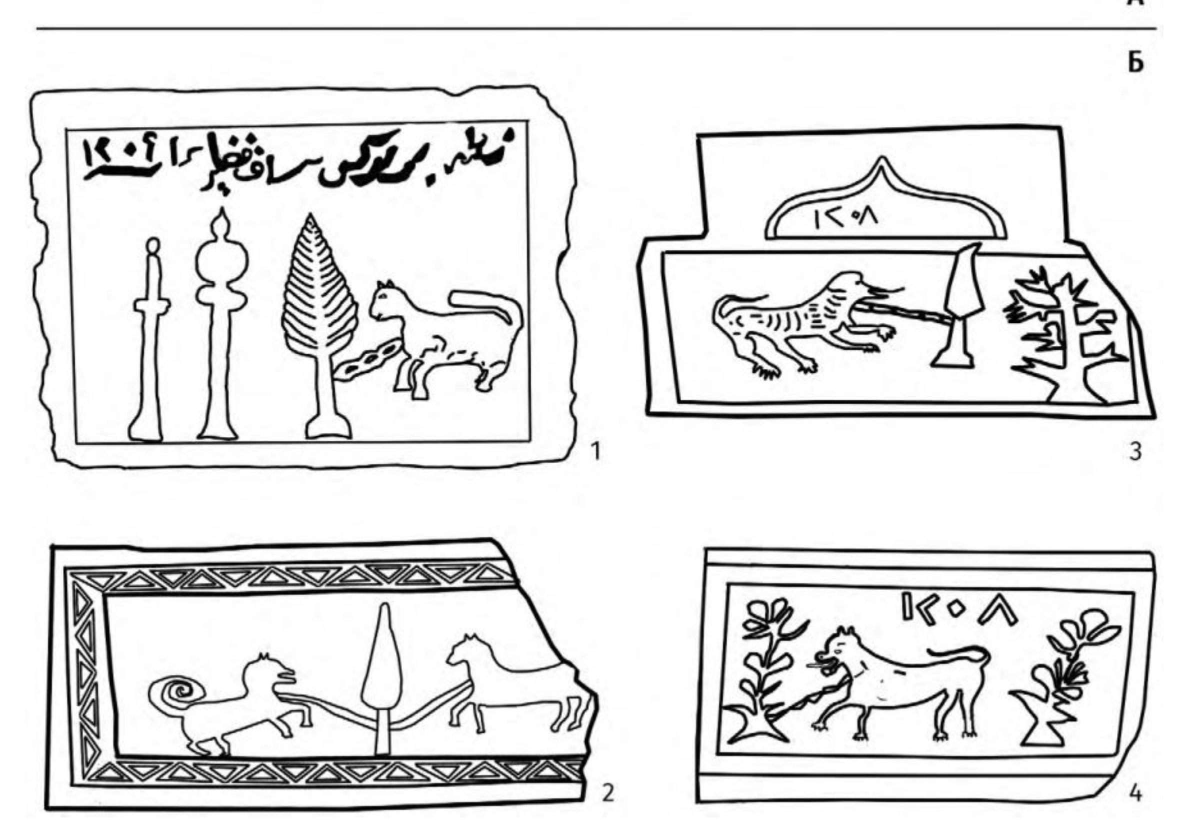

Рис. 1. *А* — каменный рельеф с изображением барса на привязи из Анапы (фото автора);
Б: 1–4 — каменные рельефы с изображением животных на стенах Бендерской крепости (по: *Красножон*, 2010. С. 12, 14, 15. Рис. 2, *7*; 3, *4*; 3, *8*; 4, *1*). Без масштаба

Fig. 1. *A* — stone relief depicting a leopard on a leash from Anapa (photo by the author);
B: 1–4 — stone reliefs with the image of the animals on the walls of the Bender fortress (after *Красножон*, 2010. С. 12, 14, 15. Рис. 2, *7*; 3, *4*; 3, *8*; 4, *1*). Without scale

передают экспрессию, сопротивление **(рис. 1, *А*)**. Блок и рельеф повреждены многочисленными сколами.

Укажем, что определить датировку и культурную атрибуцию анапского рельефа достаточно сложно. Возможно, именно из-за этого он долгое время оставался за пределами исследовательских интересов знакомых с этой находкой историков и археологов. Тем не менее, поиск аналогий запечатленному на нем сюжету увенчался успехом. Группа рельефов, на которых изображены привязанные к дереву или кусту животные, помещена на стенах Бендерской крепости — крупного оманского фортификационного комплекса в бассейне Днестра.

Бендерские рельефы были подробно рассмотрены в работе А. В. Красножона (*Красножон*, 2010). Так, в стену кронверка Бендерской крепости вмонтирована плита **(рис. 1, *Б: 1*)**, на которой в рельефе изображено животное, привязанное цепью справа к кипарису, растущему рядом с двумя минаретами (Там же. С. 12. Рис. 2, *7*). Два животных, привязанных с противоположных сторон к кипарису **(рис. 1, *Б: 2*)**, изображены на плите, вмонтированной в стену на южном фланке полубастиона 2 (Там же. С. 14. Рис. 3, *4*). На фланке этого же полубастиона имеется еще один рельеф **(рис. 1, *Б: 3*)**, на котором изображено привязанное к кипарису слева животное с когтистыми лапами, задранным вверх хвостом, своим изгибом повторяющим контур спины, и вытянутой «как у муравьеда» пастью (Там же. С. 15. Рис. 3, *8*). На фланке полубастиона 3 в составе композиции из трех украшенных рельефами плит **(рис. 1, *Б: 4*)** тоже имеется изображение привязанного справа к кусту животного (Там же. Рис. 4, *1*).

По наблюдениям А. В. Красножона, бендерские барельефы были вырезаны на квадрах уже уложенной кладки. Многие из них снабжены датами, относящимися к 1791–1794 гг. — периоду реконструкции Бендерской крепости, возвращенной Россией Османской Турции по условиям Ясского мира (Там же. С. 18–19). В привязанных («укрощенных») животных исследователь видит чаще всего лошадей или быков. На это, как может показаться, указывают утолщенные и плоско срезанные окончания ног большинства животных, напоминающие копыта. Но скрученный спиралью или длинный, задранный вверх хвост, изгиб которого повторяет контур спины животного, никак не увязывается с образом лошади. В то же время совершенно аналогичные изгибы длинного хвоста нередко присутствуют на средневековых изображениях львов и барсов. Кроме того, у животного на рельефе с кронверка Бендерской крепости явная «кошачья» голова. Создается впечатление, что не очень опытный резчик (или резчики) попытались изобразить на бендерских рельефах барсов, не придав значения форме окончаний лап животного. Плохая сохранность рельефа с фланка полубастиона 3 не исключает того, что морда изображенного на нем зверя с когтистыми лапами могла быть повреждена.

Таким образом, привязанные к кипарисам и кустам животные на рельефах Бендерской крепости вполне могли быть барсами. Появление на каменных плитах Бендерского фортификационного комплекса рельефного «бестиария», включающего «усмиренных» животных, отражает, по мнению А. В. Красножона, «атмосферу всеобщего напряжения, царившую в Бендерах в первой половине 1790-х гг.» (Там же. С. 18–19).

Анапский рельеф с барсом на привязи — единственный известный на сегодняшний день памятник с подобным сюжетом, найденный вне Бендерской крепости, причем на значительном удалении от нее. Тем не менее, эта находка тоже происходит с территории османской крепости, которую также восстанавливали после разрушения, причиненного ей русской армией генерал-аншефа И. В. Гудовича летом 1791 г.

По данным турецкого историка С. Бильджи, реконструкция Анапской крепости осуществлялась с 1794 по 1798 г. (*Bilge*, 2011). Как заметил в свое время Н. И. Веселовский, вернувшись в Анапу, «турки поспешили восстановить крепость и ее стены». Реконструкции завершилась к 1798 г. (1212 год хиджры), что было зафиксировано в установленной на крепостных воротах мраморной стихотворной надписи, в 1807 г. вывезенной в Николаев и впоследствии оказавшейся в Одесском музее. Перевод надписи, выполненный С. М. Шапшалом, был опубликован Н. И. Веселовским. Стихотворный текст, авторство которого приписывается известному турецкому поэту конца XVIII — начала XIX в. Сурури, прославляет султана Селима III за то, что тот восстанавливает пограничные крепости и тем самым «доставляет народу безопасность»: «Ныне отстроив Анапскую крепость он доставил радость населению ее» (*Веселовский*, 1914а. С. 33–34, 43; 1914б. С. 57–58, 67). Восстановление крепости к 1798 г. зафиксировано «Планом новостроящейся крепости Анапа в 1798 г.» (*Демидов*, 2018. С. 177–178. Рис. 1).

Поскольку реконструкция Анапской крепости началась в 1794 г., когда восстановление Бендерского фортификационного комплекса уже завершилось (или завершалось), нельзя исключать то, что работавшие на восстановлении укреплений

в Бендерах строители были переброшены в Анапу. Они и могли принести сюда традицию помещать на крепостные стены рельефы с изображением привязанного (усмиренного) барса, один из которых был найден в Анапе в середине XX в. Причем анапский рельеф получился реалистичней, чем бендерские. Так как сама находка была сделана поблизости от порта, не исключено, что рельеф с барсом украшал ведущие к причалам Морские ворота, располагавшиеся, согласно упомянутому плану 1798 г. (*Демидов*, 2018. Рис. 1), рядом с местом находки.

Таким образом, каменный рельеф с барсом на привязи может служить материальным свидетельством и образной иллюстрацией событий, связанных с реконструкцией османской крепости Анапа в 1790-х гг., известных Н. И. Веселовскому по стихотворной надписи 1798 г.

Веселовский, 2014а — *Веселовский Н. И.* Военно-исторический очерк города Анапы. Пг.: тип. Гл. упр. уделов, 1914. 74 с.

Веселовский, 1914б — *Веселовский Н. И.* Военно-исторический очерк города Анапы // Записки разряда военной археологии и археографии Императорского Русского военно-исторического общества. СПб.: тип. Гл. упр. уделов, 1914. Т. III. С. 27–98.

Демидов, 2018 — *Демидов А. В.* К вопросу об участии французских инженеров в строительстве турецкой крепости Анапа // ИАА. 2018. Вып. 14. С. 176–181.

Красножон, 2010 — *Красножон А. В.* Эпиграфика Бендерской крепости // Юго-Запад. Одессика. Историко-краеведческий научный альманах. 2010. Вып. 10. С. 8–24.

Bilge, 2011 — *Bilge S. M.* Yüzyıllarda Kuzey Kafkasya' da Osmanlı Kaleleri // 21. Yüzyılda Çerkesler: Sorunlarve Olanaklar Sempozyumu. Ankara. 2011. URL: https:// www.academia.edu/878606/XVI.VIII._Yüzyıllarda_Kuzey_Kafkasya_da_Osmanlı_Kaleleri (дата обращения: 04.06.2023).

A stone relief from Anapa depicting a leopard during the Russian-Turkish wars' time

Andrey M. Novichikhin[2]

The circle of research interests of Nikolay I. Veselovsky included the military history of the city of Anapa, where the scientist periodically lived from 1895 to 1917. The result of this was published in 1914 "Military-historical sketch of the town of Anapa", in which the researcher drew on all available written sources, cartographic and epigraphic materials about the Ottoman fortress of Anapa and related events of the period of the Russian-Turkish wars. A stone relief with the image of a leopard on a leash found in Anapa in the middle of the twentieth century can serve as an addition to the already known data about Anapa of this period. In addition to Anapa, reliefs depicting tethered (tamed) animals are found on the walls of the Ottoman fortress of Bender in the Dniester basin. Judging by the dates accompanying the reliefs, they were created during the restoration of the Bender Fortress in 1791–1794. The Anapa relief can also be attributed to the period of reconstruction of the Anapa fortress in 1794–1798, the successful completion of which is recorded in the published by Nikolay I. Veselovsky poetic inscription in 1798 in honor of Sultan Selim III.

Keywords: *Nikolay I. Veselovsky, Anapa fortress, Russian-Turkish wars, Bender fortress, relief, leopard, leashed animal*

2 Andrey M. Novichikhin — Anapa Archaeological Museum, 4 Naberezhnaya St., Anapa, 353440, Russian Federation; e-mail: yazamat03@mail.ru; ORCID: 0000-0001-9878-2431.

МУЗЕЙНЫЕ КОЛЛЕКЦИИ: ИСТОРИЯ ПОСТУПЛЕНИЯ И НОВЫЕ АТРИБУЦИИ

Западные коллекционеры на Кавказе и в Северном Причерноморье в дореволюционное время

С. Чандрасекаран[1]

Аннотация. *В дореволюционное время западные коллекционеры собрали большие коллекции древностей на территории Кавказа и Северного Причерноморья, переправили их в западные музеи, что усилило интерес мировой общественности к древностям юга России.*

Ключевые слова: *Кавказ, Северное Причерноморье, коллекция, коллекционеры, древности, музеи, Запад*

https://doi.org/10.31600/978-5-6050962-0-7.177-180

Во второй половине XIX — начале XX в. территория Кавказа и Северного Причерноморья вызывала особое внимание у западных ученых и коллекционеров. Они посещали регион для покупок местных древностей, а также проводили раскопки с целью создания личных коллекций древностей, которые затем переправляли за рубеж. Появление подобных коллекций в музеях Германии, Франции и других стран существенно усилило интерес к югу Российской Империи у европейских ученых, музейщиков и коллекционеров. В данном сообщении я представлю наиболее значительных коллекционеров, которые создали крупные коллекции древностей Кавказа и Северного Причерноморья.

В 1879 и 1881 г. на Кавказе побывал французский археолог-геолог Эрнест Шантре, директор лионского музея. Его интерес был сосредоточен на Осетии, где он покупал древности, а в 1881 г. и сам раскопал 22 погребения крупного могильника у селения Верхний Кобан. Коллекция составила более 1600 предметов, большая часть из которых — изящные бронзовые изделия. Коллекция была переправлена в разные французские музеи, в том числе в Сен-Жермен и Лион (*Nawroth*, 2011. S. 83–84; *Bedianashvili, Bodet*, 2010. P. 279).

В 1881 г. на V Археологический съезд в Тбилиси приезжал берлинский врач, антрополог и коллекционер Рудольф Вирхов (*Menghin*, 2011. S. 17). Здесь он познакомился с Эрнестом Шантре, посетил археологические памятники Осетии. На Кавказе он приобретал древности для собственной коллекции. После съезда он решил остаться и, по примеру Шантре, раскопать несколько погребений того же Кобанского могильника (*Nawroth*, 2011. S. 83, 85). На Кавказ Вирхов приезжал неоднократно, но после 1881 г. он также поручал другим соотечественникам проведение раскопок местных памятников и покупку древностей для берлинских музеев. Одним из них оказался Фридрих Байерн. Прибыв на Кавказ уже в середине XIX в., он в 1870-х гг. раскапывал разные памятники Грузии, Армении и Осетии. В 1881 г. он вместе с Шантре копал Кобанский могильник (*Heinrich*, 2007. S. 112–113). Находки из раскопок, проведенных по поручению Вирхова, Байерн отправил Вирхову в Берлин (*Nawroth*, 2011. S. 83). Вирхов также обратился к геологу Вальдемару Белку, который работал электротехником на фабрике Сименса в Кедабеке (*Ateshi*, 2015b. P. 166). Вирхов поручил ему копать, собирать и покупать находки для его собственной коллекции. Белк, в свою очередь, перепоручал эту задачу другим людям

1 Суджата Чандрасекаран — независимый исследователь, Берлин, Федеративная Республика Германия; Даремский университет; e-mail: sc14.archaeo@gmail.com; ORCID: 0000-0002-0821-6768.

(см.: *Ateshi*, 2016. P. 89). Вещи из коллекции Вирхова были переданы берлинским музеям.

На тбилисский V Археологический съезд (1881 г.) также приезжал австриец Франц Хегер, этнолог и директор венского Дворцового музея (ныне — Naturhistorisches Museum (Музей естественной истории)). Ознакомившись с местными памятниками и коллекционерами, он совершил первую свою покупку артефактов из погребений Верхнего Кобана для Венского музея (*Heinrich*, 2007. S. 119). В следующие годы он поручил местному археологу В. И. Долбежеву провести археологические раскопки и добыть артефакты для Вены (Ibid. S. 125). Вновь посещая Кавказ в 1890 и 1891 г., он продолжал покупать древности у местных археологов-коллекционеров и раскапывал древние погребения, в основном в Осетии. За 10 лет Хегер отправил в Вену около 5000 археологических предметов (Ibid. S. 129).

Во второй половине 1880-х гг. французский инженер-археолог Жак де Морган приехал в Ахталу (совр. Армения) как управляющий местного медного рудника (*Amiet*, 1994). С 1886 по 1890 г. он проводил масштабные раскопки древних памятников (некрополей) в разных местах нынешней Армении (Ахтала, Редкин Лагерь, Лелвар) и в Азербайджане (Талыш) (*Ateshi*, 2016. P. 92; 2015a). Предметы из своей обширной коллекции он отправил в музеи Сен-Жермен-ан-Лэ и Лион (*Ateshi*, 2016. P. 91).

Несомненно, самая крупная коллекция древностей Северного Причерноморья и Кавказа была составлена французом Мерлем де Массоно (см.: *Чандрасекаран*, 2022). Родом из винных мест близ Бордо (*Platz-Horster, Nagler*, 2007. S. 222), он уже в 1884 г. оказался в Крыму на посту управляющего царских виноделен в Крыму и на Кавказе. В 1890–1904 гг. он активно собирал коллекцию древностей юга России (*Damm*, 1988. P. 65, 72) разных эпох (культуры бронзового века, античность, средневековье), находки происходили из древних погребений. Коллекция привлекла внимание ученых из разных стран, включая немецкого археолога Карла Вацингера (*Kästner u. a.*, 2007. P. 61) и французского этнолога-археолога барона Жозефа де Бая (см. ниже).

После 1903 г. Массоно начал переправлять свою коллекцию в Германию и Францию. В 1907 и 1913 г. в два приема он совершил крупную продажу берлинским музеям. В первый раз он продал более 2000 объектов, в основном из Крыма и Северного Кавказа (*Platz-Horster, Nagler*, 2007. S. 223). Другую часть своей коллекции Массоно перевез во Францию, продав часть в 1912–1913 гг. известному итальянскому коллекционеру Эрколю Канессе (*Leskov*, 2008. P. 3), а еще несколько предметов в 1924 г. Джону Маршаллу — куратору нью-йоркского Метрополитен-музея (*Leskov*, 2008. P. 4, 226; *Чандрасекаран*, 2022. С 194).

Коллекция де Массоно привлекла внимание другого француза — известного этнолога-археолога и коллекционера барона Жозефа де Бая. Барон приехал в Россию в 1890 г. на VIII Археологический съезд в Москву и после путешествовал по югу России, где лично познакомился с коллекцией де Массоно (*Neumayer*, 2011. S. 197). Результатом его регулярных путешествий на Кавказ в 1897–1904 гг. стала большая коллекция фотографий местных жителей и местных ландшафтов. Он также купил по поручению французского министерства просвещения немалое количество этнографических и археологических предметов для французских музеев, включая Музей на набережной Бранли, музей Гиме и Лувр (*Букреева*, 2013. С. 482–483; *Cheishvili*, 2013. P. 24, 27).

С 1880-е гг. в г. Николаев проживал немец Арнольд Фогель, агент германской фирмы по экспорту хлеба. После 1899 г. он составил коллекцию из 1364 предметов древностей из грабительских раскопок ольвийского некрополя — в основном это керамика и стеклянные изделия **(рис. 1)**. Предложив Эрмитажу свою коллекцию и получив отказ, он ее отправил на аукцион в Германию, где она разошлась по разным музеям Германии в Мюнхене, Берлине, Лейпциге и Майнце (*Папанова*, 2006, С. 34; *Boehlau*, 1908).

В 1910 г. научный сотрудник берлинского Королевского музея Макс Эберт отправился в первое из трех «научных путешествий» на юг России для проведения археологических раскопок на хуторе Марицын (близ Одессы), где он за один месяц раскопал 35 курганов неолитического и скифского периодов, собрав 11 ящиков с находками (*Menghin*, 2011. S. 27–28). В 1911 г. Эберт вернулся и раскопал еще 60 погребений, находки из которых занимали четыре ящика общим весом 1100 кг (Ibid. S. 30, 36). В 1912 г. Эберт отправился в устье Дона на могильник Танаиса, а далее — на поселение скифского времени близ Херсона, собрав шесть ящиков находок, в основном керамики (Ibid. S. 32–34). Свои находки Эберт отправлял в Берлин, а все его «научные путешествия», включая грузовые расходы, были оплачены Королевским музеем Берлина.

Появление крупных коллекций, полученных разными путями (покупки и раскопки), существенно усилило интерес к древностям юга России у европейских ученых, музейщиков и коллекционеров.

Рис. 1. Изображение стеклянной амфоры из некрополя Ольвии: *1* — аукционный каталог 1908 г. (по: *Boehlau*, 1908. Taf. X); *2* — Старый музей, г. Берлин (фотография автора)

Fig. 1. Image of a glass amphora from the necropolis of Olbia: *1* — auction catalog of 1908 (after *Boehlau*, 1908. Taf. X); *2* — Old Museum, Berlin (photo by the author)

Букреева, 2013 — *Букреева Е. М.* Вклад французского ученого барона де Байя в изучение археологии, этнографии, истории и искусства России // Десятые Татищевские чтения: Материалы всерос. науч.-практ. конф. (Екатеринбург, 20–21 ноября 2013 года). Екатеринбург: УМЦ УПИ, 2013. С. 482–486.

Папанова, 2006 — *Папанова В.* Урочище Сто могил — Некрополь Ольвии Понтийской. Киев: Знания Украины, 2006. 250 с.

Чандрасекаран, 2022 — *Чандрасекаран С.* Коллекция Мерля де Массоно — древности юга России в западных музеях // Древние и средневековые культуры Кавказа: открытия, гипотезы, интерпретации. XXXII Крупновские чтения: Материалы Междунар. науч. конф. по археологии Северного Кавказа, посвящ. 125-летию раскопок Майкопского кургана. Майкоп, 18–23 апреля 2022 г. Майкоп: Качество, 2022. С. 193–196.

Amiet, 1994 — *Amiet P.* De Morgan, Jacques // Encyclopædia Iranica. 1994. Vol. VII. Fasc. 2. P. 175–177.

Ateshi, 2015a — *Ateshi N.* 185 Jahre deutsche Archäologie im Kaukasus. Eine Epoche und doch drei verschiedene Fassungen der Geschichte // Antike Welt. 2015. Nr. 46. S. 40–48.

Ateshi, 2015b — *Ateshi N.* Finds of the Khojaly-Gedebey Culture of the late Bronze and early Iron Age in European museums. Baku, 2015 (Azerb. with Russ./ Engl. Summary).

Ateshi, 2016 — *Ateshi N.* Collections in the European Museums – the Cultural Heritage of the Ancient Caucasus scattered across a Continent // Ponte. 2016. Vol. 72/9. DOI: 10.21506/j.ponte.2016.9.36

Bedianashvili, Bodet, 2010 — *Bedianashvili G., Bodet C.* Koban necropolis, tombs 9 and 12: The Late Bronze to the Early Iron Age of the Northern Caucasus // TÜBA-AR. 2010. Bd. 13. P. 277–292.

Boehlau, 1908 — *Boehlau J.* Griechische Altertümer südrussischen Fundorts aus dem Besitze des Herrn A. Vogell, Karlsruhe. Versteigerung zu Cassel am 26. bis 30. Mai 1908 durch Max Cramer. Cassel, 1908.

Chantré, 1886 — *Chantré E.* Récherches anthropologiques dans le Caucase. T. 2. Période protohistorique. Paris: C. Reinwald, 1886. 226 p.

Cheishvili, 2013 — *Cheishvili A.* Le baron de Baye dans le Caucase // Joseph de Baye de la Marne au Caucase. Exposition par les Archives départmentales. La Marne: Conseil générale, 2013. P. 22–37.

Heinrich, 2007 — *Heinrich A.* Franz Hegels Reisen und Ausgrabungen im Kaukasus und die Entstehung der „Sammlung kaukasischer Alterthümer“ im Naturhistorischen Museum in Wien // Mitteilungen der Anthropologischen Gesellschaft in Wien. 2007. Bd. 136/137. S. 107–143.

Kästner u. a., 2007 — Griechen, Skythen, Amazonen. Katalog zu Ausstellung im Pergamonmuseum, Berlin, 14. Juni bis 21. Oktober 2007 / Hrsg. U. Kästner, M. Langner, B. Rabe. Berlin: SMB, 2007. 199 S.

Leskov, 2008 — *Leskov A. M.* The Maikop Treasure. Philadelphia: University of Pennsylvania Museum of Archaeology and Anthropology, 2008. 304 p.

Menghin, 2011 — *Menghin W.* Mit Eisenbahn, Dampfschiff und Pferdewagen: Reisen nach Südrussland und in den Kaukasus um 1900 // Das silberne Pferd. Archäologische Schätze zwischen Schwarzem Meer und Kaukasus. Ausstellungskataloge. Berlin / Hrsg. M. Wemhoff und A. Kokowski. Berlin: SMB, 2011. S. 17–37.

Nawroth, 2011 — *Nawroth M.* Reisen in das Paradies: Berliner Forschungen des 19. Jahrhunderts im Kaukasusgebiet // Ibid. S. 81–105.

Neumayer, 2011 — *Neumayer H.* Die Sammlung des Johannes Freiherrn von Diergardt // Ibid. S. 193–209.

Platz-Horster, Nagler, 2007 — *Platz-Horster G., Nagler A.* Die Goldfunde von Majkop // Im Zeichen des goldenen Greifen. Königsgräber der Skythen / Hrsg. H. Parzinger. München; Berlin; London; New York: Prestel, 2007. S. 220–227.

Western Collectors in the Caucasus and the Northern Black Sea Region in pre-revolutionary Russia

Sujatha Chandrasekaran[2]

In pre-revolutionary times, Western collectors amassed large collections of antiquities in the Caucasus and Northern Black Sea Region sent these to Western museums, thus advancing world interest in the ancient artefacts of Southern Russia.

Keywords: *the Caucasus, the Northern Black Sea Region, collections, collectors, antiquities, museums, West*

2 Sujatha Chandrasekaran — independent researcher, Berlin, the Federal Republic of Germany; the University of Durham; e-mail: sc14.archaeo@gmail.com; ORCID: 0000-0002-0821-6768.

Металлические предметы позднего бронзового века из фондов Национального музея Республики Адыгея

А. Л. Пелих[1], Е. Н. Черных[2]

Аннотация. *В музее Республики Адыгея хранятся металлические предметы, относящиеся к позднему бронзовому веку: топоры-кельты, серпы, кинжал, втулка копья, булавка, височные подвески. Большинство предметов является продукцией прикубанского очага металлургии и металлообработки. Заметно влияние степной зоны Восточной Европы. Проведенный спектральный анализ показал использование бронз с добавлением мышьяка и олова.*

Ключевые слова: *поздний бронзовый век, Адыгея, металлические предметы*

https://doi.org/10.31600/978-5-6050962-0-7.181-184

В Национальном музее Республики Адыгея, г. Майкоп (далее — НМРА), представлена коллекция металлических предметов, относящиеся к позднему бронзовому веку (далее — ПБВ).

1. Топоры-кельты. Всего А. А. Товом опубликовано семь кельтов, поступивших в НМРА и происходящих с южного берега Краснодарского водохранилища (*Тов*, 2004. Рис. 1–7). Они систематизированы в сводной работе (*Бочкарев, Пелих*, 2023). В настоящей работе проанализированы три топора, для которых сделан анализ металла **(рис. 1, *1–3*)**.

Первый из них относится к типу Н-4, по В. С. Бочкарёву и А. Л. Пелиху **(рис. 1, *1*)**. Он найден на многослойном поселении Чишхо, в 1,6 км к северу от аула Тауйхабль. Кельт с арочной фаской и пещеркой под ней, двумя ушками, примыкающими к краю втулки. По верхнему краю — валик, пещерка — с литейным браком. Размеры: длина кельта — 14,3 см, ширина лезвия — 5,0 см, диаметр втулки внешний — 5,2 × 4,5 см, диаметр втулки внутренний — 4,0 × 3,1 см.

Два других относятся к типу С-5. Это топор-кельт, найденный в окрестностях аула Тауйхабль, на многослойном поселении Пхагугапе **(рис. 1, *2*)**. Кельт с двумя ушками, опущенными ниже края втулки, с трапециевидной фаской, шестигранно-овальный в сечении. Размеры: длина кельта — 7,9 см, ширина лезвия — 3,3 см, диаметр втулки внешний — 3,5 × 3,3 см, диаметр втулки внутренний — 2,7 × 2,5 см. Еще один кельт происходит с юго-восточной окраины бывшего аула Нечерезий на левой надпойменной террасе р. Апчас **(рис. 1, *3*)**. Кельт с двумя ушками, опущенными ниже края втулки, с трапециевидной фаской. На втулке три параллельных валика, ушки кельта отходят от нижнего валика. Размеры: длина кельта — 11,1 см, ширина лезвия — 4,1 см, диаметр втулки внешний — 4,1 × 4,0 см, диаметр втулки внутренний — 3,2 × 2,9 см.

Кельты типа Н-4 относятся к удобненскому этапу прикубанского очага металлургии и металлообработки (далее — ПОММ), синхронному с V периодом металлопроизводства позднего бронзового века Восточной Европы, по В. С. Бочкарёву. Кельты типа С-5 относятся к бекешевскому этапу ПОММ, то есть VI–VII периодам (финал ПБВ), по схеме В. С. Бочкарёва (Там же. С. 149–151).

2. Серп **(рис. 1, *4*)**. Найден в окрестностях аула Тауйхабль, на территории поселения Чишхо. Имеет равномерно изогнутую спинку с хорошо выраженным перегибом ее к рукояти. Ближе к рукояти на лезвии серпа пробито сквозное отверстие. Размеры: максимальная длина лезвийной части — 19,3 см, высота дуги изгиба спинки — 9,3 см. Классификации серпов кубанских типов разработаны рядом специалистов (*Иессен*, 1951. С. 110; *Дергачев, Бочкарев*, 2002. С. 121–187; *Пелих*, 2002. С. 104–106). По последней классификации, серп относится к подтипу I,2. Данные серпы маркируют I–II группы ПОММ ПБВ, что синхронизируется с лобойковским и сабатиновским периодами степного Причерноморья (*Бочкарев, Пелих*, 2008. С. 64–65).

3. Два фрагмента серпов. Первый — фрагмент носковой части серпа **(рис. 1, *5*)**, с южного берега Краснодарского водохранилища. Размеры: длина фрагмента — 9,8 см, ширина — 3,8 см. Второй — фрагмент срединной части серпа **(рис. 1, *6*)**. Обнаружен в слое поселения Лесное. Размер фрагмента 3,0 × 3,5 см. Бронзовые серпы — распространенное изделие в ПБВ.

1 Алексей Леонидович Пелих — Армавирский государственный педагогический университет, ул. Розы Люксембург, д. 159, Армавир, 352901, Российская Федерация; e-mail: pelich1976@mail.ru; ORCID: 0000-0003-0474-7235.

2 Елена Николаевна Черных — Национальный музей Республики Адыгея, Советская ул., д. 229, Майкоп, Республика Адыгея, 385000, Российская Федерация; e-mail: hcher@rambler.ru; ORCID: 0009-0007-1020-4671.

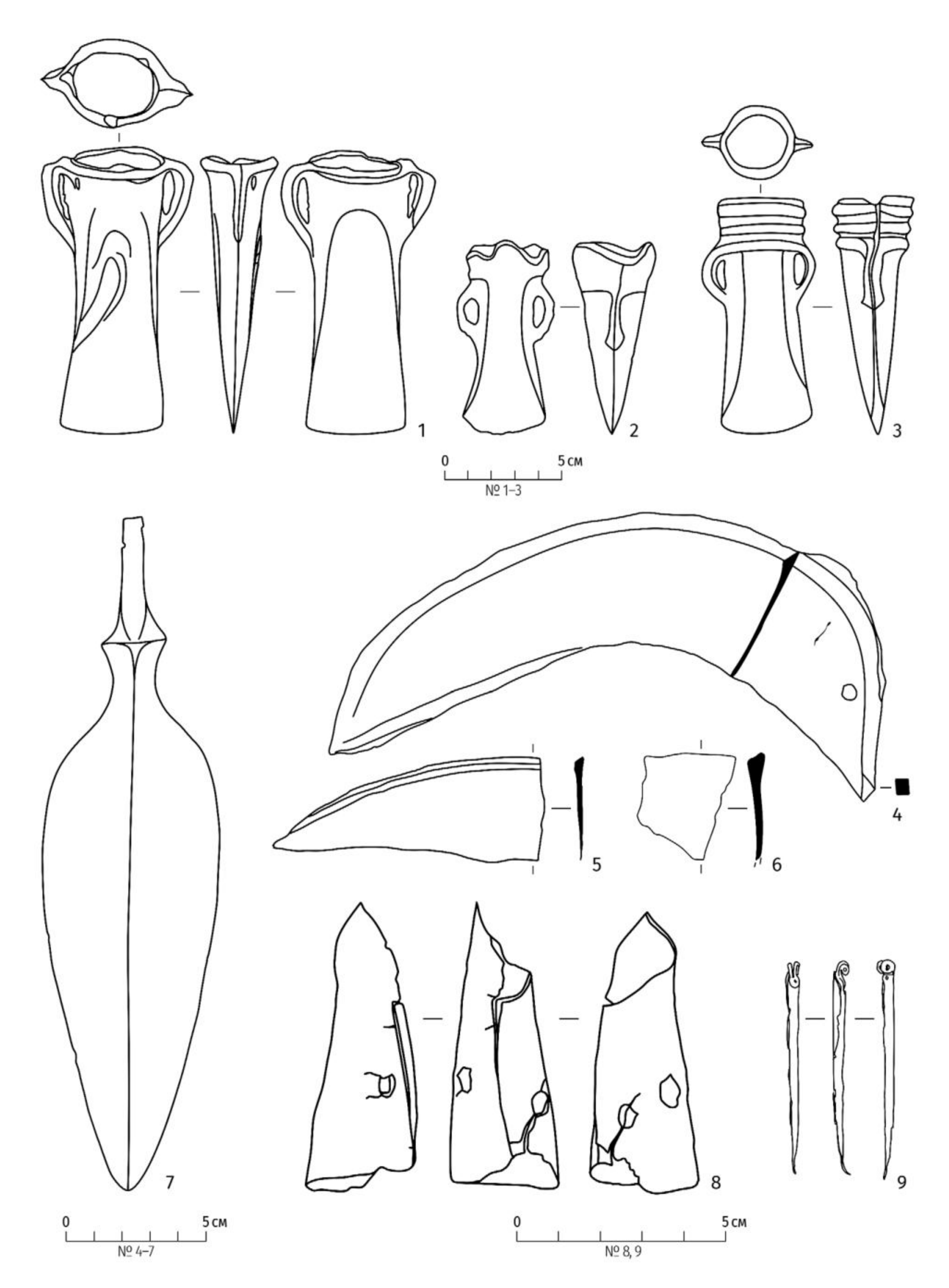

Рис. 1. Бронзовые предметы из Национального музея Республики Адыгея: *1* — топор-кельт; *2* — топор-кельт; *3* — топор-кельт; *4* — серп; *5* — фрагмент серпа; *6* — фрагмент серпа; *7* — кинжал; *8* — втулка копья; *9* — булавка

Fig. 1. Bronze objects from the Museum of the Republic of Adygea: *1* — socket axe; *2* — socket axe; *3* — socket axe; *4* — sickle; *5* — fragment of the sickle; *6* — fragment of the sickle; *7* — dagger; *8* — spear sleeve; *9* — pin

4. Кинжал **(рис. 1, *7*)**. Из Адыгеи. Возможно, найден возле г. Майкоп. Нож остролистной формы с кольцевидным упором в основании черенка, лезвие клинка отковано, заточено по периметру. Размеры: длина — 23,8 см, длина клинка — 17,8 см, ширина клинка — до 6,2 см, ширина упора — 2,3 см. Предмет близок кинжалам типа Н-36, по Е. Н. Черныху (*Черных*, 1976. С. 120–121). В. С. Бочкарёв определяет подобные кинжалы как характерный тип IV лобойковско-дербеденовской группы комплексов, синхронизируемой с ахметовской группой памятников ПОММ ПБВ (*Бочкарев*, 2017. С. 171–173, 191). По классификации И. Ж. Тутаевой, кинжал относится к кабаковскому типу (*Тутаева*, 2014. С. 24–26. Табл. 1).

5. Втулка копья (?) **(рис. 1, *8*)**. Обнаружена при закладке силосной ямы на территории многослойного поселения Лесное. Верхняя часть втулки заострена и, видимо, использовалась вторично. Втулка изготовлена из листа бронзы толщиной 0,1–0,15 см, свернутого внахлест в конусовидную трубку. В нижней части втулки — три отверстия. Размеры: сохранившаяся длина — 8 см, диаметр втулки внизу — 3,2 см. А. А. Иессен поместил подобные наконечники с кованой замкнутой трубкой в поздний этап среднекубанской хронологической группы (*Иессен*, 1951. С. 114). По В. С. Бочкарёву, изготовление ковкой изделий со «слепой» втулкой началось на втором этапе бронзового века юга Восточной Европы (*Бочкарев*, 2019. С. 168–170). Известны копья с подобными втулками и позднее — до I группы ПБВ включительно (*Бочкарев*, 2017. С. 169–171. Рис. 6, 7). То есть описываемая втулка относится к концу СБВ — началу ПБВ.

6. Булавка **(рис. 1, *9*)**, фонды НМРА. Выполнена из прута круглого в сечении, нижний конец заострен. Головка в виде двойного кольца. Стержень булавки обернут тонким листом бронзы. Размеры: длина булавки — 10,2 см, диаметр головки — 0,6 см, диаметр отверстия в кольцах головки — 0,2 см, диаметр стержня колец головки — 0,2 см, диаметр булавки в средней части — 0,5 см. На Северном Кавказе нам известен лишь отдаленный аналог — булавка из погребения 10 Сержень-Юртовского могильника (*Козенкова*, 1982. С. 57. Табл. XXXV, *1*). С другой стороны, булавки с головками, сделанными из нескольких петель бронзовой проволоки, «кипрского» типа, — характерные изделия культуры Ноуа (*Новикова*, 1976. С. 48–49. Рис. 4). К последнему культурному и хронологическому горизонту мы склонны относить и нашу булавку.

7. В фондах НМРА также имеются несколько беспаспортных височных подвесок, в 1,5 и 2 оборота, вероятная датировка которых также определяется поздним бронзовым веком. Это тем более вероятно, если учитывать наличие в музее также датирующихся начальными этапами ПБВ бронзовых подвесок из раскопок А. Д. Резепкина.

Для части описанных предметов был выполнен спектральный анализ (авторы анализов И. Г. Равич, А. Ф. Дубровин). В целом, предметы разбиваются по составу на три группы: медные изделия с полиметаллическим набором примесей, в том числе с незначительно повышенным количеством мышьяка (кельты 1 и 3); изделие из CuAs-бронзы (втулка); изделия из CuSnAs сплавов, также с примесями (серп, кельт 2 и кинжал).

Бочкарев, 2017 — *Бочкарев В. С.* Этапы развития металлопроизводства эпохи поздней бронзы на юге Восточной Европы // Stratum plus. 2017. № 2: Они сошлись — металл и камень… С. 159–204.

Бочкарев, 2019 — *Бочкарев В. С.* К вопросу о периодизации памятников бронзового века Юга Восточной Европы // Прошлое человечества в трудах петербургских археологов на рубеже тысячелетий (К 100-летию создания российской академической археологии) / Отв. ред.: Ю. А. Виноградов и др. СПб.: Петербургское востоковедение, 2019. С. 166–170.

Бочкарев, Пелих, 2008 — *Бочкарев В. С., Пелих А. Л.* К хронологии памятников прикубанского очага металлургии и металлообработки // Отражение цивилизационных процессов в археологических культурах Северного Кавказа и сопредельных территорий. Юбилейные XXV «Крупновские чтения» по археологии Северного Кавказа (Владикавказ, 21–25 апреля 2008 года): Тезисы докладов Междунар. науч. конф. / Отв. ред. А. А. Туаллагов. Владикавказ: ИПЦ СОИГСИ им. В. И. Абаева, 2008. С. 64–66.

Бочкарев, Пелих, 2023 — *Бочкарев В. С., Пелих А. Л.* Находки металлических топоров-кельтов на Кавказе // АВ. 2023. Вып. 38. С. 136–154.

Дергачев, Бочкарев, 2002 — *Дергачев В. А., Бочкарев В. С.* Металлические серпы поздней бронзы Восточной Европы. Кишинев: ВАШ, 2002. 346 с.

Иессен, 1951 — *Иессен А. А.* Прикубанский очаг металлургии и металлообработки в конце медно-бронзового века // Материалы и исследования по археологии Северного Кавказа. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1951. С. 75–124 (МИА. № 23).

Козенкова, 1982 — *Козенкова В. И.* Типология и хронологическая классификация предметов кобанской культуры. Восточный вариант. М.: Наука, 1982. 177 с. (САИ. Вып. В2-5).

Новикова, 1976 — *Новикова Л. А.* Западные связи северопричерноморского очага металлообработки в эпоху поздней бронзы // СА. 1976. № 3. С. 25–57.

Пелих, 2002 — *Пелих А. Л.* Еще раз о серпах кубанских типов позднебронзового времени // XXII «Крупновские чтения» по археологии Северного Кавказа: Тезисы докладов конф. / Под ред. А. Б. Белинского, С. Н. Савенко. Ессентуки; Кисловодск: ГУП «Наследие», 2002. С. 104–106.

Тов, 2004 — *Тов А. А.* Бронзовые кельты с южного берега Краснодарского водохранилища // Материалы и исследования по археологии Северного Кавказа. Армавир: ЦАИ Армавирского гос. педагогического ун-та, 2004. Вып. 3. С. 301–308.

Тутаева, 2014 — *Тутаева И. Ж.* Металлическое клинковое оружие эпохи поздней бронзы Северного Причерноморья // IX Международная археологическая конференция студентов и аспирантов «Проблемы археологии Восточной Европы»: Материалы конф. / Отв. ред. Е. В. Вдовченков. Ростов-н/Д: Изд-во ЮФУ, 2014. С. 23–30.

Черных, 1976 — *Черных Е. Н.* Древняя металлообработка на Юго-Западе СССР. М.: Наука, 1976. 301 с.

Metal objects of the Late Bronze Age from the funds of the National Museum of the Republic of Adygea

Aleksei L. Pelikh[3], Elena N. Chernykh[4]

The Museum of the Republic of Adygea houses metal objects dating back to the Late Bronze Age. Among them are socket axes, sickles, a dagger, a spear sleeve, a pin, and temporal pendants. Most of the items are products of the Prikubansky hearth of metallurgy and metalworking. The influence of the steppe zone of Eastern Europe is noticeable. The conducted spectral analysis showed the use of bronze with the addition of arsenic and tin.

Keywords: *the Late Bronze Age, Adygea, metal objects*

3 Aleksei L. Pelikh — Armavir State Pedagogical University; 159 Rosa Luxemburg St., Armavir, 352901, Russian Federation; e-mail: pelich1976@mail.ru; ORCID: 0000-0003-0474-7235.

4 Elena N. Chernykh — National Museum of the Republic of Adygea, 229 Sovetskaya St., Maykop, Republic of Adygea, 385000, Russian Federation; e-mail: hcher@rambler.ru; ORCID: 0009-0007-1020-4671.

Восстановление ритона из Талаевского кургана

Н. А. Васильева[1]

Аннотация. *Более 120 лет назад проф. Н. И. Веселовским в кургане 1 у с. Грушевое был обнаружен уникальный роговой ритон. Среди типологически сходных предметов он выделяется особенностями изготовления. Долгое время ритон был представлен на постоянной археологической экспозиции Государственного Эрмитажа. Ухудшение сохранности потребовало реставрации, вместе с которой были проведены физико-химические исследования, позволившие получить новые данные о технологических особенностях ритона. В статье также приведена история его реставрации.*
Ключевые слова: *реставрация, ритон, рог, скифы, Талаевский курган*

https://doi.org/10.31600/978-5-6050962-0-7.185-189

В 1891 г. под руководством проф. Н. И. Веселовского проводилось исследование кургана 1 у с. Грушевое, или Талаевского кургана[2], расположенного на левом берегу р. Салгир близ Симферополя. Среди сопроводительного инвентаря захоронения воина IV в. до н. э., относящегося к скифской военной аристократии, был найден роговой сосуд (ОИАК, 1893. С. 76–79).

На момент обнаружения предмет представлял собой раздавленные куски рога с орнаментированными серебряными накладками. Однако в материалах отчета уже приводятся рисунки изделия в собранном виде (НА ИИМК РАН. РО. Р-I. Оп. 1. Д. 423; Инв. № 3517)[3]. Под ними указано «Реставр. проф. Н. И. Веселовский»[4]. То есть первая реставрация предмета была проведена самим археологом, что позволило достаточно быстро ввести находку в научный оборот.

Рисунок ритона[5] был опубликован в 1896 г., при этом указано что «…серебряная пластинка на месте укрепления ножки была вызолочена, но оказалась раздавленною» (*Кондаков*, 1896. С. 15–16).

В 1957 г. вышла из печати работа А. П. Манцевич, в которой впервые подробно описана форма ритона, техника его изготовления, приведены аналогии, данные письменных свидетельств и исторические примеры использования ритонов **(рис. 1,** ***1*****)**. Она указала, что «в 1941 году нам удалось почти полностью восстановить ритон…» (*Манцевич*, 1957. С. 158). Вероятно, уже тогда провели повторную реставрацию. По записи в инвентаре «Кр» «рога склеены из множества обломков, причем некоторые из них (числом шесть) совсем отвалились, некоторые же начинают отваливаться».

Предмет был выполнен из рога благородного оленя (надглазничный отросток с частью основного стержня до первого его разветвления). «Основание рога, имевшее пористую структуру, было удалено, и образовавшееся отверстие овальной формы заделано роговой же пластинкой…». Верх ритона, имеющий трехгранную форму с прямым венчиком, «был облицован укрепленной при помощи заклепок пластиной листового серебра, шириной в 5–7,5 см с рельефным изображением чеканных пальметт и лотосов с завитками» **(рис. 1,** ***4, 5*****)**. Окончание рога не сохранилось (Там же. С. 160, 162).

Вместе с другими вещами Талаевского кургана ритон был упомянут в работе М. И. Артамонова в 1966 г. (*Артамонов*, 1966). В 1965 г. во время реставрации к нему были «присоединены части из коллекции КУ 1888 (Карогодеуаших)»[6].

На опубликованной в 1990 г. графической реконструкции скифских воинов из Талаевского кургана один из них изображен с ритоном (*Ольховский, Храпунов*, 1990. С. 56).

В 2015 г. С. Г. Колтухов и С. Н. Сенаторов вновь обратились к материалам Талаевского кургана. Они уточнили дату захоронения в пределах рубежа первой — второй четверти IV в. до н. э. и опубликовали дополнения по технологии изготовления сосуда: использование деревянного клинышка для более прочного сцепления серебряной накладки с рогом (*Колтухов, Сенаторов*, 2015. С. 323–324).

До 2016 г. ритон находился на постоянной археологической экспозиции Государственного

1 Наталия Анатольевна Васильева — Государственный Эрмитаж, Дворцовая наб., д. 34, Санкт-Петербург, 190000, Россия; e-mail: nvasiljeva@yandex.ru; ORCID 0000-0002-5926-6984.

2 Курган находился на земле помещицы М. Д. Талаевой.

3 Чертежехранилище ГАИМК (шифр № Р I. Д. 423. Л. 2).

4 Автор выражает благодарность за найденную в архиве информацию с. н. с. ОАВЕС Т. В. Рябковой.

5 Инв. № Кр. 1891 1/14. Хранение ОАВЕС ГЭ, хранитель — зав. ОАВЕС, д. и. н. А. Ю. Алексеев.

6 Инв. Ку, п. н. 197. С. 22.

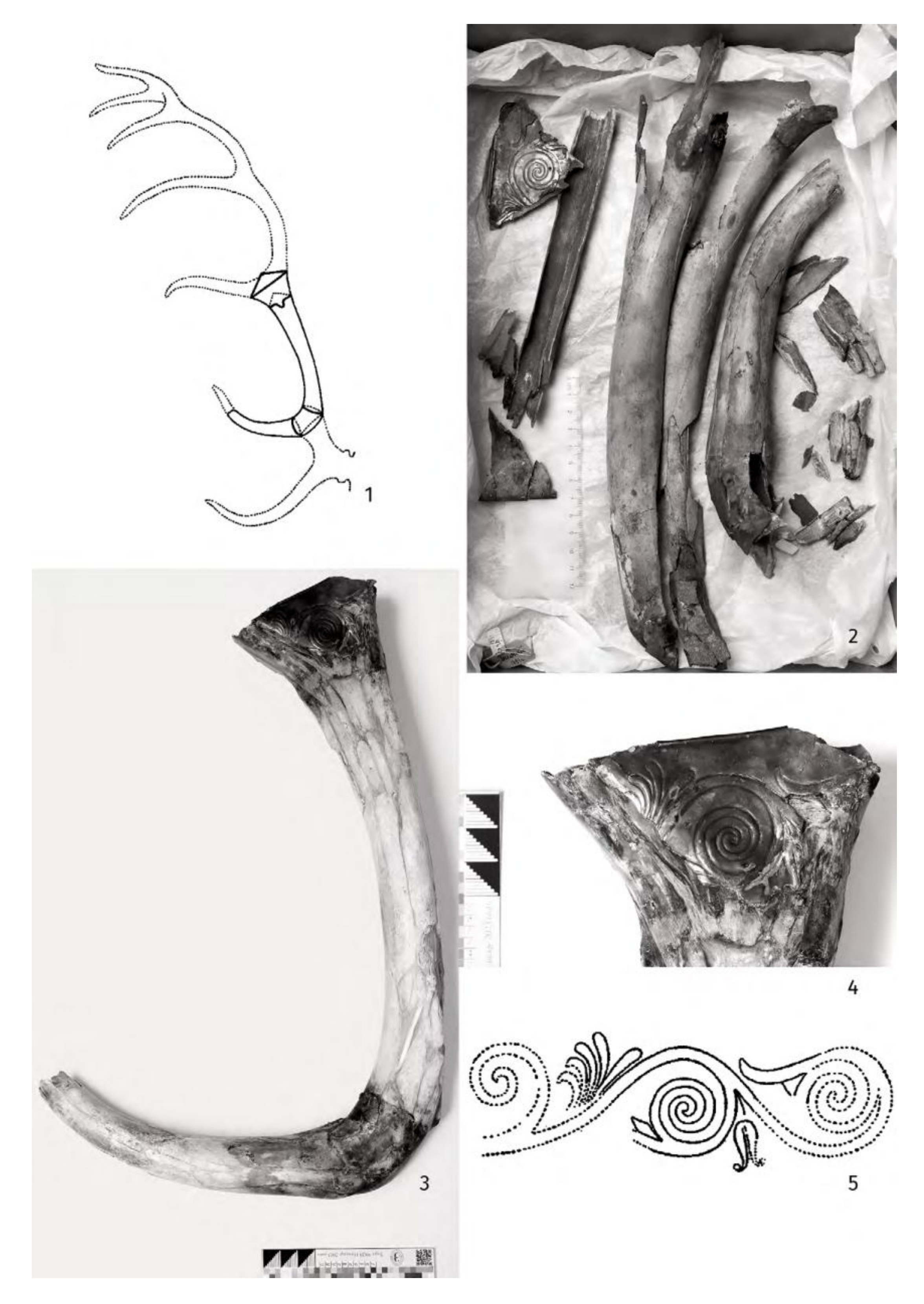

Рис. 1. Ритон из Талаевского кургана: *1* — схема рога оленя с использованной для ритона частью (по: *Манцевич*, 1957. Рис. 12); *2* — ритон Кр. 1891/15 до реставрации; *3* — ритон Кр. 1891/15 после реставрации; *4* — серебряная накладка на венчике ритона; *5* — реконструкция орнамента серебряной накладки (по: Там же. Рис. 17). *2–4* — рог, серебро. *1, 2, 5* — масштаб разный

Fig. 1. The rhyton from the Talaevsky burial mound: *1* — the drawing of an antler and the part used for the rhyton (after *Манцевич*, 1957. Рис. 12); *2* — the rhyton before restoration; *3* — the rhyton after restoration; *4* — silver overlay on the rim of the rhyton; *5* — reconstruction of the ornament of the silver overlay (after Ibid. Рис. 17). *2–4* — horn, silver. *1, 2, 5* — different scale

Эрмитажа, но из-за ухудшения состояния сохранности был передан в Лабораторию научной реставрации предметов из органических материалов.

Ритон поступил фрагментированным **(рис. 1, 2)**. Восемь крупных и около 20 мелких частей рога были заметно деформированы и сильно загрязнены. Часть фрагментов роговой основы утрачена. Отсутствовала пластина, которая прикрывала место соединения двух отростков рога. Несколько деталей серебряной накладки были отделены от сосуда, некоторые держались на местах.

Нижняя часть ритона была относительно цельной, но на ней присутствовали подвижные фрагменты. В местах соединения деталей находились подтеки темно-желтого клея. Несколько клеевых швов разошлись и держались только каплями застывшего клея или мастики. Конец рога не сохранился[7]. Фрагменты нижней части ритона отличались большей толщиной — 0,3–0,4 см. У них частично сохранился внутренний пористый слой, который сильно осыпался. Верхняя более тонкая и длинная часть ритона оказалась полностью фрагментирована. На этих частях рога было полностью удалено губчатое вещество. На каждом фрагменте присутствовала продольная деформация в виде разной степени скрутки краев во внутреннюю часть. Края были неровными, с утратами. В разных местах на поверхности изделия наблюдались многочисленные потертости, царапины, трещины, желтые и коричневые пятна, скопления темных точек. Под серебряными накладками рог потемнел. Около железных гвоздиков поверхность была окрашена продуктами коррозии. На месте отсоединившихся серебряных деталей остались следы прозрачного клея.

Детали металлической накладки верхнего фриза сохранились в лучшем состоянии: сравнительно плотные, темные, без следов коррозии, в редких случаях по краям имелись небольшие загибы, кое-где трещины. Ободок в месте соединения частей сосуда пострадал сильнее: более тонкий металл распался на многочисленные мелкие фрагменты, часть из которых корродировала[8]. В местах крепления частично сохранились металлические гвоздики: на верхнем фризе 9 гвоздиков из 16. Нижняя накладка ритона фиксировалась двумя рядами аналогичных гвоздиков: шесть их них сохранились, пять утрачены.

Весь предмет был сильно запылен. Кроме того, в губчатом веществе, а также в некоторых трещинах и под клеем находились почвенные загрязнения, не исключено, что это свидетельствует о первичной склейке в полевых условиях.

Предварительные исследования начались с подробного визуального осмотра ритона. С помощью стереомикроскопа Zeiss Stemi 2000 C зафиксирована природа загрязнений — почва и пыль, остатки клеев и мастики, их глубина проникновения в структуру материала и площадь распространения. При наблюдении фрагментов под микроскопом были видны свободно лежащие крошки костного материала на поверхности изделия, что подтвердило ослабленную механическую прочность рога.

Изучение ранее использованных клеев и мастики[9] проведено в Отделе научно-технической экспертизы (ОНТЭ) с. н. с. И. А. Григорьевой. С помощью методов оптической микроскопии и ИК-Фурье-спектроскопии установлено, что следы прозрачного клея относятся к полимерам на основе целлюлозы (нитроцеллюлозы), растворимы в ацетоне; фрагменты вещества желтого цвета растворимы в воде, в составе второго клея преобладает вещество белковой природы[10]. В составе мастики определен гипс и вещество белковой природы, мастика частично растворима в воде.

При обследовании с помощью стереомикроскопа фрагментов серебра замечены частички желтого цвета, лежащие под коррозией. Анализ металла, сделанный зам. зав. ОНТЭ С. В. Хавриным[11] с помощью рентгено-флюоресцентного анализа поверхности (спектрометр ArtAX) и оптической микроскопии (Leica M60, Zeiss Stemi 508), подтвердил, что на поверхности серебряных фрагментов местами сохранились остатки декорирования золотым листом[12]. В состав металла входили: серебро — более 95 %, медь — 2,5–3,0 %, золото — менее 0,6 %, цинк — менее 0,3 %, свинец — менее 0,3 %. Таким образом, накладка рога была выполнена из серебра высокой пробы.

7 Вокруг отломанного участка поверхность окрашена так же, как и на участках с серебряными накладками. На конце рога присутствует отверстие 1,0 × 1,3 см.

8 Сильно корродированные металлические фрагменты переданы на реставрацию в Лабораторию научной реставрации драгоценных и археологических металлов художнику-реставратору высшей категории О. Л. Семеновой.

9 Заключение № 2582 от 26.06.2018.

10 Применение клеев различной природы подтверждает проведение многократных реставрационных работ.

11 Заключение № 2571 от 28.05.2018.

12 Это подтверждает описание Н. П. Кондакова (*Кондаков*, 1896. С. 16). Серебряными с позолотой являются ритоны из Келермесского кургана и Семибратного кургана № 4 (*Власова*, 2000. С. 48, 54–55).

Проведенные исследования и оценка состояния сохранности предмета позволили выработать план реставрационных работ. Удаление поверхностных загрязнений проводилось сначала мягкими синтетическими кистями, затем ватными тампонами, смоченными смесью спирта и воды (1:1). На места со следами клея животного происхождения и остатками мастики накладывались ватные тампоны, смоченные в воде. После набухания клея и мастики они механически снимались. Пленки от нитроцеллюлозы убраны с помощью ацетоновых компрессов. В процессе очистки экспоната от сгустков предыдущей склейки и сохранившейся мастики проведен демонтаж склеенных между собой фрагментов.

Разница в толщине рога и его сохранности определила выбор начальной и конечной концентрации консервационных растворов. Так, фрагменты нижней части предмета пропитывались 2 % и 4 %-ными растворами ПВБ[13] в этаноле, а верхние, более тонкие — 1,5 % и 3 %-ными. Пропитка проводилась только с внутренней стороны фрагментов.

Самым длительным этапом в процессе реставрации ритона стал подбор и склейка фрагментов. В связи с тем что часть из них оказалась деформирована, местами утрачены края, а некоторые фрагменты и вовсе не сохранились, часто детали невозможно было соединить по месту стыка. Особенно это становилось очевидным при состыковке трех и более фрагментов. В таких случаях для сохранения формы изделия приходилось делать последовательное ступенчатое соединение всех фрагментов. Склейка проводилась на 8 %-ный раствор ПВБ в этаноле.

Сильная деформация и утраты фрагментов также стали причиной неустойчивости «конструкции». Придать механическую прочность и воссоздать форму изделия позволила внутренняя дублировка, выполненная из полосок[14] длинноволокнистого микалента, предварительно пропитанного 5 %-ным раствором ПВБ в этаноле. По мере сборки ритона полоски накладывались с внутренней стороны изделия, смачивались этанолом и прилипали к внутренним неровным стенкам предмета, тем самым укрепляя его изнутри.

Зазоры в местах стыковки фрагментов и расходящиеся трещины были заполнены мастикой: 8 %-ным раствором ПВБ в этаноле с добавлением микросферы, костной муки и пигмента под цвет кости. Там, где швы были тонкие, в состав мастики добавлялась только микросфера. Мастика тонирована акварелью.

Размеры ритона после сборки: общая высота 36,5 см, длина нижней части — 22,5 см, ширина нижней части — от 2 до 4 см, диаметр нижнего конца — 2 см, размер отверстия там же — 1,0 × 1,3 см, длина верхней части — 33 см, длина сторон верха (устья) — 7,8 и 9 см **(рис. 1, *3, 4*)**.

Ритон из Талаевского кургана — уникальное произведение древних мастеров, дошедшее до нашего времени, в относительно целом состоянии. Громадный интерес вызывает использованный вид рога. Типологически сходные изделия обычно изготавливались из дерева, глины, стекла, металла. В случае же использования рогов, как правило, применялись головные выросты представителей семейства полорогих. Поэтому логично сопоставить находку из Талаевского кургана с уникальными ритонами эллинистического времени, выполненными из слоновой кости, которые обнаружены в Старой Нисе и храме Окса. Они также были сделаны из составных частей, «крепление осуществлялось с помощью гвоздиков» (*Пилипко*, 2001. С. 288; *Литвинский*, 2010. С. 135).

Можно предположить, что рог был выбран в качестве материала не из-за его дешевизны, а скорее из символического, сакрального значения[15].

НА ИИМК РАН. РО. Р-I. Оп. 1. Д. 423: Раскопки Веселовского Н. И. 1891 г. на земле М. Д. Талаевой, на спуске к левому берегу р. Салгир Симферопольского у. 2 л.

Артамонов, 1966 — *Артамонов М. И.* Сокровища скифских курганов в собрании Государственного Эрмитажа. Прага: Артия; Л.: Советский художник, 1966. 120 с.

Власова, 2001 — *Власова Е. В.* Скифский рог // Античное Причерноморье. Сборник статей по классической археологии / Под ред. С. Л. Соловьева. СПб.: Изд-во ГЭ, 2000. С. 46–67.

Колтухов, Сенаторов, 2015 — *Колтухов С. Г., Сенаторов С. Н.* Скифский Талаевский курган 1891 г. // Античный мир и археология. 2015. Вып. 17: По материалам IV международной конференции «Слово и артефакт: междисциплинарные подходы к изучению античной истории», Саратов, 19–21 сентября 2014 г. С. 318–341.

Кондаков, 1896 — *Кондаков Н. П.* Русские клады. Исследование древностей великокняжеского периода. Т. 1. СПб.: ИАК, 1896. 214 с.

13 Поливинилбутираль марки КБ.

14 Шириной 1–1,5 см.

15 Серебряный с позолотой ритон с протомой оленя известен по материалам Мир Заках (*Кошеленко и др.*, 2014. С. 111, 113).

Кошеленко и др., 2014 — *Кошеленко Г. А., Мунчаев Р. М., Гаибов В. А.* Археология Афганистана в дни мира и дни войны. М.: ИА РАН, 2014. 164 с.

Литвинский, 2010 — *Литвинский Б. А.* Храм Окса в Бактрии (Южный Таджикистан). Т. 3: Искусство. Художественное ремесло. Музыкальные инструменты. М.: Восточная литература, 2010. 664 с.

Манцевич, 1957 — *Манцевич А. П.* Ритон Талаевского кургана // История и археология древнего Крыма / Отв. ред. П. Н. Шульц. Киев: Изд-во АН УССР, 1957. С. 155–173.

ОИАК, 1893 — Отчет ИАК за 1891 г. СПб.: тип. Гл. упр. уделов, 1893. 187 с.

Ольховский, Храпунов, 1990 — *Ольховский В. С., Храпунов И. Н.* Крымская Скифия. Симферополь: Таврия, 1990. 128 с.

Пилипко, 2001 — *Пилипко В. Н.* Старая Ниса. Основные итоги археологического изучения в советский период. М.: Наука, 2001. 432 с.

The restoration of the rhyton from Talaevsky burial mound

Natalya A. Vasilyeva[16]

More than 120 years ago, prof. Nikolay I. Veselovsky discovered a rhyton made from antler in a mound 1 near Grushevoye village. Among other similar items, it stands out by the technological features of making process. The rhyton was exhibited at the archaeological exposition of the State Hermitage Museum. Deterioration of the preservation required restoration, along with which physical and chemical studies were carried out. As a result, new data about the technological features of rhyton appeared and the history of recovery was traced.

Keywords: *restoration, rhyton, antler, Scythians, the Talaevsky burial mound*

16 Natalya A. Vasilyeva — The State Hermitage Museum, 34 Dvortsovaya Emb., St. Petersburg, 190000, Russian Federation; e-mail: nvasiljeva@yandex.ru; ORCID: 0000-0002-5926-6984.

Меотская сероглиняная керамика из Марьянского кургана 1912 г.[1]

Н. Ю. Лимберис[2], И. И. Марченко[3]

Аннотация. *В ограбленном склепе Марьянского кургана, раскопанного Н. И. Веселовским, керамика меотского производства представлена сероглиняными сосудами, в том числе подражающими античным изделиям. Сосуды делятся на две хронологические группы: первая согласуется с датировками двух амфор Фасоса середины IV в. до н.э.; во вторую вошли сосуды, характерные для второй половины III в. до н.э., которые можно соотнести с разбитой в древности амфорой, предположительно относящейся к родосской таре этого же периода. Промежуточное положение занимает столовая амфора конца IV — начала III в. до н.э.*

Ключевые слова: *Прикубанье, меотская культура, курган, сероглиняная керамика, атрибуция, хронология*

https://doi.org/10.31600/978-5-6050962-0-7.190-193

Курган у ст. Марьевской (современное название — Марьянская) на Кубани был раскопан Н. И. Веселовским в 1912 г. В склепе было обнаружено не менее 12 потревоженных в древности захоронений. На дне попадались «черепки глиняных сосудов разного состава и цвета глины», из которых впоследствии были склеены целые формы (ОИАК, 1916. С. 51, 53. Рис. 71–75). В данном случае нас интересуют сероглиняные сосуды, принадлежащие к местному, то есть меотскому производству, и их хронология[4].

Пять кувшинов высотой от 13 до 26 см при общем морфологическом сходстве различаются некоторыми деталями, в частности, способом крепления ручки **(рис. 1)**.

У трех кувшинов ручка отходит от венчика и крепится нижним концом к плечику. Кувшин, аналогичный № 2550-29 **(рис. 1, *5*)**, по форме тулова напоминающий античные пелики, есть в Пашковском могильнике № 3 (*Смирнов*, 1958. С. 32–33. Рис. 10, *4, 6*). Прогнутая у основания ручка и оформление горла валиками указывают на то, что кувшин был скопирован с образцов продукции греческих керамистов. Ближайшей его аналогией с афинской агоры является импортный сероглиняный кувшин из Эолии (?), найденный в смешанном контексте IV–III вв. до н.э. (*Sparkes, Talcott*, 1970. P. 190, 209, no. 1707). Таких кувшинов очень много в Прикубанском могильнике, хронологические рамки которого по амфорной таре в целом ограничиваются IV в. до н.э., и только отдельные комплексы заходят в самое начало III в. до н.э. (*Монахов и др.*, 2021. С. 29).

Два других кувшина отличаются от вышеописанного массивной в сечении и ровной (не прогнутой) у плечика ручкой. Один — приземистый (№ 2550-12), второй — с овальным туловом (№ 2550-13). Появились подобные кувшины еще в IV в. до н.э. и существовали до середины — третьей четверти III в. до н.э. (*Лимберис, Марченко*, 2005. С. 232. Рис. 1, *6*; 17, *6*; *Монахов и др.*, 2022. С. 263, Rh. 2). В Прикубанском могильнике они часто встречаются с амфорами, датирующимися от первой до последней четверти IV в. до н.э. (*Монахов и др.*, 2021. С. 317–322).

В коллекции имеется также двуручный кувшин высотой 32 см (№ 2550-30, **рис. 1, *7***). Такие двуручные сосуды мы атрибутируем как столовые амфоры варианта *2в*. Аналогичная амфора из погребения № 397 Прикубанского могильника датируется концом IV — началом III в. до н. э. (*Лимберис и др.*, 2022. С. 89, 95. Рис. 2, *1*).

Особый интерес представляет собой миска (№ 2550-26, **рис. 1, *4***) с одной горизонтальной ручкой. Ее диаметр — 20 см. По форме это типичная меотская миска, к бортику которой по образцу

1 Исследование выполнено за счет гранта РНФ, проект № 22-28-00134.

2 Наталья Юрьевна Лимберис — Кубанский государственный университет, Ставропольская ул., д. 149, Краснодар, 350040, Российская Федерация;
e-mail: meot@mail.ru; ORCID: 0000-0003-0395-315X.

3 Иван Иванович Марченко — Кубанский государственный университет, Ставропольская ул., д. 149, Краснодар, 350040, Российская Федерация; e-mail: meot@mail.ru; ORCID: 0000-0001-7319-5214.

4 Коллекция находок из Марьянского кургана хранится в Государственном Эрмитаже (№ 2550). Благодарим хранителя, с. н. с. ОАВЕС Т. В. Рябкову за предоставленную нам возможность работать с описанием, фотографиями и рисунками сосудов.

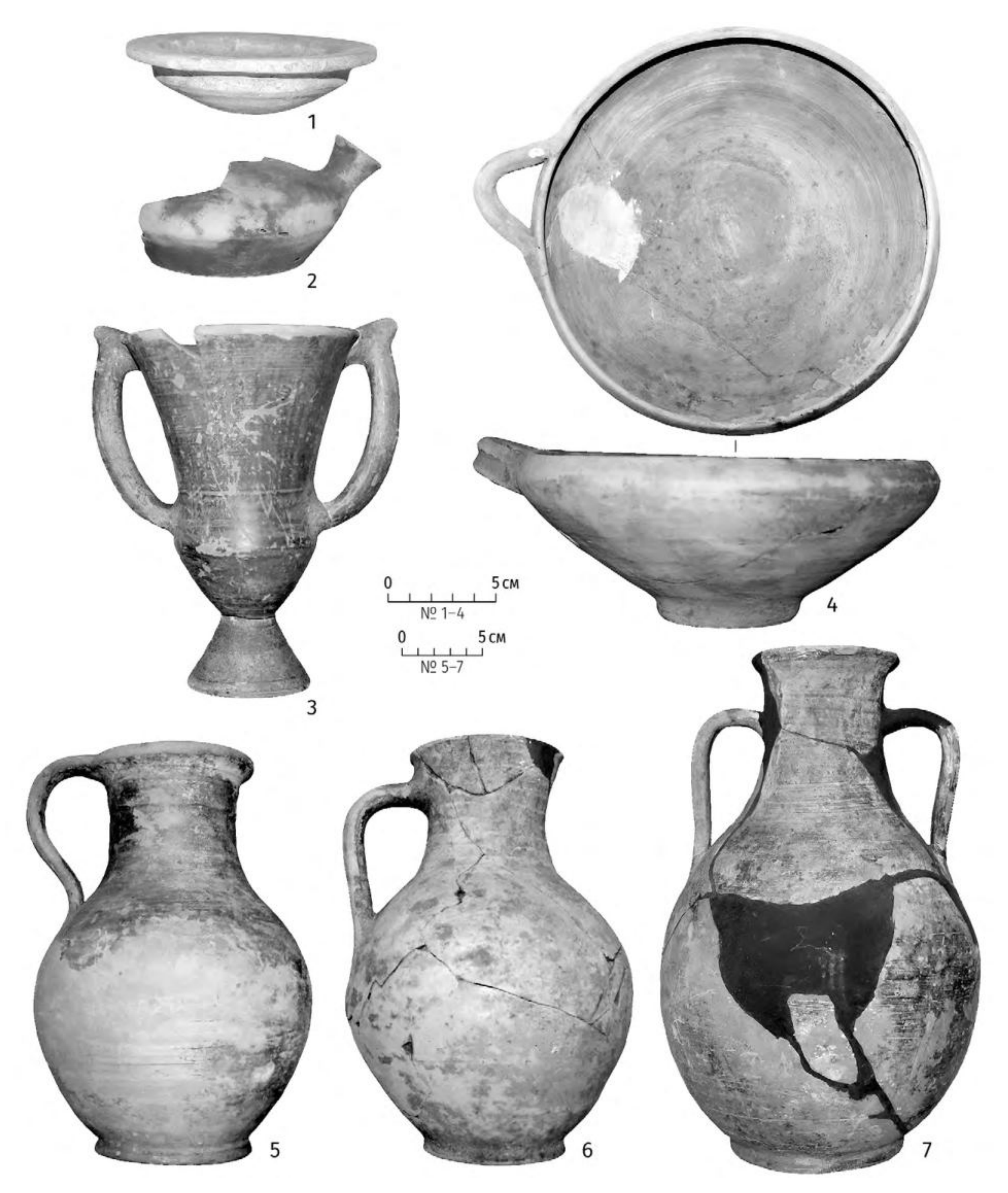

Рис. 1. Сероглиняные сосуды из Марьянского кургана: *1* — тарелочка/чашечка (№ 2550-41); *2* — аск (№ 2550-37); *3* — канфар (№ 2550-32); *4* — «одноручник» (№ 2550-26); *5, 6* — кувшины (№ 2550-29, 2550-14); *7* — столовая амфора (№ 2550-30)

Fig. 1. Gray-clay vessels from the Maryanskaya burial mound: *1* — plate/bowl (No. 2550-41); *2* — askos (No. 2550-37); *3* — kantharos (No. 2550-32); *4* — “one-handler” (No. 2550-26); *5, 6* — jugs (No. 2550-29 and 2550-14); *7* — table amphora (No. 2550-30)

привозных одноручных чаш приделана горизонтальная петельчатая ручка. Такие чаши до сих пор были найдены только в Прикубанском могильнике: в погребении № 186 — импортная, из серой глины, с черным лакообразным покрытием, вместе с амфорами Менды и Гераклеи второй четверти IV в. до н. э. (*Монахов и др.*, 2021. С. 77–78. Рис. 115), а в № 225 середины IV в. до н. э. — подражающая ей по форме сероглиняная меотского производства.

Распространенную у меотов форму имеет тарелочка (№ 2550-41, **рис. 1,** ***1***) с горизонтально отогнутым краем, диаметром 12,5 см. Наиболее

близкий ей сосуд из погребения № 631*з* датируется по клейменой родосской амфоре 209–205 гг. до н. э. (*Лимберис, Марченко*, 2005. С. 239. Рис. 42, *5, 8*; *Монахов и др.*, 2022. С. 162, Rh. 9; *Монахов, Кузнецова*, 2023. С. 57).

Рыбное блюдо (№ 2550-28) — глубокое, край округленный, загнутый, поддон массивный кольцевой, «солонка» в виде неглубокой выемки. Диаметр — 16 см. Меотские рыбные блюда IV в. до н. э., судя по имеющимся у нас материалам из могильников Прикубанский и Лебеди 3, представляют собой достаточно точные копии привозных чернолаковых сосудов, а их модификации появляются позднее. По нашей типологии марьянское блюдо нужно отнести к группе III, в которую вошли сосуды с округленным краем, разные варианты которых представлены единичными экземплярами середины III — конца II в. до н. э. (*Лимберис, Марченко*, 2023. С. 312–314. Рис. 4, *1–4*).

Канфар (№ 2550-32, **рис. 1, *3***) с маленьким округленным туловом и высоким горлом, ножка конусовидная, полая, на ручках у венчика — приподнятые выступы. Высота — 17 см, диаметр устья — 11 см. Сосуд представляет собой реплику чернолаковых канфаров IV–III вв. до н. э. Подобные сероглиняные канфары встречены практически во всех известных на правобережье Кубани грунтовых могильниках (*Анфимов*, 1951. С. 177. Рис. 10, *3, 6, 8*; 1986. С. 127–128. Табл. 2, *1–3, 5*). Когда-то, опираясь на общепринятую датировку Марьянского кургана, мы предполагали, что меоты наладили производство подобных канфаров во второй половине IV в. до н. э. (*Лимберис, Марченко*, 1999. С. 238). Позднее, анализируя материалы из собственных раскопок, мы пришли к выводу, что канфары этого типа, морфологически наиболее близкие марьянскому, происходят из комплексов третьей четверти III в. до н. э. Надежной хронологической привязкой здесь является клейменая родосская амфора («ранней» серии I-E-1)[5] из погребения № 97*в* могильника Старокорсунского городища № 2 начала третьей трети III в. до н. э. (*Лимберис, Марченко*, 2005. С. 236–237. Рис. 7, *7*; 15, *8, 16*; 17, *2, 3*; *Монахов и др.*, 2022. С. 159, Rh. 4).

Как сосуд для питья можно рассматривать и черпак (№ 2550-39), ручка которого утрачена. Высота его составляет 6,8 см, диаметр — 7,5 см. Черпаки с выделенным горлом были отнесены нами к типу III второй–третьей четверти IV в. до н. э. Наиболее близкий по форме красноглиняный черпак из погребения № 95 Прикубанского могильника датируется по гераклейской амфоре в пределах 340–330-х гг. до н. э. (*Лимберис, Марченко*, 2015. С. 265, 259. Ил. 2, *4, 7*; *Монахов и др.*, 2021. С. 249, HP. 46).

Чрезвычайно редкий для меотских памятников аск (№ 2550-37, **рис. 1, *2***) представлен частью тулова с выпуклым верхом и немного расширяющимся кверху носиком. Его диаметр — 10 см. Сосуд сделан по образцу чернолаковых мелких асков середины V — первой половины IV в. до н. э. (*Sparkes, Talcott*, 1970. P. 150–160, no. 1173–1178). Целый сероглиняный экземпляр найден в погребении № 186 Прикубанского могильника (*Лимберис, Марченко*, 2017. С. 87. Рис. 1, *3*; *Монахов и др.*, 2021. С. 44. Рис. 26, *3*). Чернолаковые аски, которые могли использоваться как образцы для подражания, известны пока всего в двух меотских памятниках: это могильник Прикубанский, погребение № 150, которое по заново прочитанному гераклейскому клейму сейчас датируется в пределах 370-х гг. до н. э. (*Лимберис, Марченко*, 2017. С. 86. Рис. 1, *2*; *Монахов и др.*, 2021. С. 43–44. Рис. 60, *2*), и погребение 3 из кургана 2 могильника Фурожан 3 с амфорой Фасоса 360–340 гг. до н. э. (*Иванов*, 2020. С. 13–14. Рис. 8, 9; *Монахов и др.*, 2022. С. 34–36. Рис. 42–44, Th. 12).

Хронологически сероглиняные сосуды из Марьянского кургана можно разделить на две группы. К первой относятся четыре кувшина (№ 2550-29, 12, 14, 31), «одноручник», черпак и аск, бытовавшие в основном до середины IV в. до н. э. С их хронологией согласуются находки двух амфор Фасоса, одна из которых датируется 350-ми гг. до н. э., и сетчатых лекифов (*Монахов и др.*, 2019. С. 61).

Во вторую группу вошли четыре сосуда (тарелочка, рыбное блюдо, канфар и кувшин № 2550-13), типы которых характерны для второй половины III в. до н. э. и косвенно могут свидетельствовать в пользу того, что третью амфору из склепа предположительно можно связать с родосской тарой этого периода (*Лимберис, Марченко*, 2005. С. 236; *Монахов*, 1999. С. 391; *Монахов и др.*, 2019. С. 61).

Анфимов, 1951 — *Анфимов Н. В.* Меото-сарматский могильник у станицы Усть-Лабинской // Материалы и исследования по археологии Северного Кавказа / Под ред. Е. И. Крупнова. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1951. С. 155–207 (МИА. № 23).

Анфимов, 1986 — *Анфимов Н. В.* Античное влияние в меотской керамике // Проблемы античной культуры / Отв. ред. Г. А. Кошеленко. М.: Наука, 1986. С. 125–129.

Иванов, 2020 — *Иванов А. В.* Меотский могильник «Фурожан» в Западном Закубанье. Краснодар: ИП Вольная Н. Н., 2020. 148 с.

5 Предположительно, раздавленная амфора этого типа присутствовала и в Марьянском кургане (она упоминается в описании и обозначена на общем плане могилы), но не была сдана Н. И. Веселовским на хранение в Эрмитаж (ОИАК, 1916. С. 56. Рис. 68).

Лимберис, Марченко, 1999 — *Лимберис Н. Ю., Марченко И. И.* Меотские реплики древнегреческих канфаров // Боспорский феномен. Греческая культура на периферии античного мира: Материалы междунар. науч. конф. Декабрь 1999. СПб.: Б/и, 1999. С. 238–239.

Лимберис, Марченко, 2005 — *Лимберис Н. Ю., Марченко И. И.* Хронология керамических комплексов с античными импортами из раскопок меотских могильников правобережья Кубани // МИАК. 2005. Вып. 5. С. 219–325.

Лимберис, Марченко, 2015 — *Лимберис Н. Ю., Марченко И. И.* О черпаках с ручкой-выступом из меотских памятников Кубани // Археология без границ: коллекции, проблемы, исследования, гипотезы / Науч. ред. Е. Ф. Королькова. СПб.: Изд-во ГЭ, 2015. С. 256–268 (Тр. ГЭ. Т. LXXVII).

Лимберис, Марченко, 2017 — *Лимберис Н. Ю., Марченко И. И.* Редкие типы сосудов для масла из меотских памятников правобережья Кубани // Труды V (XXI) Всероссийского археологического съезда в Барнауле — Белокурихе / Отв. ред.: А. П. Деревянко, А. А. Тишкин. Т. II. Барнаул: Изд-во АлтГУ, 2017. С. 83–88.

Лимберис, Марченко, 2023 — *Лимберис Н. Ю., Марченко И. И.* Сероглиняные рыбные блюда из меотских могильников правобережья Кубани // Stratum plus. 2023. № 3: Дети и взрослые железного века. С. 303–317.

Лимберис и др., 2022 — *Лимберис Н. Ю., Марченко И. И., Кондратенко А. В.* Меотские сероглиняные амфоры // АВ. 2022. Вып. 37. С. 86–97.

Монахов, 1999 — *Монахов С. Ю.* Греческие амфоры в Причерноморье. Комплексы керамической тары VII–II веков до н. э. Саратов: Изд-во Саратовского ГУ, 1999. 680 с.

Монахов и др., 2019 — *Монахов С. Ю., Кузнецова Е. В., Чистов Д. Е., Чурекова Н. Б.* Античная амфорная коллекция государственного Эрмитажа VI–II вв. до н. э.: Каталог. Саратов: Амирит, 2019. 352 с.

Монахов и др., 2021 — *Монахов С. Ю., Марченко И. И., Лимберис Н. Ю., Кузнецова Е. В., Чурекова Н. Б.* Амфоры Прикубанского некрополя IV — начала III в. до н. э. из собрания Краснодарского государственного историко-археологического музея-заповедника им. Е. Д. Фелицына. Саратов: ООО «Волга», 2021. 324 с.

Монахов и др., 2022 — *Монахов С. Ю., Марченко И. И., Лимберис Н. Ю., Кузнецова Е. В., Чурекова Н. Б.* Амфоры VII–I вв. до н. э. из собрания Краснодарского государственного историко-археологического музея-заповедника им. Е. Д. Фелицына. Саратов: Амирит, 2022. 304 с.

Монахов, Кузнецова, 2023 — *Монахов С. Ю., Кузнецова Е. В.* Амфоры Родоса III–II вв. до н. э. из коллекции Краснодарского музея // НАВ. 2023. Т. 22 (№ 1). С. 51–70.

ОИАК, 1916 — Отчет ИАК за 1912 г. Пг.: тип. Гл. упр. уделов, 1916. 130 с.

Смирнов, 1958 — *Смирнов К. Ф.* Меотский могильник у станицы Пашковской // Памятники скифо-сарматского времени в Северном Причерноморье / Отв. ред. К. Ф. Смирнов. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1958. С. 272–312 (МИА. № 64).

Sparkes, Talcott, 1970 — *Sparkes B. A., Talcott L.* Black and Plain Pottery of the 6th, 5th and 4th Centuries B. C. Pt. 1–2. Princeton, New Jersey: The American School of Classical Studies at Athens, 1970. 472, 468 p. (The Athenian Agora. Vol. XII).

Maeotian gray-clay pottery from the Maryanskaya burial mound, 1912[6]

Natalya Yu. Limberis[7], Ivan I. Marchenko[8]

In the robbed crypt of the Maryanskaya burial mound excavated by Nikolay I. Veselovsky Maeotian ware is represented by gray-clay vessels, including imitations of the Greek pottery. Vessels are divided into two chronological groups: the first one is consistent with two Thasian amphorae of the middle of the 4th century BC; the second one included vessels characteristic of the second half of the 3rd century BC which can be associated with one amphora broken in antiquity, presumably referring to the Rhodian container of this period. An intermediate position is occupied by a table amphora of the end of the 4th — beginning of the 3rd century BC.

Keywords: *Kuban region, the Maeotian culture, burial mound, gray-clay pottery, attribution, chronology*

6 The study was conducted with the financial support of the Russian Scientific Foundation (Project no. 22-28-00134).

7 Natalya Yu. Limberis — Kuban State University, 149 Stavropolskaya St., Krasnodar, 350040, Russian Federation; e-mail: meot@mail.ru; ORCID: 0000-0003-0395-315X.

8 Ivan I. Marchenko — Kuban State University, 149 Stavropolskaya St., Krasnodar, 350040, Russian Federation; e-mail: meot@mail.ru; ORCID: 0000-0001-7319-5214.

Деятельность Императорской археологической комиссии и Восточно-Крымского историко-культурного музея-заповедника по сохранению памятников погребальной архитектуры античного Боспора

Н. В. Быковская[1], Т. В. Умрихина[2], Н. Л. Кучеревская[3]

Аннотация. *Статья посвящена деятельности Императорской археологической комиссии по сохранению уникальных погребальных памятников Боспорского государства — склепа Деметры и Царского кургана. В настоящее время эти объекты включены в состав Восточно-Крымского историко-культурного музея-заповедника, который продолжает их изучение. В связи с аварийным состоянием Царского кургана и склепа Деметры музеем-заповедником инициированы и начаты проектные работы по ликвидации причин и последствий разрушения памятников.*

Ключевые слова: *Императорская археологическая комиссия, склеп Деметры, Царский курган, Восточно-Крымский историко-культурный музей-заповедник, изучение и охрана памятников*

https://doi.org/10.31600/978-5-6050962-0-7.194-197

В состав Восточно-Крымского историко-культурного музея-заповедника входят уникальные археологические памятники погребальной культуры — ОКН федерального значения «Античный каменный склеп — «Склеп Деметры», I в. н. э.» и «Царский курган, IV в. до н. э.», в сохранении которых деятельность ИАК сыграла большую роль.

Склеп Деметры открыт в 1895 г. на одном из участков Пантикапейского некрополя, во дворе дома мещанки Анны Зайцевой по 4-й Продольной улице. Склеп оказался не разграбленным, в настоящее время все находки из этого богатого погребения хранятся в Государственном Эрмитаже. Но самое ценное — это настенные сюжетные росписи на тему мифа о богине Деметре.

По распоряжению ИАК и при помощи директора музея городской администрации штабс-капитану П. Ридигеру удалось снять копии росписей в количестве 12 штук в натуральную величину для представления Государю Императору. ИАК были выделены деньги А. В. Зайцевой в количестве 120 рублей из ассигнованных на произведение раскопок в Керчи, на которые был выстроен каменный вход в камеру склепа. Жадность мещанки Зайцевой, желавшей зарабатывать на демонстрации росписей публике и требовавшей все новых «вознаграждений», способствовала тому, что в 1908 г., после многолетних тяжб, земельный участок вместе со склепом был выкуплен у Зайцевых ИАК за 2200 рублей (*Зинько*, 2009. С. 17–37). С тех пор склеп Деметры входит в состав сначала Керченского музея, а затем Восточно-Крымского музея-заповедника и находится под государственной охраной.

Едва ли найдется другой такой памятник, который столь длительное время находился в поле зрения специалистов различных направлений: археологов, историков античности, реставраторов. О нем знают все, кто хоть немного интересуется античной историей, историей Боспорского царства. Научное описание склепа было сделано в 1913 г. М. И. Ростовцевым, оно и по сей день остается наиболее полным и основополагающим для всех последующих интерпретаций анализа живописи и сделанных там находок (*Ростовцев*, 1913. С. 206. Табл. XVI–XIX).

На момент обследования склепа М. И. Ростовцевым состояние памятника не вызывало опасения у специалистов, и росписи сохраняли яркость красок. Однако довольно скоро состояние росписей ухудшилось, началось шелушение красочного слоя и локальные осыпания штукатурки (*Ростовцев*, 1906. С. 211–231).

После 1917 г. все древности Керчи по декретам Советской власти об охране памятников были поставлены на государственный учет. В 1926 г. на первой Всесоюзной археологической конференции, посвященной 100-летию Керченского музея древ-

1 Наталья Владимировна Быковская — Восточно-Крымский историко-культурный музей-заповедник, ул. Свердлова, д. 7, Керчь, 298320, Республика Крым, Российская Федерация; e-mail: arhmuseum1826@yandex.ru.

2 Татьяна Викторовна Умрихина — Восточно-Крымский историко-культурный музей-заповедник, ул. Свердлова, д. 7, Керчь, 298320, Республика Крым, Российская Федерация; e-mail: arhmuseum1826@yandex.ru.

3 Нина Львовна Кучеревская — Восточно-Крымский историко-культурный музей-заповедник, ул. Свердлова, д. 7, Керчь, 298320, Республика Крым, Российская Федерация; e-mail: arhmuseum1826@yandex.ru;
ORCID: 0000-0001-7580-9750.

ностей, прозвучали выступления специалистов об угрожающем состоянии росписей в склепе Деметры (*Мацулевич*, 1926. С. 275). Для сохранения этого бесценного образца античной живописи было предложено перенести фрагменты штукатурки с росписями в выставочные залы одного из музеев страны, но эта идея не была поддержана участниками конференции. Тогда было принято решение об осуществлении постоянного наблюдения специалистами за состоянием склепа и проведении по необходимости профилактической реставрации.

Первые «реставрационно-укрепительные» работы в склепе Деметры, направленные на предотвращение разрушения штукатурного слоя, засоления и осыпания пигментов живописи (*Блаватский*, 1948. С. 11–12), были проведены в 1930-х гг. С этого времени сотрудникам Керченского музея рекомендовано проводить регулярные наблюдения за состоянием росписей и уровнем влажности в склепе (*Зинько*, 2007. С. 155).

Специальные гидрогеологические исследования, а потом и значительные инженерные работы по осушению сооружения были выполнены в 1950 г. К сожалению, они не обезопасили сооружение от подтопления. Значительные изменения гидрогеологических условий привели к тому, что вода стала интенсивно подниматься, наибольший уровень зафиксирован в 1977 г. — до 120 см (НА ВКИКМЗ. Оп. 7. Ед. хр. 178. Л. 44).

В 1980-х гг. в Керченском музее работало три комиссии республиканского и две комиссии всесоюзного уровня, которые зафиксировали аварийное состояние росписей в склепе Деметры и выдали рекомендации принять срочные меры по спасению памятника, но реальных действий в эти годы так и не было предпринято.

В 1987 г. Керченскому музею и Обществу охраны памятников истории и культуры Крыма удалось добиться принятия керченским горисполкомом «Плана первоочередных работ по выведению склепа Деметры из аварийного состояния» (*Зинько*, 2007. С. 157). В 2000–2001 гг. выполнен проект кольцевого дренажа и его строительство. Именно наличие этого сооружения спасло склеп от подтопления во время наводнений 2002 и 2020 г.

В 2018–2020 гг. в рамках проекта «Исследование причин и разработка программы устранения аварийной ситуации в античных склепах г. Керчь (Республика Крым)» Государственным научно-исследовательским институтом реставрации была проведена оценка состояния сохранности конструкций и росписей склепа, выполнены архивные изыскания по истории бытования и реставрации памятника; проведены естественно-научные исследования конструкций и живописи (исследования ТВР, микологические, физико-химические); разработан проект программы сохранения памятника, организован удаленный мониторинг ТВР (Отчет ГОСНИИР).

К сожалению, все усилия специалистов пока не привели к стабилизации сохранности живописи, и мы не можем утверждать, что опасность склепу Деметры не угрожает. В настоящее время состояние живописи можно признать стабильным, но не удовлетворительным.

Царский курган — памятник античной архитектуры второй половины IV в. до н. э., усыпальница одного из правителей династии Спартокидов. Курган расположен в Керчи, у поселка Аджи-Мушкай вблизи от Аджимушкайских каменоломен. Входит в состав Восточно-Крымского историко-культурного музея-заповедника. Его раскопки шли с перерывами в течение 11 лет. Директор Керченского музея А. Б. Ашик начал исследования в ноябре 1833 г., и лишь в феврале 1837 г. они увенчались открытием замечательной гробницы, признанной самым грандиозным и совершенным погребальным сооружением античного периода. Отсутствие находок внутри склепа побудило Ашика продолжать раскопки насыпи Царского кургана в надежде найти другие, неразграбленные гробницы; в 1844 г. они были безрезультатно завершены.

После открытия Царский курган не был обеспечен охраной, не были выполнены ремонтные и консервационные работы по восполнению отсутствующей части перекрытия над значительной частью дромоса. Под воздействием природных факторов памятник стал постепенно разрушаться (*Виноградов*, 2012. С. 156–157).

В августе 1863 г. Керчь и Царский курган посетил цесаревич Николай Александрович. Сама гробница произвела на него неизгладимое впечатление, но жалкий вид кургана вызвал недовольство, которое было доведено до руководства ИАК. В. Г. Тизенгаузен незамедлительно отправился в Керчь и обсудил с А. Е. Люценко меры по предотвращению дальнейшего разрушения. Обращение за благотворительной помощью к «богатым жителям города» результатов не дало, поэтому ИАК решила начать раскопки, используя свои финансовые ресурсы. 18 января 1865 г. директору Керченского музея А. Е. Люценко было дано указание приступить к выполнению первоочередных охранно-реставрационных земляных работ на Царском кургане. В марте этого года были произведены самые неотложные работы по очистке от завалов дромоса-галереи, снятию остававшейся нераскрытой насыпи напротив входа в дромос, куда устремлялись талые воды (*Федосеев*, 2015. С. 134).

Почти сразу же Царский курган стал использоваться для лапидарных памятников. Количество памятников постепенно увеличивалось, и перед Великой Отечественной войной встал вопрос о сооружении навеса для хранения коллекции. Во время войны навес разбомбили, и памятники оказались погребенными под его развалинами. Сотрудники музея приложили немалые усилия в поиске уцелевших и фрагментированных памятников (*Бабич*, 2014. С. 87–88).

В 2013 г. эти работы были продолжены экспедицией Восточно-Крымского музея-заповедника с целью выявления места навеса и поиска оставшихся памятников. В результате были обнаружены фрагменты надгробных стел, саркофагов, архитектурных деталей, мраморные фрагменты надписей, а также многочисленные мелкие фрагменты чернолаковой керамики, античной черепицы, гильзы, изделия из железа, фрагменты фарфоровой посуды XIX — первой половины XX в. (*Федосеев*, 2015. С. 137–141).

В настоящее время ОКН федерального значения «Царский курган, IV в. до н. э.» нуждается в проведении противоаварийных и ремонтно-реставрационных работ. В результате ливней в 2020 г. стена склона правой части дромоса обвалилась и просела, наблюдается обрушение кладки. Левая стена тоже начала движение по склону.

В связи с аварийным состоянием Царского кургана и склепа Деметры музеем-заповедником инициированы и начаты проектные работы по ликвидации причин и последствий разрушения памятников.

НА ВКИКМЗ. Оп. 7. Ед. хр. 178: Отчет визуального обследования фрески памятника архитектуры I в. н. э. Склеп Деметры в г. Керчь, 1995 г.

Отчет ГОСНИИР: Отчет о научно-исследовательской работе. Исследование причин и разработка программы устранения аварийной ситуации в античных склепах г. Керчь (Республика Крым). М., 2020.

Бабич, 2014 — *Бабич О. П.* Репозиция надгробных памятников из собрания Керченского музея // Научный сборник Керченского заповедника. 2014. Т. IV. С. 85–137.

Блаватский, 1948 — *Блаватский В. Д.* Склеп Деметры // Памятники искусства, разрушенные немецко-фашистскими захватчиками в СССР/ Ред. И. Э. Грабарь. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1948. С. 5–12.

Зинько, 2007 — *Зинько Е. А.* Этапы сохранения склепа Деметры // БИ. 2007. Вып. XVII. С. 151–161.

Зинько, 2009 — *Зинько Е. А.* История открытия и изучения склепа Деметры // Зинько Е. А., Буйских А. В., Русяева А. С., Савостина Е. А., Стриленко Ю. Н., Ягги О. Склеп Деметры. Киев: Мистецтво, 2009. С. 16–37.

Мацулевич, 1926 — *Мацулевич Л. А.* Конференция археологов СССР в Керчи // Сообщения ГАИМК. 1926. Т. I. С. 281–286.

Ростовцев, 1906 — *Ростовцев М. И.* Керченская декоративная живопись и ближайшие задачи археологического исследования Керчи // ЖМНП. Новая серия. 1906. Май. Ч. III. С. 211–231.

Ростовцев, 1913 — *Ростовцев М. И.* Античная декоративная живопись на юге России в 2 т.: Т. 1. Описание и исследование памятников. СПб.: Изд. ИАК, 1913. 537 с.; Т. 2. Атлас, таблицы. СПб.: Изд. ИАК, 1914. 112 табл.

Федосеев, 2015 — *Федосеев Н. Ф.* Археологические исследования в районе Царского кургана в Керчи // Таврические студии. Исторические науки. 2015. № 7. С. 133–141.

Activities of the Imperial Archaeological Commission and the Eastern Crimean Historical and Cultural Museum-Reserve of preservation of the funeral architecture monuments of the ancient Bosporus

Natalya V. Bykovskaya[4], Tatyana V. Umrikhina[5], Nina L. Kucherevskaya[6]

The article deals with the activities of the Imperial Archaeological Commission for the preservation of unique monuments of funeral architecture of Bosporan Kingdom — the Royal Mound and the Demeter Crypt. At present these objects are incorporated in the Eastern Crimean Historical and Cultural Museum-Reserve, which continues their exploration. In connection with the accident conditions of the Royal Mound and the Demeter Crypt the Museum initiated and began a project work for deletion of the causes and consequences of destruction.

Keywords: *Imperial Archaeological Commission, the Royal Mound, the Demeter Crypt, Eastern Crimean Historical and Cultural Museum-Reserve, exploration and protection of monuments*

4 Natalya V. Bykovskaya — East Crimean Historical and Cultural Museum-Reserve, 7 Sverdlov St., Kerch, 298320, Republic of Crimea, Russian Federation; e-mail: arhmuseum1826@yandex.ru.

5 Tatyana V. Umrikhina — East Crimean Historical and Cultural Museum-Reserve, 7 Sverdlov St., Kerch, 298320, Republic of Crimea, Russian Federation; e-mail: arhmuseum1826@yandex.ru.

6 Nina L. Kucherevskaya — East Crimean Historical and Cultural Museum-Reserve, 7 Sverdlov St., Kerch, 298320, Republic of Crimea, Russian Federation; e-mail: arhmuseum1826@yandex.ru; ORCID: 0000-0001-7580-9750.

Исследование и атрибуция золотых украшений из покупки Н. И. Веселовского в станице Крымская

С. Г. Буршнева[1], Ю. Н. Осин[2], Т. В. Рябкова[3]

Аннотация. *В статье анализируются золотые украшения из покупки Н. И. Веселовского в станице Крымская в 1895 г. Изучение с помощью оптической микроскопии и сканирующей электронной микроскопии позволило установить особенности необыкновенно сложной конструкции, воссоздать технологию изготовления и облик парных «серег». В ходе реставрации выяснилось, что серьгами они быть не могут, функции их пока не определены.*

Ключевые слова: *Н. И. Веселовский, станица Крымская, ювелирные украшения, коллекция Эрмитажа, исследование археологических предметов*

https://doi.org/10.31600/978-5-6050962-0-7.198-203

В 1895 г. стало известно о незаконных раскопках в станице Крымская (ныне г. Крымск) Кубанской области. Драгоценные вещи из кургана были отданы в залог сотником Нестеровым, проводившим раскопки без ведома Археологической комиссии, купцу А. Н. Калианиди, у которого их купил Н. И. Веселовский. В опубликованном отчете ИАК эти предметы значатся как происходящие «из раскопок г. Нестерова в Крымской, Темрюкского отдела» (ОИАК, 1897. С. 65). В 1901 г. коллекция была передана в Императорский Эрмитаж.

В коллекцию Ку 1895/3[4] входит 29 инвентарных номеров, 19 из которых — предметы из золота. Наше внимание привлекли «золотые розетки с проволочным ободком», впервые опубликованные в 2023 г. (*Рябкова*, 2023. С. 52. Ил. 4). Причиной отсутствия публикаций и атрибуции является их уникальность: ничего похожего по технике изготовления и конструкции не было известно до времени публикации материалов царских гробниц в Нимруде (*Hussein et al.*, 2016). Сходство с серьгами из этой же коллекции позволяет предположить, что вещи составляли гарнитур (*Рябкова*, 2023. С. 54).

Плохая сохранность — основная причина трудности работы с этими предметами. До недавней публикации (Там же) единственным упоминанием о серьгах было несколько строк и изображение в Отчете ИАК. Они описаны как «4 тонкие золотые розетки с проволочным ободком, на который нанизан ряд подвижных золотых колечек с привесками из небольших сердоликовых (на 3 экз.) и бирюзовых (на 1 экз.) бус, оправленных в золото». Предмет на таблице в Отчете ИАК выглядит целым (ОИАК, 1897. С. 65. Рис. 161), но изучение архивных материалов доказывает, что это реконструкция. На фотографии в таблице, которая прилагалась к вещам при передаче покупки из Комиссии в Эрмитаж (НА ИИМК РАН. Ф. 1. Оп. 1. 1895. Д. 93. Л. 95) «золотых розеток с проволочным ободком» три, причем две их них — сильно фрагментированы, розетка сохранилась лишь в одном изделии, три розетки отдельно **(рис. 1, *1*)**. Вероятно, для публикации разрозненные фрагменты были просто приставлены друг к другу для создания цельного образа и сфотографированы. Получилось два украшения (Там же) **(рис. 1, *2*)**. В опубликованный отчет вошло одно из них, с 11 подвесками. В Эрмитаж поступили лишь три таких предмета (ГЭ, инв. № 2520/9, 17, 18). Они сильно фрагментированы, центральная розетка сохранилась лишь у одного, большая часть подвесок отдельно. Ответить на вопрос, была ли в покупке Веселовского и 4-я такая розетка, не представляется возможным, хотя отдельно хранящихся золотых розеток с отверстиями — три, и есть сохранный экземпляр с розеткой в центральной части **(рис. 1, *3*)**.

В инвентаре предметы № 2520/9 значатся как «пара серег в виде проволочных ободков с нанизанными рубчатыми цилиндрическими пронизями и подвесками в виде агатовых бусин, украшенных

1 Светлана Георгиевна Буршнева — Государственный Эрмитаж, Дворцовая наб., д. 34, Санкт-Петербург, 190000, Российская Федерация; e-mail: burshneva@yandex.ru; ORCID: 0000-0001-5710-6875.

2 Юрий Николаевич Осин — Государственный Эрмитаж, Дворцовая наб., д. 34, Санкт-Петербург, 190000, Российская Федерация; e-mail: yury.osin@gmail.com; ORCID: 0000-0002-8907-1352.

3 Татьяна Владимировна Рябкова — Государственный Эрмитаж, Дворцовая наб., д. 34, Санкт-Петербург, 190000, Российская Федерация; e-mail: ryabkova-tatyana@mail.ru; ORCID: 0000-0001-7441-2372.

4 Коллекция Ку 1895/3 была перешифрована в коллекцию 2520, предметы из золота имеют инв. № 2520/1–19, инв. № 2520/20 — это бусины из стекла и фритты. Предметы поступили в Эрмитаж в 1901 г. из ИАК.

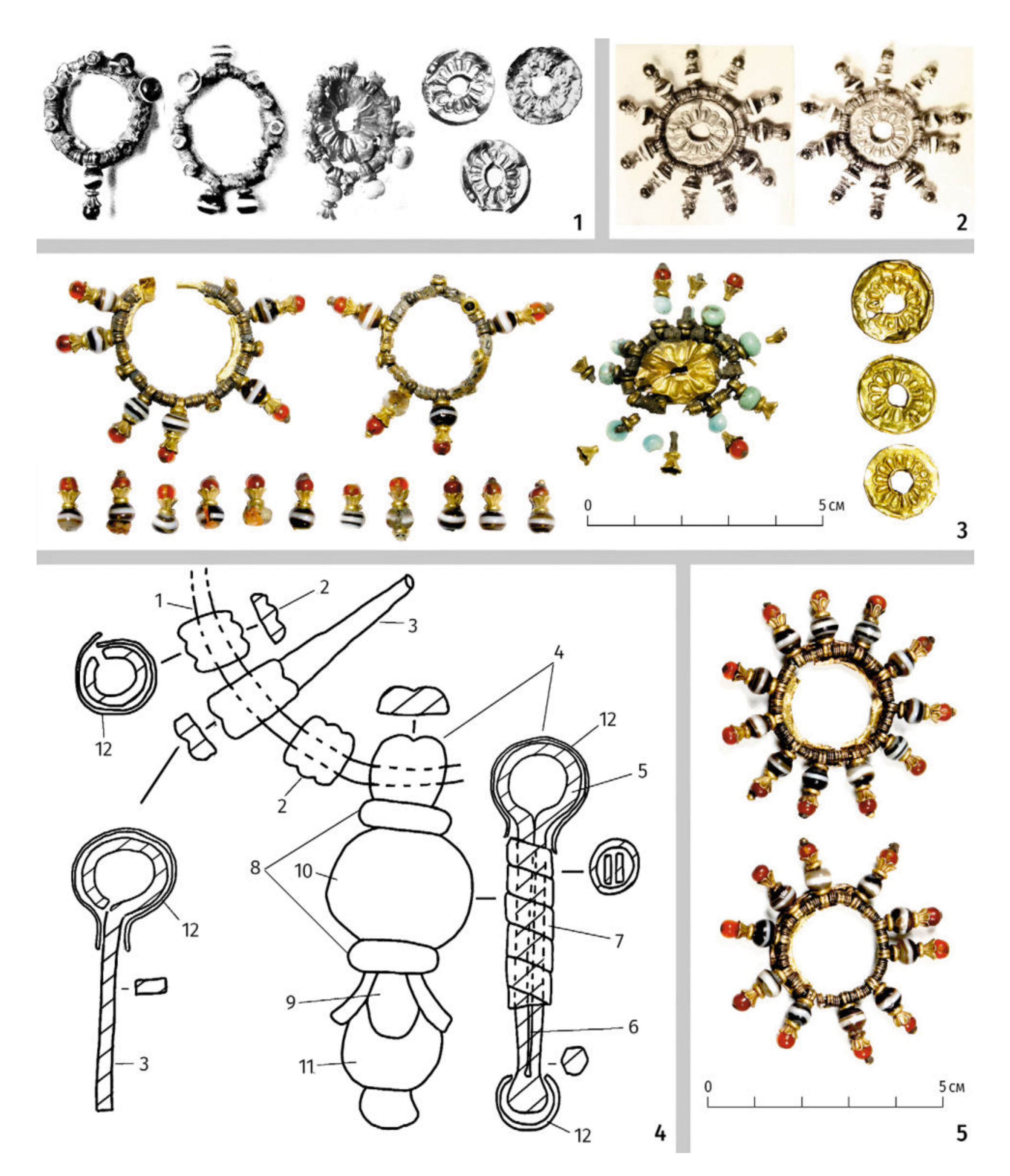

Рис. 1. Станица Крымская. Украшения — «тонкие золотые розетки с проволочным ободком»: *1* — (по: НА ИИМК РАН. РО. Ф. 1. Оп. 1. 1895. Д. 93. Л. 95); *2* — реконструкция-выкладка (по: Там же. Л. 98); *3* — до реставрации (ГЭ, инв. № 2520/9, 15, 17, 18); *4* — конструкция украшения-«серьги» (схема) (*1* — несущая нить, *2* — пронизи, *3* — обойма, *4* — подвеска, *5* — ушко подвески, *6* — игла подвески, *7* — обмотка иглы, 8 — колечки, *9* — чашелистик, *10* — агатовая бусина, *11* — сердоликовая бусина, *12* — золотая фольга); *5* — «серьги» после реставрации. *1–5* — золото, серебро, медь, агат, сердолик. *1, 2, 4* — масштаб разный

Fig. 1. Stanitsa Krymskaya. Decorations — “thin gold rosettes with a wire rim”: *1* — (after НА ИИМК РАН. Ф. 1. Оп. 1. 1895. Д. 93. Л. 95); *2* — reconstruction-exposition (after Ibid. P. 98); *3* — before restoration (The State Hermitage Museum, Inv. No. 2520/9, 15, 17, 18); *4* — “earring” decoration design (diagram) (*1* — supporting thread, *2* — thread, *3* — clip, *4* — pendant, *5* — pendant eye, *6* — pendant needle, *7* — needle winding, *8* — rings, *9* — sepal, *10* — agate bead, *11* — carnelian bead, *12* — gold foil); *5* — “earrings” after restoration. *1–5* — gold, silver, copper, agate, carnelian. *1, 2, 4* — different scale

цветками из золотой чашечки с сердоликовой сердцевиной»[5]. Они различаются по размеру, поэтому для удобства исследования и описания были обозначены как «большая серьга» и «малая серьга», нанизанные детали пронумерованы сплошной нумерацией от большой серьги к малой.

«Серьги» поступили на реставрацию в сильно поврежденном состоянии. Коррозионные разрушения произошли с предметами еще в погребенных условиях, а физические разрушения, появившиеся во многом вследствие коррозионного поражения, произошли уже в период более чем столетнего хранения в музее. Все агатовые подвески и сердоликовые бусины отломались и были в разное время приклеены, *in situ* сохранились только три агатовые бусины на «малой серьге». После удаления остатков старого клея появилась возможность для детального исследования конструкции «серег» с помощью оптической микроскопии и сканирующей электронной микроскопии.

Оптическая микроскопия осуществлялась с помощью микроскопа Zeizz AXIO Zoom 1,5x/0,37 FWD 30 mm, окуляры 16x/16 Br foc. Для исследования с помощью сканирующей электронной микроскопии использовался электронно-микроскопический микрозондовый элементный анализ выделенных участков *in situ* (пробы 1–15) и предоставленных образцов продуктов коррозии (проба 16). Для исследования *in situ* зафиксированный на держатель предмет помещался в камеру сканирующего электронного микроскопа EVO-18 (Carl Zeiss); для исследования образцов продуктов коррозии порошковые пробы были зафиксированы на держателях с помощью углеродного проводящего скотча и помещались в камеру сканирующего электронного микроскопа EVO-18 (Carl Zeiss). Микроскоп оснащен спектрометром энергетической дисперсии XFlash 610 Mini. Разрешение спектрометра 127 эВ. Точность измерения составляет 0,01–1 %. Элементный анализ проводился при ускоряющем напряжении 20 кэВ при рабочем отрезке 8,5 мм и зондовом токе 1,4 нА, что позволяет избежать минимальных погрешностей при микрозондовом анализе. Глубина зондирования составляет порядка 0,5–1 микрона. Угол отбора характеристического рентгеновского излучения составляет 25°. При измерениях не учитывались углерод и почвенные элементы (Al, Si, Fe, Ca, P и пр., содержание которых составляло менее 1 %). Для определения состава сплава проводились замеры по следующим металлам: Au, Ag, Cu, Sn, Pb, As; для анализа коррозионных образований учитывалось содержание Cl, S, O. По основным элементам построены карты распределения для проб № 2–4 и № 7–15.

В ходе обследования установлено, что «серьги» имеют значительно более сложное строение, чем это представлялось ранее. Для удобства исследования и описания составляющие части «серег» были обозначены в соответствии с современной ювелирной и археологической терминологией. Все детали конструкции предметов обозначены на схеме **(рис. 1, *4*)**.

«Большая серьга» в основе конструкции имеет золотую проволоку (далее — несущая нить) **(рис. 1, *4, 1*)** диаметром примерно 0,3 мм, на которую собраны пронизи, обоймы для крепления к золотой розетке (далее — обоймы) и подвески. Концы несущей нити разомкнуты, с одной стороны разъема виден небольшой кончик несущей нити длиной около 1,5 мм, рядом с ним — фрагмент более толстой золотой проволоки со следами грубого стачивания (далее — стержень-вставка), диаметром около 0,8 мм и длиной около 7 мм. На несущую нить нанизаны пронизи **(рис. 1, *4, 2*)**, обоймы **(рис. 1, *4, 3*)** и подвески **(рис. 1, *4, 4*)** по следующей схеме: трехвитковая пронизь — подвеска — трехвитковая пронизь — обойма — трехвитковая пронизь — и т. д. Предварительное исследование под микроскопом выявило, что все пронизи и обоймы выполнены из неблагородного металла и обтянуты тонким золотым листом **(рис. 1, *4, 12*)** внахлест, края листа заглажены. Основа пронизей сделана из профилированного стержня, согнутого в кольцо, в результате чего возник эффект трехвитковой скрутки.

Подвески имеют более сложную конструкцию. Основа обойм была изготовлена также из металлического стержня прямоугольного сечения, верхняя часть которого профилирована — из верхней профилированной части стержня выгнуто ушко, которое потом обтянули золотой фольгой, а нижняя часть служила клепочным соединением к золотой розетке. Иглы подвесок **(рис. 1, *4, 6*)** изготовлены из профилированного стержня белого металла прямоугольного сечения, только профиль в виде двух валиков был сделан в средней части стержня, а потом стержень сгибали пополам, чтобы сформировать ушко подвески **(рис. 1, *4, 6*)**. Соединенные концы стержня обматывались тонкой лентой или проволокой из медного сплава **(рис. 1, *4, 7*)**, чтобы обеспечить их плотное прилегание друг к другу. На иглу подвески надеты последовательно: 1) колечко **(рис. 1, *4, 8*)**, выполненное из неблагород-

5 Представляется целесообразным использовать в дальнейшем инвентарное обозначение «серьга» в кавычках, чтобы подчеркнуть условность этого названия. Очевидно, что предметы серьгами не являются.

ного металла с обтяжкой из золотого листа; 2) агатовая круглая бусина **(рис. 1, *4, 10*)**; 3) второе колечко, аналогичное первому **(рис. 1, *4, 8*)**; 4) чашелистик, выполненный из золотого листа **(рис. 1, *4, 9*)**; 5) сердоликовая округлая бусина **(рис. 1, *4, 11*)**. Конец иглы расклепан в виде замыкающей полукруглой заклепки, на которую надет колпачок из золотого листа **(рис. 1, *4, 12*)**. На несущей нити сохранилось 11 обойм, 10 подвесок (из них 6 держатся на несущей нити целиком, 4 — только ушки с верхними кольцами) и 20 пронизей, одна подвеска и две пронизи находятся в оброне. К обоймам клепочным соединением крепятся остатки розетки из золотой фольги — края розетки завальцованы, середина утрачена. Розетка выполнена в технике штамповки. Вся конструкция имеет лицевую и оборотную стороны. Благодаря наличию завальцовки на розетке, подвесные части конструкции могли свободно свисать на лицевую сторону, на оборотную сторону все подвески фиксируются только в горизонтальном положении.

«Малая серьга» имеет конструкцию, аналогичную большой. В ее основе лежит золотая несущая нить толщиной примерно 0,2–0,3 мм, концы проволоки закреплены на обоймах. На проволоке сохранилось 10 подвесок, 10 обойм для крепления к розетке и соответствующее количество трехвитковых пронизей. Конструкция пронизей, обойм и подвесок идентична «большой серьге».

Для удобства исследования все подвески и обоймы «серег» были пронумерованы сквозной нумерацией. Нумерация начинается на каждой «серьге» от места соединения концов несущей нити против часовой стрелки. «Большая серьга»: подвески от 1 до 10, обоймы от 1 до 10 и 10.1; «малая серьга»: подвески от 11 до 20, обоймы от 11 до 20. Учитывая, что конструкция деталей обоих предметов идентична, с каждой «серьги» были исследованы места сломов на трех подвесках с каждого предмета (пробы 2–4 и 13–15), места сломов на трех обоймах с каждого предмета (пробы 7–12), состав сплава несущих нитей (пробы 1 и 6), основа одной пронизи по месту отставания золота (проба 5) и состав сплава основы золотых колечек (проба 16).

Все результаты измерений элементного состава посредством сканирующей электронной микроскопии сведены в единую таблицу **(табл. 1)**. Номер пробы определяет участок, на котором проводились измерения. Пробы с подвесок и обойм указаны в соответствии с условной нумерацией, присвоенной в начале исследования. На подвесках были исследованы места сломов иглы на участке, где заканчивается ушко иглы и крепится золотое колечко. На обоймах также были исследованы места сломов под ушком, в месте крепления к центральной розетке.

Объем настоящей публикации не позволяет провести подробный анализ полученных данных, поэтому мы ограничимся только выводами.

1. Стержень-вставка «большой серьги» выполнен из золота очень высокой чистоты (99,9 %). Вероятно, такую разницу в элементном составе можно было бы объяснить тем, что стержень вставлен в более поздний период. Однако замеры показали, что стержень по длине подходит для крепления дополнительной одиннадцатой подвески с агатовой бусиной, обоймы и двух пронизей, которые имеются в наличии в оброне. Поэтому, если вставка и была сделана позднее, то наверняка в той же мастерской, где была изготовлена сама «серьга».

2. Основа пронизей изготовлена из серебра (50–85 %) с добавлением меди (2,3–14,5 %), отмечено значительное присутствие золота (4,8–11,6 %). Так как измерения проводились с поверхности окисленного металла, где присутствуют продукты коррозии серебра и меди, то говорить о более точном соотношении компонентов сплава нельзя. Возможно, пронизь выполнена из серебряного сплава, в состав которого входят медь и золото.

3. Во всех обоймах присутствуют три металла — медь, серебро и олово. Анализ соотношения по точкам замеров не показал какой-либо закономерности — в любой точке независимо от номера пробы может быть или повышенное содержание меди, или серебра, или содержание этих металлов может быть пропорциональным. Полученные данные позволяют сделать вывод, что основы для обойм были изготовлены из билона — сплава меди и серебра с оловом в качестве легирующей добавки. Существенные колебания соотношения компонентов по разным точкам измерений, вероятно, объясняются тем, что замеры проводились на полностью минерализованных участках, где чистого металла уже не осталось и анализировались только продукты коррозии.

4. Почти все центральные стержни игл подвесок изготовлены из серебра с добавлением небольшого количества меди (1–7 %) и золота (5–7 %) в качестве легирующих добавок. Обмотка игл выполнена из бронзы, содержание олова в пробах колеблется от 1 до 15 %, однако по причине полного замещения металла продуктами коррозии эти данные не могут учитываться при количественной оценке состава сплава. Также в обмотке игл присутствует некоторое количество серебра (от 1 до 20 %), но, как и с оловом, оценка по продуктам коррозии позволяет зафиксировать только факт наличия серебра в сплаве. Итак, центральные стержни выпол-

Таблица 1. *Результаты измерений элементного состава на пробах с парных «серег» из коллекции Н. И. Веселовского*

№ пробы	Участок замеров	Au %	Ag %	Cu %	Sn %	As %	Cl %	S %	O %
1	Несущая нить «большой серьги»	94,7	—	5,3	—	—	—	—	—
1	Стержень-вставка «большой серьги»	99,94	—	0,06	—	—	—	—	—
2	Подвеска 2, точка 1. Стержень иглы	7,55	91,42	1,03	—	—	—	—	—
2	Подвеска 2, точка 2. Обмотка иглы	5,19	20,89	44,42	6,27	—	4,89	2,39	15,94
3	Подвеска 6, точка 1. Стержень иглы	7,42	84,65	7,93	—	—	—	—	—
3	Подвеска 6, точка 2. Обмотка иглы	—	3,09	66,9	6,44	—	8,82	—	14,75
4	Подвеска 9, точка 1. Стержень иглы	9,8	85,52	4,67	—	—	—	—	—
4	Подвеска 9, точка 2. Обмотка иглы	—	1,49	75,33	3,85	—	3,05	—	16,28
5	Пронизь «большой серьги», точка 1	11,61	86,05	2,34	—	—	—	—	—
5	Пронизь «большой серьги», точка 2	4,82	50,24	14,54	—	—	3,57	5,07	21,76
6	Несущая нить «малой серьги»	97,3	—	2,7	—	—	—	—	—
7	Обойма 13, точка 1. Центр	—	32,75	34,41	1,13	—	0,27	19,61	11,83
7	Обойма 13, точка 2. Край	—	11,22	51,75	5,1	—	0,55	4,26	27,12
8	Обойма 17, точка 1. Центр	—	60,23	19,7	2,43	—	11,39	0,36	5,89
8	Обойма 17, точка 2. Край	—	4,85	56,49	2,0	—	0,33	22,49	8,79
9	Обойма 19, точка 1. Центр	—	2,02	85,22	1,36	—	3,3	0,36	7,73
9	Обойма 19, точка 2. Край	—	40,26	19,16	3,64	—	1,44	8,55	26,94
10	Обойма 3, точка 1. Центр	—	71,41	1,88	2,89	—	5,28	6,47	12,06
10	Обойма 3, точка 2. Край	—	84,57	2,85	1,15	—	0,24	4,36	6,12
11	Обойма 2, точка 1. Центр	—	0,7	69,69	7,54	—	2,34	0,54	19,18
11	Обойма 2, точка 2. Край	—	2,72	6,49	62,23	—	0,91	1,18	26,48
12	Обойма 10, точка 1. Центр	—	13,84	49,71	4,63	—	5,71	4,27	21,84
12	Обойма 10, точка 2. Край	—	37,27	25,99	0,75	—	9,65	0,09	26,24
13	Подвеска 13, точка 1. Стержень иглы	—	69,18	0,84	—	—	18,97	0,03	10,98
13	Подвеска 13, точка 2. Обмотка иглы	—	20,82	25,23	15,66	—	8,34	1,48	28,46
14	Подвеска 16, точка 1. Стержень иглы	5,63	51,98	11,06	—	—	15,53	0,01	15,78
14	Подвеска 16, точка 2. Обмотка иглы	—	0,77	76,9	3,88	—	2,25	0,35	15,85
15	Подвеска 20, точка 1. Стержень иглы	7,33	62,98	2,86	—	—	19,2	—	7,63
15	Подвеска 20, точка 2. Обмотка иглы	—	1,16	76,58	0,91	—	7,03	0,03	14,29
16	Основа золотых колечек подвесок	—	—	83,28	3,21	0,94	0,39	—	12,18

нены из серебра с медью и золотом в качестве легирующих добавок, а обмотка игл была изготовлена из бронзы с добавлением серебра.

5. Золотые колечки и чашелистики, которые надевались на иглу подвески вместе с бусинами, изготовлены из листового золота. В качестве основы для золотых колечек использовалась бронза **(табл. 1, *проба 16*)**, которая полностью прокорродировала, поэтому полученные данные можно использовать только для оценки качественного состава сплава.

В результате проведенных исследований мы можем воссоздать технологию изготовления и облик парных украшений («серег») из покупки Н. И. Веселовского в станице Крымская **(рис. 1, *5*)**. Сложность конструкции, разнообразие материалов, тщательность и высокое качество изготовления украшений из коллекции предметов, купленных в станице Крымская уже отмечались (*Манцевич*, 1961; *Рябкова*, 2023; *Чугунова*, 2023). Открытым остается вопрос о функциональном назначении описываемых парных украшений. Серьгами они быть не могут из-за отсутствия какого-либо крючка или иного механизма для подвешивания и в особенности способности «складываться» в сторону лицевой части. Каких-то признаков крепления предметов к плоскости нет, при этом очевидно, что предметы имеют лицевую и оборотную стороны. Очевидно, что эти «серьги» составляли единый комплект с ладьевидными серьгами на цепочках

из этой же покупки (*Манцевич*, 1961. С. 155. Рис. 1; *Рябкова*, 2023. С. 49. Ил. 2). Возможно, они были частью составных украшений: подвески с агатовыми бусинами и золотыми цветами, укрепленные на тонком колечке, могли свободно свисать на лицевую сторону, образуя кисть с розеткой в центре.

НА ИИМК РАН. РО. Ф. 1. Оп. 1. 1895. Д. 93: Дело Императорской археологической комиссии о раскопках старшего члена комиссии проф. Н. И. Веселовского в Кубанской обл. и Таврической губ.

Манцевич, 1961 — *Манцевич А. П.* Серьги из станицы Крымской // АСГЭ. 1961. Вып. 2. С. 154–162.

ОИАК, 1897 — Отчет ИАК за 1895 г. СПб.: тип. Гл. упр. уделов, 1897. 291 с.

Рябкова, 2023 — *Рябкова Т. В.* Драгоценные предметы из раскопок Нестерова у станицы Крымской в 1895 г. в коллекции Государственного Эрмитажа // Ювелирное искусство и материальная культура. СПб.: Изд-во ГЭ, 2023. Вып. 7. С. 45–54.

Чугунова, 2023 — *Чугунова К. С.* Археометрическое исследование одного предмета из раскопок Нестерова у станицы Крымской в 1895 г. (предварительные результаты) // Там же. С. 55–61.

Hussein at al., 2016 — *Hussein M., Altaweel M., Gibson McG.* Nimrud. The Queens' Tombs. Baghdad; Chicago: Oriental Institute of the University of Chicago 2016. XXVI, 186 p., 220 pl.

Research and attribution of gold jewelry from the purchase of Nikolay I. Veselovsky in the village of Krymskaya

Svetlana G. Burshneva[6], Yuri N. Osin[7], Tatyana V. Ryabkova[8]

The article analyzes the gold jewelry from the purchase of Nikolay I. Veselovsky in the stanitsa Krymskaya in 1895. The study using optical microscopy and scanning electron microscopy allowed to establish the features of an unusually complex construction, recreate the manufacturing technology and the appearance of paired “earrings”. During the restoration, it turned out that they could not be earrings, their functions have not yet been determined.

Keywords: *Nikolay I. Veselovsky, stanitsa Krymskaya, jewelry, the State Hermitage collection, the research of archaeological objects*

6 Svetlana G. Burshneva — The State Hermitage Museum, 34 Dvortsovaya Emb., St. Petersburg, 190000, Russian Federation; e-mail: burshneva@yandex.ru; ORCID: 0000-0001-5710-6875.

7 Yuri N. Osin — The State Hermitage Museum, 34 Dvortsovaya Emb., St. Petersburg, 190000, Russian Federation; e-mail: yury.osin@gmail.com; ORCID: 0000-0002-8907-1352.

8 Tatyana V. Ryabkova — The State Hermitage Museum, 34 Dvortsovaya Emb., St. Petersburg, 190000, Russian Federation; e-mail: ryabkova-tatyana@mail.ru; ORCID: 0000-0001-7441-2372.

Роспись «Водопой»: культурно-исторический контекст монументальной живописи Бунджиката и проблемы ее реставрации и консервации

|Н. В. Семенов|[1], Е. В. Баранова[2]

Аннотация. *Малый тронный зал дворца Калаи Кахкаха I (Северный Таджикистан) был расписан в три яруса сценами с изображениями богов, демонов и людей; сохранившиеся фрагменты росписей также дают ценную информацию о вооружении раннесредневековой Уструшаны. Несмотря на то что в конце IX в. дворец был уничтожен пожаром, часть живописи хорошо сохранилась, в том числе роспись со сценой водопоя, которая успешно прошла повторную реставрацию в 2021–2023 гг.*

Ключевые слова: *Средняя Азия, Уструшана, Бунджикат, лёссовая живопись, реставрация, вооружение*

https://doi.org/10.31600/978-5-6050962-0-7.204-207

Роспись «Водопой» является одним из сохранившихся фрагментов обширной композиции, обнаруженных во время археологических раскопок на городище Калаи Кахкаха I близ современного поселка Шахристан на севере Таджикистана. Поселок отождествляют со столицей средневековой Уструшаны — Бунджикатом, а само городище — с дворцом его правителей (афшинов) (*Негматов, Хмельницкий*, 1966. С. 139–140). Раскопки памятника проводились в 1965–1972 гг. Северо-Таджикским археологическим отрядом Института истории им. А. Дониша АН Таджикской ССР при участии Отдела реставрации (ЛНРМЖ) Государственного Эрмитажа.

История и культура Уструшаны[3] были тесно связаны с Согдом, местное население говорило на диалекте согдийского языка. Судя по комплексу находок и внутреннему декору, городище Калаи Кахкаха I, скорее всего, являлось царской резиденцией, возведенной в VII в. и разрушенной пожаром в IX в. (*Воронина, Негматов*, 1974). Найденные здесь произведения стенной живописи и резьбы по дереву свидетельствуют о существовании на территории Уструшаны уникальной художественной культуры.

Рассматриваемый фрагмент росписи происходит из помещения № 4, которое принято датировать концом VIII — началом IX в. Это помещение площадью 95 м^2, являющееся Малым тронным залом, было разрушено еще до пожара. В нем найдено наибольшее количество фрагментов живописи, украшавшей интерьеры дворцового комплекса (Древности Таджикистана, 1985. С. 264–273; *Соколовский*, 2009. С. 32). И хотя общая композиция росписей оказалась разрушена, фрагменты, упавшие лицевой стороной вниз, лучше сохранили первоначальный цвет. Мастер росписей «Малого зала» в целом придерживался согдийской традиции, хотя Б. И. Маршак указывал на возможную его связь с восточнотуркестанской школой (*Косолапов, Маршак*, 1999. С. 22). В то же время тонкая линеарность, подробная детализация и обилие дорогого лазуритового фона сближают эти росписи с фрагментами штукатурки из дворца правителя на цитадели Древнего Пенджикента (Expedition Silk Road, 2014. P. 40. Cat. ill. 120). Стенопись зала, расположенная в три яруса, посвящена теме борьбы людей и демонов. Батальные, религиозные и бытовые сцены состоят из многочисленных фигур, расположенных в одну линию на переднем плане на локальном фоне синего цвета. Точных литературных параллелей данному нарративу на сегодняшний день не обнаружено.

По фрагментам, красочный слой которых не подвергся деструкции от пожаров, можно определить некоторые приемы живописной техники: например, объем передавался путем нанесения красок друг на друга, послойно, с постепенным изменением тона в нужную сторону (*Соколовский*, 2009. С. 64). На росписи «Водопой» структура мазков четко видна на изображении фактурных волн.

1 |Никита Викторович Семенов| — Государственный Эрмитаж, Дворцовая наб., д. 34, Санкт-Петербург, 190000, Российская Федерация; e-mail: nikitasmnv@gmail.com; ORCID: 0000-0001-8893-389X.

2 Елена Валерьевна Баранова — Государственный Эрмитаж, Дворцовая наб., д. 34, Санкт-Петербург, 190000, Российская Федерация; e-mail: elenabarba@yandex.ru; ORCID: 0009-0006-9764-2318.

3 Историческая область Средней Азии, охватывающая север Таджикистана и сопредельные территории Узбекистана.

Рассматриваемый фрагмент, на котором представлены две человеческие фигуры и пара лошадей, пьющих из водоема **(рис. 1)**, сохранил несколько деталей, позволяющих привлечь в качестве аналогий археологические находки: это вооружение двух воинов и кувшин в руках одного из них (*Маршак*, 2012. С. 224–227). Меч персонажа по своим морфологическим признакам представляет раннесредневековую разновидность длинного (около метра) двулезвийного меча со штырьковой рукоятью; данный тип мечей по ряду признаков восходит к позднесарматским клинкам I–III вв. Общим для них является способ ношения на портупейном ремне с помощью скобы на ножнах, длинные, зауженные до 4 см клинки, длинная рукоять, наличие рядом с клинком бусин, служивших, очевидно, фиксатором портупейного ремня (*Обельченко*, 1978. С. 122; ср. материал из кургана 2 Орлатского могильника: *Пугаченкова*, 1989. С. 122–156. Рис. 56, 71; *Безуглов*, 2000). Также подобный тип меча был зафиксирован в Тулхарском могильнике (*Омельченко*, 2012. С. 165, кат. № 411). Немногочисленные находки типологически близких фрагментов в Пенджикенте, Афрасиабе и Куль-Тобе, относящиеся к слоям VII–VIII вв., подтверждают использование подобных клинков на территории Согда в раннем средневековье (*Распопова*, 1980. С. 78. Рис. 49; *Беленицкий*, 1973; *Альбаум*, 1975. С. 43–46. Рис. 11, табл. XXIII).

Реставрация росписи началась сразу же в ходе экспедиционных работ. Композиция была собрана из большого количества фрагментов различного размера и толщины. Основа росписи — обгоревшая лёссовая штукатурка, также неравномерная по толщине. Полевую и лабораторную обработку, монтаж композиций выполнил практически в одиночку сотрудник Государственного Эрмитажа В. М. Соколовский.

В Эрмитаже была разработана методика закрепления и снятия живописи со стен, а также общие принципы реставрации. С начала 1950-х гг. для восстановления росписей на лёссовой основе использовались растворы полимера ПБМА. Этот материал обладал рядом необходимых качеств: он был прочным, не разрушал, а укреплял красочный слой и основу. Самое главное — он не вызывал необратимых изменений, хоть и незначительно изменял цвет и фактуру живописи. Тем не менее, учитывались и альтернативные методы.

Проведенные в 1968–1972 гг. в Шахристане эксперименты по модернизации методики дали определенные результаты. Сотрудником химической лаборатории Эрмитажа В. П. Виноградовой была проделана сложная работа, и оптимальный результат дал фторсодержащий полимер Ф-42Л (фторлон).

При повторной работе с росписью «Водопой» (2021–2023 гг.) возникли трудности технического характера, связанные с удалением поверхностного закрепляющего слоя, нанесенного при полевой обработке более полувека назад. Дело в том, что фторопласт (Ф-42) отличается высокой прочностью, химической стойкостью к самым агрессивным средам, радиационной стойкостью, стойкостью к атмосферным воздействиям, не растворяется в спиртах, ароматических и хлорированных углеводородах; он стоек к световому старению, защищает от ультрафиолетовых лучей (*Ермолинская и др.*, 2008. С. 1802, 1809). На сегодняшний день невозможно удалить поверхностные загрязнения без нанесения ущерба красочному слою. Поскольку покрытие было уже давним, а памятник перенес неоднократные вмешательства различных химических составов (других полимеров, кремнеорганики, животного клея), все это образовало мощное сцепление и вместе с грунтом отрывалось от основы, не реагируя на воздействие различных растворителей, применяемых согласно методике. Состояние росписи было неоднозначным, потребовалась тщательная обработка основы и удаление наслоений. Ситуация усугублялась сложной монтировкой с использованием различных укрепляющих материалов и клеев, в результате чего живопись приобрела вид «слоеного пирога».

Очевидно, что возникшие сложности ставят перед реставраторами ряд комплексных задач, которые требуют дальнейшей, более глубокой и тщательной проработки и решение которых возможно только в тесном сотрудничестве научных, технических, исследовательских и реставрационных отделов.

Альбаум, 1975 — *Альбаум Л. И.* Живопись Афрасиаба. Ташкент: Фан, 1975. 112 с., табл.

Безуглов, 2000 — *Безуглов С. И.* Позднесарматские мечи (по материалам Подонья) // Сарматы и их соседи на Дону. Ростов-н/Д: Терра, 2000. С. 169–193 (Материалы и исследования по археологии Дона. Вып. 1).

Беленицкий, 1973 — *Беленицкий А. М.* Монументальное искусство Древнего Пенджикента: Живопись. Скульптура. М.: Искусство, 1973. 68 с., табл. (Памятники древнего искусства).

Воронина, Негматов, 1974 — *Воронина В. Л., Негматов Н. Н.* Открытие Уструшаны // Наука и человечество. 1975. Международный ежегодник. М.: Знание, 1974. С. 51–71.

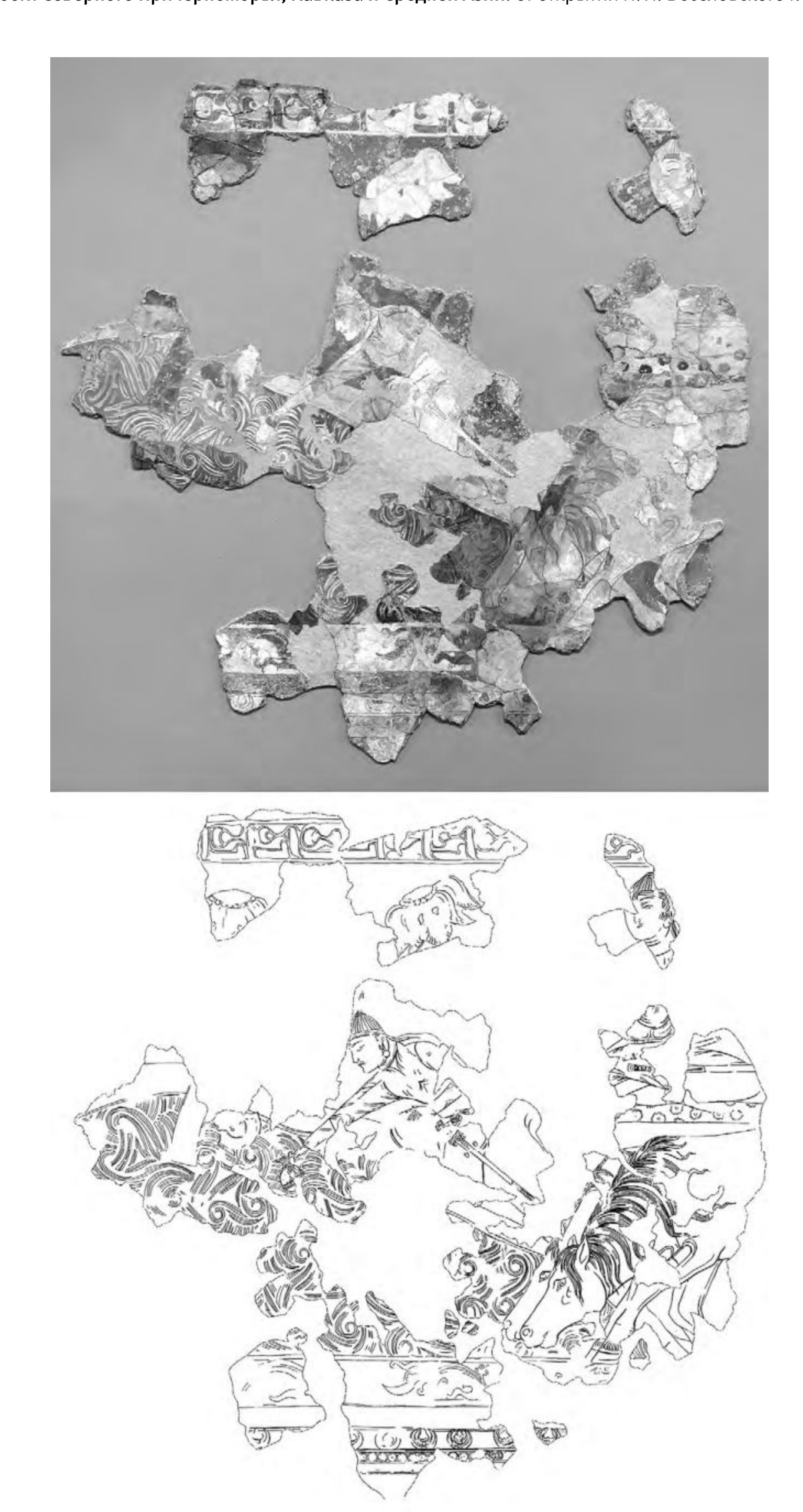

Рис. 1. Фрагмент росписи «Водопой». Городище Калаи Кахкаха I, Малый тронный зал, второй ярус западной стены. VIII в. Фото и прорисовка

Fig. 1. Fragment of "The Watering Place" mural. Kala-i-Kahkaha I, the Minor Throne Hall, the 2nd tier of the Western Wall. 8th century AD. Photo and drawing

Древности Таджикистана, 1985 — Древности Таджикистана (Каталог выставки) / Отв. ред. Е. В. Зеймаль. Душанбе: Дониш, 1985. 344 с.

Ермолинская и др., 2008 — *Ермолинская Т. М., Фенько Л. А., Бильдюкевич А. В.* Влияние растворителя на свойства растворов фторопласта-42 и структуру пленок, полученных на его основе // Высокомолекулярные соединения. Серия А. 2008. Т. 50. № 10. С. 1802–1809.

Косолапов, Маршак, 1999 — *Косолапов А. И., Маршак Б. И.* Стенная живопись Средней и Центральной Азии (Историко-художественное и лабораторное исследование). СПб.: Формика, 1999. 80 с.

Маршак, 2012 — *Маршак Б. И.* Керамика Согда веков как историко-культурный памятник (К методике изучения керамических комплексов). СПб.: Изд-во ГЭ, 2012. 384 с.

Негматов, Хмельницкий, 1966 — *Негматов Н. Н., Хмельницкий С. Г.* Средневековый Шахристан. Душанбе: Б/и, 1966. 226 с. (Материальная культура Уструшаны. Вып. I).

Обельченко, 1978 — *Обельченко О. В.* Мечи и кинжалы из курганов Согда // СА. 1978. № 4. С. 115–127.

Омельченко, 2012 — *Омельченко А. В.* Кочевники Средней Азии в древности // Кочевники Евразии на пути к империи. Каталог выставки. СПб.: Славия, 2012. С. 164–167.

Пугаченкова, 1989 — *Пугаченкова Г. А.* Древности Мианкаля. Из работ Узбекистанской искусствоведческой экспедиции. Ташкент: Фан, 1989. 204 с.

Распопова, 1980 — *Распопова В. И.* Металлические изделия раннесредневекового Согда. Л.: Наука, 1980. 139 с.

Соколовский, 2009 — *Соколовский В. М.* Монументальная живопись VIII — начала IX вв. дворцового комплекса Бунджиката, столицы средневекового государства Уструшаны. СПб.: Изд-во ГЭ, 2009. 232 с.

Expedition Silk Road, 2014 — Expedition Silk Road. Journey to the West. Treasures from the Hermitage. Amsterdam: De Nieuwe Kerk; Hermitage Amsterdam, 2014. 255 p.

"The Watering Place" mural: cultural-historical context of the paintings from Bunjikat and the problems of its restoration and conservation

|Nikita V. Semenov|[4], Elena V. Baranova[5]

The wall paintings in the Minor Throne Hall of Kala-i-Kahkaha I palace (Northern Tajikistan) were arranged in three tiers and depicted humans, gods and demons; the remaining fragments of this murals show also various details of weaponry used in the early mediaeval Ustrushana. At the end of the 9th century the palace was destroyed by fire but some fragments of paintings were saved in good condition including the composition known as "The Watering Place". It was restored successfully in 2021–2023.

Keywords: *Central Asia, Ustrushana, Bundjikat, murals, restoration, weaponry*

4 |Nikita V. Semenov| — The State Hermitage Museum, 34 Dvortsovaya Emb., St. Petersburg, 190000, Russian Federation; e-mail: nikitasmnv@gmail.com; ORCID: 0000-0001-8893-389X.

5 Elena V. Baranova — The State Hermitage Museum, 34 Dvortsovaya Emb., St. Petersburg, 190000, Russian Federation; e-mail: elenabarba@yandex.ru; ORCID: 0009-0006-9764-2318.

Находки Н. И. Веселовского из хотанской коллекции Государственного Эрмитажа

Ю. И. Елихина[1]

Аннотация. *В 1896 г. из Археологического Института в Императорский Эрмитаж были переданы находки Н. И. Веселовского из его раскопок в 1885 г. в Туркестане. Хотанская коллекция Эрмитажа представлена 21 предметом — миниатюрные зоо- и антропоморфные изображения, фрагменты украшений и неопределенные предметы, изготовленные из бронзы и меди. До сих пор эти артефакты не были опубликованы. В соответствии с различными аналогиями эти предметы можно датировать VII–X вв. Они свидетельствуют о достаточно высоком уровне бронзового литья в этом регионе.*

Ключевые слова: *Н. И. Веселовский, археологические находки, миниатюрные бронзовые украшения, хотанская коллекция Эрмитажа*

https://doi.org/10.31600/978-5-6050962-0-7.208-210

Н. И. Веселовский (1848–1918) — историк, востоковед, археолог, исследователь Средней Азии, прославившийся раскопками Келермесских курганов, Майкопского кургана и кургана Солоха. В 1885 г. он проводил исследования в Туркестане. Вот как описывает деятельность Н. И. Веселовского Б. В. Фармаковский (1870–1928): «…производил въ Туркестанѣ развѣдки съ цѣлью общаго ознакомленія съ остатками древности, сохранившимися въ этомъ краѣ, и раскопки въ разныхъ мѣстахъ. Наиболѣе важныя раскопки были произведены на городищѣ Афросіаба, къ сѣверу отъ Самарханда, гдѣ работы велись въ теченіе четырехъ мѣсяцевъ. Въ Афросіабѣ Н. И. обнаружилъ остатки культуръ древне-греческой, древне-персидской, китайской. Весьма интересными являются до-мусульманскіе глиняные гробы съ рельефными изображеніями фигуръ людей и животныхъ. Кромѣ Афросіаба, Н. И. разслѣдовалъ еще нѣкоторыя городища, изъ которыхъ городище Той-Тюбе Сыръ-Дарвинской области дало монеты XIV в. Н. И. описаны были, далѣе, старинныя укрѣпленія, разслѣдованы древнія могилы, и сдѣланъ рядъ покупокъ предметовъ древности. Однимъ изъ важныхъ результатовъ работъ Н. И. въ Туркестанѣ является установленіе широкаго распространенія тамъ буддизма въ до-мусульманскій періодъ. Н. И. собрано большое количество и памятниковъ мусульманскихъ» (*Фармаковский*, 1921. С. 362).

Находки Н. И. Веселовского поступили в Императорский Эрмитаж в 1896 г. (акт № 1504 от 28 сентября) из Археологического Института. Первоначально эти предметы были занесены в инвентарь под шифром «КИ» (Кавказ — Иран), ныне не существующим. В 1951 г. часть из них перешифровали в инвентарь «СА» — Средняя Азия (около 150 предметов), а незначительное число артефактов (21 экспонат) (инв. № ГА-1085-1105) записали в инвентарь «ГА», относящийся к хотанской коллекции (книга № 2771 от 23.09.1951). Вероятно, все эти находки происходят с территории современной Средней Азии.

Находки Н. И. Веселовского из хотанской коллекции представляют собой миниатюрные зоо- и антропоморфные изображения, фрагменты украшений и неопределенные предметы, изготовленные из бронзы и меди. Только один фрагмент изделия выполнен из смальты (инв. № ГА-1096, размер — 2,5 см), имеющей зелено-коричневый цвет. Возможно, именно из-за небольших размеров эти находки не привлекали внимания исследователей. До сих пор эти артефакты не были опубликованы.

В собрании представлены два фрагмента браслета (инв. № ГА-1086, 1087, размеры — 4,5 см и 3,6 см), один из них имеет завершение в виде головы змеи. Еще одно накладное украшение также декорировано изображением головы змеи (инв. № ГА-1093, размер — 3 см).

В коллекции имеются четыре фигурки птичек (инв. № ГА-1088-1090, 1092, размеры — 3,3 см, 2 см, 2,1 см и 2,3 см), служившие подвеской, головкой булавки и накладными украшениями. Фигурки птиц находят в большом количестве на территории современной Средней Азии (*Baskhanov et al.*, 2012. P. 35, 45) и в Хотане (*Дьяконова, Сорокин*, 1960. С. 104–106. Табл. 36).

К зооморфным украшениям относится подвеска в виде навьюченного верблюда (инв. № ГА-1093,

1 Юлия Игоревна Елихина — Государственный Эрмитаж, Дворцовая наб., д. 34, Санкт-Петербург, 190000, Российская Федерация; e-mail: julia-elikhina@yandex.ru; ORCID: 0000-0003-4608-6674.

размер — 2,5 см) с отверстием у передней ноги. По своей моделировке эта фигурка очень близка к терракотовым образам из Хотана (Там же. С. 96–100. Табл. 31–33).

Имеются две миниатюрных фигурки обезьянок (инв. № ГА-1099, 1100, размеры —1,4 см и 4,5 см), одна из них является навершием булавки. Многочисленные булавки, выполненные из кости, были найдены в городище Зартепа (*Завьялов*, 2008. С. 113). Культ обезьян получает широкое распространение в Индии благодаря памятникам древнеиндийского эпоса «Рамаяне» и «Махабхарате». Именно герой «Рамаяны» царь обезьян Хануман — до сих пор один из самых почитаемых персонажей индуизма. В Индии существуют особые храмы обезьян.

Особенно многочисленны среди хотанских находок изображения обезьян, исчисляющиеся сотнями (*Дьяконова, Сорокин*, 1960. С. 19–23. Табл. 27–30). Назначение этих фигурок также остается неясным (*Елихина*, 2021. С. 363–374). Фигурки обезьян иногда использовались в качестве ручек для сосудов. В Зартепа были найдены ручки, украшенные только головами обезьян (*Завьялов*, 2008. С. 109). Фрагменты подобных сосудов были найдены и в Кара-тепе (*Ставиский*, 1972. С. 59–60. Табл. 17, 18).

Также в коллекции находится круглая бронзовая бусина с восемью скругленными ребрами и большим отверстием в центре (инв. № ГА-1085, размер — 1,8 см). Еще одним украшением является бронзовая накладка с изображением бахромчатой кисти (инв. № ГА-1097, размер — 1,4 см).

Наиболее интересны антропоморфные изображения. Одно из них представляет собой миниатюрный бюст бородатого мужчины в высоком головном уборе (инв. № ГА-1102, размер — 1,5 см), другая — уродливую антропоморфную фигурку (инв. № ГА-1105, размер — 4,3 см) **(рис. 1)** с большой головой, торчащими ушами, широко раскрытым ртом, в высоком головном уборе. Руки разведены в стороны, ноги широко расставлены. Одета в плотно облегающую одежду. Судя по аналогиям, можно предположить, что эта фигурка является изображением сатира с демоническим ликом (*Baskhanov et al*., 2012. P. 63).

Еще на одной бронзовой пластине (инв. № ГА-1103, размер — 2 см) на ее лицевой стороне имеется рельефное грубо выполненное изображение сидящей человеческой фигурки, держащей перед грудью какой-то предмет.

Также имеется бронзовый слиток (инв. № ГА-1094, размер — 3 см) и четыре неопределенных предмета (инв. № ГА-1095, 1098, 1101, 1104, размеры — 3,5 см, 1,6 см, 1,7 см и 3,3 см).

Рис. 1. Антропоморфная фигурка (Государственный Эрмитаж, инв. № ГА-1105). Бронза
Fig. 1. Anthropomorphic figurine (The State Hermitage Museum, inv. No. ГА-1105). Bronze

Таким образом, в соответствии с различными аналогиями эти предметы можно датировать VII–X вв. Они свидетельствуют о достаточно высоком уровне бронзового литья в этом регионе.

Дьяконова, Сорокин, 1960 — *Дьяконова Н. В., Сорокин С. С.* Хотанские древности. Л.: Изд-во ГЭ, 1960. 127 с.

Елихина, 2021 — *Елихина Ю. И.* Культ обезьяны в искусстве Центральной Азии // Эрмитажные чтения памяти В. Г. Луконина (21.01.1932 — 10.09.1984). 2013–2017 / Отв. ред. А. Н. Николаев. СПб.: Изд-во ГЭ, 2021. С. 363–374 (Тр. ГЭ. Т. CV).

Завьялов, 2008 — *Завьялов В. А.* Кушаншахр при Сасанидах. СПб.: Фак-т филологии и искусств СПбГУ, 2008. 296 с.

Ставиский, 1972 — *Ставиский Б. Я.* Итоги раскопок на Кара-тепе в 1965–1969 гг. // Буддийский

культовый центр Кара-тепе в Старом Термезе. Материалы совместной археологической экспедиции на Кара-тепе. Вып. 3. Основные итоги работ 1965–1971 гг. / Под ред. Б. Я. Ставиского. М.: Наука, 1972. С. 5–61, табл. 1–18.

Фармаковский, 1921 — *Фармаковский Б. В.* Н. И. Веселовский — археолог // ЗВОРАО. 1921. Т. XXV. С. 359–386.

Baskhanov et al, 2012 — *Baskhanov M., Baskhanova M., Petrov P., Serikoff N.* Arts from the Land of Timur. An Exhibition from a Scottish Private Collection. Paisley: Sogdiana Books, 2012. 342 p.

The finds of Nikolay I. Veselovsky from the Khotan collection of the State Hermitage Museum

Yulia I. Elikhina[2]

In 1896, the finds of Nikolay I. Veselovsky from his excavations conducted in 1885 in Turkestan were transferred from the Archaeological Institute to the Imperial Hermitage. The Khotan collection of the Hermitage is represented by 21 objects — miniature zoo- and anthropomorphic images, fragments of jewelry, and unidentified objects made of bronze and copper. Until now, these artifacts have not been published. According to various analogies, these objects can be dated to the 7th–10th centuries. They indicate a fairly high level of bronze casting in this region.

Keywords: *Nikolay I. Veselovsky, archaeological finds, miniature bronze ornaments, Khotan collection of the State Hermitage Museum*

2 Yulia I. Elikhina — The State Hermitage Museum, 34 Dvortsovaya Emb., St. Petersburg, 190000, Russian Federation; e-mail: julia-elikhina@yandex.ru; ORCID: 0000-0003-4608-6674.

Текстильный материал Белореченского могильника в собрании Государственного Эрмитажа: проблемы атрибуции и датировки

А. Н. Теплякова[1]

Аннотация. *Проблема атрибуции и датировки текстиля Белореченского могильника весьма обширна, поэтому в тексте речь пойдет о группе тканей типа лампас с фоном на атласе. По орнаментальным признакам они относятся к тканям европейского и ближневосточного происхождения. Но технические характеристики позволяют отнести их в одну группу и исключить европейское и османское места изготовления.*

Ключевые слова: *Белореченский могильник, Северный Кавказ, шелк, лампас, мамлюки, Италия*

https://doi.org/10.31600/978-5-6050962-0-7.211-213

Все текстильные находки из Белореченского могильника в коллекции Государственного Эрмитажа относятся к раскопкам Н. И. Веселовского 1896 г. В общей сложности насчитывается 87 различных фрагментов гладких и узорных тканей, тесьмы, поясов и обувных пряжек, шнурков, рукоделия и металлических нитей. Из них наибольшее количество тканей сохранилось в трех курганах — 10, 12 и 20. Из общего числа текстильного материала можно выделить 50 фрагментов, составляющих 21 узорную шелковую ткань.

Самую многочисленную группу представляют ткани типа лампас. В коллекции Отдела Востока Государственного Эрмитажа хранятся 26 инвентарных номеров, которые объединяются в 15 тканей этого типа. Дамаски представлены четырьмя примерами (16 инвентарных номеров). Как правило, они использовались в качестве подкладки или нижнего одеяния в погребениях Белореченского могильника. Это более тонкие и легкие ткани, без металлических нитей. Среди белореченских тканей всего два примера бархатов, разительно различающихся между собой как по сохранности и внешнему виду, так и по структуре.

Поскольку материал обширный, в настоящей работе рассмотрена группа из 12 лампасов[2] с фоном атласного переплетения **(рис. 1)**. Она разделяется на три близкие между собой подгруппы, отличающиеся некоторыми деталями.

К общим признакам, объединяющим ткани этой группы, относятся: фоновое переплетение — атлас 5, шаг 3; все нити основы и утка, включая сердечник металлической нити, шелковые, нити главной основы сдвоенные, каждая мононить имеет z-крутку (иногда слабую); нити связующей основы во всех случаях одинарные, z-крутка (иногда слабая). Фоновый уток толстый, вероятно, из сдвоенной нити, без крутки. Металлическая нить чередуется с шелковой, притом преобладает соотношение одна нить металлическая и две нити шелковые, лишь изредка 1:1. Металлический уток представляет собой полоску серебра, местами с сохранившейся позолотой, накрученную z-круткой не плотно, покрывая примерно половину площади сердечника. Анализ одного образца ткани показал, что металлическая нить изготовлена из высокопробного серебра, покрытого золотом. Сердечник — это шелковая нить, также крученая z-круткой, песочного или желтого цвета. Во всех случаях металлический уток сопровождается аккомпанирующим, который представляет собой тонкую шелковую нить, без крутки, также песочного или желтого цвета (иногда, вероятно из-за сохранности, коричневого).

Сочетание сдвоенной главной основы (каждая нить — z-крутка) и одинарной связующей, а также с z-круткой в лампасах с фоном в атласе характерно для мамлюкских лампасов XIV в. с фоном в атласе (*Louca, Valansot*, 1994. P. 21–22, 28–31). Османские кемхи конца XV — начала XVI в. также используют шелковые нити с z-круткой, и для главной основы (нити не сдвоенные), и для связующей, но в более поздний период преобладает s-крутка главной основы (I2s). Важный признак: тип металлической нити.

1 Анастасия Николаевна Теплякова — Государственный Эрмитаж, Дворцовая наб., д. 34, Санкт-Петербург, 190000, Российская Федерация; e-mail: teplyakova@hermitage.ru; ORCID: 0000-0002-5460-8009.

2 Лампас — термин, использующийся для узорных тканей, фон и узор в которых образован двумя системами основ и утков. Фон формируется нитями главной основы и фоновым утком, узор — нитями связующей основы и узорным утком (Vocabulary, 2006. P. 23). Существует множество вариаций этого типа переплетения, могут варьировать переплетение фона и узора, количество утков, соотношение фона и узора в ткани.

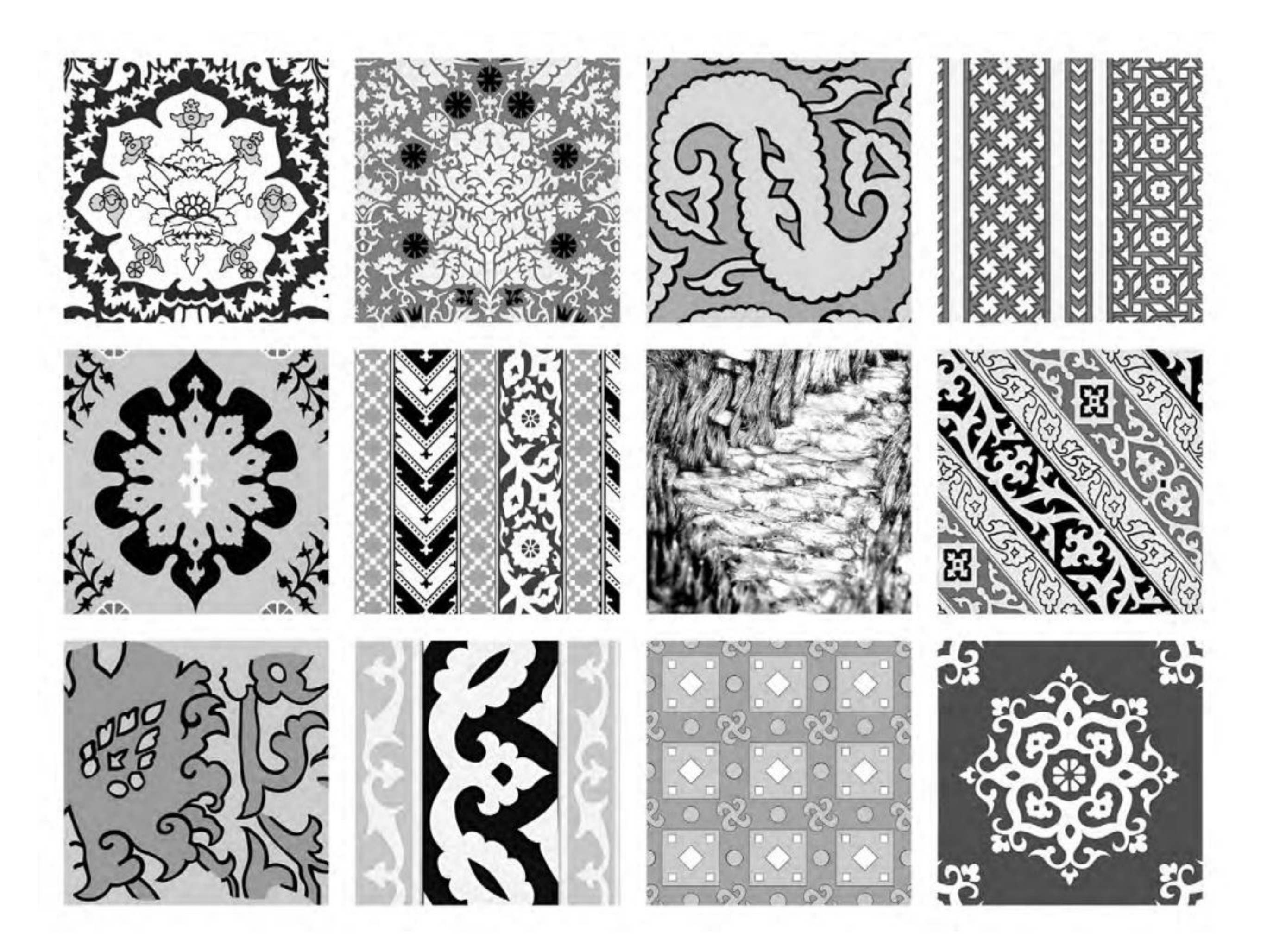

Рис. 1. Образцы орнаментов лампасов из Белореченского могильника
Fig. 1. Samples of lampas patterns from the Belorechensky burial ground

Все комбинированные металлические нити тканей Белореченского могильника группируются в три типа. Для рассматриваемых лампасов характерна нить исключительно одного типа. Такая нить также встречается в ближневосточных (мамлюкских) шелках XIV–XV вв. (*Теплякова*, 2021. С. 205). Введение аккомпанирующего утка присуще тканям османского производства, но тип нитей в них другой (Ipek, 2002. P. 106, 272–273, 324–325, 332–333).

В орнаментальных мотивах группы лампасов прослеживаются черты ближневосточного и итальянского влияния. Возникает несколько предположений.

Можно допустить, что это какие-то экспортные ткани, выполненные в европейском центре в Италии. По техническим признакам ткани могут быть итальянскими XIV в., но использование металлической нити второго типа не характерно для европейских тканей этого времени. По мотиву граната ткани можно датировать не ранее XV в., но итальянские ткани XV–XVI вв. имеют совершенно иные технические параметры (*Ericani, Frattaroli*, 1993; Brocarts célestes, 1997; *Carmignani*, 2005; Seta, Oro, Cremisi, 2009; Lo Stile dello tsar, 2009).

Можно предположить, что это турецкие ткани. С середины XV в. производство тканей в Османской Турции стало государственной программой, ставившей своей целью составить конкуренцию итальянским тканям (*Stanley*, 2004. P. 125; *Monnas*, 2012. P. 12). По письменным свидетельствам известно, что ткани копировали итальянские орнаменты (*Кулланда*, 2007. С. 15). Вполне возможно, что итальянизирующие орнаменты (с медальонами, с гвоздиками, огурцы) могут быть и османскими — с середины XV в. К сожалению, известно крайне мало примеров османских тканей этого периода, но те образцы, что датируются XV–XVI вв., по техническим параметрам существенно отличаются.

Можно предположить какой-то периферийный центр ткачества. Известно не менее шести-семи письменных свидетельств того, что в генуэзской

Каффе существовало шелкоткачество на довольно хорошем уровне, сродни Дамаску и Бурсе. Однако ткачи, которые там работали, были, вероятнее всего, итальянцами, потому станки и технологии были итальянскими. В пользу этого говорит свидетельство мамлюкского историка и географа черкесского происхождения ибн Ийаса (1448–1524) о том, что паланкин супруги мамлюкского султана Кансуха ал-Гаури (1501–1517) был сделан из красного каффинского бархата, расшитого золотом из нитей чистого венецианского золота (*Sardi*, 2013. P. 172). Венецианская нить сохранилась в образце венецианского бархата из 20 кургана, в вышивках, тесьме, остатках рукоделия и в других тканях из погребений Белореченского могильника. В лампасах рассматриваемой группы используется другой тип.

По типу металлической нити и ряду орнаментальных черт есть аналогии в сиро-египетских тканях, производившихся в мамлюкском султанате в XIV–XV вв. Северный Кавказ и Белореченские курганы дали беспрецедентную коллекцию сиро-египетского стекла с эмалями, что позволяет говорить о мамлюкской компоненте в инвентаре. Роскошные, статусные вещи из государства черкесов-мамлюков Бурджи попадали на их историческую родину, что позволяет предположить наличие и шелковых тканей сиро-египетского круга среди инвентаря Белореченского могильника.

Кулланда, 2007 — *Кулланда М. В.* Художественный текстиль Османской империи XVI — начала XX в. М.: Гос. музей Востока, 2007. 165 с. (Коллекции музея Востока / Гос. музей Востока).

Теплякова, 2021 — *Теплякова А. Н.* Тираз XIV века из коллекции египетских тканей // Эрмитажные чтения памяти В. Г. Луконина (21.01.1932 — 10.09.1984). 2013–2017 / Отв. ред. А. Н. Николаев. СПб.: Изд-во ГЭ, 2021. С. 192–208 (Тр. ГЭ. Т. CV).

Brocarts célestes, 1997 — Brocarts célestes. Exh. Cat. Avignon: Musée du Petit Palais, 1997. 134 p.

Carmignani, 2005 — *Carmignani M.* Tessuti ricami e merletti in Italia dal Rinascimento al Liberty. Milano: Electa, 2005. 357 p.

Ericani, Frattaroli, 1993 — *Ericani G., Frattaroli P*. Tessuti nel Veneto. Venezia e la Terraferma. Verona: Arnoldo Mondadori Editore, 1993. 570 p.

Ipek, 2002 — Ipek: The Crescent and the Rose; Imperial Ottoman Silks and Velvets / Ed. by Ju. Raby & A. Effeny. London: Azimuth Editions, 2002. 360 p.

Lo Stile dello tsar, 2009 — Lo Stile dello tsar. Arte e Moda tra Italia e Russia dal XIV al XVIII secolo. Exh. cat. Milano: Scira editore, 2009. 240 p.

Louca, Valansot, 1994 — *Louca C., Valansot O.* Étoffes mamelukes du Musée des tissus de Lyon // CIETA-Bulletin. 1994. Vol. 72. P. 21–33.

Monnas, 2012 — *Monnas L.* Renaissance Velvets. London: V & A Publishing, 2012. 159 p.

Sardi, 2013 — *Sardi M.* Weaving for the Hajj under the Mamluks // The Hajj: Collected Essays / Eds. V. Porter and L. Saif. London: the British Museum Press, 2013. P. 169–174.

Seta, Oro, Cremisi, 2009 — Seta, Oro, Cremisi. Segreti e tecnologia alla corte dei Visconti e degli Sforza. Catalogo della mostra. Milano: Silvana Editoriale, 2009. 192 p.

Stanley, 2004 — *Stanley T.* Palace and Mosque. Islamic Art from the Middle East. London: V&A Publications, 2004. 144 p.

Vocabulary, 2006 — Vocabulary of technical terms. Fabrics. Lyon: CIETA, 2006.

Textile material from the Belorechensk burial ground in the State Hermitage Museum: problems of attribution and dating

Anastasiya N. Teplyakova[3]

The problem of attribution and dating of textiles from the Belorechensk burial ground is very extensive. The author focus on a group of fabrics such as lampas with a satin background. They may belong to fabrics of European and Middle Eastern origin according to their ornamental features. But their technical features allow us to classify them in one group and exclude the European and Ottoman places of their manufacture.

Keywords: *Belorechensk burial ground, the North Caucasus, silk, lampas, Mamluks, Italy*

3 Anastasiya N. Teplyakova — The State Hermitage Museum, 34 Dvortsovaya Emb., St. Petersburg, 190000, Russian Federation; e-mail: teplyakova@hermitage.ru; ORCID: 0000-0002-5460-8009.

Список сокращений

АВ — Археологические вести. Санкт-Петербург
АзЦУОП — Азербайджанское центральное управление охраны памятников революции, искусства, старины и природы. Баку
АН — Академия наук
АО — Археологические открытия. Москва
АСГЭ — Археологический сборник Государственного Эрмитажа. Ленинград/Санкт-Петербург
Б/д — без даты
БИ — Боспорские исследования. Симферополь; Керчь
Б/и — без указания издательства
ВАШ — Высшая антропологическая школа. Кишинев
ВДИ — Вестник древней истории. Москва
ВКИКМЗ — Восточно-Крымский историко-культурный музей-заповедник. Керчь
ВОРАО — Восточное отделение Императорского Русского археологического общества. Санкт-Петербург/Петроград
ГААР — Государственный архив Азербайджанской республики. Баку
ГАИМК — Государственная Академия истории материальной культуры. Ленинград
ГИМ — Государственный исторический музей. Москва
ГМИИ — Государственный музей изобразительных искусств им. А. С. Пушкина. Москва
ГМ(ИН)В — Государственный музей (искусства народов) Востока. Москва
ГРВЛ — Главная редакция восточной литературы [издательства «Наука»]. Москва
ГУ — государственный университет
ГЭ — Государственный Эрмитаж. Ленинград/Санкт-Петербург
ЕГРОКН — Единый государственный реестр объектов культурного наследия
ЕНУ — Евразийский национальный университет имени Л. Н. Гумилева. Астана
ЖМНП — Журнал Министерства народного просвещения. Санкт-Петербург/Петроград
ЗВОРАО — Записки Восточного отделения (Императорского) Русского археологического общества. Санкт-Петербург/Петроград
ЗИРАО — Записки Императорского Русского археологического общества. Санкт-Петербург/Петроград
ИАА — Историко-археологический альманах. Армавир, Краснодар, Москва
ИА РАН — Институт археологии РАН. Москва
ИАК — Императорская археологическая комиссия. Санкт-Петербург/Петроград
ИАКр — История и археология Крыма. Симферополь
ИВ РАН — Институт востоковедения РАН. Москва
Изв. ИРГО — Известия Императорского русского географического общества. Санкт-Петербург
ИИМК РАН — Институт истории материальной культуры РАН. Санкт-Петербург
ИМАИ — Императорский Московский археологический институт им. Императора Николая II. Москва
ИПЦ — издательско-полиграфический центр
ИРАО — Императорское Русское Археологическое общество. Санкт-Петербург/Петроград
ИТУАК — Известия Таврической ученой архивной комиссии. Симферополь
ИФ — Институт философии
КАЭ ГМИНВ — Кавказская археологическая экспедиция Государственного музея искусства народов Востока
КГИАМЗ — Краснодарский государственный историко-археологический музей-заповедник им. Е. Д. Фелицына. Краснодар
КМ — Краснодарский музей (общий шифр для всех коллекций и архивных материалов). Краснодар
КПС — конструкция погребального сооружения
КРС — крупный рогатый скот
КСИА — Краткие сообщения Института археологии АН СССР/РАН. Москва
ЛНРМЖ — Лаборатория научной реставрации монументальной живописи Государственного Эрмитажа. Санкт-Петербург
МАИАСП — Материалы по археологии и истории античного и средневекового Причерноморья. Нижневартовск
МАИЭТ — Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. Симферополь
МАР — Материалы по археологии России. Москва
МГУ — Московский государственный университет. Москва
МИА — Материалы и исследования по археологии СССР. Москва; Ленинград
МИАК — Материалы по истории и археологии Кубани. Краснодар
МИАР — Материалы и исследования по археологии России. Москва
МРС — мелкий рогатый скот
НА — научный архив
НАВ — Нижневолжский археологический вестник. Волгоград

НАН РА — Национальная академия наук Республики Армения. Ереван
НИИ — научно-исследовательский институт
НМИДК — Новочеркасский музей истории донского казачества. Новочеркасск
НМРА — Национальный музей Республики Адыгея. Майкоп
НМЮО — Национальный музей Республики Южная Осетия. Цхинвал
НОА — научно-отраслевой архив
ОАВЕС ГЭ — Отдел археологии Восточной Европы и Сибири Государственного Эрмитажа. Ленинград/Санкт-Петербург
ОИАК — Отчет ИАК. Санкт-Петербург/Петроград
ОНТЭ — Отдел научно-технологической экспертизы. Государственный Эрмитаж
ОПИ ГИМ — Отдел письменных источников Государственного исторического музея. Москва
ПАВ — Петербургский археологический вестник. Санкт-Петербург
ПАИ — Петербургский Археологический институт. Санкт-Петербург/Петроград
ПБВ — поздний бронзовый век
ПБМА — полибутилметакрилат
ПОММ — прикубанский очаг металлургии и металлообработки
РА — Российская археология. Москва
РАЕ — Российский археологический ежегодник. Санкт-Петербург
РАИМК — Российская Академия истории материальной культуры. Петроград/Ленинград
РАН — Российская академия наук
РАО — Русское археологическое общество. Москва
РГАЛИ — Российский государственный архив литературы и искусства. Москва
РГГУ — Российский государственный гуманитарный университет. Москва
РГИА — Российский государственный исторический архив. Санкт-Петербург
РДМ — Русская духовная миссия в Пекине
РО — Рукописный отдел
СА — Советская археология. Москва
САИ — Свод археологических источников по археологии СССР. Москва, Ленинград
СБВ — средний бронзовый век
СГПУ — Самарский государственный социально-педагогический университет. Самара
СКЭ — Северо-Крымская экспедиция
СОИГСИ — Северо-Осетинский институт гуманитарных и социальных исследований им. В. И. Абаева. Владикавказ
СПбФ АРАН — Санкт-Петербургский филиал Архива РАН. Санкт-Петербург
ТВ — Туркестанские ведомости. Ташкент
ТОВГЭ — Труды Отдела Востока Государственного Эрмитажа. Ленинград
Тр. — труды
ТС — Туркестанский сборник. Ташкент
ТУАК — Таврическая ученая архивная комиссия. Симферополь
УЗ — Ученые записки
УИВ — Уральский исторический вестник. Екатеринбург
ФО — Фотографический отдел
ЦГИА — Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга. Санкт-Петербург
ЧГУ — Чеченский государственный университет. Грозный
ЭЛМ — Эстонский Литературный Музей. Таллин
ЮФУ — Южный Федеральный университет. Ростов-на-Дону
AA — Archäologischer Anzeiger. Berlin
AAS — Arkansas Archeological Survey. Arkansas
ACl — Archeologia classica. Roma
AMIT — Archäologische Mitteilungen aus Iran und Turan. Berlin
BABESCH — Bulletin Antieke Beschaving. Annual Papers on Mediterranean Archaeology. Leuven
BCH — Bulletin de correspondence hellénique. Athènes
BdA — Bolletino d’Arte. Roma
BE — Bulletin épigraphique (Suppl. Revue des études grecques). Paris
BEFAR — Bibliothèque des Écoles françaises d’Athènes et de Rome. Paris
BSA — The Annual of the British School at Athens. Cambridge
ESA — Eurasia Septentrionalis Antiqua. Helsinki
IG — Inscriptiones Graecae. Berolini
JdI — Jahrbuch des Deutschen archäologischen Instituts. Berlin
JHS — The Journal of Hellenic Studies. Cambridge
LIMC — Lexicon Iconographicum Mythologiae Classicae. Zürich, München
MVF — Museum für Vor- und Frühgeschichte. Berlin
NAS RA — National Academy of Sciences of the Republic of Armenia. Yerevan
RA — Revue Archéologique. Paris
RM — Römische Mitteilungen. Regensburg
SMB — Staatliche Museen von Berlin. Berlin

Научное издание

ДРЕВНОСТИ СЕВЕРНОГО ПРИЧЕРНОМОРЬЯ, КАВКАЗА И СРЕДНЕЙ АЗИИ: от открытий Н. И. Веселовского к современной науке

Материалы международной научной конференции, посвященной 175-летию Николая Ивановича Веселовского (1848–1918)

Верстка и художественное оформление *И. Н. Лицук*
Корректор *М. А. Котова*

Подписано в печать 26.01.2024. Формат 60 × 90 1/8.
Бумага мелованная. Печать офсетная. Усл. печ. л. 27.
Тираж 300 экз. Заказ 117

Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ООО «Невская Типография».
195030, Санкт-Петербург, ул. Коммуны, д. 67, лит. БМ.
Тел./факс: +7(812) 380-79-50.
E-mail: spbcolor@mail.ru

The collection of papers of the International conference dedicated to the 175th anniversary of Nikolay I. Veselovsky (1848–1918), a prominent Russian archaeologist and orientalist (February 26–28, 2024, St. Petersburg, Russia), contains articles, the themes of which completely reflect the wide range of research interests and achievements of the scholar. The publication is also timed to coincide with the 300th anniversary of the Russian Academy of Sciences, of which Veselovsky was a corresponding member. Among the problems touched upon by the authors are the academic heritage of Veselovsky; the history and current state of archaeology; archaeological sites and cultures of the Northern Black Sea region, the Caucasus and Central Asia from the Bronze Age to the Middle Ages; ancient artifacts in museum collections; intercultural interactions and the shaping of cultural space of ancient societies.

